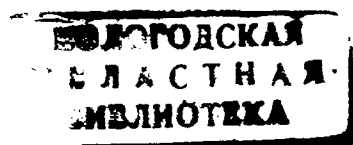

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

№ 2562

4

1 9 5 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • Ленинград

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 22.XI.1951 г. Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. $7^{3/4}$. Печ. л. 21,23+
+3 вклейки. Зак. 1411 Т-07898 Уч.-изд. листов 26,5 Тираж 2400 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СОВЕЩАНИЕ ПО МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ СТАЛИНСКОГО УЧЕНИЯ О НАЦИИ И ЯЗЫКЕ

Одной из наиболее трудных и вместе с тем важнейших проблем этнографической науки является проблема этногенеза — происхождения народов и формирования особенностей их языка и культуры. Этот раздел исторической науки всегда привлекал внимание представителей различных исторических дисциплин. Но особенно широко развернулось изучение проблем этногенеза в работах советских исследователей, в первую очередь этнографов.

В отличие от буржуазных этнографов эволюционной школы, считавших основным объектом своих исследований развитие отдельных элементов культуры, рассматриваемых вне связи с культурой отдельных конкретных народов, в противоположность позднейшим реакционным направлениям вроде так называемой культурно-исторической школы, функциональной школы, американской психологической школы и т. п., оперирующих абстрактными внеисторическими категориями «культурных кругов», «культур», «моделей культуры» и т. д., — советская этнографическая наука исследует конкретные народы, историю формирования их этнических особенностей. Естественно, что такой методологический подход определил большой интерес к проблемам этногенеза и стимулировал широкое развертывание исследований в этом направлении.

Особенно большое научное и политическое значение приобрели эти исследования в наши дни, когда мир раскололся на два лагеря, когда в Советском Союзе и странах народной демократии расцветают национальные культуры свободных народов, а в лагере империализма усиливается национально-колониальный гнет, настойчиво пропагандируются реакционнейшие идеи космополитизма — отказа от национальных культур и национального суверенитета во имя так называемой «мировой культуры» и «мирового государства», означающих на самом деле подчинение всех народов мира разбойничьему американскому империализму. Изучение проблем этногенеза, хотя они и касаются далекого прошлого отдельных народов, теснейшим образом связано с современностью, так как вне рассмотрения прошлых этапов истории нельзя правильно понять пути становления и развития современных наций. Как учит товарищ Сталин, «элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»¹.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» не только заложил прочные основы для создания подлинно марксистской науки о языке, не только обогатил новыми положениями сокровищницу марксистской философии, но и открыл совершенно новые пути для развития других научных дисциплин, для разработки важнейших проблем исторической науки, в том числе и проблем этногенеза. Из-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

вестно, что именно в исследовании проблем этногенеза особенно сильно сказались порочные влияния так называемого «нового учения о языке». Можно сказать, что этногенетическая тематика и явилась в основном тем каналом, по которому проникали в археологию, этнографию и антропологию антимарксистские концепции стадияльных трансформаций народов, образования новых языков путем скрещивания и «взрывов» и т. п., настойчиво внедрявшиеся Н. Я. Марром и его последователями.

Появление в свет работы товарища Сталина поставило перед всеми исследователями проблем этногенеза, и в том числе перед этнографами, задачу коренной и быстрой перестройки их работы, исправления тех серьезных ошибок, которые порождались некритическим отношением археологов, этнографов и антропологов к палеонтологическим упражнениям лингвистов марровской школы.

«Язык и законы его развития,— указывает И. В. Сталин,— можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»². С другой стороны, очевидно, что и историю формирования народа нельзя понять правильно, не используя в полной мере данных языкознания. В связи с этим со всей остротой выявилась необходимость творческой встречи этнографов, археологов, антропологов и историков с языковедами для обсуждения в первую очередь общих вопросов методологии этногенетических исследований. Исходя из этого, Институт этнографии АН СССР выступил с инициативой созыва специального совещания научных работников институтов Отделения истории и философии и Отделения языка и литературы. Совещание было проведено в Москве 29 октября — 3 ноября; ему предшествовала длительная подготовительная работа, в которой приняли участие представители институтов Этнографии, Языкознания, Истории материальной культуры, Истории и Востоковедения.

На совещании было заслушано 25 докладов, посвященных как общим проблемам этногенеза, так и вопросам происхождения отдельных народов и более широким этническим и языковым общностям. Оживленная дискуссия, развернувшаяся по основным докладам, со всей убедительностью показала, что разрешение сложных проблем этногенеза возможно только на основе совместной работы представителей разных исторических и языковедческих дисциплин. И если на первых заседаниях в ряде выступлений лингвистов еще обнаруживалась недооценка значения этнографических и антропологических материалов в разрешении вопросов этногенеза, то дальнейшее обсуждение привело к более глубокому взаимопониманию, к выработке согласованной точки зрения.

Проблемы этногенеза не могут решаться без широкого привлечения данных языкознания, но вопрос о происхождении того или иного народа шире, чем вопрос о происхождении его языка. Язык не является единственным показателем этнической принадлежности: два разных народа, две разные нации могут говорить, как известно, на одном языке. Наряду с языковой принадлежностью народы сближаются или отличаются по своей культуре. Значение этнографического материала в том и состоит, что он вскрывает пути формирования этнического своеобразия культуры народа. Что касается антропологии, то работы советских антропологов уже показали плодотворность привлечения антропологических данных для решения этногенетических проблем, использования антропологического материала в качестве исторического источника. Так, например, сопоставляя антропологический тип современного и древнего населения какой-либо территории, антрополог дает ответ на вопрос об автохтонном или пришлом происхождении современного населения и тем самым освещает одну из сторон этногенетического процесса.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 22

Не подлежит сомнению, что этнографические и антропологические данные не имеют непосредственного отношения к установлению родства языков, к выяснению степени их близости, точно так же, как, например, изучение закономерностей звуковых соответствий или лексического состава тех или других языков не может быть использовано для решения вопросов о сходстве или различии типов покрова одежды, плана жилища или соответствия орнаментальных мотивов у тех или других групп, хотя в отдельных случаях и этнографические, и антропологические материалы могут быть использованы и для освещения чисто лингвистических вопросов — таких, как вопрос о путях распространения того или другого языка, а иногда и о времени его распространения.

Вопросам использования этнографических, археологических и антропологических материалов были посвящены на совещании доклады С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания»³, А. Д. Удальцова «Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза», Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой «Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза».

Лингвисты вынесли на обсуждение совещания один из важнейших вопросов языковедческой науки — вопрос об образовании и развитии языковых семей. Основное положение, которое развивалось в докладах П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебренникова «О методе установления языкового родства» и Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова «Проблема образования и развития языковых семей», сводится к утверждению, что лингвистические общности являются результатом развития, исходящего из единого источника. Это положение не встретило на совещании существенных возражений.

Одним из центральных вопросов совещания был вопрос о соотношении между единицами лингвистической классификации, с одной стороны, и этническими общностями, антропологическими типами и археологическими «культурами», с другой.

Прогрессивная наука давно уже пришла к выводу о несовпадении границ лингвистических и этнических общностей, о принципиальном различии антропологических, лингвистических и этнических образований. Что же касается соотношений между лингвистическими общностями и общностями этническими, антропологическими типами и археологическими «культурами», то они, как показали доклады и выступления на совещании, не могут быть сведены к единой схеме и определяются в каждом отдельном случае конкретными историческими условиями.

Очень много интересных материалов и соображений методологического порядка было приведено в докладах этнографов, археологов, лингвистов и антропологов, посвященных вопросам происхождения отдельных народов — восточных славян, финноугров, тюрков и т. д.

В целом совещание явилось, несомненно, важным событием в развитии советской этнографической науки и серьезно способствовало творческому усвоению советскими этнографами, лингвистами, антропологами и археологами сталинского учения о нации и языке.

Надо отметить, что далеко не все вопросы, намеченные программой совещания, получили достаточное развитие. Этнографы дали мало примеров использования этнографических материалов для решения конкретных этногенетических проблем; не все представленные этнографами доклады стояли на должном методологическом уровне. В прениях мало получили отражения такие, поднятые в докладах вопросы, как вопрос об историко-этнографических областях, об отношении этого понятия к археологическому термину «культура», вопросы этнонимии и ряд других.

³ Печатается ниже.

Серьезным пробелом в совещании было то, что в докладах и выступлениях почти не дискутировался один из важнейших вопросов языкознания и вместе с тем один из важнейших для этнографической проблематики вопрос о внутренних законах развития языка. К сожалению, эти вопросы почти не нашли своего отражения и в специальных лингвистических докладах. Не получило на совещании должного освещения важнейшее положение о развитии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»⁴. Как справедливо указывалось на совещании, почти не дискутировались вопросы о ранних этапах развития языков, о характере родовых языков, о сущности тех процессов, которые лежат в основе перехода от языков родовых к языкам племенным. Не получил своего развития один из тезисов работы И. В. Сталина — о том, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства; не вскрыты были особенности примитивного грамматического строя этих древних языков. И надо сказать, что без рассмотрения этих вопросов невозможно правильно подойти к решению не только общих языковедческих проблем, но и основных проблем этногенеза.

В докладе С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова была сделана попытка анализа этнических общностей на разных этапах истории общества. Этот анализ должен сомкнуться с анализом лингвистического материала. Этнографы и антропологи ждут от лингвистов ответа на вопрос о том, каковы были древние родовые языки, как шло развитие языков на ранних этапах истории человечества. Вопросы эти, кстати сказать, волнуют этнографов и антропологов не только в связи с разрешением проблем этногенеза, но и в связи с разработкой общих вопросов истории первобытного общества.

Этнографы и антропологи отдают себе отчет в том, что ими еще очень мало сделано для реализации гениальных указаний И. В. Сталина, данных им в работе «Марксизм и вопросы языкознания». Мы должны углубить и расширить наши изыскания в области происхождения народов и более широких общностей. Мы должны с новых позиций пересмотреть ряд своих прежних исследований. И мы надеемся сделать это в творческом содружестве с археологами и лингвистами, в спорах и дискуссиях, памятуя о том, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» (Сталин).

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. А. ТОКАРЕВ и Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОГРАФИИ В СВЕТЕ РАБОТ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ *

1

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, открывшие новый период в развитии всей советской науки, поставили перед этнографией, изучающей происхождение различных народов, ответственные задачи, связанные как с ликвидацией влияния порочного учения о языке акад. Н. Я. Марра и его последователей, так и с разработкой ряда важнейших теоретических и конкретно-исторических проблем. Для методологии этногенетических исследований особо важно то место в работе И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», где речь идет о развитии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»¹. Так как язык «рождается и развивается с рождением и развитием общества»², то очевидно, что перечисленным ступеням в развитии языка должны соответствовать аналогичные ступени в развитии тех человеческих коллективов, которые этот язык создают. Коллективы эти в самом широком смысле слова можно назвать этническими (от греческого «этнос» — «народ»). Все этнические коллективы являются вместе с тем и общественно-территориальными, так как существуют они только в человеческом обществе и складываются всегда на определенной территории. Каждый из них характеризуется известной областью расселения, общим языком и специфическими особенностями культуры, изучение которых и составляет основное содержание этнографической науки³. Можно наметить разные типы этнических общностей, соответствующие различным общественно-экономическим формациям. Роды и племена характерны для первобытно-общинного строя, народности для ранне-классовых социально-экономических формаций — рабовладельче-

* Доклад на совещании по методологии этногенетических исследований 29 октября 1951 г.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² Там же, стр. 22.

³ См., например: П. И. Кушнер, Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии, «Советская этнография», 1949, № 4, стр. 3—19; Н. Н. Чебоксаров, Современное состояние и очередные задачи изучения проблемы этногенеза в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, Доклад на этнографическом совещании 1951 г.

ской и феодальной, буржуазные нации — для капитализма, социалистические нации — для социализма⁴.

Установить, когда складывались первоначальные родовые коллективы, очень трудно, так как все народы, существующие в настоящее время или зафиксированные в прошлом на той или иной ступени своего развития, уже знали родовое деление. Можно предполагать, что древнейшие роды возникли еще в эпоху палеолита, скорее всего при переходе от его ранней поры к поздней, когда завершился процесс становления человека современного вида (*Homo sapiens*) и «первобытные стада» стали распадаться на экзогамные группы, составившие основу дуальной организации, которая должна была регулировать прежде неупорядоченные половые отношения между мужскими и женскими членами общества⁵. Малочисленность первобытного человечества и редкость его расселения способствовали хозяйственной и культурной обособленности этих родовых коллективов. Однако их взаимная изоляция никогда не была полной, так как обычай экзогамии неизбежно приводил к длительному общению между мужчинами и женщинами различных родов. Поскольку древнейшие роды образовались, вероятно, в процессе разделения еще более древних «стадных» коллективов, надо думать, что и образование первоначальных родовых языков были связано с процессом языковой дифференциации, имевшей место при расселении по поверхности земли людей современного вида в период перехода от раннего к позднему палеолиту. Связанное с экзогамией взаимодействие соседних родовых групп должно было уже в глубокой древности приводить к языковым скрещиваниям, при которых языки более крупных и экономически мощных родов поглощали языки родов малочисленных и слабых. Вопрос о характере и конкретных путях скрещивания родовых языков еще недостаточно разработан, тем более, что непосредственное наблюдение этого процесса невозможно. Однако нет никаких оснований предполагать вслед за Н. Я. Марром и его последователями, что в результате скрещивания путем взрыва возникали какие-то новые, особенные языки. «Скрещивание языков,— указывает И. В. Сталин,— нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи»⁶.

По вопросу о происхождении древнейших племен в советской этнографической литературе не существует единства мнений. С. П. Толстов, пересматривая в свете работ И. В. Сталина вопрос о древнейших типах этнических общностей, считает, что в истории первобытного человечества был доплеменной период, когда род был единственным видом общественно-территориального объединения людей⁷. В противоположность этому М. О. Косвен стремится отделить вопрос о родовых и племенных языках от вопроса о самих родах и племенах, утверждая, что род и племя всегда существовали одновременно, но был период, когда не «образовалось еще общеплеменного языка»⁸. Нам кажется, однако, что

⁴ См. И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 290—367; его же, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 333—355.

⁵ См. материалы совещания, состоявшегося в Институте этнографии АН СССР 27—28 апреля 1949 г. по проблеме происхождения *Homo sapiens* («Краткие сообщения Института этнографии», IX, 1950, стр. 1—78), а также: С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 25—30; М. О. Косвен, Об историческом соотношении рода и племени, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 182—186.

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

⁷ См. С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 3—23.

⁸ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 185.

племя, как и всякую этническую группу, трудно представить себе без общего языка. На заре своего существования — скорее всего в период мезолита или раннего неолита — древнейшие племена могли складываться только как языковые и культурные общности в процессе разрастания отдельных родов и их объединения в более крупные общественно-территориальные группы. Процесс этот, сопровождавшийся явлениями языковой ассимиляции, приводил и к формированию древнейших племенных языков, продолжавших свое развитие и в более позднее время. Однако и для этих случаев «...совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»⁹.

С образованием племен родовые группы, постепенно терявшие свою языковую и культурно-бытовую специфичность, были включены в систему племенной организации, которая с течением времени становилась все более и более сложной. Первоначально границы между соседними племенами были еще очень неопределенными и сами эти племена не являлись еще устойчивыми социально-экономическими единицами. Подобные отношения между племенами до недавнего времени сохранились, например, у австралийцев и папуасов¹⁰. Прекрасная характеристика племенной организации периода ее расцвета дана, как известно, Энгельсом, который на примере индейцев Северной Америки показал, что каждое племя имело собственную территорию и собственное имя, «особый, лишь этому племени свойственный диалект», общие религиозные представления и обряды культа, совет племени для обсуждения общих дел. У некоторых племен существовали также верховные вожди, полномочия которых, однако, были очень ограничены. На последних ступенях развития первобытно-общинного строя стали складываться крупные племенные союзы со сложной организацией, так хорошо описанной Морганом и Энгельсом на примере знаменитой «Лиги ирокезов»¹¹. Союзы эти, наряду с племенами, имеющими общее происхождение, могли включить в свой состав также этнические группы, очень разнообразные по их историческому прошлому, культуре и языку. Наиболее характерны подобные «разноплеменные» союзы для самого позднего периода в истории первобытного общества, когда, в связи с ростом имущественного неравенства внутри племен и выделением военных вождей и дружин, происходили значительные передвижения населения, приводившие к столкновению, а иногда и к слиянию самых различных этнических групп. Ярким примером таких объединений могут служить эфемерные союзы, созданные в период «великого переселения народов» гуннами, аварами, болгарами, мадьярами и другими кочевниками, продвигавшимися с востока на запад.

При переходе от первобытно-общинного строя к классовому — рабовладельческому и феодальному — древние племена распадались и объединялись, дробились и смешивались. На их развалинах складывались новые, более крупные этнические общности — народности, которые в отличие от племен состояли уже из различных классов или были включены в экономическую и политическую систему классовых

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

¹⁰ С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, стр. 16—19.

¹¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949, стр. 93—95, 96—101; Л. Морган, Первобытное общество, СПб., 1900, стр. 119—147.

обществ. Поскольку, однако, общества эти в рабовладельческую эпоху занимали ограниченную часть эйкумены, наряду с ними продолжали существовать племена и племенные союзы с преобладанием первобытно-общинного уклада. Сами рабовладельческие государства, особенно наиболее крупные из них, часто «представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹². Несомненно, например, что в состав Римской империи входили разноязычные народности с резко выраженной классовой дифференциацией: сами римляне, этруски, эллины, сирийцы, египтяне и многие другие. В то же время в зависимости от Рима находились и некоторые племенные группы, сохранявшие еще господство первобытно-общинных отношений (например, кельты Британии или германцы, жившие к западу от Рейна). Вне границ империи тогда же обитали многочисленные независимые племена — славяне, германцы и другие, находившиеся в известных торговых и культурных связях с Римом, но жившие в первых веках нашей эры еще в условиях доклассового общества. Подобное же сосуществование народностей с рабовладельческим строем и племен с преобладанием первобытно-общинных отношений было характерно в античную эпоху для Ирана, Средней Азии, Индии и Китая.

«В период феодализма, когда страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз»¹³, народности продолжали оставаться основным типом этнических общностей. Экономической базой их было попрежнему натуральное хозяйство. При наличии вполне определенной языковой и культурной специфики, для этих народностей была очень характерна экономическая раздробленность, которая препятствовала стягиванию их разобщенных частей в одно национальное целое. Население феодальных государств, как и рабовладельческих, часто бывало очень неоднородным в этническом отношении. В то же время одна и та же народность нередко входила в состав различных государств. В раннефеодальной империи Карла Великого, например, были объединены различные романские, германские и славянские народности, в значительной степени сохранявшие еще свою племенную структуру первобытно-общинного периода. Феодальный Китай на всем протяжении своей истории от конца ханьского до цинского периода включал в своей состав, кроме китайцев, различные тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, тибето-бирманские, таисские и мон-хмерские народности. Вместе с тем многие из этих народностей жили и за пределами Китая, внутри других феодальных государств Азии. Точно так же украинцы в средние века были расселены в пределах Русского государства, Польши и Венгрии, а армяне первоначально в пределах Византии и Персии, а позднее — той же Персии и Турции. В некоторых феодальных государствах, особенно среди кочевого и полукочевого населения, занимавшегося преимущественно скотоводством, долго сохранялись старинные племенные и родовые деления, часто потерявшие уже свою первоначальную территориальную локализацию. За пределами феодальных государств попрежнему жили многочисленные племена, находившиеся по уровню своего социально-экономического развития на различных ступенях первобытно-общинного строя.

Закономерности формирования этнических общностей капиталистического периода — буржуазных наций — исчерпывающе вскрыты в классических работах В. И. Ленина и И. В. Сталина по национальному вопросу. «Нация, — писал товарищ Сталин еще в 1913 г., — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического скла-

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

¹³ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

да, проявляющегося в общности культуры»¹⁴. Таким образом, от народностей рабовладельческой и феодальной эпох буржуазные нации отличаются, прежде всего, общностью их экономической жизни, наличием внутреннего национального рынка, сложившегося путем концентрации ряда местных небольших рынков. «Так как руководителями и хозяевами этого процесса,— писал В. И. Ленин,— были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»¹⁵. Преобразование народностей феодального периода в буржуазные нации в разных странах происходило в различных конкретных формах, причем «элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»¹⁶. Процесс формирования буржуазных наций, всегда связанный с экономической консолидацией, уже существенно отличается от процессов формирования этнических общностей более ранних периодов истории человечества, хотя и остается тесно связанным с ними, поскольку элементы будущих наций возникают еще внутри народностей феодального времени.

Кроме буржуазных наций, указывает И. В. Сталин, «есть на свете и другие нации. Это — новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и ее националистических партий, после утверждения Советского строя... Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма,— путем коренного их преобразования в духе социализма»¹⁷. От всех предшествующих этнических общностей, в том числе и от буржуазных наций, новые, социалистические нации принципиально отличаются «как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям»¹⁸. Очень важно подчеркнуть, что социалистические нации являются «гораздо более сплоченными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»¹⁹. Перед советскими историками, в частности перед этнографами, стоит благодарная и актуальная задача — изучить процессы образования социалистических наций, показать, в каких конкретных формах они протекают у различных народов СССР. В настоящее время подобная же задача встает и по отношению к странам народной демократии.

Разбирая вопрос об особенностях процессов этногенеза в различные периоды истории человечества, необходимо еще подчеркнуть, что этнические общности, характерные для тех или иных социально-экономических формаций, продолжают существовать, а иногда и складываться вновь и внутри последующих формаций. Во многих странах образование народностей продолжается на всем протяжении капиталистической эпохи. Вряд ли можно сомневаться, например, что многие современные народности Южной и Центральной Америки сформировались только на протяжении последних 130—140 лет, после освобождения от испанского и португальского владычества. В это же примерно время сложилась и негритянская народность в США, превращение которой в нацию сильно тормозится в наши дни ее исключительно тяжелым экономическим положением и расовой дискриминацией. Буквально на наших глазах развертывается процесс складывания новых народностей во многих

¹⁴ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 296.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137—138.

¹⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

¹⁷ Там же, стр. 539.

¹⁸ Там же, стр. 340.

¹⁹ Там же, стр. 341.

колониальных странах, в частности, в Западной и Южной Африке, в Океании. Национально-освободительная борьба в этих странах стимулирует процессы этнического сплочения. В СССР, идя по пути некапиталистического развития, сложились из отдельных племен в народности такие этнические группы Сибири, как, например, алтайцы, хакасы, тувинцы. В условиях победоносного строительства социализма многие народности преобразуются непосредственно в социалистические нации (минуя нации буржуазные). Именно так происходило дело, например, у якутов, бурят, коми, удмуртов, мари и ряда других народов Советского Союза. Ясно, таким образом, что вопросы этногенеза отнюдь не являются только вопросами далекого прошлого, но тесно связываются с животрепещущими историческими проблемами современности.

2

На основе изложенных положений об исторической смене типов этнических общностей, намеченных в работах И. В. Сталина, советские этнографы должны решать и такой важный для методологии этногенетических исследований вопрос, как вопрос о сущности так называемого «этноса» — основного объекта изучения этнографии как науки. Для историка-марксиста понятие «этноса» (или лучше и проще сказать по-русски — народа) может иметь, по моему мнению, смысл только как общее обозначение для всех типов этнических общностей от наиболее древних до современных. Вне этих общественно-территориальных коллективов — родов, племен, народностей и наций — не существует, конечно, никаких особых «этносов», как столь милых буржуазной науке постоянных и неизменных категорий, якобы сохраняющих свою абстрактную «специфику» на всем протяжении истории человечества.

Понятие «этноса» или «народа» не только историческое, но и комплексное понятие. Любой народ всегда характеризуется определенным языком и определенной культурной спецификой. Перед исследователями в области этногенеза, как лингвистами, так и этнографами, естественно встает вопрос о соотношении между этими двумя важнейшими признаками всякой этнической общности — ее языком и ее культурой. В работах И. В. Сталина мы находим руководящие указания и по этому вопросу. Критикуя товарищей, которые пытались использовать ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре²⁰ для защиты порочной «теории» о классовости языка, И. В. Сталин спрашивает: «Разве этим товарищам не известно, что национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык мог обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру? Неужели наши товарищи не знакомы с известной формулой марксистов о том, что нынешняя русская, украинская, белорусская и другие культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, т. е. по языку? Согласны ли они с этой марксистской формулой?» И дальше, давая ответ на поставленный вопрос, И. В. Сталин пишет: «Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»²¹.

Прежде, однако, чем приступить к более подробному разбору соотношений между языками и культурными особенностями различных этнических общностей, необходимо сказать о значении для этногенетических

²⁰ См. В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Соч., т. 20, стр. 8 и 16.

²¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.

исследований собственно этнографических материалов, т. е. именно материалов по культуре тех или иных народов. «Советские люди считают,— говорит И. В. Сталин,— что каждая нация,— все равно большая или малая,— имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»²². Специфические культурные особенности каждой нации или этнической общности другого типа не остаются, конечно, постоянными, но изменяются с течением времени в зависимости от уровня социально-экономического развития народа и от тех конкретных хозяйственных форм, в которых это развитие протекает в различных естественно-географических условиях. Большое значение для формирования специфических культурно-бытовых черт народа имеет также «этническая традиция», т. е. длительное сохранение определенных навыков и представлений, сложившихся в связи с условиями жизни народа в предыдущие периоды его истории и продолжающих существовать также в последующие исторические периоды. Для вопросов этногенеза наибольший интерес представляет изучение именно тех культурных явлений, которые связаны со специфическими особенностями исторического развития в различных природных условиях или же с этнической традицией. К числу таких явлений принадлежат многие формы материальной и отчасти духовной культуры, как, например, типы хозяйственных орудий, поселений, жилища, средств передвижения, пищи, утвари, одежды, а также некоторые специфические черты обрядов и обычаев, верований и культа, народного изобразительного искусства и устного поэтического творчества. Очень важную роль в установлении реальных этногенетических связей играет анализ своеобразных черт орнамента, форм женских украшений и других деталей культурных особенностей, в которых часто наиболее ярко и устойчиво отражаются выработанные веками народные эстетические навыки и вкусы. Используя данные этнографии при изучении этногенетических процессов, исследователь должен всегда четко различать культурно-бытовые сходства между отдельными народами, обусловленные общностью их происхождения, от таких аналогий, которые объясняются общен историческими закономерностями, характерными для всего человечества, или же являются результатами позднейших влияний.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих эти общие положения. Было бы нелепо, скажем, делать вывод о единстве происхождения папуасов Новой Гвинеи и негров Западной Африки на основании того, что те и другие занимаются преимущественно мотыжным земледелием, широко используют дерево для изготовления орудий труда и оружия, выделяют глиняную посуду без помощи гончарного круга, сохраняют в семейной и общественной жизни некоторые черты матриархата, практикуют танцы в масках, связанные с деятельностью «тайных» мужских ссюзов, и т. д. Для этнографа, стоящего на методологических позициях марксизма-ленинизма, несомненно, что все перечисленные явления на определенной ступени социально-экономического развития возникали независимо друг от друга в различных частях эйкумены у народов, не связанных общностью происхождения. С другой стороны, пристального внимания исследователя в области этногенеза заслуживают такие факты, как, например, прослеженное Г. М. Василевич и М. Г. Левиным существование у народов Сибири двух главных типов выючно-верхового оленеводства — саянского и тунгусского,— от которых, повидимому, происходят и различные типы упряжного оленеводства: лопарский и само-

²² И. Сталин, Речь на обеде в честь Финляндской Правительственной делегации 7 апреля 1948 г., «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

едский — от саянского и чукотско-коряцкий — от тунгусского²³. Нет ни малейшего сомнения, что все эти типы могли возникнуть только на базе специфического направления хозяйственной деятельности в определенной естественно-географической среде, характеризующейся прежде всего наличием дикого северного оленя в составе животного мира. Однако дальнейшее усовершенствование приемов оленеводства, в частности, переход от вьючно-верховых его типов к упряжным, а также распространение этих типов на огромной территории от Скандинавии на западе до Чукотки на востоке, тесно связаны с такими этногенетическими процессами, как расселение самоедских (самодийских) и тунгусских народов и взаимодействие их с коренным лопарским и «палеоазиатским» населением крайнего севера Европы и Азии. Многие детали оленьей упряжи, способов упряжки и управления оленями стали у народов Сибири традиционными, этнически специфичными; именно они представляют наибольший интерес для проблемы происхождения этих народов. Ярким примером устойчивости этнической традиции в области материальной культуры могут служить также очень своеобразные трехногие сосуды («триподы») типов «ли» и «тинг», прослеживаемые на севере Китая с периода культуры Яншао (3500—1700 гг. до н. э.) вплоть до времени династии Чжоу (1122—256 гг. до н. э.). Сосуды эти, которые вначале выделывались из глины, а позднее из бронзы, являются одним из веских аргументов в пользу теории об этнической и культурной преемственности населения Северного Китая на протяжении нескольких тысячелетий от эпохи неолита до времени формирования древнекитайской народности античного периода²⁴.

Очевидно, что в процессе исследовательской работы над проблемами происхождения народов этнограф сопоставляет между собой их специфические культурные особенности, т. е. применяет сравнительно-исторический метод, до известной степени аналогичный одноименному методу в языкознании. Об этом методе И. В. Сталин пишет: «А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»²⁵. Хотя приемы лингвистического и этнографического исследования, конечно, очень различны, но общая оценка И. В. Сталиным сравнительно-исторического метода в языкознании остается справедливой и для этого метода в этнографии. Его применение может принести большую пользу и для решения проблем этногенеза, если только исследователь не ограничится констатированием сходства или различия в культурных особенностях сопоставляемых народов, но учтет реальную историко-географическую обстановку, в которой эти сходства или различия складывались, и сумеет правильно вскрыть причины, их породившие. Хорошим примером применения сравнительно-исторического метода в этнографии может служить хотя бы указанная выше работа Г. М. Василевич и М. Г. Левина, посвященная происхождению различных типов оленеводства у народов Сибири в связи с этнической историей этих народов. К интересным выводам этногенетического характера пришла на основании сравнительно-исторического анализа костюма удмуртов и соседних

²³ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 63—88.

²⁴ См.: Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 30—70; С. А. Семенов, Древнейший период в истории Китая, «Вестник древней истории», 1949, № 4, стр. 211—224.

²⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

с ними народов Волго-Камья В. Н. Белицер в своей монографии «Народная одежда удмуртов», недавно вышедшей из печати²⁶.

Существенную помощь в исследованиях по этногенезу оказывает разработанное советскими этнографами в последние годы понятие хозяйственно-культурных типов или зон²⁷, которые складываются еще в эпоху первобытно-общинного строя у народов, живущих в сходной естественно-географической обстановке. Типы эти, в сущности говоря, и являются выражением тех специфических особенностей исторического развития в различных природных условиях, о которых было упомянуто выше. Для народов Сибири можно, например, говорить о таких хозяйственно-культурных типах, как оседлые рыболовы низовьев больших рек (многие группы манси и хантов, южные селькупы, нивхи на Амуре, нанайцы, ульчи), таежные охотники-оленоводы (эвенки, эвены, долганы, тофалары), оленоводы тундры (самодийские народы, оленные чукчи и коряки), охотники за морским зверем северных побережий (береговые чукчи и коряки, азиатские эскимосы и алеуты), скотоводы и земледельцы лесостепи (якуты, буряты, тувинцы, хакасы, алтайцы, сибирские татары)²⁸. Для каждого хозяйственно-культурного типа характерны определенные особенности материальной культуры, связанные с той экономической базой, на которой данный тип сложился. С охотой и выючно-верховым олениководством в тайге связывается, например, употребление ручной нарты, разборного конического чума в качестве основного жилища, легкой, часто распашной, одежды, не стесняющей движений. Для быта оседлых охотников за морским зверем характерны различные типы лодок, приспособленных к плаванию в полярных морях (в частности, каюки и байдары), вместительные постоянные жилища, нередко в виде землянок или полужемлянок, глухая меховая одежда. Сопоставление друг с другом различных хозяйственно-культурных типов возможно, конечно, лишь с учетом уровня социально-экономического развития тех народов, у которых эти типы существуют, поскольку с течением времени они претерпевают очень значительные изменения. Особенно глубоки изменения, имевшие место в советскую эпоху, когда прежде отсталые народы Сибири (как и других окраин царской России) вступили на путь коренных экономических преобразований и строительства социализма.

Уже из приведенного краткого перечня хозяйственно-культурных типов народов Сибири ясно видно, что одни и те же типы могут быть характерными для этнических групп, говорящих на совершенно различных языках и даже живущих на больших расстояниях друг от друга. В то же время народы, родственные по происхождению, могут принадлежать к разным хозяйственно-культурным типам. Нет, например, никаких оснований говорить о каких-либо реальных этногенетических связях между приобскими уграми (хантами и манси) и приамурскими нивхами (гиляками), тогда как по особенностям своего хозяйства и материальной культуры те и другие являются типичными оседлыми рыболовами низовьев больших рек. В то же время ни у кого не вызывает сомнений языковое родство казахов и узбеков или эвенков и маньчжур, хозяйственно-культурные типы которых очень различны. Надо, однако, иметь в виду, что хозяйственно-культурные типы представляют собой не механический конгломерат разнообразных культурных «элементов», как всевозможные «культурные комплексы» или «культурные круги» буржуазных этнографов, оторванные от реальных этнических общностей,

²⁶ Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. X, М., 1951.

²⁷ С. П. Толстов, Этнография и современность, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 8—9.

²⁸ См., например, М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения Института этнографии», II. 1947, стр. 84—87.

но систему взаимосвязанных явлений, развившуюся на той или иной экономической базе у определенных народов и только вместе с этими народами существующую и видоизменяющуюся. Естественно, что, сложившись в определенной историко-географической обстановке, хозяйственно-культурные типы при известных условиях оказываются очень устойчивыми и при переселениях сохраняются долгое время даже в новой природной среде. Так, например, дунгане, переселившись в 70—80-х гг. XIX в. из Северо-Западного Китая в степи и предгорья Семиречья, сохранили на своей новой родине почти в полной неприкосновенности старинные хозяйственные и культурные навыки, выработанные на протяжении многих веков в великой дальневосточной «стране лесса», где с глубокой древности развивались интенсивные формы полеводства и огородничества с применением искусственного орошения. В Семиречье вплоть до начала социалистического переустройства сельского хозяйства народов Средней Азии бок о бок существовали два совершенно различных хозяйственно-культурных типа: кочевнически-скотоводческий у казахов и киргизов и оседло-земледельческий у дунган и уйгур²⁹. Часто бывает, однако, что при переселениях хозяйственно-культурные типы изменяются. Кочевники, например, частично заселив в XVI—XIX вв. лесостепь и тундру Печорского бассейна, перешли от преимущественно скотоводческо-земледельческого и промыслово-охотничьего хозяйства к оленеводству, которое они восприняли от соседних ненцев вместе со многими хозяйственными и культурно-бытовыми навыками (оленный транспорт, конический чум, глухая меховая одежда типа «малицы» или «совика» и др.)³⁰. Большое значение подобных сопоставлений для исследования вопросов этногенеза вряд ли может вызвать какие-либо сомнения.

Изучение конкретной истории хозяйственно-культурных типов в различных частях эйкумены позволяет выделить крупные историко-этнографические (или историко-культурные) области³¹, в состав которых входят народы, живущие на смежных территориях и связанные общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития. В пределах СССР, например, такими областями являются Прибалтика, Волго-Камье, Кавказ, Средняя Азия, Северо-Западная Сибирь, Приамурье и др. В отличие от хозяйственно-культурных типов историко-этнографические области всегда представляют собой определенные географические единства, т. е. занимают участки земной поверхности, непосредственно примыкающие друг к другу и населенные народами, находящимися между собой в реальных хозяйственных и культурных связях. Очевидно, что изучение процессов складывания историко-этнографических областей является в то же время изучением истории формирования народов, входящих в эти области. Так, например, сравнительно-этнографическое изучение народов Советской Прибалтики — литовцев, латышей, эстонцев и ливов — позволяет проследить в их материальной и духовной культуре целый ряд общих явлений, которые свидетельствуют, вне всякого сомнения, о древних и глубоких связях между всеми перечисленными народами. В то же время, как известно, все прибалтийские народы характеризуются вполне определенными специфическими культурно-бытовыми чертами и самостоятельными языками, близкими, с одной стороны, у литовцев и латышей, с другой же стороны — у эстон-

²⁹ См.: Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения Института этнографии», III, 1947, стр. 24—34; его же, Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстан, «Краткие сообщения Института этнографии», VI, 1949, стр. 9—19.

³⁰ См.: Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 51—80; В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении верхнепечорских и нижнепечорских коми, Доклад на этнографическом совещании 1951 г.

³¹ С. П. Толстов, Этнография и современность, стр. 8—9.

цев и ливов³². Выяснить, как конкретно возникло это своеобразное сочетание единства и многообразия как в области культуры, так и в области языка, это и значит дать историю образования прибалтийской историко-этнографической области.

3

Таким образом, мы снова подходим к вопросу об исторических формах соотношения между двумя важнейшими признаками всякой этнической общности — ее языком и культурой. Пока мы имеем дело с отдельными этническими общностями, оба эти признака до известной степени всегда совпадают. Иначе и быть не может, так как и язык и культура не с неба падают в готовом виде, но создаются самими народами на протяжении всей их исторической жизни: «...язык и законы его развития, — пишет И. В. Сталин, — можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»³³. Несомненно, что эти сталинские слова полностью сохраняют свою силу и по отношению к культуре, которую также нельзя изучать оторванно от создавших ее народов. Однако было бы огромной методологической ошибкой забывать, что культура развивается по своим законам, а язык — по своим, что второй представляет собой форму существования первой. Тесная связь между культурой и языком не исключает специфичности каждого из этих общественных явлений, своеобразия их конкретной истории у отдельных народов и их групп, объединенных общностью происхождения.

Очень большое значение для методологии этногенетических исследований имеет проблема соотношения между историко-этнографическими областями и группами народов, говорящими на родственных языках. Как правило, географические границы тех и других не совпадают, поскольку культура с развитием хозяйства и общества претерпевает сравнительно быстрые изменения, тогда как язык изменяется гораздо медленнее. «Надо полагать, — пишет И. В. Сталин, — что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»³⁴. Развивая это положение, советские лингвисты считают, что крупнейшие семьи языков — индоевропейская, угрофинская, семитская и др. — формировались не позднее III тысячелетия до н. э., т. е. в такую эпоху, когда историко-этнографические области, установленные путем изучения культуры современных народов, вряд ли могли существовать в том виде, какими мы знаем их в настоящее время. Этнический состав населения этих областей складывался, несомненно, в более поздние периоды истории как путем переселений отдельных народов и их групп, так и путем распространения языков в процессе поглощения более слабых из них более сильными. Следует предполагать, говоря словами И. В. Сталина, что «за это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»³⁵. Нельзя отрицать, конечно, и случаев прямой языковой ассимиляции, хотя всегда надо помнить, что «история отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции»³⁶. Сложность этнической истории известных нам историко-этнографических областей не подлежит во всяком случае никакому сомнению.

³² См.: Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии, «Краткие сообщения Института этнографии», XII, 1950, стр. 15—28; Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, Там же, стр. 29—37.

³³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

³⁴ Там же, стр. 26.

³⁵ Там же, стр. 27.

³⁶ Там же, стр. 26.

Наличие в пределах одной из таких областей народов, говорящих на различных языках, указывает обычно, что некоторые из этих языков возникли вне рассматриваемой области и лишь впоследствии проникли в ее пределы вместе с переселением их носителей, воспринявших культуру местного коренного населения, но сохранивших свою родную речь. Возможен, впрочем, и другой случай, когда имела место языковая ассимиляция без существенных переселений. В свете новейших работ В. Н. Чернецова и других советских исследователей представляется, например, очень вероятным, что угорская языковая общность сложилась первоначально на территории более южной, чем зона расселения современных манси и хантов, входящая в урало-сибирскую историко-этнографическую область. Еще в глубокой древности началось, повидимому, проникновение протоугорских племен в лесную полосу Западной Сибири, сопровождавшееся распространением угорской речи среди местного аборигенного населения, которое в свою очередь передало пришельцам многие особенности своей культуры, развившейся на базе комплексного рыболовецко-охотничьего хозяйства древних обитателей тайги³⁷. Подобно этому восточные соседи обских угров — селькупы, входящие в ту же историко-этнографическую область, сменили свой древний язык, — нам неизвестный, но, возможно, родственный юкагирскому, — на самодийскую речь, распространившуюся в Сибири из области Саянского нагорья вместе с кочевниками-оленеводами, постепенно продвигавшимися на север и на запад³⁸. Во многом аналогичные отношения прослеживаются в индо-китайской историко-этнографической области на юго-востоке Азии, где более древнее коренное население, в настоящее время сохранившее свою речь лишь частично, принадлежало, повидимому, к мон-хмерской языковой группе, вьетнамцы же, таи и бирманцы проникли сюда позднее с севера, широко распространили свои языки, но заимствовали у аборигенов ряд культурно-бытовых особенностей, связанных с древним мотыжным земледелием тропического пояса³⁹. В качестве примера внедрения в сложившуюся историко-этнографическую область нового языка без больших переселений можно указать на шорцев, хозяйственно и культурно близких к другим охотничье-рыболовецким народам Сибири, но воспринявших тюркскую речь от своих южных тюркоязычных соседей.

Группы родственных по языку народов в свою очередь могут быть этнографически близкими или, напротив, различными. В первом случае, характерном, например, для славян, можно полагать, что отдельные народы данной лингвистической группы сложились главным образом в процессе дифференциации первоначально единой этнической общности. Этнографические материалы здесь находятся в полном соответствии с мыслью И. В. Сталина о том, «что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению...»⁴⁰. Во втором случае, наблюдаемом, например, среди угрофиннов, следует скорее допустить распространение соответствующей речи среди этнических групп, первоначально говоривших на иных языках и относящихся к другим историко-этнографическим областям. Возможны, конечно, также различные промежуточные и комбинированные случаи. Очень часто бывает, что на первом этапе формирования языковой группы она складывается на

³⁷ См.: В. Н. Чернецов, Очерки этногенеза обских югров, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 18—28; Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Антропологическое изучение манси, Там же, стр. 28—36.

³⁸ См.: Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, Сб. «Сов. этнография», III, 1940, стр. 67—76.

³⁹ См.: М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, сб. «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», изд. АН СССР (в печати).

⁴⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

сравнительно однородной этнической основе, а на последующих этапах поглощает и притягивает к себе этнические группы совершенно иного происхождения (такова, например, история формирования тюркской языковой общности). Насколько сложным может быть процесс формирования этнического состава народов, говорящих в настоящее время на безусловно родственных языках, легко показать на примере романской языковой группы. Начальный период ее образования связан, как известно, с распространением латинского языка (прежде племенного языка одной этнической группы — италиков) среди крайне разнообразных по своей культуре народов Римского государства: тех же италиков, этрусков, лигуров, иберов, кельтов, иллирийцев, фракийцев и многих других. Позднее языковая ассимиляция постепенно сменяется языковой дифференциацией, начавшейся еще до распада Римской империи, но пошедшей особенно быстро после этого распада. На базе местных диалектов так называемой «провинциальной латыни» складываются отдельные романские языки, которые становятся «родными» для самых разнообразных групп населения: от непосредственных потомков древних римлян и романизированных народов империи до недавних «варваров», главным образом, различных германских племен, тех самых, которые, по словам И. В. Сталина, «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»⁴¹.

Конечно, самый факт языковой общности какой-либо группы народов может быть установлен только на основании лингвистических данных специалистами-языковедами. Этнографические материалы при рассмотрении лингвистической стороны вопроса о родстве между народами самостоятельного значения не имеют. Однако, как только языковое родство между изучаемыми этническими общностями установлено, перед учеными, работающими над проблемами происхождения этих общностей, встает задача всестороннего исследования тех конкретных исторических процессов, которые обусловили самое возникновение данной языковой группы. Говоря о причинах, влиявших на развитие языка, И. В. Сталин указывает: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка»⁴². За цитируемым отрывком непосредственно следует уже известное нам место о дроблениях и расхождениях, смешениях и скрещиваниях племен и народностей. После этого И. В. Сталин заканчивает свою мысль: «...в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие»⁴³. Таким образом, среди исторических событий, оказывавших воздействие на развитие языка, И. В. Сталин перечисляет целый ряд явлений, непосредственно связанных с формированием и дальнейшей этнической историей народов. Очевидно, что все эти явления могут быть правильно поняты только в свете этнографических данных, так как именно этнографы имеют основным объектом своего изучения специфические культурные особенности народов — реальных и единственных создателей и носителей всех языков человечества.

Хорошей иллюстрацией к сталинской мысли о необходимости изучать историю языка в связи с историей народа является бесплодность всех попыток нарисовать картину формирования тех или иных языковых

⁴¹ И. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии, Соч., т. 13, стр. 296.

⁴² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

⁴³ Там же.

семей на основании одних только лингвистических данных. Так, например, известный русский лингвист акад. А. А. Шахматов, конструируя свою теорию происхождения славян без учета археологических и этнографических материалов, допустил в своих этногенетических работах ряд серьезнейших ошибок. Совершенно фантастичны его рассуждения с первоначальной прародине всех славян на берегах Балтийского моря и последующем передвижении их на юг в бассейн Вислы, откуда в Прибалтику якобы в свою очередь переселились родственные славянам предки латышей и литовцев. Мало обоснована исторически и гипотеза Шахматова о западнославянском (ляшском) происхождении радимичей и вятичей, основанная на единичной легенде, записанной в летописи⁴⁴. Еще менее удачными являются, однако, этногенетические построения, не учитывающие данных языкознания (вроде, например, теории американского этнолога Бишопа о происхождении из Месопотамии всех основных элементов культуры китайцев и других народов Дальнего Востока)⁴⁵. Следует сказать прямо, что и советские этнографы (один из авторов настоящего доклада Н. Н. Чебоксаров, в том числе) в своих работах по этногенезу очень мало использовали лингвистические материалы или же привлекали их в искаженном виде после соответствующей «препарировки» марристами. В своих исследованиях по этногенезу китайцев, например, Н. Н. Чебоксаров недостаточно опирался на данные языкознания, в статье о происхождении коми почти вовсе их игнорировал, а в полемике с Д. В. Бубрихом по вопросу о происхождении угрофиннов некритически принял многие ошибочные положения акад. Н. Я. Марра и его последователей⁴⁶. В его новой работе, посвященной проблемам этногенеза народов угрофинской языковой семьи, сделана попытка исправить допущенные ошибки, выделив вместе с тем то положительное в области разрешения этих проблем, что было добыто трудами советских этнографов и антропологов⁴⁷. Надо надеяться, что после выхода в свет гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания всем советским этнографам стало ясно, что ни один этногенетический вопрос не может быть удовлетворительно разрешен без использования данных языкознания.

Существенное место в этногенетических исследованиях должно также занять сопоставление этнографических и археологических материалов, относящихся к одним и тем же или к смежным территориям. Такое сопоставление часто помогает решить многие важные вопросы, связанные с происхождением народов, в частности вопросы о преемственности населения различных эпох в пределах изучаемых историко-этнографических областей, о наличии или отсутствии в этих областях миграций, об этнической принадлежности носителей археологически выделяемых «культур». Комплексный анализ данных этнографии и археологии привел, например, к установлению таких исторических фактов, как преемственность основной массы неолитического и современного эвенкийского населения Прибайкалья⁴⁸ или миграция оленеводов-самодийцев в тундру и смешение их там с местными племенами оседлых рыболовов и охотников на морского зверя⁴⁹. Однако делать на археологическом

⁴⁴ См.: А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, Пг., 1919.

⁴⁵ См. G. W. Bishop, Origin of Far Eastern Civilisations, Smithsonian Institution. War background Studies, No. 1, 1942.

⁴⁶ См.: Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185; его же, Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов, «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 197—204.

⁴⁷ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы, Совещание по методологии этногенетических исследований 1951 г., Тезисы докладов и выступлений.

⁴⁸ См. А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 5—14.

⁴⁹ См. Г. Н. Прокофьев, Указ. раб.

материале прямые выводы об этнических связях в определенную эпоху на той или иной территории можно лишь с большой осторожностью. Сходство характерных форм материальной культуры (керамики, украшений и пр.) в пределах определенной археологической «культуры» далеко не всегда означает, что носители этой «культуры» представляли этническое единство. Известны многочисленные факты (по этнографическим данным), когда сходные формы культуры существуют у соседних, но разных по языку народов, и, наоборот, народы, близко родственные по языку, могут иметь весьма различный культурный облик. Если бы, например, коми-ижемцы и ненцы Большеземельской тундры или индейские племена пима и навахов на юго-западе США были нам известны только по остаткам их материальной культуры, то мы, вероятно, пришли бы к выводу, что и в первом и во втором случае перед нами памятники, принадлежащие одной этнической группе. В действительности же ижемцы и ненцы, пима и навахи говорят на различных языках и представляют собой совершенно самостоятельные этнические общности. С другой стороны, ни один археолог не решился бы приписать этнически родственному населению материальную культуру давнишних скотоводов и земледельцев маньчжур и маньчжуроязычных охотничье-рыболовческих групп Приамурья и Приморья (гольдов, орочей, ульчей, удэ). Возможно, что историко-этнографическим областям далекого прошлого в некоторых случаях могут соответствовать группы родственных культур (или «культурные провинции»), выделяемые археологами, а древним этническим общностям — отдельные археологические «культуры». Так, например, всю зону распространения на севере Восточной Европы неолита с ямочно-зубчатой керамикой различных типов можно рассматривать как одну из историко-этнографических областей той поры, а описанные А. Я. Брюсовым и другими советскими археологами местные культуры этой зоны — карельскую, каргопольскую, беломорскую и т. п. — как совокупности памятников, связанные уже с определенными племенными группами населения⁵⁰.

4

В качестве дополнительных источников при освещении некоторых вопросов происхождения народов могут быть использованы этногенетические предания, почти всегда заключающие рациональное ядро, которое обычно удастся отделить от фантастических древнемифологических мотивов и от недостоверных наслоений позднейшего времени. Предания эти в большинстве случаев содержат рассказы о переселениях с какой-то «прародины», генеалогические легенды о происхождении от определенных «предков» и, наконец, воспоминания о коренном населении тех земель, которые стали новой родиной переселенцев⁵¹. Так, например, в сказаниях полинезийцев, отличающихся, повидимому, значительной достоверностью, очень подробно повествуется об их расселении по отдельным островам с общей прародины, носящей обычно название «Гавайки». Сказания эти изобилуют также сведениями генеалогического характера, содержащими множество собственных имен и позволяющими по счету поколений определить приблизительно время событий, о которых ведется повествование⁵². Примерами этногенетических преданий, содержащих рассказы об аборигенах заселяемого края и о борьбе с ними, могут служить легенды якутов о столкновениях потомков Омогая и Эллей,

⁵⁰ А. Я. Брюсов, Заселение севера Европейской части СССР по археологическим данным, «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Серия востоковедческих наук», вып. 2, 1948, стр. 91—102.

⁵¹ См. С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 12—36.

⁵² См. Те Ранги Хироа (П. Бак), Морепопаватели солнечного восхода, Изд-во иностр. лит-ры, М., 1950.

пришедших с юга, с местными северными племенами сартолов и тагу-сов⁵³ или аналогичные сказания ненцев о «сиртя» — древних насельниках Арктики, оставивших после себя развалины подземных жилищ⁵⁴. Сходные легенды имеются также у чукчей и коряков. Советские этнографы — В. Н. Чернецов, Г. Н. Прокофьев, А. М. Золотарев и др. — убедительно показали, что в основе всех этих легенд лежат смутные воспоминания о взаимодействии пришлых и местных этнических групп, которое сопровождалось языковой ассимиляцией вторых первыми⁵⁵. При оценке научного значения этногенетических преданий следует иметь в виду, что среди них встречаются и явно недостоверные, а иногда и прямо тенденциозные (вроде, например, легенды о западноевропейском происхождении кубачинцев Дагестана или о египетском происхождении цыган)⁵⁶. От исследователя требуется, конечно, сугубо критический подход к материалам подобного рода.

Многие этногенетические предания древних и средневековых народов были включены в письменные памятники соответствующих эпох — в труды античных, китайских, арабских и других путешественников и географов, в летописи европейских народов (в частности, в древнерусские летописи), в различные произведения художественной литературы феодального периода и т. д. В качестве примеров такого рода включений можно указать на записанную Тацитом германскую легенду о трех сыновьях Манна и о происхождении от них трех основных групп германских племен — ингвеонов, гермионов и истевонов⁵⁷ или же на предания о древнейших предках гуннов, заключающиеся в «Исторических записках» (Ши-цзи) Сыма Цяня⁵⁸. Известное «этногенетическое» введение к «Повести временных лет», в котором речь идет о происхождении славян и образовании их древнейших племенных групп, также насыщено легендарными мотивами различного происхождения, обработанными и осмысленными ученым летописцем⁵⁹. Анализ письменных памятников подобного рода является, очевидно, делом не только этнографов, но и историков в узком смысле этого слова. Впрочем разграничение между этнографами и историками и здесь очень условно, так как первые сами являются представителями исторической науки, а вторые при изучении памятников, подобных «Повести временных лет», неизбежно обращаются к сравнительно-этнографическим материалам. Все это лишний раз подчеркивает комплексность проблемы этногенеза и необходимость изучения ее исследователями различных специальностей.

Известную пользу при решении некоторых этногенетических вопросов может принести также анализ данных по современной и прошлой этнонимике. Наличие одинаковых родовых или племенных названий у народов одной лингвистической группы или даже у народов, говорящих в настоящее время на несходных языках, во многих случаях служит указанием на вхождение в состав этих народов одних и тех же этнических компонентов. С большой яркостью подобное явление выступает среди тюркоязычных народов, частично также среди народов тунгусо-маньчжурской и монгольской лингвистических групп. В Средней Азии, например, можно указать целый ряд названий родов, повторяющихся одинаково у казахов, узбеков, каракалпаков, в меньшей степени — у

⁵³ См. С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 26—27.

⁵⁴ См. Г. Н. Прокофьев, Указ. раб., стр. 70; В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Ямале, «Советская этнография», 1935, № 4—5.

⁵⁵ См. указ. выше работы перечисленных авторов, а также: А. М. Золотарев, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, «Изв. Воронежского гос. пед. ин-та», т. IV, 1938, стр. 73—87.

⁵⁶ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 27.

⁵⁷ П. К. Тацит, Германия, 2.

⁵⁸ См. Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 39—45.

⁵⁹ «Повесть временных лет», изд. АН СССР, М.—Л., 1950, часть I, стр. 9—18.

туркмен⁶⁰. Уже один этот факт одноименности родовых делений у разных народов, факт, настолько часто отмечаемый, что его никоим образом нельзя считать случайностью, ведет к очень важным выводам о происхождении народов, о которых идет речь. Не менее интересен и обратный, нередко регистрируемый факт: несходство родовых делений у определенных народов. Так, например, если перечисленные выше народы Средней Азии (казахи, каракалпаки, узбеки, отчасти туркмены) имеют в значительной части одинаковые названия родов, то, напротив, киргизы имеют свой совершенно особый родовой состав, несколько не сходный с родовым составом упомянутых выше народов. Понятно, что этот факт представляется очень важным для уяснения вопроса о происхождении киргизов. Но самое существенное обстоятельство состоит в другом — в возможности определить, из каких именно компонентов складывалась та или иная народность. Дело в том, что очень многие из родовых делений оказываются при ближайшем рассмотрении остатками целых племен или народов, хорошо известных в истории (об этом свидетельствует совпадение названий). Такое совпадение повторяется десятки раз и при условиях, делающих совершенно невероятным элемент случайности. К тому же совпадения названий нередко подтверждаются прямыми свидетельствами исторических источников. Неоднократно отмечалось, например, что в числе родовых делений алтайцев встречаются роды Кыпчак, Найман, Меркит, Теелес, Кергеш, Тербет, Чорос, Кыргыз, Ойрот, Монгол и др., наименования которых известны любому историку тюрко-монгольских народов. Подобный же анализ родовых названий был проделан русскими и советскими этнографами и по отношению ко многим другим этническим группам населения Средней Азии и Сибири⁶¹.

Нельзя, однако, переоценивать роль этнонимических материалов и тем более пользоваться ими так, как это делали акад. Н. Я. Марр и его последователи, которые, сопоставляя случайно созвучные наименования самых различных племен и народностей, превратили анализ этнонимов в псевдонаучную эквилибристику. Куда ведут в конце концов подобные «приемы» анализа, хорошо видно на примере работы Н. И. Шишкина, который ухитрился представить древнюю племенную группу пермь — предков коми, — как скрещенную из двух «элементов»: пер, пришедшего якобы с Печоры, и емь — типа, тождественного летописной еми на территории современной Финляндии⁶². Надо также иметь в виду, что нередко сходные или даже одинаковые племенные наименования могут бытовать среди народов, связанных языковой общностью, но сложившихся из разных, хотя бы и родственных, этнических элементов. До сих пор, например, остается невыясненным окончательно вопрос о том, какими причинами следует объяснять совпадение племенных названий различных групп славян раннего средневековья: поляне на Днепре и поляне (иначе «поляки») на Висле, северяне на Десне и северяне к югу от Нижнего Дуная, дреговичи на Припяти и «драгувиты» на Балканах, хорваты в Карпатских горах и хорваты на берегу Адриатики и т. д. Имеем ли мы здесь дело только с языковыми соответствиями, вполне возможными у близко родственных этнических групп, или же следует предполагать специфические связи между одноименными племенами, обусловленные реальными этническими передвижениями? В каждом отдельном случае поставленный вопрос должен, очевидно, решаться

⁶⁰ См., например, Т. А. Жданко, Родоплеменная структура и расселение каракалпаков низовьев Аму-Дарьи в XIX — начале XX в., «Краткие сообщения Института этнографии», VI, 1949, стр. 58—63; ее же, Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 37—62; Ц. Д. Номинханов, Следы монгольских племен и родов XIII века (тезисы), Сборник «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 314.

⁶¹ См. С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 28—30.

⁶² См. Н. И. Шишкин, Коми-пермяки, Молотовгиз, 1947, стр. 5—42.

особо с использованием не только одних этнонимических, но и других исторических данных. Вообще же анализ материалов по этнонимике (как и по топонимике) требует особой осторожности и специальной лингвистической подготовки исследователя.

Изложенные выше в общей форме соображения позволяют более или менее точно определить участие этнографа (иначе — роль этнографического материала) при изучении конкретных вопросов происхождения отдельных языковых групп. Этнограф, прежде всего, устанавливает в этих случаях степень и характер культурной близости между народами, входящими в данную языковую группу (семью), и пытается выяснить происхождение этой близости. Результаты такого исследования влияют существенным образом на то или иное решение вопроса о происхождении самой языковой группы. Сказанное лучше всего пояснить и иллюстрировать на конкретных примерах. В качестве таких примеров могут быть привлечены языковые группы двух типов: во-первых, включающие близко родственные по языку народы, и, во-вторых, состоящие из народов, лишь отдаленно сходных в лингвистическом отношении; между обоими типами языковых групп нет, конечно, резкой грани. В настоящем докладе мы не можем сколько-нибудь подробно останавливаться на истории формирования групп первого и второго типов, речь идет только о том, чтобы показать, к каким выводам о конкретных путях этого формирования может привести сравнительно-исторический анализ культурных особенностей народов, входящих в ту или иную группу.

Как примеры языковых общностей первого типа могут быть указаны такие языковые группы, как славянская, балтийская (литовско-латышская), германская, романская, тюркская, монгольская, малайско-полинезийская, банту. Близкое языковое родство народов, входящих в каждую из этих групп, не подлежит сомнению. Но проблема их происхождения никоим образом не может быть решена без специального исследования степени и характера их культурной близости. Этнографическое исследование дает на вопрос о наличии (или отсутствии) такой близости в одних случаях четко положительный ответ, в других — отрицательный, в третьих — сомнительный. О глубоком и древнем сходстве культуры всех славянских народов говорилось уже выше. Этнографическое изучение этих народов ясно показывает, что, несмотря на культурное своеобразие каждого из них, целый ряд особенностей их сельскохозяйственной техники, средств передвижения, жилища, утвари, пищи, костюма, народного изобразительного искусства, обрядов и обычаев, древних дохристианских верований, устного поэтического творчества оказывается поразительно близким. Очень часто близость эта распространяется на все славянские народы, иногда же она охватывает только некоторые из них, притом в самых разнообразных сочетаниях. Однако и в тех и в других случаях этнографическое сходство между славянами является специфическим и не может быть объяснено ни близким уровнем их социально-экономического развития, ни позднейшими культурными связями. Единственным правильным объяснением этого сходства остается теория о тесной связи между всеми славянскими народами в самом процессе их формирования, об их происхождении от одной исходной этнической общности, которая в определенную историческую эпоху (скорее всего во II тысячелетие до н. э.) характеризовалась известной территорией расселения, единым языком и своеобразной культурой, развившейся на базе комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства в лесной и отчасти лесостепной зоне средней полосы Восточной Европы⁶³. Еще более значительной, чем у славян,

⁶³ См., например, П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Ин-та истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 9—15.

оказывается культурная близость у балтийских народов — литовцев и латышей, которые, вместе с тем, обнаруживают этнографическое сходство со славянами, что еще раз подтверждает давно установленный факт родства между обеими этими этническими группами⁶⁴. С меньшей убедительностью этнографические материалы, в полном согласии с лингвистическими, свидетельствуют об общности происхождения таких групп народов, говорящих на родственных языках, как монгольские или малайско-полинезийские.

Совсем иная картина получается при сравнительно-историческом анализе культурных особенностей отдельных народов, входящих в романскую или тюркскую языковые группы. Об этнографическом разнообразии первых из них мы уже имели случай говорить выше. Действительно, совершенно невозможно вывести из какого-то единого «прототипа», скажем, культуру современных молдаван, валлонов Бельгии, сардинцев и португальцев. Очевидно, что сходные языки в этом случае распространялись среди населения, не связанного единством происхождения и всегда относившегося к совершенно различным историко-этнографическим областям (что известно, конечно, и по историческим данным). Не менее абсурдно было бы говорить и о культурном единстве, хотя бы и в прошлом, таких тюркоязычных народов, как якуты, тувинцы, сибирские татары, шорцы, казахи, чуваш, туркмены, азербайджанцы, турки Малой Азии, гагаузы, хотя их языковое родство и не вызывает никаких сомнений. Одного этнографического анализа было бы вполне достаточно, чтобы прийти к выводу о большой роли процессов языковой ассимиляции в истории формирования тюркской лингвистической группы. Распространение тюркской речи среди народов самого различного происхождения сопровождалось, как мы знаем, крупными переселениями, во время которых и сложился столь характерный для всей области распространения тюрков сложный переплет историко-этнографических и лингвистических границ. Значительно труднее решить вопрос о путях формирования таких языковых групп, как германская или банту, в состав которых также входят народы, этнографически разнообразные, хотя и не в такой степени, как романцы или турки. В этих случаях пока что приходится говорить о сомнительном или неопределенном ответе на вопрос о возможности первоначального этнического единства народов, в настоящее время относящихся к той и другой языковой группе.

В качестве примеров языковых групп второго типа (отдаленно родственных) могут быть названы семьи индо-европейская и угрофинская. В этих случаях этнографический анализ дает скорее отрицательный ответ на вопрос о единстве происхождения и этнической однородности народов, входящих в каждую из перечисленных языковых семей. Последние, видимо, складывались на этнически разнородной основе, путем постепенного поглощения и включения весьма различных этнических элементов. Речь идет, конечно, не о пресловутых марровских «скрещенных» и будто бы вызванных ими мифических «языковых взрывах», но о длительных процессах социально-экономического и культурного развития и связанного с ним расселения различных народов, вступавших между собой во взаимодействия, во время которых языки одних племен и народностей могли поглощаться языками других, более крупных и мощных этнических общностей. Как указывает И. В. Сталин, «при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его»⁶⁵. Во всяком случае, вопрос о происхождении и этих

⁶⁴ См. Материалы совещания по этнографии народов Советской Прибалтики 27 марта — 1 апреля 1950 г., «Краткие сообщения Института этнографии», XII, 1950.

⁶⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

больших лингвистических групп никоим образом не может быть решен без предварительного историко-этнографического исследования.

Подводя итоги всему изложенному выше, следует еще раз подчеркнуть, что в настоящей работе были намечены только некоторые пути использования этнографических материалов при разработке вопросов происхождения и этнической истории народов. К сожалению, до сих пор возможности такого использования реализовались недостаточно. Во многих работах по этногенезу либо совсем не привлекались данные этнографии, либо там, где они привлекались, были допущены серьезные методологические и фактические ошибки, связанные главным образом с влиянием порочного «нового учения о языке» акад. Н. Я. Марра и его последователей. В настоящее время перед советскими этнографами стоят первоочередные задачи скорейшего изжития этих ошибок и дальнейшей углубленной разработки проблем этногенеза в свете учения И. В. Сталина о языке и нации. Разработка эта будет продуктивной, однако, только в том случае, если этнографы будут работать в тесном контакте с учеными других гуманитарных специальностей, в первую очередь с лингвистами.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Г. Г. ФРОЛОВА

«РЕКА СЧАСТЬЯ»

(Строительство Невинномысского канала в народном творчестве)

В первую послевоенную Сталинскую пятилетку завершилась крупнейшая стройка в Ставропольском крае — Невинномысский канал. В результате этого строительства полноводная река Кубань была соединена с пересохшим руслом реки Егорлык каналом, протяженностью около 400 км; многие районы Ставропольского края и Ростовской области, издавна страдавшие от безводья, получили кубанскую воду. Народ назвал Невинномысский канал «Рекою Счастья» и сложил о нем песни, рассказы, частушки¹.

О живой воде, принесенной каналом в засушливые степи Ставрополя, трудящиеся края мечтали многие десятилетия. До Великой Октябрьской социалистической революции крестьянство Ставрополя, подвергавшееся безжалостному разорению со стороны помещиков, кулачества, царских чиновников, находилось, кроме того, в полной зависимости от случайностей климатического характера. Эта зависимость становилась настолько угрожающей, что о ней не могли умолчать даже представители официальных властей. Из года в год ставропольские губернаторы в своих отчетах сообщали о бедствиях, обрушившихся на губернию вследствие безводья и суховеев.

В 1885 г. на значительной части территории Ставрополя суховеи полностью иссушили травы и посевы. «Травы до такой степени похли и разнесены были ветром, что обширнейшие пространства, лишенные всякой растительности, обратились в пустыню...»².

В следующем, 1886 г., снова последовал неурожай. Сильные ветры погубили всходы озимых посевов. Крестьяне вынуждены были перепахать поля, занятые ранее озимыми посевами, и засеять их наново. Но и яровые хлеба погибли от засухи и суховеев. «На большем пространстве степей нельзя было заметить и следа какой бы то ни было растительности...»

Неурожай был бедствием и для той части населения, основным занятием которой было скотоводство. Засушливые годы приводили к пол-

¹ Цитируемые в статье тексты произведений народного творчества записаны в 1949—1951 гг. от строителей Невинномысского канала и колхозников Ставропольского края.

² «Обзор Ставропольской губернии за 1897 г.»

ной невозможности прокормить скот на месте и вынуждали скотоводов вести кочевой образ жизни в поисках воды, удобных мест для выпаса и сенокосения.

Перемещение крестьян по территории края и за его пределы еще более расшатывало состояние сельского хозяйства, и без того находившегося на крайне низком уровне, способствовало распространению инфекционных заболеваний.

«Обзор Ставропольской губернии за 1886 г.» содержит карту с красноречивым названием: «Карта народных бедствий в Ставропольской губернии 1886 года». Большая часть территории губернии относится к участкам, не возратившим посева, и участкам, на которых был полный неурожай.

Недостаток воды сказывался не только на урожаях и содержании скота. Жители целого ряда волостей Ставропольской губернии не имели достаточного количества воды для бытовых нужд, для приготовления пищи, для питья. Воду, собранную во время дождей и весеннего снеготаяния, хранили под замками; имели место случаи побоищ из-за воды.

Неурожаи становились хроническими, обнищание народа принимало катастрофические размеры.

В 1898 г. ставропольский губернатор в своем отчете писал, что «...без соответствующих мероприятий, направленных, с одной стороны, на улучшение систем полеводства и, с другой стороны, на ослабление дурного влияния метеорологических условий при посредстве обводнения губернии проточными водами и искусственного лесоразведения, некогда богатая естественными и производительными силами природы Ставропольская губерния может со временем притти в совершенный упадок, а... коренное ее население разорится»³.

Измученный неурожаями, голодом и нищетой народ мечтал о живой воде; передовые люди того времени пытались найти способ обеспечения водой иссушенных степей Ставрополя. Было разработано немало проектов орошения безводных районов. Имели место случаи, когда доведенные до отчаяния и крайней нужды крестьяне решали собственными силами строить обводнительные каналы. Но в условиях царской России эти замыслы не могли быть выполнены.

Коренной поворот в истории Ставрополя произошел в первые же годы советской власти. Партия и правительство проявили величайшую заботу о нуждах трудового народа. В число первоочередных задач, от разрешения которых зависел подъем экономики Ставрополя, был поставлен вопрос о планомерной и решительной борьбе с засухой.

В 1921 г. В. И. Ленин так определил задачи, стоящие перед трудящимися Кавказа: «Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало... Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁴.

Трудящиеся Советского Союза после окончания гражданской войны вступили в решительную борьбу с засухой.

В 1924 г. товарищ Сталин писал: «Мы решили использовать обострившуюся готовность крестьянства сделать все возможное для того, чтобы застраховать себя в будущем от случайностей засухи, и мы стараемся всемерно использовать эту готовность в целях проведения (совместно с крестьянством) решительных мер по мелиорации, улучшению культуры земледелия и пр. Думаем начать дело с образования минимально необходимого мелиоративного клина по зоне Самара —

³ «Обзор Ставропольской губернии за 1897 г.»

⁴ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 32, стр. 296, 297.

Саратов — Царицын — Астрахань — Ставрополь... Это будет начало революции в нашем сельском хозяйстве»⁵.

В Ставропольском крае были проведены значительные работы по обводнению засушливых степей.

В 1935 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли историческое постановление, положившее начало еще более решительному наступлению на засуху.

«В ознаменование 15-й годовщины освобождения Ставрополя от белых, — говорилось в постановлении, — и активнейшего участия трудящихся Ставрополя в Красной Гвардии и Красной Армии удовлетворить ходатайство ставропольских колхозников об организации и проведении мероприятий, полностью обеспечивающих сельское хозяйство Ставрополя водой».

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1935 г. явилось основанием для целого ряда мероприятий по обводнению Ставрополя, среди которых главную роль играло строительство Невинномысского канала, соединяющего полноводную Кубань с пересохшим руслом реки Егорлык.

Строителям пришлось преодолеть многочисленные препятствия, преграждавшие путь кубанской воде в ставропольские степи.

В 1940 г. был брошен лозунг: «Невинномысский канал строит весь край». Строительство было объявлено народной стройкой. Призыв горячо подхватили трудящиеся Ставрополя; он нашел отклик и за пределами края. Не только Ставропольский край и Ростовская область, но и другие области, края и города помогали строителям.

Величие народного похода за воду вызвало стремление трудящихся масс рассказать в народной песне, в стихе о радости творческого труда. Участники строительства и местные поэты создавали произведения о замечательной стройке, которую трудящиеся Ставрополя с гордостью назвали Сталинской. Сложенные песни и частушки получали широкое распространение. Их нередко включали даже в тексты писем трудящихся товарищу Сталину⁶.

Широкому размаху народного творчества способствовала агитационно-массовая работа, проводившаяся на строительстве. Для строителей систематически организовывались лекции, доклады, концерты, демонстрировались кинофильмы; на трассе канала работали многочисленные коллективы художественной самодеятельности. Художественная самодеятельность — особая форма народного творчества, получившая широкое развитие в годы советской власти, — имеет очень большое значение для отбора и распространения народных произведений. Участники коллективов художественной самодеятельности исполняют песни, частушки, рассказы не только на сцене и эстраде (хотя это также играет немаловажную роль в их популяризации); на месте своей работы — на строительных площадках, в колхозных бригадах, вечерами, во время отдыха, — всюду они передают любимые произведения широким массам трудящихся. Эти произведения становятся достоянием масс, которые их обрабатывают, варьируют, шлифуют.

Произведения народного творчества о Невинномысском канале бытовали не только устно. Они широко публиковались в различных местных газетах.

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 275.

⁶ О народных произведениях строителей пишут авторы книг и статей, посвященных Невинномысскому каналу. Большая работа по систематизации материалов об истории строительства канала и о народных произведениях строителей проделана В. Воронцовым, автором книги и статей на эту тему (см. В. Воронцов, Невинномысский канал, Ставрополь, 1950; его же, Песни о Реке Счастья, газ. «Ставропольская правда», 8 декабря 1946 г., стр. 3).

Часть произведений народного творчества о Невинномысском канале была опубликована в печати с указанием первоначального автора; другие тексты попадали на страницы газет уже безымянными; третьи бытовали только устно.

Народные произведения о Реке Счастья имели широкое распространение среди строителей канала и в настоящее время бытуют в Ставропольском крае, изменяясь, варьируясь. Многие народные произведения о Невинномысском канале прошли сложный и интересный путь: созданные строителями, они были опубликованы в местной печати, где сохранились на долгое время. Пережив тяжелые годы Великой Отечественной войны, ряд песен, частушек, рассказов со страниц книг и газет снова вернулся в массы народа — на трассу канала, в коллективы художественной самодеятельности, в колхозы Ставрополья, чтобы в новом, преображенном виде зазвучать над бескрайними полями.

Публикация народных произведений в печати создала возможность для чрезвычайно широкой их популяризации, для долговременной жизни. Немалую роль в этом отношении сыграла также передача песен о Невинномысском канале по местному радиовещанию.

На строительстве были свои поэты, создавшие произведения о строителях Невинномысского канала. Лучшие из их произведений стали общим достоянием строителей и передаются как народные песни и стихи.

Так, в довоенные годы на строительстве работал Евгений Безбородов. Им было создано немало песен и частушек, опубликованных в местной печати и стенных газетах. Евгений Безбородов пал смертью храбрых на фронте Великой Отечественной войны, а его песни, воспевающие мирный труд, живут в народе. Например, коллективами самодеятельности, рабочими и колхозниками исполняется на известный мотив песни «Конармейская» песня Безбородова «Крепче всех мы в бою и в труде». Некоторые строфы из его стихов и песен бытуют и поныне как частушки. Так же, как песни Е. Безбородова, некоторые произведения и других авторов стали народными и иногда потеряли имя своего первоначально-го создателя.

Наряду с проникновением в народные массы произведений писателей, все большее распространение получает участие коллектива в создании народных произведений.

Самодеятельные поэты чутко прислушиваются к мнению своих товарищей и вносят в свои произведения подсказанные ими изменения.

Такие случаи нередко наблюдались на трассе канала при создании песен, стихов, частушек; один из моментов совместного создания стихотворения запечатлен в очерке В. Деревенского, посвященном бригадиру передовой экскаваторной бригады Д. Остроухову. Ночью, когда на трассе канала стихал шум работы, Остроухов с карандашом в руках создавал стихи и песни о канале, здесь же читая отдельные строфы товарищам по работе, советуясь с ними.

Мы раздвинули направо и налево
Русло прежнее речушки Барсуки.
К экскаватору несмело
Подожли седые старики.

— Вы откуда к нам пришли такие,
Что взялись за переделку рек?
Сколь живем, тут за такое дело
Никогда не брался человек.

— Вы немало, старики, видали,—
 Отвечал с улыбкой машинист,—
 Но сегодня в первый раз узнали,
 Что способен сделать моторист.

Обвядим мы села и станицы,
 Степь родную напоим водой,
 Будет зреть кубанская пшеница,
 Колыхаясь золотой волной...

Коллективный труд, единство целей, интересов, убеждений — все это способствует коллективности создания народных произведений.

Произведения народного творчества о Невинномысском канале глубоко идейны. Герои этих произведений — советские люди, герои нашей социалистической действительности, беспредельно преданные своей социалистической Родине, большевистской партии и ее вождю, великому Сталину, люди мирного, творческого, созидательного труда, самоотверженные борцы за коммунизм. Сознание того, что их труд является частью великих созидательных работ, совершающихся в нашей стране, что, борясь за осуществление народной мечты, они выполняют задание большевистской партии, великого Сталина, вдохновляло строителей на небывалые трудовые подвиги. Имя Сталина помогало строителям преодолевать величайшие трудности, давало новые и новые силы, вселяло уверенность в победе.

Беспредельная любовь советского народа к И. В. Сталину нашла яркое отражение в произведениях о Невинномысском канале. Образ великого вождя проходит через все народное творчество как путеводное знамя, зовущее к победе. В песнях, частушках, рассказах строителей, прославляющих героизм труда, достижения передовиков соревнования, прекрасное будущее, за которое борется советский народ, — во всех этих произведениях народ выражал безграничную преданность И. В. Сталину и большевистской партии.

Колхозники Ставрополя, прибывшие для участия в стройке, обратились с письмом к товарищу Сталину, в котором рассказывали о том, какую радость вызвало у трудящихся края постановление партии и правительства об орошении засушливых полей, какое большое облегчение принесет кубанская вода жителям безводных районов. Оканчивая письмо, колхозники писали: «Заверяем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что, по-стахановски работая на народной стройке, к сроку завершим сооружение канала.

С Вашим именем завоюем нашему краю новые победы и успехи».

Мысли и чувства трудящихся, выраженные в письме к товарищу Сталину, нашли отражение в целом ряде народных произведений. Многочисленные призывы, созданные на строительстве, сжато и четко формулируют чувства строителей: «Сталин любимый всюду с нами, он — наша сила, он — наше знамя». — «Имя Сталина нас вдохновило, оно нам победу дало». — «Надо досрочно закончить канал, чтоб Сталин любимый спасибо сказал». — «Нет огромней счастья в мире, что великий Сталин дал».

В эти краткие, ритмично построенные изречения строители вкладывали свою преданность любимому вождю.

Благодаря тому, что призывы выражали чувства и мысли широких масс, осуществляющих строительство, что эти призывы были образны, лаконичны, легко запоминались, — они получили широкое распространение и стали бытовать как меткие слова и пословицы. Цитированные выше и другие призывы можно было услышать в горячую пору ударной работы на трассе канала, слова их были написаны на машинах строительства, выложены цветными камнями на строительных участках; тексты их помещались в местной печати.

Строители посвятили И. В. Сталину многочисленные песни и частушки. Песни, посвященные вождю, проникнуты искренней народной любовью, уверенностью в том, что под руководством великого Сталина трудящиеся добьются новых успехов.

В «Песне о Сталине», созданной колхозником Лапиковым, строители благодарили вождя за отеческую заботу, прославляли его мудрость:

Сталин — солнце нашей славы,
Сталин дорогой,
К новым нас веди победам,
Наш отец родной.

Потечет вода Кубани
На колхозные поля,
Зацветет еще прекрасней
Родины земля.

Сталин, шлем тебе спасибо,
Крепко руку жмем,
Ведь твоею мы заботой
Счастливо живем.

Песня была создана в первые годы строительства и с новой силой зазвучала после Великой Отечественной войны.

Любимому вождю посвящена также песня, созданная одним из участников строительства, товарищем Дедовым:

Поднимайся, песня, выше
И лети во все края,
Пусть народ везде услышит
Про хорошие дела.

Про ударную работу,
Про счастливый гордый труд,
Про вождя, его заботу
Песню звонкую поют.

Все ты видишь, все ты знаешь,
Конституции творец,
Нас в работе вдохновляешь,
Сталин — мудрый наш отец.

Многие песни зовут И. В. Сталина в гости на строительство и в кубанские колхозы, чтобы вождь посмотрел на богатую, счастливую жизнь колхозников, увидел одержанные ими победы. С этой темой мы встречаемся в «Колхозной песне», сложенной колхозниками сельхозартели имени Калинина, работавшими на строительстве:

Расцветут поля родные,
Победим мы суховей,
Лаской Сталина согреты
Будем жить мы веселей.

Приезжай, товарищ Сталин,
В гости к нам, отец родной,
Мы еще счастливей станем
Жить с кубанскою водой.

О горячем желании видеть Сталина в родном краю говорят также слова другой народной песни, очень популярной на строительстве:

Как бы нам теперь, ребята,
В гости Сталина позвать,
Чтобы Сталину родному
Все богатства показать!

Песни и частушки строителей говорят о готовности народа выполнить указание большевистской партии и ее вождя — великого Сталина:

Мы народ колхозный, дружный,
Очень спаянный народ.
Если Сталин скажет: нужно —
До Москвы канал дойдет!

О глубокой вере в могущество большевистской партии, единой с советским народом, свидетельствует пословица, ставшая одним из любимых народных изречений в Ставропольском крае: «Пойдет вода Кубань-реки, куда велят большевики».

Эти слова передавались устно, их писали как лозунги на красных полотнищах и плакатах, в клубах, библиотеках, красных уголках.

Истинно народно письмо товарищу Сталину ростовчан — участников строительства. В письме нашли отражение вековая мечта о живой воде, глубокая благодарность вождю, проявляющему отеческую заботу о трудящихся. Письмо рисует яркую картину будущего преображенного края, ставшего после обводнения краем полного изобилия и плодородия, покрывшегося садами и виноградниками, залитого светом гидроэлектростанций.

Письмо заканчивается словами, прославляющими творца новой светлой жизни — Сталина:

Ты для народа — вожак боевой,
Нас по дороге ведешь столбовой,
И незаметных, простых людей
Ты превращаешь в богатыйрей.

Учишь железными быть в борьбе,
Тысячу раз спасибо тебе.
Долго живи, не старей в боях,
Нам на радость, врагам на страх.

Произведения, посвященные И. В. Сталину, чрезвычайно разнообразны по жанрам; но их объединяют одни мысли, одни чувства народа. Сталин, партия и народ едины — утверждают произведения народного творчества о Невинномысском канале.

Нерушимое единство советского народа с большевистской партией и ее великим вождем товарищем Сталиным — то единство, которое ежедневно, ежечасно строители доказывали своим трудом, — нашло отражение в произведениях о замечательной Сталинской стройке.

Строительство канала явилось прекрасной школой коммунистического воспитания. Свободный, коллективный труд на благо любимой Родины, труд, преобразующий природу, укреплял в строителях качества новых людей, воспитывал в них беззаветных, стойких борцов за победу коммунизма.

С первых же дней строительства на трассе канала развернулось социалистическое соревнование, возглавляемое партийной организацией

стройки. Тема свободного, творческого труда, нового, социалистического отношения к труду является одной из основных тем народных произведений о Невинномысском канале. Эти произведения свидетельствуют о том, что труд на благо Родины стал основным содержанием жизни советских людей.

Трудовой энтузиазм строителей прекрасно отражен в коротких, но выразительных призывах: «Силам народа предела нет, добьются стахановцы новых побед». — «Мы первыми всюду — в бою и в труде, досрочно проложим дорогу воде». — «Чтобы бескрайняя степь расцветала, будь среди первых на трассе канала».

Чрезвычайно большое распространение на строительстве канала имели частушки. Этот живой, гибкий жанр давал возможность быстро откликаться на события дня, прославлять успехи передовиков соревнования, обличать лодырей. Многочисленные частушки, созданные строителями, призывают к перевыполнению установленных норм, выражают уверенность в досрочном окончании работ.

Показать себя сумеем
Мы в труде родном
И стахановской работой
Знамя красное возьмем.
Подберем ключи к Кубани,
Ототкнем ее замки,
Пустим воду по каналу
Для засушливой степи.

Живо откликались частушки на достижения стахановцев. И теперь, когда строительство уже окончено, в колхозах Ставрополя можно услышать частушки о героях стройки:

Победною дорожкой
Уедем мы домой!
На все лады, гармошка,
Звени, играй и пой!

Мы все горды по праву,
Прославлен нами труд,
Овеянные славой
Стахановцы поют.

В частушках отмечена непреклонная вера советского человека в то, что замечательные трудовые успехи доступны каждому, кто любит труд, кто стремится отдать все силы работе на благо Родины.

Создавались частушки и по образцу «страданий»; но при этом знакомая мелодия переставала даже напоминать о традиционных «страданиях».

Эх, дайте круг,
Расстояние,
Споём для подруг
Страдание.
Эх, травочка,
Росистая,
Эх девочка
Голосистая.
В труде всегда
Мы веселые.

Пойдет вода
Всеми селами.
Ларионова дает
Норм десяточек,
И вся трасса поет
Про девчачечек.
Эх, пой, гармонь,
Планки тонкие,
Мы в работе — огонь,
В песнях звонкие.

Среди песен и частушек о Невинномысском канале имеет место и любовная лирика. Личная жизнь девушки, о которой поется в песнях и частушках, неразрывно связана с общественными интересами, подчинена им; мотивы любви тесно переплетены с темой труда.

Мой милёночек в колхозе,	Мы ударную работу
А я на канале.	Кончили досрочно.
Порабстаю на славу,	Я приеду, милый мой,
Чтоб меня все знали.	С хорошей премировкой,
Пишу милому письмо,	На канале, дорогой,
Целую заочно.	Я стала комсомолочкой.

Любовь девушки к милому основана на уважении к нему, к его трудовым успехам:

Коль хотите вы узнать,
О ком моя забота,
Имя милого ищите
На доске почета.

Тот, кто отстаёт в труде, не может заслужить любви:

Я тебя любить не стану,
Что-ж ты удивляешься?
Ты в работе на канале
На лучших не равняешься!

Прославляя героев-стахановцев, строители сурово осуждали тех, кто своим недобросовестным отношением к труду тормозил строительные работы, вносил дезорганизацию. Обличение лени, нечестного отношения к труду нашло отражение в ряде сатирических народных произведений, созданных на строительстве. Многие из них настолько метки и выразительны, что были быстро подхвачены и распевались на всех участках стройки. Большой популярностью до сего времени пользуются «Частушки о лодыре».

Эх, гармошка черномеха,
На канале мы с тобой
Пропоем теперь для смеха,
Кто Петрушка есть такой.

Он в звене передовой,
Когда ест в столовой,
На гулянке боевой,
В труде бестолковый.

Это — лодырь, его знает
На канале весь народ:
Час копает, два вздыхает,
Три часа водичку пьёт.

Каждый лодырь в нашем деле —
Это сорная трава.
Крой домой, чтоб не болели
От работы рукава.

Лодырям и разгильдяям не могло быть места среди участников замечательной народной стройки. Открытая беспощадная критика недостатков в работе, строгое, требовательное отношение к себе и к товарищам явились важным средством борьбы за победу на строительстве. Темпы строительных работ возрастали с каждым днем. Окончание строительства было приурочено к 24 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 19 июня 1941 г. правительством было принято постановление «О мероприятиях по обводнению, водоснабжению и орошению Ставрополья», открывающее новые грандиозные возможности для преобразования природы края. Через 3 дня после того, как было принято это постановление,— 22 июня 1941 г.,— фашистская Германия прервала мирный созидательный труд советских людей. Началась Великая Отечественная война. Строители Невинномысского канала оставили работу и стали на защиту Родины.

В 1942 г. Ставропольский край испытал пять с лишним страшных месяцев временной фашистской оккупации. Фашистские варвары стремились уничтожить все самое дорогое для советского народа, разрушить, сжечь, стереть с лица земли лучшие творения свободного труда.*

Невинномысский канал был одним из замечательных сооружений в крае, строительством, которое открывало новые просторы перед трудящимися, новые перспективы плодотворного труда, новые пути к изобилию. Невинномысский канал был подвергнут беспощадному разрушению; взрывая, разбивая и сжигая все, что поддавалось уничтожению, оккупанты оставляли груды развалин на месте замечательных сооружений, любовно созданных трудом многих тысяч людей.

Советский народ в справедливом гневе поднялся на борьбу с вражеским нашествием. В рядах многомиллионной армии советского народа сражались и ставропольцы. На фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах сыны Ставропольщины жестоко мстили немецким захватчикам за разорение родного края, за смерть ни в чем не повинных советских людей, за те разрушения и утраты, которые принесли на нашу землю фашистские варвары.

В январе 1943 г. доблестные части Красной Армии освободили Ставрополье от ига немецкой оккупации.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия военного времени, строительство Невинномысского канала возобновилось. Начались работы по восстановлению разрушенных сооружений. На строительство один за другим приходили ветераны стройки. Вчерашние воины возвращались к мирному труду, от которого оторвало их коварное вражеское нападение. Во имя завоевания мира, во имя творческого созидания беспощадно сражались на фронтах Великой Отечественной войны мирные советские люди, которых только тяжелая необходимость заставила взять в руки оружие; во имя процветания Родины, счастья и изобилия родного края героически трудились вчерашние воины, овеванные славой справедливых и жестоких боев.

А те советские люди, которые еще оставались на линии фронта, в рядах сражающихся за мир и восстановление справедливости, жили завтрашним близким днем, светлым днем торжества мира. Они мечтали о том времени, когда смогут оставить оружие и вернуться в родные края, к любимой работе. Об этом красноречиво свидетельствуют письма, написанные бойцами, бывшими участниками строительства Невинномысского канала. Вот одно из них:

«Дорогие строители Невинномысского канала! Шлю вам боевой привет и пожелания успехов в строительстве Невинномысского канала!

Товарищи инженеры, техники и рабочие! Я был когда-то первым строителем Невинномысского канала, работал с 1936 года. Никогда я не

считался со временем, был бригадиром каменных работ, постройки быстро двигались вперед, как горная тучка поднимается, так и наши домики росли. Так же успешно мы, бывшие строители канала, двигаемся вперед и громим врага в его фашистской берлоге. Мы не даем врагу покоя ни днем, ни ночью, занимаем города и крепости, и ничто не может устоять перед нами.

Я много уничтожил немцев и немецких офицеров. Сейчас подходим к Берлину, победа наша близка. Желаю всему коллективу строителей успеха в работе. Призываю вас работать по-фронтовому, чтобы быстрее закончить канал.

Бывший ваш строительный рабочий, а может быть и будущий — жив буду — вернусь на стройку.

Меркулов Иван Захарович».

Письма фронтовиков находили горячий отклик среди широких масс строителей. Содержание их явилось богатым источником для народных произведений.

Это же стремление к миру и созиданию, призыв самоотверженным трудом закрепить воинскую славу звучит в целом ряде произведений народного творчества, созданных на строительстве в годы войны и в послевоенный период. Единство содержания писем фронтовиков и песен строителей — яркое свидетельство могучего, несокрушимого единства советских людей, их стремления к миру, их решимости в борьбе за прекрасное будущее своей страны.

Эта тема нашла яркое воплощение в переделке известной песни на слова А. Фатьянова «Где же вы теперь, друзья-однополчане».

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Встретились опять
Друзья-однополчане
На полях родной своей земли.

И теперь с восхода до заката
Нам пустынной степи не узнать.
Вышли снова в бой
Служилые солдаты
Засуху с полей родных прогнать.

Победы, одержанные в боях с врагом, вдохновляют советских людей на трудовые подвиги. Строители канала, овеянные славой боевых подвигов «служилые солдаты» стремятся и в послевоенные годы оправдать звание героев советской страны:

Часто вспоминаем мы, как жили,
Как теряли трудным верстам счет,
Как под Сталинградом
Немцев мы разбили,
На Днепре добавили еще.

Мы такой канал в степи построим,
Чтобы было видно по всему:
Здесь трудились мы,
Советские герои,
С боем отстаивавшие страну.

Воспоминания о недавних боях с врагами, прославление трудового героизма отражены также в ряде других народных произведений.

Большое участие в строительстве канала принимала молодежь. Еще в 1944 г., когда большинство строителей находилось на фронте, крайком ВЛКСМ объявил Невинномысский канал ударной комсомольской стройкой и обратился к молодежи Ставрополя с призывом принять активное участие в строительстве. В ответ на призыв крайкома комсомола на трассу пришла молодежь. Горячий энтузиазм молодых строителей нашел отражение в народном творчестве. Ярким примером про-

изведений, освещающих эту тему, являются многочисленные частушки известные под названием «Молодежных запевок».

Мы на трассе станем рядом
И в работе поднажмем,
Молодежные бригады
Дружным славятся трудом.

Призывая равняться на передовых, частушки и песни наглядно отражают успехи молодых стахановцев:

Нас работа не состарит,
Поспевай, да не плошай!
Ну-ка, Дремова Тамара,
Веселее запевай!

Ты дала пять норм за смену,
Вдвое больше можешь дать.
Наш порядок неизменный
Никому не уступать.

Работая под руководством коммунистов, перенимая опыт квалифицированных строителей, молодые рабочие успешно осваивали методы стахановского труда.

Героическим трудом строители добивались все новых и новых побед. Все новые и новые песни, частушки, призывы звучали над трассой канала. Созданные участниками строительства, они проникали далеко за пределы стройки, чтобы многие годы жить в городах и селах Ставрополья.

Неисчерпаемой темой творчества народа является приход кубанской воды в ставропольские степи. День открытия Невинномысского канала был большим народным торжеством и надолго запечатлелся в памяти ставропольчан.

Ставропольские села, станицы и хутора, расположенные вдоль русла Егорлыка, взволнованно готовились к встрече дорогой и долгожданной кубанской воды. Особенно колхозникам-старикам трудно было представить Егорлык полноводным: это они пережили страшные голодные годы дореволюционного времени; на их глазах погибали от суховеев всходы на полях; они десятками лет с надеждой смотрели на спасительные тучки, собирали снеговую и дождевую воду и хранили ее под замками. И старики-хлеборобы, и молодежь привыкли видеть русло Егорлыка сухим, поросшим худосочной травой и колючим низкорослым кустарником. Таким оно было десятки и сотни лет. Сотни лет мечтали люди о живой воде, которая могла бы оживить умершую реку, напоить иссушенную землю. И теперь, когда час прихода воды был близок, когда путь воде был проложен собственными руками, трудно было поверить, что вода действительно придет.

Долгожданный день, наконец, настал.

1 июня 1948 г. состоялся торжественный митинг, посвященный пуску Невинномысского канала. Еще одно грандиозное сооружение Сталинской эпохи вступило в строй.

Пошла вода Кубань-реки,
Куда велят большевики.

Кубань покорно подчинилась воле советских людей. Кубанская вода хлынула в пересохшее русло Егорлыка и влилась в сухие ставропольские степи, неся с собой новое счастье народу.

Из сел, станиц, хуторов выходили колхозники к руслу Егорлыка. Массы народа торжественно шли к реке со знаменами, портретами Ленина и Сталина, лозунгами. Напряженно ожидали назначенного времени, глядя вдаль, куда уходило сухое русло мертвой реки. Смотрели внимательно и взволнованно, так как на их глазах совершалось великое чудо, сотворенное по воле большевиков.

Умершая несколько столетий тому назад река ожила. На дне ее за-сверкали струйки живой воды, заполняя русло, превратились в шумливый поток, и новая, молодая река, полноводная река, созданная советскими людьми, понесла свои воды дальше, туда, где с нетерпением ждали ее прихода. Люди бросались навстречу воде, подходили вплотную к берегам.

Первой встречала кубанскую воду станица Сенгилеевская. Встречая долгожданную гостью, старики-колхозники станицы вошли по колено в воду, сняли шапки и торжественно поклонились реке.

Это было выражением глубокой народной благодарности людей, получивших богатый подарок, благодарности великой партии большевиков, гениальному, любимому Сталину, с чьим именем была одержана победа.

Старик-колхозник П. А. Беседин со слезами радости на глазах сказал: «Много лет мы ждали этого дня, и вот дождались. Кубанская вода идет по нашей станице. Так спасибо же тем, кто строил канал, спасибо советской власти, спасибо Сталину за заботу о нас, колхозниках...»

Глубокой благодарностью партии и правительству проникнуты слова демобилизованного из Советской Армии моториста С. Красникова, который, готовясь вместе с жителями станицы к встрече кубанской воды, говорил: «...Радость-то какая, товарищи казаки, земляки-ставропольчане! Сегодня я выйду на канал в праздничном костюме, как и все наши станичники. Награды боевые надену. Среди них есть у меня медаль «За оборону Москвы». Напоминает она, как суровой зимой сорок первого года защищал я Москву, где живет и работает товарищ Сталин. Думал я тогда: вот кончится война, разобьем врагов и еще лучше, чем до войны, жизнь свою устроим. Потому что больше ценить научился эту жизнь при нашей родной советской власти. Сегодня моя родная станица первой среди селений Ставрополя принимает кубанскую воду. Партия, правительство и великий Сталин оказали большую помощь нам, простым хлеборобам. От всего сердца своего, от всех своих станичников говорю: «Спасибо Вам, дорогой товарищ Сталин».

Кубанская вода наполнила русло Егорлыка. Строители Невинномысского канала рапортовали товарищу Сталину об окончании строительства. Ставропольские степи зазвенели песнями. Народ вдохновенно пел о великом вожде, о радостной жизни, о свободном труде, о новой, возрожденной реке.

Река, пришедшая в ставропольские степи, принадлежит к числу тех немногих рек земного шара, которые имеют несколько названий. На географических картах она продолжает именоваться Егорлыком; в обыденной речи жители прибрежных селений справедливо зовут ее Кубанью (или Малой Кубанью в отличие от основного русла); в народных песнях она названа Рекою Счастья.

О Реке Счастья с гордостью рассказывают, пишут и поют ставропольские колхозники. Возродились произведения, созданные много лет назад — в годы строительства.

Для текстов многих песен, частушек, пословиц, созданных в годы строительства и бытующих в настоящее время, характерна замена будущего времени настоящим в тех строках, где речь идет о приходе кубанской воды. Так например, теперь говорят:

Пошла (вместо: пойдет) вода Кубань-реки,
Куда велят большевики;

Мы еще счастливей стали (вместо: станем)
Жить с кубанскою водою и т. п.

Имена авторов большинства бытующих произведений забыты, но песни их зазвучали с новой силой, выражая торжество коллективного труда, победу советского человека над природой.

О воплощении в жизнь народных мечтаний говорят слова песни названной «Победным маршем».

Победным маршем дружные колонны
Идут к трибуне с песней боевой.
Ласкает ветер алые знамена
И поднимает песню над страной.

Она летит размашисто, как птица,
Взлетают в небо звонкие слова.
Ее поют и села, и станицы,
Ее поет красавица Москва.

Проложен путь Кубани многоводной
К родным полям могучею рукой.
Перед великой силою народной
Кубань легла покорною рекой.

Она пойдет, куда прикажут люди,
Бурливая, капризная река.
Таких чудесных и богатых будней
Не видели минувшие века.

Свершилось то, о чем давно мечтали.
Канал построен, радуйся, земля!
Ты приезжай, взгляни, товарищ Сталин,
Как расцвели колхозные поля.

Какой простор! Шумит пшеница в поле...
Течет, течет кубанская вода,
Еще богаче станет Ставрополье,
Не будем знать мы засух никогда.

Победным маршем дружные колонны
Идут к трибуне с песней боевой.
Ласкает ветер алые знамена
И поднимает песню над страной.

Она летит размашисто, как птица,
Взлетают в небо звонкие слова.
Ее поют и села, и станицы,
Ее поет красавица Москва!

Приходу кубанской воды, победе над извечным врагом-суховеем посвящены колхозные частушки, созданные после пуска Невинномысского канала.

Звонко песню распевая,
Птица в небо поднялась,
А по нашему по краю
Река Счастья разлилась.

Река Счастья, река Счастья,
Река полноводная,
Создала тебя, река,
Волюшка народная.

Не боимся суховея:
Мы с кубанской водой
Победить его сумеем,
Распрощались мы с бедой.

Народные произведения справедливо именуют Невинномысский канал и возрожденный Егорлык Рекою Счастья. Приход кубанской воды создал огромные возможности для дальнейшего подъема экономики и культуры Ставропольского края. Первый же хозяйственный год (1949/50) показал, какие богатства принесла с собой кубанская вода в ставропольские степи. С приходом кубанской воды изменились экономические условия и быт колхозников.

«По Егорлыку пришла к нам вода из Кубани,— рассказывают колхозники.— Хватает ее и для себя, и для скота, и для поливки огородов. Мы насадили новые сады, разводим гусей и уток, дома воды сколько хочешь. Такое облегчение пришло к нам с кубанской водой, что мы только мечтать о том могли. Недаром в песнях поют, что пришла к нам Река Счастья: и счастье, и богатство принесла нам кубанская вода».

Народные произведения о строительстве, о преобразовании природы, о коллективном свободном труде являются ярким выражением стремления советского народа к миру. Советские строители, творцы нового коммунистического общества, горды тем, что они заняты мирным созидательным трудом. Произведения народного творчества подчеркивают, что стахановский труд служит делу укрепления мира.

Празднуя в 1950 г. окончание уборки урожая в День колхозника в Ставропольском парке культуры и отдыха, колхозники пели:

Враг войною беспощадной
Угрожает нам опять.
Мы стахановской работой
Мир сумеем отстоять.

Не бывать войне-нечаястью,
Будет мир непобедим!
Край, где льются речи счастья,
Мы врагу не отдадим!

Невинномысский канал — лишь одна из многих Сталинских строек, создаваемых в советском государстве:

Мы по ленинским заветам
Сталинским путем идем
И по всей Стране Советов
Реки Счастья разольем.

Невинномысский канал не так уж велик по сравнению с теми грандиозными сооружениями, которые создаются в нашей стране. Народы Советского Союза своим героическим трудом осуществляют величественное строительство Сталинской эпохи; творцы произведений народного творчества — участники великих строек — рассказывают о ней в своих песнях, стихах, рассказах. Народные сказания и песни о великих Сталинских стройках рассказывают всему миру о том, как борются за счастье и мир трудящиеся Страны Советов, как реки и горы покоряются воле советских людей, воле могучей и непобедимой большевистской партии, воле великого Сталина.

Л. И. ЛАВРОВ

ФОРМЫ ЖИЛИЩА У НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КAVKAZA ДО СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Исторический очерк

Изучению форм жилища у коренных народов Северо-западного Кавказа посвящены работы А. А. Миллера, Е. М. Шиллинга, А. П. Мухина, И. И. Муравьева, Е. Р. Бинкевич, Е. Н. Студенецкой, И. А. Аджинджала¹. Можно не соглашаться с отдельными положениями этих авторов, можно кое в чем их дополнить, но в основном их работы достаточно полно осветили кабардинское, адыгейское и абхазское жилища с конца XVIII в. и до наших дней. Несмотря на это, мы все же решаемся снова вернуться к вопросу о жилище на Северо-западном Кавказе, так как ни один из перечисленных авторов не ставил перед собой задачи исследовать формы жилища до середины XVIII в.

В эпоху палеолита на Северо-западном Кавказе существовало несколько типов жилища. Наиболее известным из них остается пещерный тип. О Навалишинской пещере (Адлеровский район) С. Н. Замятнин пишет: «По характеру находок можно думать, что Навалишинская пещера не являлась местом постоянного поселения, а представляла собою лишь сезонную стоянку». На основании наблюдений, сделанных С. Н. Замятниным в Ахштырской пещере (тот же район), жизнь ее палеолитических обитателей протекала главным образом около самого входа, где было достаточно дневного света. Раскопки, произведенные в глубине пещеры, дали только одиночные осколки кремня, в то время как раскопки у входа обнаружили следы очагов, большое количество каменных орудий и кухонных отбросов².

Ильская палеолитическая стоянка была не временным, а постоянным местообитанием нескольких поколений охотников, успевших убить более 2400 голов одних только зубров. На территории стоянки В. А. Городцов обнаружил дугообразный каменный заборчик из доломитовых плиток положенных в один ряд. Высота заборчика была настолько незначительной, что через него можно было переходить. По мнению В. А. Го

¹ А. А. Миллер, Черкесские постройки, Материалы по этнографии России, II СПб., 1914; его же, Из поездки по Абхазии в 1907 г., там же, т. I, СПб., 1910; Е. М. Шиллинг, В Гудаутской Абхазии, «Этнография», 1926, № 1—2; А. П. Мухин, Санитарное состояние аулов Афипис и Кошехабль, «Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», № 87. Адыге, их быт, физическое развитие и болезни, Ростов-на-Дону, 1929; И. И. Муравьев, Шапсугия. Медико-санитарное обследование. Приложение к журн. «Советская медицина на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, 1929; Е. Р. Бинкевич, К истории черкесского жилища, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», VI, М.—Л., 1949; Е. Н. Студенецкая, Современное кабардинское жилище, «Советская этнография», 1948, № 4; И. А. Аджинджал, Жилище абхазов. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени канд. историч. наук, Сухуми, 1950.

² С. Н. Замятнин, Навалишинская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа, «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», М.—Л., 1940, № 6—7, стр. 101; Обзор полевых археологических исследований ИИМ АН СССР в 1938 г., «Краткие сообщения ИИМК», I, М.—Л., 1939, стр. 29.

родцова, такой заборчик некогда ограничивал собой круглую площадку земли 10 м в диаметре. На площадке оказалось два или три очага и большое количество кухонных отбросов и каменных орудий. Огонь в очагах разводился непосредственно на земляном полу. По четырем сторонам очагов находились небольшие «каменные столики»³. Все это дает возможность предполагать, что заборчик представляет собой остаток каменного основания первобытного жилища, имевшего в плане круглую форму. Само жилище, повидимому, сооружалось из длинных деревянных веток, которые, по всей вероятности, сходились над центром постройки. Таким образом, это сооружение имело форму конуса.

Такой вывод был бы правдоподобен, если бы не отрицательное отношение к «заборчику» другого исследователя Ильской стоянки — С. Н. Замятнина. Последний считает, что дугообразная загородка обязана своим происхождением Ильскому нефтяному промыслу и возведена в качестве подставки под нефтяной бак⁴. Таким образом, как ни соблазнительно открытие В. А. Городцова для реконструкции палеолитического жилища, мы от него вынуждены отказаться и ограничиться лишь следующим выводом: оседлый характер Ильской стоянки и отсутствие пещеры и следов землянок доказывают, что жилищем здесь являлось искусственное наземное сооружение, по всей вероятности, шалаш, сделанный из веток. Даже не принимая во внимание находки круглого «заборчика» в Ильской стоянке, мы все же склонны считать, что наземное жилище древних обитателей Северо-западного Кавказа имело в плане круглую форму. Такой вывод вытекает из учета этнографических материалов.

Древнейшим из известных нам типов жилого дома абхазцев, абазин и адыгейцев была круглая в плане плетеная постройка. Было бы неправильно думать, будто она произошла от войлочной юрты кочевников, а не от круглого в плане шалаша, сделанного из веток. С одной стороны, всем известны лесные богатства Северо-западного Кавказа, которые могли послужить строительным материалом для первобытного жилища. С другой стороны, у нас нет абсолютно никаких данных утверждать, что предки горского населения Северо-западного Кавказа были когда-либо степными кочевниками.

Л. Н. Соловьёв, изучая палеолитическую стоянку у с. Анухвы Абхазской (около Ахали Афони), обнаружил следы древних землянок⁵. Но, к сожалению, нет доказательств, что землянки принадлежат к той же эпохе, к какой относятся найденные по соседству палеолитические орудия.

Для палеолитических находок в Абхазии характерна их значительная разбросанность по площади. «Культурные остатки, — говорит С. Н. Замятнин об орудиях палеолита в Абхазии, — уже в глубокой древности испытали более или менее значительные перемещения и рассеяны в виде единичных находок на весьма значительной площади»⁶. Нет оснований спорить с С. Н. Замятниным и утверждать, что такие перемещения вообще могли случаться часто (например, об этом говорят находки палеолитических орудий в аллювиальных отложениях), но думается, что нельзя объяснять разбросанность палеолитических остатков только почвообразовательными или тектоническими процессами.

³ В. А. Городцов, Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 года. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», М.—Л., 1940, № 6—7, стр. 90; его же, Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки, «Материалы исследования по археологии СССР», М.—Л., 1941, № 2, стр. 23—25.

⁴ Личное сообщение С. Н. Замятнина.

⁵ Научная сессия ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья, «Краткие сообщения ИИМК», XXIV, М.—Л., 1949, стр. 13.

⁶ С. Н. Замятнин, Палеолит Абхазии, Труды Ин-та абхазской культуры, X Сухуми, 1937, стр. 5.

В Абхазии известно уже несколько десятков местонахождений палеолита, и при этом ни одно из них не подходит под понятие стоянки. Ясно, что перед нами результат не только почвообразовательного процесса, но также и условий быта палеолитического человека. Первобытные охотники не всегда могли пользоваться постоянным стойбищем вроде Ильской стоянки. Чаше приходилось вести кочевой образ жизни, вследствие чего в Абхазии и наблюдается рассеянность следов палеолита. Мы ничего не знаем о жилище кочевых охотников, но можно предполагать, что это были легко сооружаемый временный шалаш из веток и пещера.

Таким образом, в эпоху палеолита на Северо-западном Кавказе могли существовать следующие типы жилища: пещера, временный шалаш из веток и постоянная (видимо, круглая в плане) шалашевидная постройка. Существование в эту эпоху землянок, хотя и не исключается, но пока не подтверждено исследованиями.

Неолитическое жилище на Северо-западном Кавказе остается пока неизвестным. Исключение составляют естественные пещеры, в которых, помимо палеолитического слоя, обычно сохраняются неолитические, эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и даже средневековья. Когда пещера из обычного основного жилища превратилась в случайное помещение для чабанов, людей, скрывающихся от преследований, и других, — остается пока неизвестным. Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов, исследовавшие относящееся к неолитической эпохе Агубековское поселение около Нальчика, пишут: «...жилища древних обитателей нашего поселения, очевидно, представляли собою легкие плетеные хижины. Обнаруженные при раскопках куски обожженной глины не имеют оттиска плетня или стояков и не могут считаться, поэтому, остатками обмазки стен»⁷. Предположение, высказанное в прошлом веке о возможности нахождения древних свайных построек в окрестностях Пятигорска, Ставрополя, на Тамани и между Краснодаром и Азовским морем⁸, не подтвердилось.

На Очамчирском энеолитическом селище были найдены следы вертикально забитых в землю заостренных колышков и обожженные куски глиняной обмазки. Л. Н. Соловьев, исследовавший Очамчирское селище, считает, что колышки являются остатками шалаша, который после постройки был обмазан глиной. «Можно предполагать, — пишет Л. Н. Соловьев, — что жилища распределялись не равномерно по территории поселения, но были расположены группами. Культурный слой местами прерывается метров на 10—20 и лежит как бы отдельными большими пятнами, которых на территории селища было несколько.... Объясняется ли подобная группировка существованием каких-либо внутриродовых делений или она получилась в результате передвижения поселения в разные эпохи его существования — решить этот вопрос довольно трудно»⁹.

Очень интересные наблюдения сделаны А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким при раскопках Долинского селища эпохи меди. Оказалось, что селище состояло из разбросанных на значительном удалении друг от друга турлучных домов. Свободные промежутки между домами, видимо, использовались для земледелия. Дома имели, вероятно, прямоугольную планировку. Стены их состояли из вбитых в землю жердей (толщиной

⁷ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов, Неолитическое поселение близ Нальчика, «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1941, № 3, стр. 53.

⁸ А. П. Берже, Записка об археологии Кавказа, Труды второго археологического съезда в СПб., вып. 1, СПб., 1876, стр. 9; его же, Кавказ в археологическом отношении, Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета, М., 1879, стр. 31.

⁹ Л. Н. Соловьев, Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, I, Сухуми, 1939, стр. 54.

до 6 см), пространство между которыми заплеталось прутьями, имевшими в диаметре от 1 до 3 см. В отличие от теперешних турлучных домов Кавказа, стены домов Долинского селища состояли не из одного, а из двух параллельных рядов плетня. Промежуток между обоими рядами заполнялся глиной, замешанной с рубленой соломой. Кроме того, плетеные стены с двух сторон обмазывались такой же глиной. Полы представляли собой утрамбованную поверхность земли, не покрытую сверху никакой обмазкой. Очагами служили особые ямы в полу, напоминавшие современные закавказские печи для выпечки хлеба, так называемые тондыры. Ямы эти в Долинском селище имели форму усеченного конуса, основанием книзу. Кроме того, в жилищах имелись другие ямы, служившие, видимо, хранилищем для зерна и других продуктов¹⁰.

Жилища Долинского селища отличаются от позднейших турлучных типов жилища Северного Кавказа и Западного Закавказья наличием очага типа тондыра, сохранившегося теперь только в Закавказье, использованием ям для хранения продуктов и, наконец, отсутствием глиняной обмазки земляного пола. Наличие в стенах двойного плетня сохранялось в черкесских домах еще в XVII в.

В южной Абхазии, на территории Очамчирского селища, хронологически близкого Долинскому селищу, были обнаружены «небольшие площадки из необожженной глины», которые, по предположению Л. Н. Соловьева, могли быть остатками пола в жилом доме¹¹. Если это предположение соответствует действительности, то применение глиняной обмазки земляного пола в Абхазии можно будет датировать более ранним временем, чем на Северном Кавказе.

Несмотря на то, что жилища Долинского селища имели ряд таких особенностей, которые не встречаются в позднейших турлучных постройках Кавказа, между ними много общего. Материалы Долинского селища убеждают в глубокой древности турлучного строительства на Северном Кавказе и в Западном Закавказье. Эти материалы опровергают сравнительно недавно высказанное мнение о том, что кабардинцы и другие коренные народы Северного Кавказа «отказались от плоскокрышей горской сакли» только «под влиянием русских казаков»¹². В этом отношении более прав А. П. Берже, который еще в прошлом веке писал о Черкесии и Имеретии: «здесь обитатели спокон века жили в деревянных домах»¹³. Разумеется, А. П. Берже «деревянными» называл дома, плетеные из веток.

Распространились ли турлучные постройки на Западный Кавказ с территории, заселенной русскими и украинцами, или же наоборот, — украинские и южнорусские турлучные постройки произошли от западнокавказских, — вопрос этот в данное время неразрешим, и поэтому нет смысла его сейчас ставить. Ясно лишь, что и на Украине и на Западном Кавказе всегда под рукой было достаточно глины, деревянных жердей и соломы, которые необходимы для сооружения турлучных построек. Поэтому они могли существовать и на Украине и на Западном Кавказе с древнейших времен, что и подтверждается археологическими материалами.

¹⁰ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Долинское поселение у г. Нальчика. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3, стр. 170—174; А. А. Иессен, Археологические памятники Кабардино-Балкарии, там же, стр. 17; Е. И. Крупнов, Краткий очерк археологии Кабардинской АССР, Нальчик, 1946, стр. 19—20.

¹¹ Л. Н. Соловьев, Археологические раскопки близ г. Очамчиры в Абхазии, «Советская археология», IV, М.—Л., 1937, стр. 323.

¹² Кабардинский научно-исследовательский институт, Ученые записки, т. I, Нальчик, 1946, стр. 80.

¹³ А. П. Берже, Записка об археологии Кавказа, стр. 3.

Для эпохи поздней бронзы Е. И. Крупнов предполагает существование на Северном Кавказе «грубо сложенных из дикого камня хижин» или же «турлучных, т. е. плетеных, обмазанных глиной саклей»¹⁴. Против этого нельзя возражать, только следует оговорить, что каменные хижины были наиболее вероятным типом жилища в безлесных горах центральной и восточной частей Северного Кавказа, тогда как турлучные — на Северо-западном Кавказе и частично в предгорной полосе центральной части Северного Кавказа.

Л. Н. Соловьев не без основания предполагает, что в южной, низкой части Абхазии в эпоху поздней бронзы существовал такой же тип поселения, какой в это время известен в соседней Мегрелии, а именно — поселения на искусственно насыпанных холмах среди топких болот. Подобные поселения в Мегрелии бывали окружены частоколом и водяным рвом. Что же касается до горной полосы Абхазии (которая около этого времени была освоена человеком), то в позднюю бронзу там появились «отдельные разбросанные в горах хижины, но в некоторых местах, на гребнях холмов были отмечены поселения характера небольших укреплений». В целом абхазские поселения поздней бронзы были малого размера. Л. Н. Соловьев считает, что «жилищем служили полуземлянки или легкие шалаши из веток»¹⁵.

Л. Н. Соловьев, видимо, ошибается, приписывая абхазским носителям кобанско-колхидской культуры такие примитивные типы жилища, как полуземлянки и легкие шалаши. Выше мы видели, что уже в самом начале эпохи меди в Кабарде существовали турлучные дома, судя по некоторым данным, с прямоугольной планировкой. Нет оснований предполагать, что в ту пору Абхазия сильно отставала от Кабарды в развитии жилищного строительства.

Археологические материалы и письменные документы скифо-сарматского времени дают возможность предполагать, что на территории Северо-западного Кавказа существовало параллельно несколько разных типов жилища.

Так как в скифо-сарматское время часть населения степей Северного Кавказа была кочевниками, то среди существовавших тогда жилищ нужно назвать кибитку, которая представляла собой передвижной дом на колесах или, точнее, повозку с полуцилиндрической крышей.

Страбон (I в. н. э.) писал, что на Кавказе есть «некоторые троглодиты, живущие вследствие холодов в пещерах»¹⁶. Нельзя понимать эти слова буквально. Во времена Страбона жилищное строительство на Кавказе, пройдя до этого длинный путь, успело накопить большой опыт, который позволил местному населению не только давно отказаться от пользования естественными пещерами, но в ряде случаев сооружать большие и сложные постройки, вроде замка фатейского царя Арифарна. Страбон мог назвать троглодитами обитателей катакомб. В разные эпохи катакомбы нередко высекали в скалах (наподобие Уплис-цихе в Грузии и Рым-горы на Северном Кавказе). Под троглодитами Страбон мог разуметь также горцев Центрального и Восточного Кавказа, которые до наших дней сохранили традицию жить в сложенных из камней домах, издали напоминающих катакомбы. В том и другом случае троглодитами Страбон называет жителей не всей исследуемой нами территории, а только ее крайней восточной части.

¹⁴ Е. Крупнов, Кавказ в первом тысячелетии до нашей эры, «Советский музей», 1936, № 5, стр. 42.

¹⁵ Л. Н. Соловьев, Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире, Труды Абхазского гос. музея, I, Сухуми, 1947, стр. 24—25.

¹⁶ В. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890, стр. 147.

В Абхазии около г. Очамчире Л. Н. Соловьев обнаружил «остатки землянок», которые он определил как жилые помещения существовавшего там в V—IV вв. до н. э. небольшого поселения¹⁷.

В Прикубанье на территории селищ и городищ скифо-сарматского времени археологи неоднократно находят куски глиняной обмазки стен с отпечатками камыша и тонких прутьев. Такие находки глиняной обмазки известны из ст. Кавказской¹⁸, ст. Тбилисской¹⁹, ст. Пашковской (глиняная обмазка с отпечатками камыша)²⁰, Краснодара (глиняная обмазка вместе с кусками обгорелого камыша)²¹, ст. Елизаветинской (глиняная обмазка с деревом, камнем и следами камыша)²², хут. Ново-Некрасовского (глиняная обмазка с отпечатками жердей и камыша)²³, ст. Роговской, ст. Джерелиевской и г. Приморско-Ахтарска²⁴.

Относятся ли к скифо-сарматскому времени также и найденные у аула Ходзь «обломки обгорелой обмазки, сохранившие отпечатки жердей и ветвей плетневой стены»²⁵, сказать трудно.

Можно заключить, что при постройке таких домов сперва вбивали в землю столбы, потом заплетали тонкими ветками пространство между ними. Есть основание предполагать, что стены состояли не из одного, а из двух параллельных рядов плетня, между которыми набивалась глина. Такой способ постройки стен известен на Северо-западном Кавказе с самого начала применения металлов (Долинское поселение) до первой половины XVII в. В других случаях (повидимому, даже чаще) вместо плетня из веток применялись связки камыша. Плетень из хвороста или связки камыша создавали основу стен, которая в дальнейшем обмазывалась с обеих сторон глиной. Как видим, техника сооружения стен прикубанского дома в скифо-сарматский период — не нова. Мы ее знаем уже с начала эпохи металла (Долинское поселение в Кабарде). Эта техника сохранилась в западной половине Кавказа вплоть до наших дней.

На последнее обстоятельство обратил внимание и В. А. Городцов. Говоря о городище ст. Елизаветинской, он замечает, что, «судя по прослеженным деталям в развалинах древних городищенских и современных станичных домов, следует заключить, что методы их сооружений, если были не абсолютно схожими, то весьма близкими»²⁶. А. А. Миллер сопоставил открытое на Дону в Кобяковом городище жилище римского времени с теперешними адыгейскими домами и пишет, что «в конструктивном отношении это (кобяковское.—

¹⁷ Л. Н. Соловьев, Археологические раскопки близ г. Очамчиры в Абхазии. Советская археология, IV, М.—Л., 1937, стр. 324.

¹⁸ Н. В. Анфимов, К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху, Советская археология, XI, М.—Л., 1949, стр. 255.

¹⁹ Н. А. Захаров, Первые шаги изучения кубанских городищ, «Труды Северо-кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», № 26. Сборник статей по экономике и культуре, вып. 1, Краснодар, 1927, стр. 117.

²⁰ М. В. Покровский, Городища и могильники среднего Прикубанья, Труды Краснодарского гос. педагогического ин-та, т. VI, вып. 1, Краснодар, 1937, стр. 28.

²¹ Н. А. Захаров, Указ. соч., стр. 116; его же, Общий обзор обследования работ на городище в г. Краснодаре, Северо-кавказское краевое об-во археологии, истории и этнографии. Записки, кн. I (т. III), вып. 3—4, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 32.

²² В. А. Городцов, О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., «Советская этнография», 1935, № 3, стр. 76; его же, Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года, «Советская археология», I, М.—Л., 1936, стр. 172.

²³ Н. В. Анфимов, Мзотские поселения восточного Приазовья, «Краткие сообщения ИИМК», 1950, XXXIV, стр. 94.

²⁴ М. В. Покровский, Указ. соч., стр. 14.

²⁵ А. А. Миллер, Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах, Гос. Академия истории материальной культуры. Сообщения, I, Л., 1926, стр. 99.

²⁶ В. А. Городцов, Елизаветинское городище, стр. 174.

Л. Л.) древнее жилище в ряде признаков сближается с адыгейскими плетневыми жилыми постройками, обмазанными глиной. Столбы (с внешней стороны стен.— Л. Л.) при сравнительном изучении находят свое объяснение в черкесском жилище; у самых стен ставятся стоянки, скрепляющие стену и поддерживающие поперечные балки перекрытия, столбы же, несколько отстоящие от стены, предназначаются для навеса крыши. Однако имеются и существенные отличия. Прежде всего в черкесском жилище очаг не устраивается в середине пола, если, впрочем, постройка не является специально кухней; не бывает в полу и ям»²⁷.

В Елизаветинском городище на большой глубине были найдены куски глинобитной стены, на которых оказались остатки побелки мелом²⁸. Отсутствие каких бы то ни было сведений о применении побелки стен в более поздние времена заставляет предполагать, что спорадически существовавшая в скифо-сарматское время побелка стен позже была забыта и лишь с появлением русских на Кавказе стали снова возникать дома с побелкой.

В Елизаветинском городище найдены остатки глинобитных полов. Судя по занимаемой ими площади, дома были маленькие: в среднем $7 \times 5,5$ м. Следы очагов или печей замечены как на глинобитных полах внутри дома, так и вне его. Форму очагов или печей не удалось выяснить. В. А. Городцов говорит, что «повидимому, это были небольшие глинобитные сооружения». На территории Елизаветинского городища, как и в городах и поселениях Таманского полуострова и Черноморского побережья до Абхазии включительно, для покрытия домов широко применялась черепица боспорского типа²⁹. Для большей части жилых построек Прикубанья можно предполагать существование соломенных, камышевых и (в горах) папоротниковых крыш.

Из надворных сооружений в Елизаветинском городище обнаружены два колодца. О них В. А. Городцов сообщает: «Древние колодцы похожи на современные елизаветинские: они одинаково цилиндрической формы, и размеры их почти совпадают»³⁰. В городищах Прикубанья этой эпохи обычно находят конусообразные ямы, расширяющиеся книзу. Диаметр основания их до 2 м, а общая глубина достигает 3 м. В этих ямах находят зерна пшеницы. Повидимому, перед нами погребя скифо-сарматского времени³¹.

Кроме турлучных домов, в скифо-сарматское время стали строить также дома и из сырцового кирпича (самана). Куски последнего найдены около ст. Голубицкой³², хут. Равенство (бывший Семеняки), ст. Варениковской³³, Елизаветинской³⁴ и хут. Ново-Некрасовского³⁵. Постройки из самана широко распространены и до сих пор. Не исключена возможность, что техника саманного строительства была принесена сюда греками. В пользу этого говорят два обстоятельства. Во-первых, для времени до греческой колонизации саманных построек не обнару-

²⁷ А. А. Миллер, Указ. соч., стр. 121.

²⁸ В. А. Городцов, Елизаветинское городище, стр. 172.

²⁹ Там же, стр. 172—176; М. В. Покровский, Указ. соч., стр. 11; Л. Н. Соловьев. Селища с текстильной керамикой на побережье западной Грузии. «Советская археология», XIV, М.—Л., 1950, стр. 269.

³⁰ В. И. Городцов, Елизаветинское городище, стр. 176.

³¹ Там же, стр. 176; В. А. Городцов, О результатах археологических исследований Елизаветинского городища, стр. 76; М. В. Покровский, Указ. соч., стр. 11.

³² А. С. Башкиров, Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года, Труды этнографо-археологического музея I МГУ, М., 1927, стр. 30.

³³ А. С. Башкиров, Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года, Российская ассоциация институтов общественных наук. Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии, III, М., 1928, стр. 82 и 79.

³⁴ В. А. Городцов, Елизаветинское городище, стр. 172.

³⁵ Н. В. Анфимов, Мзотские поселения, стр. 94.

жено; во-вторых, для скифо-сарматского времени саманные постройки найдены только в районе непосредственного проживания греческого населения (Таманский полуостров) и в местах, находившихся под большим влиянием греческой культуры (Елизаветинское городище).

У Диодора Сицилийского (вторая половина I в. до н. э.) сохранилось краткое описание замка Арифарна — царя племени фатейцев, обитавших вблизи восточного берега Азовского моря. Замок этот «стоял у реки Фата, которая обтекала его и вследствие своей значительной глубины, делала неприступным; кроме того, он был окружен высокими утесами и огромным лесом, так что имел всего два искусственных доступа, из коих один, ведущий к самому замку, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся деревянными палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами и жилые помещения находились над водою»³⁶. Таким образом, перед нами свайная постройка, со всех сторон защищенная естественными препятствиями и искусственной фортификацией. Из сочинения Диодора можно заключить, что замок Арифарна находился недалеко от моря, Боспора и, очевидно, нижнего течения Кубани. Повидимому, свайные постройки возводились на правой стороне нижнего течения Кубани, где имеются неприступные для нападающих водные рубежи, тогда как ни одна из многочисленных рек левобережья нижней Кубани не может стать таким рубежом. Возможность сооружения дома на сваях в самой реке Кубани трудно предположить, так как там наблюдаются сильные годовые колебания уровня воды и быстрое течение. На правобережье нижней Кубани, где расположены огромные Приазовские плавни (т. е. болота, покрытые камышом), жители могли прибегать к постройке свайных домов и для защиты от множества водящихся там комаров.

В рассматриваемое время в греческих городах Таманского полуострова для строительства применялся колотый и тесаный камень. На этой территории нередко находят каменные фундаменты, остатки стен, обломки колонн. Культурные слои в поселениях, имевших греческое или сильно эллинизированное население (Таманский полуостров, низовье р. Кубани, Черноморское побережье), содержат куски жженого кирпича, впервые появившегося здесь только с римского времени³⁷, и черепицы, применение которой в Фанагории известно уже с V в. до н. э.³⁸ В Фанагории найдена цветная расписная и лепная штукатурка, украшавшая стены домов (IV—I вв. до н. э.)³⁹. В районе хут. Равенство (Таманский полуостров) А. С. Башкиров обнаружил остатки пола с парадной фресковой живописью эллинистического времени⁴⁰.

На территории Семибратнего городища (около ст. Варениковской) Н. В. Анфимову удалось детально исследовать остатки дома III в. до н. э., построенного, видимо, в боспорской строительной технике. Четырехугольный в плане, этот дом имел 22,5 м в длину и 19,5 м в ширину. Толщина наружных стен была чрезвычайно большой — 1,7 м. Стены сложены «насухо из массивных квадратных плит ракушечного известняка и состоят из двух рядов кладки (наружного и внутреннего панцыря),

³⁶ В. В. Латышев, Указ. соч., I, стр. 475.

³⁷ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 148.

³⁸ В. Д. Блаватский, Рецензия на книгу Д. П. Каллистова «Очерки по истории северного Причерноморья», «Вестник древней истории», 1950, № 3, стр. 116.

³⁹ В. Ф. Гайдукевич, Указ. соч., стр. 200; Н. Я. Мерперт, Некоторые итоги полевых археологических исследований в 1949 г., «Вестник древней истории», 1950, № 2, стр. 221.

⁴⁰ А. С. Башкиров, Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года, стр. 82—83. Возможно, также относился к фресковому полу обнаруженный здесь в 1896 г. «кусоч штукатурки, покрытый ярко красною краскою». Об этом см. «Отчет Археологической комиссии за 1896 г.», СПб., 1898, стр. 64.

небольшое пространство между которыми заполнено мелким бутовым камнем и щебнем. Квадры наружного панцыря больше по величине, чем внутреннего». Длина их 1,30—1,34 м, а высота 0,30—0,50 м. Они «тщательно отесаны и хорошо пригнаны друг к другу... На фасаде здания у юго-западного угла имеется рельефная маска льва, высеченная на угловом квадре второго ряда». Толщина внутренних стен колеблется от 1,35 до 1,40 м, «кладка их менее тщательна; в нижних частях она состоит из квадров, в верхних рядах из иррегулярных камней разной величины, сложенных на глине... Внутренними стенами здание разделяется на шесть помещений, из которых центральное, повидимому, является внутренним двориком. ...Главный вход в здание... ограничен снаружи двумя массивными гладкими столбами, квадратными в плане». Внутренний дворик (9,1 × 5,4 м) имеет колодец, обложенный с четырех сторон камнями. В комнатах сохранились остатки каменного пола. Посередине одной из комнат найдена база колонны. На полу в комнатах лежат куски черепицы от обвалившейся крыши. Рядом с домом оказались конусообразные ямы-погреба.

Н. В. Анфимов считает, что в «архитектурном отношении здание... не является чисто греческим, а носит целый ряд черт местного характера, представляя, может быть, образец синдской архитектуры»⁴¹. В. Ф. Гайдукевич, напротив, не считает это здание постройкой местных племен, а относит его к греческому строительству. Он, между прочим, указывает на сходные черты только что описанного дома с домом, открытым в Крыму около древней Пантикапеи⁴².

Мы не берем на себя смелости ответить на вопрос, кем построен и кому принадлежал дом Семибратнего городища. С одинаковой степенью вероятности его можно приписывать и грекам и синдам, так как последние являлись одним из наиболее эллинизированных племен нашего Причерноморья и поэтому могли у себя строить дома одинаковые с греческими. Но если дом Семибратнего городища и относится к числу синдских построек, то мы твердо убеждены, что он не может быть признан жилищем рядового синда. Такой дом мог принадлежать или богатому греку, или представителю синдской племенной знати.

В раннем средневековье на Северо-западном Кавказе существовали следующие типы жилища: подвижная кибитка (у кочевников), каменная сакля (в Кабарде), каменный дом с черепичной крышей (на побережье Черного и Азовского морей) и турлучный дом.

В северокавказских степях и в горах центральной части Кавказа в период раннего средневековья обитали аланы. У степных алан было распространено кочевое скотоводство. Аммиан Марцеллин (вторая половина IV в.) рассказывает, что «у них не видно ни храмов, ни святынь, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломою хижин», что они «живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям»⁴³.

Т. М. Минаева, исследуя Гилячское городище с соседними могильниками (Клухорский район Грузинской ССР — IV—V вв. н. э.) и могильник Байтал-Чапкан (в Черкесской автономной области — того же времени), пришла к выводу, что оба эти памятника «говорят об оседлом образе жизни оставившего их населения»⁴⁴. Не будет ошибки, если мы

⁴¹ Н. В. Анфимов, Новые данные к истории азиатского Боспора, «Советская археология», VII, М.—Л., 1941, стр. 258—263; его же. Археологические исследования на Тамани, газ. «Большевик» от 16 июля 1939 г., Краснодар; В. Гольмстед, Обзор археологических работ в 1937 г. «Вестник древней истории», 1938, № 3, стр. 250.

⁴² В. Ф. Гайдукевич, Указ. соч., стр. 224.

⁴³ В. В. Латышев, Указ. соч., II, стр. 342 и 340.

⁴⁴ Т. М. Минаева, Могильник Байтал-Чапкан, Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3, Ставрополь, 1950, стр. 236.

то же самое скажем в отношении всех других памятников горной и предгорной полосы Кавказа, относящихся к периоду раннего средневековья.

Б. Е. Деген-Ковалевский раскопал остатки каменного жилого дома на территории Зеюковского поселения № 2 (в Кабарде), относящегося к VI—VIII вв. н. э. Пол в доме состоял из щебня и мелкого булыжника, поверх которых была наложена глиняная обмазка. Площадь пола 10×6 м. Стены сложены из камней, без применения цементирующих веществ. Наружная сторона стен покрыта известково-глиняной штукатуркой. Дом состоял из двух или из трех комнат. В одной из них (Б. Е. Деген-Ковалевский сопоставляет ее со сванским «дарбазом» и осетинским «хадзаром») имелся очаг, расположенный у задней стены. Очаг представляет собой яму, сделанную в полу и оборудованную специальными гончарными плитками. Передняя сторона очага отделана четырьмя большими камнями (до 5 см высотой). По бокам очаг окаймлялся выложенной из плоских камней ступенькой (40×100 см), имевшей высоту до 15 см. Перед очагом стояла большая скамья из двух подтесанных каменных глыб высотой около 45 см. Над очагом, повидимому, имелся плетенный из хвороста и обмазанный глиной щит. Во всяком случае куски известково-глинистой обмазки с отпечатками плитенки из жердей лежали около очага.

Около очага найден раздавленный большой глиняный сосуд с костями — остатками мясной пищи. Рядом с сосудом следы какого-то сооружения из камней, обмазанных с одной стороны глиной. Б. Е. Деген-Ковалевский пишет, что «сооружение это не имеет precedентов в археологических материалах, а также и аналогий в живом горском быту. Наиболее вероятно, что оно представляло собой хранилище для зерна, муки и т. п., на манер современных... «сапеток».

Пол в северной части комнаты на 15 см выше, чем в других ее местах. Возможно, тут было устроено возвышение для сна. Не исключена также возможность, что тут была особая комната с полом другого уровня. Другая, значительно меньшая, комната находилась северо-западнее описанного очага. В ней также имелся очаг, выложенный несколькими плоскими камнями. Очаг был усыпан обломками мелкой посуды и небольшим количеством костей от мясной пищи. «Дверь этого помещения отмечена наличием дверного пятникового камня». Так как с южной и юго-восточной сторон дома имеется откос, то здесь была устроена из камней лестница или же укрепленный подъем к входу в дом. Рядом с домом был завал из крупных и мелких камней. Б. Е. Деген-Ковалевский предполагает, что здесь была каменная пристройка, служившая хлевом для мелкого скота. На дворе около дома найдена расширяющаяся книзу печная яма глубиной около 1,5 м. Б. Е. Деген-Ковалевский резонно сопоставляет ее с закавказским тондыром.

В яме оказались черепки глиняной посуды, остатки пищи (костей) и круглая галька. «Закопченность наружных стенок некоторых из таких (найденных в яме разбитыми.— Л. Л.) сосудов и находка шести из них прямо в очаге показывает на то, что медный котел и железная очажная цепь не имели в данном обществе того обязательного характера, который мы застаем у всех кавказских яфетидов, а может быть и вовсе не употреблялись. Об обыкновении варить пищу непосредственно в горшке, который ставится прямо на очаг, говорит также прием утончения стенок горшка путем нанесения рядов вдавленных ногтем ямок по внутренней поверхности сосуда... для более быстрого его нагревания на очаге». По значительному количеству «тарелок», имевшихся в раскопанном доме, Б. Е. Деген-Ковалевский заключает, что данная семья состояла из 15—20 человек. Разумеется, такое допущение очень условно. находка головы и лопатки барана на руинах очага в малой комнате привела Б. Е. Деген-Ковалевского к другому, тоже не очень убедительному заключению: он считает, что малая комната служила кунацкой,

обосновывая это тем, что голова и лопатка туши в наши дни у горцев обычно предназначаются главе семьи или гостю.

Обнаружены остатки каменного забора. Рядом с раскопанным жилищем не было следов других жилищ. Ближайший дом оказался только в 100 м. Это говорит о том, что в период раннего средневековья обитатели Зеюковского поселения жили не тесно дом к дому (как обычно живут в горных селениях Центрального и Восточного Кавказа), а свободно располагали свои дома, каждый из которых имел значительный по площади двор ⁴⁵.

В бассейне верхней Кубани известно несколько обширных средневековых городищ с фундаментами зданий, остатками каменных построек. Каменные постройки А. Н. Дьячков-Тарасов приписывал князьям того народа, которому принадлежали городища ⁴⁶.

В средневековой Кабарде, кроме каменных домов, существовали и турлучные постройки с очагами и кладовой. Одно из таких жилищ позднеаланского времени недавно открыто в с. Псыхурей ⁴⁷. Этот тип построек не только теперь, но и в средние века имел большое распространение по всей равнинной части Северного Кавказа, доходя на востоке до Каспийского моря. Так, арабский писатель X в. ал-Мукаддасий сообщает, что если в Дербенте дома построены из камня и дерева, то в находившемся в северном Дагестане хазарском городе Семендере они были турлучными. «Жилища семендерцев, — говорит ал-Мукаддасий, — из дерева, переплетенного камышом; крыши у них остроконечные» ⁴⁸.

В торговых и административных центрах на черноморском берегу, заселенных в основном не коренными кавказскими народами, а византийцами, русскими и пр., продолжали существовать дома, часть из которых была сложена из камня, а другая имела каменные фундаменты.

Жилые постройки X—XII вв., открытые на территории городища ст. Таманской, стоят скученно. Построены они на каменном фундаменте, но стены у них из глины. Дома имеют печи, которые топились камышом и киззяками ⁴⁹. Глинобитные стены были не только у жилых домов. В предполагаемом древнем поселке Патрей открыты глинобитные стены крепости, которые датируются тмутараканским временем ⁵⁰. В Абхазии во многих местах известны руины раннесредневековых византийских сооружений из камня, тонкого прямоугольного кирпича и черепицы. Там же встречаются византийские водопроводы из гончарных труб и водопроводные виадуки. В Очамчире найден фундамент дома, сложенного из булыжника на извести с прокладкой крупных плоских средневековых кирпичей. Дом имел колонны из круглых кирпичей ⁵¹.

Несмотря на одновременное существование разных типов жилища можно сказать, что турлучные постройки в раннем средневековье, как в предыдущий период, являлись основным типом жилища на Северо-

⁴⁵ Б. Е. Деген-Ковалевский, Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции, «Известия ГАИМК», вып. 110. Археологические работы Академии и новостройках в 1932—1933 гг., II, М.—Л., 1935, стр. 17—26.

⁴⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов, Неизвестный древний торговый путь из Хорема в Византию через Кавказ, «Новый Восток», кн. 28, М., 1930, стр. 152 и 153.

⁴⁷ Проф. К. Е. Гриневич, Кабардинский ГПИ, «Вестник древней истории» 1950, № 4, стр. 208.

⁴⁸ Н. А. Караулов, Сведения арабских географов IX и X веков по р. Ху и Кавказе, Армении и Азербейджане, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 5, 9.

⁴⁹ А. А. Миллер, Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г., «Сообщения ГАИМК», 1932, № 3—4, стр. 58—60.

⁵⁰ Проф. А. С. Башкиров, Археологические изыскания в Абхазии лето 1925 года, «Известия Абхазского научного общества», вып. IV, Сухум, 1926, стр. 6, 8, 9, 13, 15, 16, 35, 36, 37 и др.

⁵¹ Л. Н. Соловьев, Энеолитическое селище, стр. 8; его же, Археологические раскопки близ г. Очамчиры, стр. 324; Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 273.

западном Кавказе. Он остался основным и в послемонгольское время. В конце XV в. Г. Интериано писал, что во время междоусобных войн черкесы «зажигают жилища неприятелей, которые все построены из соломы, привязавши горящую серу к стрелам». Речь здесь идет, конечно, о соломенных крышах.

Г. Интериано упоминает о существовании у черкесов особых домов, предназначенных для помещения гостей (кунацкая, по-черкесски — хьэкIэш): «Гостеприимный дом зовется у них кунаном (сопасо)». О технике постройки дома у черкесов Г. Интериано сообщает: «Их дома построены из соломы либо дерева, и большое было бы посрамление знатному человеку построить дом либо замок с крепкими стенами, в особенности для своего собственного жительства, потому что это показывает человека малодушного и трусливого, неспособного уберечь себя и защититься. Оттого все они живут в хатах из тростника либо соломы, лишь немногие в деревянных, и в целой стране нет ни одной крепости; если где встречаются развалины старых городов и стен, то ими пользуются одни крестьяне, поставленные сторожить их. Знатные сочли бы это за стыд»⁵². А. А. Миллер предложил новый исправленный перевод части процитированного отрывка: «Их дома сделаны из соломы, камыша и дерева, и большим стыдом было бы для князя или дворянина построить себе крепость или дом с каменными стенами, потому что это показало бы боязнь и неспособность уберечься и защититься»⁵³. Таким образом, в конце XV в. черкесы строили свои жилища в той же технике, которую мы хорошо знаем в XIX и даже в начале XX в.

Интересно отметить, что предубеждение черкесов против каменных домов сохранялось еще в XIX в. Так, один из авторов 1860-х гг. рассказывает о черкесах: «Дома устраивали они из плетня или простого сруба, а жилища знатного рабовладельца (так автор называет черкесских феодалов. — Л. Л.) отличались от дома простого горца по одним только размерам. Каменные постройки, при обилии строительного материала, были им вовсе неизвестны, или, как рассказывают, не возводились из опасения быть обвиненными в неспособности защищаться в плетневых хатах от неприятеля и вместо личной храбрости своей противопоставить ему каменные стены»⁵⁴.

Мне уже приходилось отмечать, что отсутствие каменного строительства у черкесов объясняется не только предубеждением против него, но и подвижностью черкесских племен, часто менявших свое местожительство. Естественно, что при такой подвижности возводить капитальные постройки не имело смысла⁵⁵.

Если черкесы (по крайней мере в послемонгольское время) обычно не прибегали к каменному строительству, то этого нельзя сказать об абхазах, сванах (одно время живших в ту пору в верховьях р. Кубани), тюркоязычных племенах, обитавших на реках Баксан, Чегем и Черек, а также не-коренных жителях причерноморских городов. Например, в Абхазии, где народ строил себе плетенные из хвороста жилища, крупные феодалы жили в каменных замках, руины которых до сих пор разбросаны по всей Абхазской АССР. Большая часть этих замков была построена, надо думать, после монгольского нашествия на Кавказ и Восточную Европу. Большой интерес представляет обширный каменный дворец абхазских владетельных князей Шервашидзе, развалины которого на-

⁵² А. Веселовский, Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев, СПб., 1870, стр. 17, 19 и 20.

⁵³ А. А. Миллер, Черкесские постройки, стр. 59.

⁵⁴ И. Л. Серебряков, Сельскохозяйственные условия северо-западного Кавказа, «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», 1867, № 1 и 2, стр. 17.

⁵⁵ Л. И. Лавров, О времени постройки кабардинской башни на р. М. Зеленчуке, Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 277 и 278.

ходятся в с. Лыхны. Это монументальное здание в два этажа, построенное в мусульманском стиле. Подробное описание его имеется у проф. А. С. Башкирова⁵⁶.

Иоанн Лукский в 1625 г. сообщил любопытные подробности из техники жилищного строительства, которая существовала в Черкесии в первой половине XVII в. Черкесские дома, говорит он, «состоят из двух рядов кольев, воткнутых в землю, между коими вплетают ветви; наполняют промежутки глиной и кроют их соломой; княжеские дома построены из того же материала, только просторнее и выше»⁵⁷. Это сообщение о наличии двойного плетня в стенах домов Северо-западного Кавказа показывает, что техника жилищного строительства, известная со времени Долинского поселения (начальный этап проникновения металлов на Северный Кавказ), сохраняется вплоть до первой половины XVII в. Иоанн Лукский, кроме того, сообщает, что черкесские селения расположены в густых лесах, что они обычно бывают окружены искусственно сплетенными одно с другим деревьями (защита от конницы противника), что и абхазы живут в лесах и что у соседних с черкесами ногайцев нет городов, а живут они в кибитках, которые ставятся на повозки⁵⁸.

Турецкий путешественник, проехавший в 1641 г. вдоль по восточному берегу Черного моря, сообщает, что «дома Кютасси (название общины в районе нынешнего Туапсе.— Л. Л.) крыты камышом; группа, состоящая из десяти домов, называется кабак, который окружен стеною подобно замку. Собаки сторожат эти кабаки, подобно львам, по необходимости, так как все их жилища находятся в лесах и каждая деревня опасается другой». Говоря об Анапе, этот автор прибавляет, что «вне замка, (т. е. вне Анапской крепости.— А. Л.) находятся 150 хат, построенных из камыша; деревня эта называется Кабак»⁵⁹.

Шарден в 1672 г. писал, что приморские черкесы «живут в деревянных хижинах»⁶⁰. Под этим следует понимать дома, плетенные из хвороста, которые, может быть, не всегда с внешней стороны обмазывались глиной.

У А. Ламберти есть беглое замечание об абхазском типе поселения. «Они (абхазы.— Л. Л.),— говорит он,— не живут ни в городах, ни в башнях, но 15 или 20 семейств соединяются вместе и, выбрав вершину какого-нибудь холма, ставят на ней хижины и окружают их плетнем и глубокими рвами. Так поступают они для того, чтобы не подвергаться нападению даже туземцев»⁶¹.

Ферран, в самом начале XVIII в. посетивший Северо-западный Кавказ, сообщает, что «кибитки ногайцев, похожие на ветряные мельницы, делаются полукругом и покрываются полстями»⁶².

На этом, собственно, кончаются наши материалы о типах жилищ, существовавших на Северо-западном Кавказе до середины XVIII в.

Подведем итоги.

В эпоху палеолита на Северо-западном Кавказе человек использовал для жилья естественные пещеры, временные шалаши из веток, по-

⁵⁶ А. С. Башкиров, Археологические изыскания в Абхазии, стр. 41—45.

⁵⁷ Жан де-Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Записки Одесского общества истории и древностей, XI, Одесса, 1879, стр. 490.

⁵⁸ Там же, стр. 485, 490 и 493.

⁵⁹ Ф. Брун, Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря, Записки Одесского общества истории и древностей, IX, Одесса, 1875, стр. 179 и 182.

⁶⁰ Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг., Тифлис, 1902, стр. 20.

⁶¹ А. Ламберти, Описание Колхиды или Мингрелии, Записки Одесского общества истории и древностей, X, Одесса, 1877, стр. 212.

⁶² Ферран, Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., «Русский вестник», 1842, № 4, стр. 44.

стоянные (видимо, круглые в плане) шалашевидные постройки и, может быть, землянки.

В неолите предположительно, а в энеолите определенно уже существовали в основных своих чертах дожившие до наших дней турлучные дома, имеющие плетеные из веток стены, которые потом обмазываются глиной. Отличительной чертой древних турлучных домов Северо-западного Кавказа являются стены из двух рядов плетня, пространство между которыми забивалось глиной. Уже в эту эпоху можно говорить о существовании прямоугольной планировки дома, а также очага типа тондыра и конусообразных ям для хранения продовольствия. Предположительно уже в энеолите полы в домах Абхазии имели глиняную обмазку.

Типы жилища в бронзовую эпоху на Северо-западном Кавказе не исследованы.

В скифо-сарматское время в степной полосе у кочевников в качестве жилища используется повозка с полуцилиндрической крышей. В горах Центрального Кавказа существовали каменные дома типа сакли. В южной Абхазии часть населения жила, повидимому, в землянках. В степях и предгорьях Прикубанья строили турлучные дома со стенами из обмазанного глиной плетня или обмазанных глиной связок камыша — в одних случаях и из сырцового кирпича — в других. Уже тогда изредка применялась побелка стен известью. Судя по сравнительно небольшой площади домов скифо-сарматского времени (около 35 м²), в них было скорее всего две комнаты. Полы делались глинобитными. Сохранились следы очагов или печей как внутри дома, так и вне его. Крышей служили: солома, камыш, папоротник и появившаяся в это время черепица. Из надворных сооружений в Прикубанье известны колодцы и конусообразные ямы, заменявшие собой погреба. В греческих городах Северо-западного Кавказа, а также у сильно эллинизированного окрестного населения дома нередко строились из колотого и из тесаного камня и покрывались черепицей. В римское время здесь впервые появился жженный кирпич.

В раннем средневековье продолжают существовать: подвижная кибитка (у кочевников), каменная сакля (в Кабарде и в горах Центрального и Восточного Кавказа), каменный дом с черепичной крышей (на побережье Черного и Азовского морей) и турлучные дома (в Абхазии, Черкессии и предгорной полосе Северного Кавказа вплоть до Каспийского моря), дома из камня, обожженного кирпича и черепицы (Черноморское побережье), глиняные дома на каменном фундаменте (Таманский полуостров). О каменных саклях, существовавших тогда в Кабарде, известно, что они имели глиняную обмазку с внешней стороны. Пол их делался из щебня, обмазанного сверху глиной. Имея общую площадь около 60 м², такой дом состоял из двух-трех комнат с двумя очагами в них и одним тондыром на дворе. Дома располагались редко. Дворы отделялись каменными заборами.

После татарского нашествия черкесы почти совершенно перестали применять камень для жилищного строительства. Каменные дома типа сакли продолжали существовать у обитателей той части горной полосы, которая простиралась на восток от р. Урупа. Каменные дома строили в генуэзских и турецких укрепленных пунктах береговой полосы. Монументальные каменные здания (замки, дворцы, храмы) в эту пору воздвигала феодальная знать Абхазии. Широкие же слои абхазского населения, подобно черкесам, абазинам и кабардинцам, пользовались для жилья турлучными постройками. Способ строить основу для стен из двух параллельных плетней вышел из употребления в конце XVII или в XVIII в. С конца XV в. впервые появляется достоверное известие о существовании у черкесов особых домов — кунацких. Ногайцы до XVIII в. пользовались небольшими неразбирающимися юртами («отав»),

которые при переездах они ставили на арбу. Только в XVIII в. ногайцы стали пользоваться большой решетчатой юртой («терме»), которую они перевозили в разобранном виде⁶³.

В заключение остается отметить чрезвычайную устойчивость основного типа жилища на Северо-западном Кавказе. Турлучные дома существуют здесь во всяком случае с эпохи первого появления металлов.

⁶³ Подробнее о малой и большой ногайской юрте см. Г. Бонч-Осмоловский Свадебные жилища турецких народностей, Материалы по этнографии, т. III, вып. I Л., 1926, стр. 107 и 108.

В. И. ДУЛОВ

ПЕРЕЖИТКИ ОБЩИННО-РОДОВОГО СТРОЯ И РОДОВОГО БЫТА У ТУВИНЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(До 1917 года)

От Редакции

Этнографическая литература по тувинцам крайне бедна. Это в особенности относится к материалам по социальному строю тувинцев в различные исторические эпохи.

Статья В. И. Дулова, представляющая собой извлечение из обширной работы, защищенной автором в 1951 г. в качестве докторской диссертации, в известной степени восполняет существующий пробел в литературе по этнографии тувинцев. Материалы автора относятся ко времени, предшествующему тем коренным изменениям, которые произошли в жизни тувинского народа за последние десятилетия.

В 1921 г. были разгромлены в Туве остатки белых банд и провозглашена Тувинская Народная Республика. Благодаря постоянной помощи Советского Союза молодая республика достигла значительных успехов в преодолении той экономической, политической и культурной отсталости, которая характеризует дореволюционную Туву. В 1944 г., по просьбе тувинского народа, Тува была принята в состав СССР, и тувинцы вошли в братскую семью народов Советского Союза. Это открыло перед тувинским народом неограниченные возможности дальнейшего экономического и культурного развития. В прошлое отошли многие из тех архаических пережитков в социальных отношениях, которые описаны в статье В. И. Дулова.

Редакция журнала обращается к работникам на местах с предложением присылать этнографические материалы, характеризующие современные культуру и быт тувинского народа.

В единственной монографии, посвященной социально-экономической истории Тувы, — «Очерках истории и экономики Тувы» Р. М. Кабо, вышедшей в свет в 1934 г., общественный строй тувинцев XIX — начала XX в. характеризуется как строй развитых феодальных отношений. Р. М. Кабо фактически отрицает наличие в жизни тувинцев реликтов родового строя.

Так ли это на самом деле? Сохранились ли в Туве остатки общинно-родовых отношений? Какую роль играли реликты общинно-родового быта в социальных отношениях? От ответа на эти вопросы во многом зависит правильное понимание сущности социальных отношений тувинцев XIX — начала XX в.¹

¹ Автором для этой статьи использованы как литературные источники и архивные материалы, так и результаты личных полевых записей.

Родо-племенной состав тувинцев

Первым поставил вопрос о родовых отношениях у тувинцев Е. К. Яковлев, исследование которого относится к концу XIX в. «Сойоты,— писал он,— различают, поскольку пришлось установить, три степени родства: *төрель*, *сёок төрель* и *хан төрель*. *Төрель* — все роды, сумо и хошуны сойот, затем роды других племен, считаемые по преданиям родственными сойотам; таковы: дальнекаргинцы у сагайцев, хашь — карагасы, теленгиты в верховьях Кемчика и по р. Катунь, алдай-тува (алдай-урянка); *сёок төрель* — родство по роду, по кости, как бы отдаленно оно ни было. Наконец, *хан төрель* — кровное родство считается исчезающим в 5 колене»².

В XIX в. значение имели только связи в пределах хан төреля, с которыми нельзя не считаться при анализе общественных отношений в Туве. Разорванный на части внешними завоевателями — китайцами (верхнеенисейские племена тувинцев), монголами (частично алтай-тувинцы, Бейса-хошун и др.) и русскими (карагасы, теленгиты, тубалары на Алтае), — *төрель* задолго до изучаемого периода перестал существовать как реальная единица.

Сложнее обстоит дело с сёок-төрелем. Многие факты как будто говорят о том, что уже в XIX в. большинство тувинцев потеряло представление о своих сёоках. Очень показательно в этом отношении сообщение М. И. Райкова, который в 1890-х гг. посетил вместе с П. Е. Островских наиболее отсталый район Тувы — Тоджу: «Не многие из саянцев,— писал он,— знают, из какой они кости, а когда спросишь об этом, то скажут название того сумына, в котором они числятся. Деление на сумыны чисто административное, искусственное и притом недавнего происхождения»³. Это заявление М. И. Райкова подтверждается и другими исследователями.

Ф. Я. Кон, изучавший быт тувинцев в 1902—1903 гг., тщательно искал у них следов внешней родовой организации. Предпринятые им в этом направлении усилия, как он заявляет, остались в значительной степени безрезультатными. К началу XX в., по его словам, «административное деление настолько переплеталось с родовым, что одно от другого было весьма трудно отделить»⁴.

Деление тувинцев на сумоны и хошуны было установлено китайской администрацией после завоевания Тувы в соответствии с общим принципом организации в ней военно-феодалного управления. Вот почему Н. Ф. Катанов, Ф. Я. Кон, а также и другие исследователи находили в отдельных сумонах людей из различных родов — костей-сёоков. Катанов в 1889 г. на Салдае записал у тувинцев Оюнарского сумона следующие девять родов, входящих в состав этого сумона: Оюн, Саат, Тонгак, Пайгара, Кодуглар, Олет, Унгер, Сарыглар и Телек⁵. Кон не раз встречался с подобным рода явлением. Так, например, у тех же оюнаров были записаны следующие кости: Улет, Сат, Тонгак, Пайгара,

² Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 88.

³ М. И. Райков, Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году по поручению РГО, «Известия РГО», т. XXXIV, вып. IV, 1898, стр. 448—449. Нам лично старики в беседах говорили, что у них, как они помнят, не было в обычае спрашивать у встречного: «Из какой ты кости?», — а спрашивали: «Какого ты сумона?».

⁴ Ф. Я. Кон, Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Собр. соч., т. III, М., 1934, стр. 143. То же самое лет на двадцать раньше Коны говорил А. В. Адрианов: («Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1881 г. по поручению РГО», СПб., 1886, стр. 201).

⁵ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен. Под ред. В. В. Радлова, ч. IX (тексты), СПб., 1907, стр. 17.

Унгер, Ходуш, Телек и Олп. В сумоне Хомушку Кон нашел сеоки Улет, Тюрбет, Хеюк, Сарыг, Таву и Кара⁶. Эти факты показывают, что нельзя каждый сумон отождествлять с родом.

Введенное внешними завоевателями феодально-административное деление тувинцев по сумонам и хошунам не привело к полному уничтожению внешней формы родовой организации. Старая родо-племенная организация тувинцев в значительной мере вошла в своем непосредственном виде в новые административные образования. Некоторые сумоны полностью включили в себя древние тувинские роды и даже племена. Это относится к таким, например, родам, как Маады, частично Чооду, Байгара, Ондар, Шат и другие, которые составили в новых административных образованиях либо самостоятельные сумоны, либо большинство в них. Такое совпадение довольно скоро привело к тому, что тувинцы перенесли внешние признаки всей родовой организации на новые образования. Не случайно в противоположность администрации, как правило, различавшей сумоны и хошуны по их правителям, сами тувинцы, за некоторыми весьма редкими исключениями, именовали новые административные образования феодального типа прежними родо-племенными названиями. Прикрепление тувинцев к сумонам означало не что иное, как первую ступень феодального закрепощения.

Это закрепление общинно-родовой организации в новых административных образованиях означало искусственное сдерживание процесса разложения общины. Достаточно было в 1912 г. пасть игу китайских феодалов над Тувой, как переход из сумона в сумон участился. А. П. Ермолаев в результате обследования населения бассейна р. Кемчика и Тоджи в 1916 г. пришел к выводу, что у тувинцев уже произошло смешение родов и племен. «На Тодже, — пишет Ермолаев, — между сумонами границы не устойчивы и люди одного сумона очень часто живут в районе обитания другого, так, например, по Торокему...»⁷. В долине Верхнего Ишхема, заселенной ондарцами, которые являлись как бы коренными обитателями этого района, он нашел 77 юрт Ондар, 13 юрт Кедээ-Ооржак, 11 юрт Ишты-Ооржак, 5 юрт Ховалыг, 3 юрты Монгуш, 1 юрту Чатты Тонгак. По реке Ак было 19 юрт Ак-Монгуш, 52 юрты Улуг-Ховалыг, такое же число юрт Ишты-Ооржак, 156 юрт Кедээ-Ооржак (которые вместе с Ишты-Ооржак и Ховалыг составляли основное население этой долины в прошлом), 15 юрт Ондар, по 2 юрты Тонтак и Сарыглар, по одной юрте Красал и Кара-Монгуш. В одном из аалов по р. Коже Ермолаев встретил несколько юрт, относящихся к разным родам: юрту Сарыглар, юрту Пичи-Ховалыг, две юрты Ондар, пять юрт Кедээ-Ооржак и еще три юрты, род которых он не установил⁸. Число подобных примеров можно было бы увеличить, но в этом нет необходимости.

Последнюю по времени попытку установить родовую номенклатуру тувинцев сделал Г. Е. Грумм-Гржимайло, но воссозданная им картина родového состава тувинцев содержит грубые ошибки и нуждается в исправлении. Например, род Кия Грумм-Гржимайло производит от названия тувинского сумона Кедээ-Ооржак. Он считает, что это название произошло от слияния двух родовых имен — Кедээ (Кидя, Кия) и Ооржак. Между тем раздвоившийся тувинский род Ооржак получил дополнительные названия Кедээ и Ишты по географическому признаку.

⁶ «Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона», «Известия Восточно-сибирского отдела РГО», т. XXXIV, № 1, 1903, стр. 20.

⁷ Путевые дневники и личный архив А. П. Ермолаева, Красноярский краевой музей (ККМ), 91.04 (09), л. 71. В дальнейшем обозначается как рукопись № 91. № 694

⁸ А. П. Ермолаев, Рукопись, хранящаяся в Красноярском краевом музее, № 338.4 (09), лл. 223, 211 и 218. В дальнейшем указывается как рукопись № 338. № 591

Тувинское слово «кедээ» (искаженное русскими в «кидя», «китя») означает «вне», «позади», «прочь», «внешние», точно так же как противоположное ему «ишты» означает «внутри», «под», «вперед», «ближние», «внутренние»; а отсюда разделение рода на Кедээ-Ооржак и Ишты-Ооржак означало: дальние (периферийные), внешние Ооржак и ближние, внутренние Ооржак⁹. Не разобравшись в подлинном значении слова «китя», Грумм-Гржимайло связал его с названием одного из тех 18 племен, о которых известно, что в 1120 г. они выступили на запад из Центральной Азии для покорения государства Караханидов.

Еще менее верно истолковал Грумм-Гржимайло слово «ишты». Он пишет: «Ишты, вероятно, остяцкая кость; остяк, быть может, лишь русская переделка татарского иштек»¹⁰.

Незнание тувинского языка привело этого автора и к другим ошибкам. Он, например, упоминает рядом кости: Сарыг и Сарыглар, Сат и Саттар, в то время как это названия одного и того же рода, поставленные в первом случае в единственном (Сарыг, Сат), а во втором (Сарыглар, Саттар) во множественном числе. Дальше он отождествляет название сумона Ховалыг с названием рода. Слово «ховалыг» означает «собранные остатки», «заметенные остатки», и старики нам пояснили, что такое название их сумон получил потому, что он составлен из остатков родов Монгуш, Хуулар, Сат и Сая. Таким образом, этот сумон представляет собой искусственное объединение разных родов и его название не имеет ничего общего с родовым названием¹¹.

Грумм-Гржимайло принял за название рода слово «адай», которое является тувинским названием монголов. Слова «шарьнут», «харнут» и «барнут» — это скорее всего монгольские прозвища: желтоглазый, черноглазый и буроглазый. «Кемчик» — это название реки, а не рода. Не будем говорить о других ошибочных наименованиях, которые иногда представляют собой искаженное название одной и той же кости в различных записях, например Каратод и Каратошь, Чжода и Джокду, Хасык и Хасак и др.

В результате изучения литературных источников и архивных материалов, а также личных наблюдений на месте мы располагаем следующими данными о расселении, численности и происхождении тувинских племен и родов.

Кыргыз — это бесспорно племенное название. Источники устанавливают в Туве два рода Кыргыз. Один в составе Салчакского хошуна с местом кочевания по рекам Сайзыг-гол, Эрзын, Нарын и др. на южном склоне Танну-олы. В 1913 г. этот сумон Кыргыз насчитывал 1200—1500 человек¹². Другой сумон Кыргыз, входивший в состав Бейсэ-хошуна, кочевал в предгорьях Саян и на Саянах. Н. Ф. Катанов встречал членов рода Кыргыз по Чаа-холю, Шаган-арыгу, Элнхему, Чадане, Бом-Кемчику и Улуг-хему¹³. По официальным данным, в 1916 г. сумон Кыргыз Бейсэ-хошуна насчитывал 307 юрт.

⁹ Поселки (аалы) тувинцев, которые стоят ближе к реке, называются ишты-аалдар, а стоянки в стороне — кедээ-аалдар. Н. Ф. Катанов переводит слово кедээ-ооржак как «внешние оржакки» (Н. Ф. Катанов, Письма из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к т. LXXIII «Записок Академии наук», СПб., 1893, № 8, стр. 14).

¹⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край. т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 14.

¹¹ В этой связи нам вспоминается рассказ одного арата из сумона Ховалыг о том, что основатели родов Монгуш, Хуулар и Сат были родными братьями; появились они на Кемчике не так давно. Раньше они жили в местности Кеге-Терезин (где она находится, — рассказчик не знает твердо), а затем переехали на Кемчик; люди же, которые жили до них на Кемчике, ушли за Саяны и на Алаш еще раньше их приезда.

¹² Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 25, д. № 89, л. 59.

¹³ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, стр. 285.

Сарыглар — название рода, который входил в состав Бейсэ-хошуна и расселялся по рекам Ак-суг, Барлык, Эдигей, Алаш, Чиргак. В 1916 г., по официальным данным, в сумоне числилась 131 юрта, Ермолаев же насчитал 210 юрт¹⁴.

Теленгиты, как мы думаем, — переселенцы из Алтая. Это показывает колхозник артели имени И. В. Сталина (р. Каратыт) Чумал Макаревич, выехавший с Алтая 20 лет и проживающий в Бай-тайге уже свыше 40 лет. О том говорят и архивные документы¹⁵. Теленгиты проникали на Кемчик по его притокам и притокам Барлыка.

Иргиты делились на две группы. Одна входила в состав хошуна амбын-нойона (Оюнарского)¹⁶ и кочевала по обоим склонам Танну-Олы (реки Таралчын, Сольжар, Иртыш). Другая группа Иргит принадлежала к Бейсэ-хошуну и кочевала по р. Мунге-Бурэну. Ермолаев в 1916 г. встречал Иргит чаще всего по рекам Алашу, Чадане, Барлыку. По официальным тувинским данным, в Бейсэ-хошуне считалось 137 юрт, Ермолаев же насчитал 171 юрту. В Оюнарском сумоне Иргит считалось 120 юрт, или 600 человек¹⁷.

Маады — одно из самых древнейших племенных наименований на Саянах.

В XVIII в. о Маады писал Е. Пестерев, который лично встретился с ними во время объезда пограничной линии. По сообщению Пестерева, Маады (матларский род) кочевали вблизи русской границы, повидимому, в соседстве с байгарицами (это подсказывает карта Пестерева), в районе Улуг-хема и по притокам Бий-хема¹⁸. Яковлев говорит, что Маады считают своими сородичами каргинцев (один из родов сагайцев), и передает даже легенду о переселении каргинцев в Минусинский край¹⁹. Маады расселились, как говорит Яковлев и подтверждают другие исследователи²⁰, по Бий-хему от р. Баян-гола до слияния Бий-хема и Каа-хема, по рекам Сессерлиг, Бегре, Мегене, Уюку, Одже, Уту, Севе и в устье р. Тапсы. Маады и Чооду по р. Тапсе, по данным русских документов, в начале XX в. насчитывалось около 1000 человек²¹.

Чооду — тувинское племя, известное также под искаженными названиями Чжода, Чота, Чеда, Джокду, Джеды, Джеты. В конце XIX в. кость Чооду встречалась в основном в четырех местах. Одна группа, известная под названием Джеды, Чоты, Чоды, входила в состав Оюнарского сумона и кочевала по рекам Харалыг-Шивэлыг, в верховьях Халай-гола и по ее притокам Эрис-хему, Утуму, около оз. Кара-нор, в районе южного склона Танну-олы, а также на северном склоне этого хребта по рекам Шурмаку и Мочжалыку, впадающим в р. Брень — приток Каа-хема. В 1914 г. их насчитывалось 260 юрт или 1300 человек²². Вторая группа, известная в русской литературе под названием Джода,

¹⁴ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31, 32.

¹⁵ ГАИО, св. 2638, д. № 111, л. 49.

¹⁶ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, СПб, 1881, стр. 10; А. А. Африканов, Урянхайская земля и ее обитатели, «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», т. XXI, № 5, 1890, стр. 49; Н. Ф. Катанов, Письма, 13; ГАИО, 310, л. 30. По Потанину, эта группа Иргит делилась на Кара-Иргит и Сарыг-Иргит (Г. Н. Потанин, Очерки, вып. IV, стр. 11). Иргиты известны и у других тюркских народов (Алтай, Хакассия).

¹⁷ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 35, 31, 32.

¹⁸ «Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясаших татарях, так и китайских мунгулах и сойотах, деланные Егором Пестеровым, с 1772 по 1781 г., в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты...», «Новые ежемесячные сочинения», ч. LXXIX, 1793, январь, стр. 73; Klavroth, Asia Polyglotta, Париж, 1823, стр. 149.

¹⁹ Е. К. Яковлев, Указ. соч., стр. 19.

²⁰ Там же, стр. 21; Н. Ф. Катанов, Письма, стр. 16; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 17.

²¹ ГАИО, д. 89, л. 53.

²² ГАИО, д. 89, л. 59.

Чжода, Тонгак-Чжода, принадлежала к монгольскому хошуну Да-вана, кочевала по р. Тапсе, притоку Бий-хема, но основная масса этого рода жила на Танну-ола и за нею (р. Нарын). Эту группу называют иногда и Убор-Чжода. Две остальные группы Чооду расселились на Тодже.

Еще в 1858 г. Крыжин записал следующие роды у тувинцев на Тодже: Акт-Додот и Хара-Додот, Акт-Джет и Хара-Джет²³. Ак-Чеда, Ак-Джет, Чжода жили по обеим сторонам р. Хамсары и ее правым притокам и по р. И-хему. У П. Е. Островских записано три рода в сумоне Ак-Чооду: Тарган (taghan), Созн и Кыштак²⁴. По другим сведениям, Чооду жили на плоскогорье между Бий-хемом и Каа-хемом. Например, по Катанову, Ак-Чеда жили в верховьях рек Каа-хема и Тэнгиса. Кара-Чода, Кара-Джеты, Кара-Чеды кочевали в верховьях р. Каа-хема по Башкему, Серлиху и Харалу, по р. Азасу, впадающему в оз. Тоджикуль, в верховьях Бий-хема, по обоим берегам р. Каа-хема.

Хол — два сумона, известные в литературе под названиями Хель-или Куль-сумон и Кол. Кастрен считает этот Хуль или Хель родом самодского происхождения.

Хель-или Куль-сумон находился в Салчакском хошуне и располагался в районе озера Тере-холь, верхнем течении Каа-хема и его притоков. Потанин говорит, что монголы его называли Нур-сумон, т. е. озерный сумон (хол, куль — озеро). В состав этого сумона входили кости: Балыкчи (рыбаки), Хердек или Хердыгет, Иргыт и Хускун, а по Потанину, также — Мынгыт, Монгош, Сойон.

Сумон Кол находился на Тодже. Он образовался позже других сумонов Тоджи. Мы, например, не находим его в списке тоджинских сумонов Крыжина. По Островских, в сумоне было 1000 человек. «Кол» значит «основной». Следовательно, здесь мы имеем дело не с родовым названием, а с наименованием сумона по месту, какое он занимал в хошуне. Ермолаев называет его Кол-сумо, а в скобках ставит Тоджи-сумо, и локализует по рекам Себи, Карагашу, Тузу, Систе-хему, Джебешу, И-хему, Торо-хему (и озеру того же названия), Ак-хему и Ин-сугу²⁵.

По Кону, в состав сумона входили следующие кости: Ак-Тоду, Кара-Тоду, Соен, Кыргыз, Хамачи, Маты, Тархат, Шакар. Весьма характерно, что названия арбанов этого сумона, за некоторым исключением, совпадают с названиями сеоков. Островских записал следующие названия арбанов: Кол, Соен, Шагда (Чагда), Кара-Тод, Хаазот, Хэмдэ²⁶. Кон повторяет те же названия, только вместо Хаазот он называет арбан Джебаш²⁷.

Хуулар — название рода. «Кулар» или «куулар» означает «лебеди». Грумм-Гржимайло считает у тувинцев два рода Кулар, между тем как их было три подрода²⁸. Все они различаются по месту кочевания. Чадан-Куулар жили по р. Чадане, в Шеми и ближайшем округе. В 1916 г., по официальным данным, их было 183 юрты, по обследованию Ермолаева — 200 юрт. Черчари-Куулар расселились по Черчарику. В 1916 г., по официальным данным, их было 103 юрты, а по обследованию Ермолаева — 78. Суг-бажи-Куулар кочевали в районе Аянгатты, Чиргаккы, в урочище Суг-бажи. Отдельных представителей этой группы Куулар Ермолаев встречал на Аке, Алаше, Ишхине, Барлыке и в других

²³ «Путешествие прапорщика Крыжина в 1858 году», «Труды Сибирской экспедиции РГО. Математический отдел», под ред. Л. Шварца, СПб, 1864, стр. 91.

²⁴ П. Е. Островских, Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли, «Изв. РГО», т. XXXIV, вып. IV, 1898, стр. 427.

²⁵ А. П. Ермолаев, Рукопись № 91, л. 71.

²⁶ П. Е. Островских, Указ. соч., стр. 426.

²⁷ Ф. Я. Кон, Указ. соч., стр. 144.

²⁸ В. Дулов, Ценный историко-географический материал о Туве, «Известия ВГО», вып. 6, 1947, стр. 685.

местах. По официальным данным, их насчитывалось 99 юрт, Ермолаев нашел 95 юрт²⁹.

Толан (Толан-шара) или **Долан** — небольшой сумон в составе Бейсэ-хошуна. Официальные источники указывают всего 61 юрту Толан³⁰.

Сат — род. Легенда о его происхождении приведена у Яковлева³¹. Саттар расселялись по р. Чадане и в устье Кемчика. По ведомственным сведениям, в Саттар-сумоне было 275 юрт, Ермолаев насчитал 222 юрты³².

Оюннар — сумон, арбаны которого были расселены по р. Улуг-хему, за хребтом Танну-ола, на оз. Кодан и Чжагатай-хул, по рекам Бук, Элегесту, Ирбеку. Ермолаев сообщает, что у Оюн было шесть арбанов: Сат, Олет, Унгар, Тонгар, Котыглар, Оин³³. По Кону, в состав сумона входят: Оин, Сат, Тонгак, Байгара, Улет, Унгер, Телег, Ходук.

Салчак — племенное название, которое носят в Туве сумон и хошун. Сумон-салчак включал следующие кости: Олет, Иргит, Соен, Хуюк, Кезек-Сальджаки, Какта. Грумм-Гржимайло принимает слово «кезек» за название местности, но в буквальном переводе оно означает «кусочек», «часть», так что больше оснований предполагать, что это часть сальджаков. Основная масса салчаков кочевала в нижнем течении р. Каа-хема, по рекам Брень и Улуг-хем. На Кемчике и его притоках встречался род Салчак-Соен. Тувинские власти насчитывали в нем 235 юрт, а Ермолаев нашел 276.

Монгуш — наиболее многочисленный сумон у тувинцев. Исследователи и путешественники отмечали два подрода Монгуш: Монгуш, или Ак-Монгуш, и Кара-Монгуш. Ак-Монгуш кочевали по рекам Семи-суг и Ак-суг, Кара-Монгуш — по Чаахолю, Алашу, верховьям Кемчика. По официальным данным, в 1916 г. Ак-Монгуш числилось 815 юрт, Кара-Монгуш — 187 юрт. Ермолаев же во время своего обследования нашел 694 юрты Ак-Монгуш и 244 юрты Кара-Монгуш³⁴.

Тумат — род, кочевья которого, по Катанову, перемежались с кочевьями рода Тонгак по рекам Чагмын-арыг, Тос-тоеку, Кули-хему, Эйлиг-хему, Ишхину и Чиргаккы. Африканов нашел представителей этого рода около Белтыского караула на р. Кельдерге по ту сторону Танну-олы. В Тумат-сумоне была всего 71 юрта.

Соёны (соены или саяны) — древние названия племен Центральной Азии. Нам кажется вполне обоснованным сближать это название с названием племени Сеянто, упоминаемого китайскими летописями. Потанин встретил род Саян на р. Нарын-гол³⁵. В Туве мы знаем три рода или подрода Соен (Грумм-Гржимайло насчитывает даже четыре, но он неправильно причисляет к этому роду кость Саая). Саян (Соен или Соян) входил в состав Оюнарского хошуна и расселялся по левому берегу р. Тес, около озер Кучей и Алтын-куля, по рекам Нарыну и Мо-жалыку. По данным 1914 г., в сумоне было 377 юрт или 1403 человека³⁶. Хертек-Соен из Бейсэ-хошуна жили в верховьях р. Кемчика. По официальным данным, в сумоне было 270 юрт, по обследованию Ермолаева — 323 юрты (Салчак-Соен из того же хошуна жили по соседству). И сейчас в Бай-тайгинском районе большинство населения состоит из Салчаков и Хертеков и в меньшем числе из Куулар и Монгуш. По ведомственным данным, в сумоне было 235 юрт, по материалам

²⁹ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31, 32, 35.

³⁰ Центральный государственный Военно-исторический архив, Москва, ф. 1468, оп. V, № 430, л. 66.

³¹ Е. К. Яковлев, Указ. соч., стр. 89.

³² А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31, 32.

³³ Там же, л. 71, Легенды о происхождении этого рода см. у А. В. Адрианова, Указ. соч., стр. 200.

³⁴ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31—32.

³⁵ Г. Н. Потанин, Указ. соч., вып. II, стр. 8.

³⁶ ГАИО, д. 89 л. 53.

Ермолаева — 276 юрт³⁷. Потанин указывает на родство Сойон с Игитами³⁸.

Пайгара — род, название которого сами тувинцы пытаются истолковать, как «богатые черные». В литературе высказывалось мнение о близости этого названия с китайским «Баегу». Впервые о тувинском роде Байгара говорит Пестерев, который встретил его представителей на р. Онад в 1773 г.³⁹ Потанин нашел Байгара на правом берегу Каа-хема и ниже слияния его с Пий-хемом⁴⁰. Здесь же встретился ними, как можно полагать, и Пестерев. Местами кочевания Байга были реки Бере, Сессерлиг — притоки Пий-хема, Баян-гол и Байгара притоки Улуг-хема с правой стороны.

Тоджи, по нашему мнению, можно связать с Точи или Точигас русских документов XVII в. Точигасы, по этим материалам, вместе Тубинцами, Маторцами и Мугалами в 1634 г. нападали на Красный остров; в 1636 г. они упоминаются в окружении Тубинцев, Кыргы Маторцев, Мугалов, Саян; в 1651 г. их находят на р. Катунь, а в 1679 г. они нападают на Кузнецкий остров⁴¹.

О тоджинцах пишет Пестерев; он нашел их на реках Тодату, Хасаре, Систе-хему⁴². Они занимали верхнее течение Пий-хема.

Хойек — род, записанный Крыжиным в 1858 г.⁴³, но почему-то упущенный Африкановым и другими исследователями. Ермолаевым локализован по рекам О-хему, Улуг-о, Пичи-о, а также в верховьях Тапсы⁴⁴. Еще Островских писал, что, по свидетельству русских купцов, род этот вымирает от голода и оспы. Он их насчитал еще 200 человек⁴⁵. В 1915 г. весь сумон вымер, а олени одичали⁴⁶.

Саая входили в состав Да-хошуна и кочевали по р. Кундулен и левому берегу Кемчика (Аянгатта, Барлык, Шырабарлык). По данным тувинских властей, в сумоне было 122 юрты, а Ермолаев насчитал 127 юрт.

Хомушку или Комушку, входившие в состав Бейсэ-хошуна кочевали по рекам Барлыку, Хундулен, Эдигею и в верховьях Кемчика. Небольшое число их встречается на Алаше, Чадане, Аянгатте. Грумм-Гржимайло указывает в сумоне следующие кости: Олет, Дюрбет, Хеюк, Сарыг, Кара и Таву. По официальным данным, в сумоне было 209 юрт, по материалам Ермолаева — 268.

Ооржак, по русским источникам XIX в., состоял из двух отделов или подродов: Ишты, или Ишты-Орчжек (Оржек, Оржак, Ооржак) и Кидя (последнему Африканов дает другое название Козган-Орчжак, Яковлев называет его Кеде-Орчжак). Ишты-Ооржак жили, по Осташкину и Африканову, по р. Алашу. Ермолаев пишет, что они обитают на

³⁷ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31—32.

³⁸ Г. Н. Потанин, Указ. соч., вып. II, стр. 10.

³⁹ Е. Пестерев, Указ. соч. «Новые ежемесячные сочинения», 1793, январь, ч. LXXIX, стр. 73; «Asia Polyglotta», 149.

⁴⁰ Г. Н. Потанин, Указ. соч., вып. IV, стр. 11; вып. II, стр. 8.

⁴¹ Ф. Миллер, История Сибири, т. II, М., 1937, стр. 415, 440, 534—535; ДАИ 8, 42—43.

⁴² Е. Пестерев, Указ. соч., «Новые ежемесячные сочинения», 1793, февраль, ч. LXXX, стр. 55.

⁴³ «Путешествие прапорщика Крыжина в 1858 году», стр. 91.

⁴⁴ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, № 71.

⁴⁵ П. Е. Островских, Указ. соч., стр. 427.

⁴⁶ С. К. Тока, XXV годовщина национально-освободительной революции в Туве, сб. — «25 лет Тувинской национально-освободительной революции», Кызыл, 1946, стр. 11. Причиной вымирания была эпидемия оспы. «Осталась в живых, — пишет С. К. Тока, — только одна семья, которая успела убежать из зараженной местности. Прирученные населением олени снова одичали. Следы стойбищ, юрт — берестяные чумы этого сумона являются теперь свидетелями кошмарных условий, в которых жил раньше тувинский народ». О вымирании тоджинцев от эпидемии в прошлом см. у Е. Пестерева, Указ. соч., «Новые ежемесячные сочинения», 1793, февраль, ч. LXXX, стр. 55.

всем пространстве Кемчика не ниже Ака и Чаданы и не выше Барлука. Имеется два скопления их на Аке и Хундулене⁴⁷. Кедээ-Ооржак, по Африканову и Осташкину, живут по р. Манжурек. Катанов не различает оба рода и сообщает, что они жили по рекам Ак-Суг, Джиргак, Аянгатте, Баянколе, Чадане и в устье Кемчика⁴⁸. Ермолаев утверждает, что они чаще встречаются на Аке, обоих Ишхинах и в низовьях Кемчика. По официальным данным, Ишты-Ооржак 343 юрты, а Кедээ-Ооржак 108. По материалам Ермолаева, первых 402 юрты, вторых 153⁴⁹. А. И. Ярхо в 1926 г. записал уже не два, а четыре подрода Ооржак: Улуг-Ооржак, Ишты-Ооржак, Кедээ-Ооржак и Кичи-Ооржак⁵⁰.

Ховалыг — сумон, чаще встречающийся в литературе под названием Хобалык, Кобалык, состоял из двух подродов: Улуг-Ховалыг и Пичи-Ховалыг. Один из них расположен по рекам Чаахоль, Чадане, а другой по р. Ак-суг и в устье Кемчика. Ермолаев более подробно локализует сумон Улуг-Ховалыг от устья Алаша до Нижнего Ишхина и далее вниз по Кемчику с его мелкими притоками, а Пичи-Ховалыг — по р. Чадане и ближайшим к ее устью местам по левой стороне Кемчика. В Улуг-Ховалыге сами тувинцы считали 188, а в Пичи — 95 юрт. Ермолаев же насчитал в первом 88, а во втором 80 юрт.

Тулус также делились на два подрода: Адыг-Тулус и Улуг-Тулус. Адыг-Тулус кочевали по Темир-сугу, Ичжиму и правому берегу Улуг-хема, а Улуг-Тулус — по Чаахолю и частично по Чадане. Улуг-Тулус насчитывали 531 юрту, а Адыг-Тулус — 180 юрт⁵¹.

Тонгак, по Ермолаеву, делились на три подрода: Четы, или Чатты, или Ак-Тонгак, Кара-Тонгак и Сарыг-Тонгак. Кара-Тонгак (или Чадан-Тонгак) жили на Чадане, а также встречались на Ишхине и Алаше; Ак-Сарыг-Тонгак кочевали по Барлыку (27 юрт), Аке (10 юрт) и Чыргаккы (9—10 юрт); Чатты жили на Кемчике, центр их в районе Шаганара. Четы или Чатты, Чжоды можно сблизить с Чооду, а Сарыг с Сарыглар. Не есть ли это смешение рода Тонгак с Чооду и Сарыглар? По материалам тувинских хошунных канцелярий, у Кара-Тонгак — 103 юрты; у Сарыг-Тонгак — 61 и у Четты — 324 юрты. По обследованию Ермолаева у Кара-Тонгак оказалось 112 юрт, у Сарыг-Тонгак — 55 и у Чатты — 7 юрт (сведения неполные).

Карасал жили по р. Чадане. Официально у них считалось 82 юрты, а Ермолаев переписал 95 юрт.

Кужугеты известны в русских исторических актах XVII в. под названием Кучюгеты, Кученгуты. Они упоминаются в окружении Братов, Матов и Саян в 1820-е и следующие годы⁵². Кужугеты кочевали по р. Алаш и близ оз. Кара-куль. В официальных источниках указано 150 юрт, а Ермолаев насчитал 186 юрт⁵³.

Ондар — сумон, в котором Ф. Я. Кон нашел следующие кости: Кара-Ондар, Унгер, Кыргыз, Шагай⁵⁴. Ондар кочевали главным образом по Большому и Малому Ишхему, а также встречались на Чадане, Манжуреке, Тере-суге, Сем-суге. По официальным тувинским источникам, Ондар насчитывалось 297 юрт, по материалам Ермолаева — 370⁵⁵.

О других более мелких родах мы не располагаем достоверными сведениями.

⁴⁷ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31—32, 34.

⁴⁸ Н. Ф. Катанов, Письма, стр. 14.

⁴⁹ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 35, 31, 32.

⁵⁰ А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки, Абакан, 1947, стр. 19.

⁵¹ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 34, 31—32, 35.

⁵² Г. Ф. Миллер, Указ. соч., т. II, стр. 257, 258 и др.

⁵³ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31, 32.

⁵⁴ Ф. Я. Кон, «Предварительный отчет», стр. 20.

⁵⁵ А. П. Ермолаев, Рукопись № 338, лл. 31, 32.

Родовые пережитки в быту и идеологии тувинцев

В этнографической литературе о Туве (Яковлев, Кон, Райков, Островских и др.) зафиксирован ряд элементов родового быта, которые в конце XIX — начале XX в. были довольно широко распространены у тувинцев. Укажем некоторые из них, необходимые для понимания родовых пережитков в общественной жизни тувинцев.

В старину брак в Туве был экзогамным. Ф. Я. Кон по этому поводу писал: «Относительно заключающихся браков нужно отметить, что брак в пределах клана допускался лишь при условии, что родство со стороны отца не ближе восьмого колена. Исключения бывали, но союзы к такого рода бракам относились с крайним осуждением»⁵⁶.

Стало быть, как правило, вступающие в брак должны были происходить из разных родов. Уход девушки из рода отца в род мужа сопровождался даже особым обрядом — «леном». Жених во время свадьбы должен был взять в рот кусок баранины («лен»), за другой конец которого ухватывалась невеста, и резким движением головы оторвать часть его, — что означало отрыв невесты от отцовского рода⁵⁷.

В накоплении калыма жениху и приданого невесте принимали участие сородичи, особенно ближайшие родственники по отцу. Прижитые невестой до замужества дети при уходе ее к мужу оставались в семье отца. Как сообщает Островских, в случае смерти бездетной женщины, ее личное имущество, в том числе и скот, возвращались в прежний род. Тот же автор отмечает у тоджинцев явление гостеприимного гетеризма: «Жаль, — сказал ему один старик, — что моя жена не молодая, а то предложил бы ее гостю...»⁵⁸.

Пережитками родового строя было обусловлено несколько особое положение женщин в Туве. Тувинская женщина не подвергалась судебному наказанию. Б. К. Шишкин рассказывает, что за измену и бегство жены от мужа били мужа: «Женщину бить нельзя. И если особа женского рода предстала на суд в качестве обвиняемой и виновность ее доказана, то китайские чиновники, не имея возможности применить к ней телесное наказание, выходят из затруднительного положения тем, что принимают колотить свидетелей»⁵⁹.

Правосудие в подобного рода случаях нередко прибегало к пытке мужей виновных жен и пытало их до тех пор, пока женщина не сознавалась в своем преступлении. Но это было не всегда и не везде.

Как отмечает Кон, женщина была в полной зависимости от мужчины; немало было таких мужей, которые избивали своих жен, хотя общественное мнение их за это осуждало. Нарушая древний обычай, очень часто телесно наказывали женщину, секли ее беспощадно, когда она нарушала интересы феодальной собственности. В известной повести Салчака Тока «В берестяном чуме» рассказывается, как жестоко расправились чиновники с матерью и сестрой автора повести, обвинив их в воровстве хлеба у богатого⁶⁰. Пренебрежительное отношение к женщине сказывалось и в презрительной кличке «херечок»⁶¹, т. е. негодница, бездельница.

⁵⁶ Ф. Я. Кон, Указ. соч., стр. 133.

⁵⁷ Е. К. Яковлев, Указ. соч., стр. 90.

⁵⁸ П. Е. Островских, Оленные тувинцы, «Северная Азия», кн. 5—6, 1927, стр. 87. Намек на распространение у тувинцев гостеприимного гетеризма мы находим в статье В. Небольсина «Урянхайская земля», «Енисей», 1896, № 73.

⁵⁹ Б. К. Шишкин, Очерки Урянхайского края. «Изв. Томского университета», кн. 60, 1914, стр. 105. Это же подтверждают Яковлев (Указ. соч., стр. 94), Ф. Я. Кон (Указ. соч., стр. 138), Грумм-Гржимайло (Указ. соч., т. III, вып. 1, стр. 100). Однако все эти авторы умалчивают о том, что женщину нельзя было сечь плетью, но ей можно было ломать пальцы, загонять под ногти иголки и т. п.

⁶⁰ Салчак Тока, В берестяном чуме, М., 1943, стр. 42 и сл.

⁶¹ Е. К. Яковлев не совсем правильно относит это слово только к девочкам и переводит его как «изъятая от дела» (Указ. соч., стр. 97); См. также «Русский Антропол. журн.», 1902, № 4, стр. 118.

Поэтому нельзя полностью доверять тем исследователям, которые идеализируют положение женщины в дореволюционной Туве. Почетное положение женщины сохранялось главным образом среди трудящейся части тувинцев и больше всего на окраинах области. Наоборот, в верхах тувинского общества росло и укреплялось деспотическое отношение к женщине. Особое положение женщины, которое сохранялось в основной массе населения, свидетельствует о живучести в Туве одного из реликтов родового строя.

«Еще один пережиток отмирающего материнского права можно видеть, — пишет Энгельс, — в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлян было почти непонятно... Внутри дома господство жены, повидимому, бесспорно; правда, на ней, на стариках и детях лежат все домашние работы; муж охотится, пьет или бездельничает»⁶².

Можно привести много примеров, которые показывают подобное же положение женщины в Туве. Булгаков пишет: «Женщина является почти полной распорядительницей имущества; продажа скота, за исключением лошадей, а также разных хозяйственных продуктов зависит от нее»⁶³. Кон уточняет это явление: «Положение женщины в семье находилось в строгой зависимости от зажиточности и положения, занимаемого мужем. В богатых семьях жена ничего не делает (вот отсюда появилось слово «херечок». — В. Д.), если не считать делом покрикивание на разбаловавшихся детей или мелкой работы по дому; в бедных семьях женщина была завалена работой до усталости, до изнеможения. У тоджинцев, например, муж, уходя на охоту, указывал жене место, куда он явится во время промысла, и на это место она должна была вместе с детьми, со всем скарбом перекочевать. Вся работа по перекочеванию лежала на ней, она выучила лошадей, перегоняла скот и т. д.»⁶⁴. В летнее время женщина ухаживала за скотом, доила коров, стригла овец, шила обувь и домашнюю одежду, мужчины же большей частью летом бездельничали⁶⁵.

Старики-тувинцы рассказывают о существовании у них в прошлом родовых общественных молений. Большой популярностью пользовались родовые моления солнцу и небу; такие моления сопровождалось празднествами, в которых участвовал весь сумон («сумо-тагыр») или вся кость («сеок-тагыр»). Главную роль на этих празднествах играл шаман, позже вытесненный ламой. Общественные праздники проводились и в пределах целого хошуна. На них собирались представители всех родов, входивших в данный хошун. На хошунные праздники каждый аал должен был привезти целого барана в сваренном виде. Такие хошунные празднества чаще всего устраивались после стрижки овец. Дук салчыр (выделыванию войлока) обязательно предшествовало общественное моление в благодарность за обилие шерсти, за благоприятную погоду и хорошее качество войлока. У тоджинцев были и родовые горные моления.

Этим не исчерпываются родовые пережитки в быту тувинцев. Мы, например, ничего не сказали о наличии у них классификационной системы родства⁶⁶, характерной и для других алтае-саянских народов, о явлении авункулата и т. п. Быт, как это общеизвестно, дольше всего и больше всего сохраняет пережитки прошлого.

⁶² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 143.

⁶³ А. И. Булгаков, Верховья Енисея в Саянских горах, «Изв. РГО», XLIV, вып. VI, 1908, стр. 432.

⁶⁴ Ф. Я. Кон, Указ. соч., стр. 137.

⁶⁵ В. Небольсин, Указ. соч., Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. соч., т. III, в. 1; D. Caruthers, Unknown Mongolia, т. I, Лондон, 1914, стр. 247 и др.; См. также «Сборник обычного права сибирских инородцев», изд. Д. Я. Самоквашова, Варшава, 1876, стр. 2.

⁶⁶ Е. К. Яковлев, Указ. соч., стр. 94—97.

Остаточные явления родового строя в производстве

И. Г. Сафьянов, в течение нескольких десятков лет наблюдавший жизнь тувинцев, в своем докладе «Урянхай. Его прошлое, настоящее и будущее», написанном в 1921 г., говорит: «Это вековое рабство (у иностранных захватчиков.— В. Д.) оставило, конечно, глубокие следы на психологии маленького народа, почти уничтожило его общественность, но все остатки прежней первобытной коммуны еще и сейчас рельефно выступают на бледном фоне его несложной жизни»⁶⁷.

Где же видел И. Г. Сафьянов остатки первобытного рода? Ответ на этот вопрос дают Ф. Я. Кон и М. И. Райков. Кон в своей поездке по отдаленным восточным районам Тоджи и Тере-холя встретился с фактом общего пользования жителями тоджинского поселка результатами индивидуальной охоты своих сородичей. Подобные же примеры общего права на добычу охотника в 1897 г. наблюдал Райков: «Вечером приехал с охоты брат нашей хозяйки дома,— пишет он,— и привез мясо двух коз. Тотчас же пришли со всех юрт и поделили все это мясо между всеми членами общества. Оказалось, что все мужчины этого улуса составляют как бы одну охотничью артель, и мясо животного, убитого одним из членов артели, делится между всеми остальными. Только кожа животного поступает в полную собственность того, кто убил зверя»⁶⁸.

Следовательно, мы можем констатировать наличие на Тодже сохранившейся до начала XX в. общины с коллективным распределением добычи охоты, чего уже не наблюдалось в центральных и западных районах Тувы.

Охотничья артель на Тодже сложилась на почве родственных связей. Об этом свидетельствует тот же автор. «Кроме того,— пишет он,— оказалось, что все семьи этого улуса находились в родственных отношениях между собою»⁶⁹. Островских добавляет, что в то время как мужчины аала уходят на охоту, престарелые, женщины и дети остаются в долине и занимаются сбором луковиц и корней диких растений.

Каждая охотничья артель получала в свое распоряжение участки тайги, который определялся хошунным начальством. После того как зверь «упромыслился», артель получала другое охотничье угодье. Можно полагать, что право артели на участок тайги было основано на родовых традициях.

Охотничья артель, основанная на родственных связях, в XIX — начале XX в. разлагалась. Развивавшиеся торговые связи Тоджи с внешним миром приводили к новым отступлениям от правил коллективной охоты. Е. К. Яковлев пишет: «Если артель сойот ходит на промысел, то все делится пополам, кроме ценных рогов изюбра, которые представляют всегда собственность убившего. Так, Талызину, окружному уездному начальнику, приходилось разбирать дело артели русских охотников и артельщика же сойота, состоявшее в том, что сойот, убив мар

⁶⁷ Тувинский НИИЯЛИ, «История Тувинской Народной Республики. Материалы Рукописей», стр. 2.

⁶⁸ М. И. Райков. Указ. соч., стр. 446. Подобное явление подтверждает П. Е. Островских (Оленные тувинцы, стр. 83); Михеев (Отчет о поездке в северную западную Монголию и Урянхайскую землю, СПб, 1910, стр. 43); С. К. Тока (У болшого порога. Повесть «Сибирские огни», 1950, № 2, стр. 10—11). У енисейских эвенков такое распределение облакалось в обычай лимата. Определение его дано Н. П. Никульшиным, который пишет: «Ниматом называется у эвенков обычай первобытно-общинного распределения охотничьей добычи, состоящий в том, что охотник, добывший зверя, отдает его другому лицу, а тот, взяв себе шкуру, делит мясо между всеми присутствующими мужчинами — главами семей» (Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1939, стр. 35).

⁶⁹ М. И. Райков, Указ. соч., стр. 446.

⁷⁰ П. Е. Островских, Оленные тувинцы, стр. 85.

ла с кровавыми рогами, взял рога себе. У охотников, не составляющих артель, мясо составляет общую собственность; если пули двух охотников попали в зверя (*чар тохтазир*), добыча делится пополам. *Ташта одар* — одновременный выстрел — влечет или равный раздел, или добыча делается собственностью нанесшего смертельный удар. При загонах (*уралап оннар* — у мады, *сигыртып оннар* — у кемчикских) на **юся**, козулю, сайгаков и пр. мясо делится между всеми, загонщикам — шкуры, рога — стрелявшему»⁷¹. Следовательно, из раздела исключаются не только шкура убитого животного, но и рога.

Описанное Яковлевым поведение тувинца в русской охотничьей компании показывает, что «исключения» прочно вошли в привычки тувинцев. В данном случае член первобытной коммуны оказался более заядлым собственником, нежели его русские со товарищи по охоте⁷².

Приведем еще один пример. Передавая свои дорожные впечатления о Туве, Кон говорит о встрече с двумя охотниками с оз. Тере-хол, одного из самых отсталых районов дореволюционной Тувы. Казалось, здесь должны были сохраниться в неприкосновенной чистоте самые древние пережитки общинно-родового строя. Но на самом деле, и здесь они заметно стушевались. Встреченные Коном два тувинца, охотившиеся за маралами, не составляли никакой артели, а каждый из них охотился для себя. «Оказалось, — не без разочарования пишет Кон, — что хотя они странствуют вместе, но каждый промысляет для себя и добытое каковым в отдельности не подложит разделу. Другое дело, если бы последовал одновременный выстрел в зверя — «таштап-одар», тогда добыча делится поровну»⁷³. Но в последнем случае повсеместно принято у охотников делить добычу поровну.

Остановимся еще на одном явлении, которое самым непосредственным образом связано с бытованием не только на Тодже, но в прошлом и во всей Туве охотничьей артели. Речь идет об обычае «ужа».

Обычай «ужа» впервые был отмечен в литературе Е. К. Яковлевым. Вот что он пишет: «Упомяну также о невыясненном еще для меня и совершенно не отмеченном исследователями обычае, пережившем бывшее коммунистическое устройство. Находка, убитая добыча (кроме пушнины), добыча воровского промысла составляет принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет «южа», то добыча поступает или целиком, или значительной частью в пользование этого случайного встречного»⁷⁴.

Яковлев, а за ним и другие исследователи совершенно правильно указали на распространение обычая «ужа» главным образом среди охотников.

Ф. Я. Кон доследовал вопрос об «ужа» и нашел, что «этот уже начинавший исчезать обычай «уджа» применялся ко всему тому, где главную роль играл не труд, а случай, удача. Причем у тоджинцев-

⁷¹ Е. К. Яковлев, Указ. соч., стр. 66.

⁷² Исключение из раздела рогов, шкуры зверя, т. е. предметов торговли, говорит о разрушении родового строя под воздействием на него капиталистических факторов. Подобное явление наблюдается и у тофаларов, где на товарную часть продукции не распространялось право охотничьей артели (М. А. Сергеев. Тофалары сегодня, «Советская этнография», IV, 1940, стр. 61). Такие же исключения М. К. Расцветаев наблюдал и у тунгусов Мямяльского рода в Якутии, где из нимата исключалась пушнина (М. К. Расцветаев, Тунгусы Мямяльского рода. Социально-экономический очерк, Л., 1933, стр. 31). Об ограниченности действия нимата в пушном промысле у тунгусов пишет А. Ф. Анисимов (Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936, стр. 78).

⁷³ Ф. Я. Кон, Указ. соч., стр. 266.

⁷⁴ Полную аналогию этому обычаю мы находим у тунгусов «Если охотник, — пишет А. Ф. Анисимов, — например, убивает белку и в этот момент к нему подходит другой охотник, то первый обязан отдать подошедшему убитую белку» (Указ, соч. стр. 78).

оленоводов он еще в 1902 г. не только был нерушим, но и применялся совершенно своеобразно в применении к участию в работе. «Уджа» обращенное к охотнику, скрадывавшему или подкарауливавшему зверя значило: «поделись со мной правом на участие в охоте». Отказа в этом быть не могло. Но, что в высшей степени характерно, охотник, к которому обратились с предложением «уджа», обязан и сам продолжать охоту, хотя бы ее при участии другого считал для себя невыгодной. Нарушение этой обязанности наказуется».

Объяснение существованию обычая «ужа» Кон, как и следовало ожидать, нашел в тех остаточных явлениях материальной жизни рода, которые он обнаружил в глухих углах тувинской земли.

«Только под конец экспедиции, когда я добрался до тоджинцев-оленоводов, на вершинах гор, покрытых вечным снегом, мне удалось выяснить, — пишет он, — происхождение этого обычая. Там сохранились остатки первобытной коммуны. Ввиду того, что неудача на охоте могла обречь охотника и его семью на голодную смерть, а прежде лук и стрелы, после же дрянные кремневые ружья не давали гарантии удачи, в коммуне было твердо установлено: 1) все добытое на охоте кем бы то ни было передается в коммуну и ею же распределяется между членами коммуны с учетом числа душ в каждой семье; 2) никто не имеет права уклоняться от участия в охоте, так как это участие обеспечивает успех; 3) во время охоты удачно охотившийся обязан встреченному в тайге охотнику выделить из своей добычи столько, сколько необходимо для того, чтобы он мог продолжать промысел»⁷⁵.

Этот обычай, так же как зарегистрированный С. А. Токаревым и Л. П. Потаповым в 1930-х гг. на Алтае обычай под названием «*учалап турмы*»⁷⁶, а равно русское «чур пополам», представляет собой прошедший длительную эволюцию пережиток общинно-родового строя.

В ближайшей связи с сохранением в районе Тоджи охотничьей артели находится и еще один чрезвычайно интересный обычай, отмеченный Потаниным и Адриановым, но подробно описанный тоже Коном. Русские купцы и путешественники принимали этот обычай за проявление жливости тувинцев.

Суть дела заключается в том, что тувинец, задолжавший торговцу, на словах отрицает свой долг, заявляя, что он ничего не должен и ничего не обещал, а сам в то же время тайно, незаметно для других, сует купцу пушнину. Этот, на первый взгляд весьма странный обычай на словах отказываться, а на деле платить свой личный долг пушшиной Кон совершенно правильно объясняет наличием остаточных явлений общинно-родового строя.

«Это опять-таки пережиток того времени, — пишет он, — когда вся добыча охотника составляла не его собственность, а собственность всей коммуны. Отдавая продукт своей охоты на сторону, он воровал его у коммуны и проделывал это тайком. Вот почему он все отрицает, подчеркивая, что он не вор, и продает украденное у коммуны тайком»⁷⁷.

Такое объяснение вполне удовлетворительно, но, конечно, при этом нужно учитывать и другой фактор, который содействовал известной живучести данного обычая. Это кровная заинтересованность властей в том, чтобы вся пушнина, добываемая тувинцем, попадала в их руки.

Итак, на основании свидетельств Сафьянова, Яковлева, Райкова, Островских и Кона мы можем установить наличие в Тодже в начале XX в. охотничьей артели и ряда прямых пережитков родового строя, которые в совокупности говорят о значительной социальной отсталости

⁷⁵ Ф. Я. Кон, Указ. соч., стр. 97, 98.

⁷⁶ С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, М.—Л., 1936, стр. 37.

⁷⁷ Ф. Я. Кон, Указ. соч., стр. 98.

сти тоджинцев по сравнению с жителями остальных районов Тувы, где многие из этих пережитков уже были забыты или доживали свой век.

Посмотрим теперь, какие экономические связи внутри рода сохранились в остальной Туве.

Большая часть тувинцев фактически не знала уже в конце XIX в. никаких видов родовой собственности, ни общих родовых пастбищ, ни общеродового скота. Основные средства производства давно уже перестали быть собственностью рода. Только в легендах и песнях мы находим указание на то, что когда-то в прошлом и скот, и пастбища, и лесные угодья были общими, люди вместе кочевали и т. п. Воспоминания об общем скоте еще живо сохранились у стариков в начале XX в. И. Г. Сафьянов в 1903 г. в легенде «Темир сал» записал: «Привольно жилось нашему народу, но отступали от дедовских обычаев молодые ребята (не верили они старикам и их запретам). Молоко, эту основную пищу нашего народа, они стали перегонять на дьявольское зелье — арыгу и пить его без меры. Их стрелы и копья убивали птиц не ради пищи, а только ради удовольствия. Они забыли заветы отцов и начали делить общественные табуны, занялись торговлей с соседней Монголией, и появились среди нашего народа баи (богачи) и араты (бедняки). Узнали такие слова, как хулечик (работник), чилгычи (табунщик)»⁷⁸.

Несмотря на то, что общеродовой собственности в основных районах Тувы не было, все же вплоть до революции в сознании арата сохранилось представление, что земля — это общеплеменная, общеродовая собственность. Катанов в 1889 г. записал у тувинца Шагатчи из сумона Кыргыз песню, в которой говорилось: «Кижичери, кажатур, кижичи болган оймак тур» («земля принадлежит человеку, который по ней ездит, а человек принадлежит племени, из которого происходит») ⁷⁹.

Тот факт, что основные средства производства перестали быть родовой собственностью, имеет чрезвычайно важное значение для понимания ведущих закономерностей социального развития Тувы. Но он отнюдь не означает, что к этому времени совершенно исчезли экономические связи внутри рода. Доказательством этого могут служить довольно тесные хозяйственные взаимоотношения между частями отдельных родов, оторванными друг от друга феодальным административным устройством. Так, например, по сообщению аратов, существовали тесные связи между родом Чооду, часть которого жила на р. Тапсе, и основной группой этого рода, обитавшей на юге области, в районе верховьев р. Эрзин. Северные Чооду снабжали южных хлебом, а сами вывозили от них верблюдов, а также различные продукты скотоводства. Подобная связь существовала и между разными частями рода Кыргыз. Тулуши, жившие в Шаганаре, снабжали хлебом тех своих сородичей, которые жили в Овьуре на Торгалыке. Подобный обмен поддерживался между чаатинскими тонгаками и тонгаками, жившими на Чалаты (Овюр). Монгуши на Чадане снабжали хлебом монгушей, живших за Танну-олой (на Салчжуре). В обмен на хлеб все эти сородичи получали соль, а также мясо, особенно мясо тарбаганов. То же наблюдалось в отношениях между сородичами, жившими на Аянгатте и в Монгун-тайге.

Эти внутривидовые связи не ограничивались обменом хлеба на мясо и соль, они носили более широкий характер. Так, например, многие тувинцы с Чаданы и Тапсы посылали свой скот на зимний выпас сородичам, кочевавшим у Танну-олы, где условия для содержания скота были лучше.

⁷⁸ И. Г. Сафьянов, Тува в прошлом. Художественное творчество тувинского народа. Рукопись, стр. 13, Тувинский НИИЯЛИ.

⁷⁹ Н. Ф. Катанов, Образцы, стр. 23. Ср. то же у хакасов: Д. Е. Лаппо, Общественное управление минусинских инородцев, отд. оттиск из «Изв. Томского университета», кн. 25, Томск, 1905, стр. 8—9.

Характерным пережитком родовых отношений является зафиксированный Яковлевым обычай помощи богатого бедняку: «Сойот не может быть голоден, если рядом другой сыт; в периоды голодовок богачам приходится голодать так же, как и беднякам, так как, если один заколол барана, то идут есть его все. Богач, который не поможет бедняку в сильной нужде, в случае жалобы бедняка будет принужден к штрафу как за нанесение этим убытка государству: бедняк, самовольно захвативший в таком случае скот богача для утоления голода, считается правым даже в случае поимки с поличным»⁸⁰.

Кроме Яковлева, никто больше не подтверждает обязательной помощи богатого бедняку, но почти все, писавшие о Туве и тувинцах, подчеркивают гостеприимство тувинцев, а русские переселенцы в один голос утверждали, что такого гостеприимства они не встречали нигде, кроме Тувы. Русская переселенческая администрация в Туве даже считала разорительным это гостеприимство для самих тувинцев. «Отличительной чертой сойот,— пишет заведующий устройством русского населения в Туве Шкунов,— является крайняя, пожалуй, детская беспечность в устройстве своей жизни и гостеприимство»⁸¹. Тувинцы славятся гостеприимством и до сего времени.

Что касается помощи богатого бедняку, то Яковлев явно переоценивает ее значение, так как еще в XVIII в. Пестерев писал о тувинцах, что «богачи им (беднякам — В. Д.) не помощники»⁸². Тем не менее факты помощи богатого бедняку отмечались неоднократно. Например, подобный случай зафиксирован Черненковым. По его рассказу, во время голода 1897 г. мейерэн бай Чула (р. Кундулей) роздал безвозмездно более половины своего скота голодающему населению⁸³. Но чем объясняется подобное явление? Сам же Яковлев указывает, что администрация предписывала богатым оказывать такую помощь, ибо оставление человека без помощи означало нарушение, как он выражается, государственных интересов. Видимо, это было одной из причин, которая вынуждала бая «заботиться» о том, чтобы его бедный сородич не умер от голода. Сохранение этого обычая определяется и другой причиной, на которую опять-таки указывает сам Яковлев,— это угроза бедняка отогнать скот у богатого. Сохранение обычая взаимопомощи и гостеприимства нужно было феодалу и для того, чтобы прикрыть ими эксплуатацию своих сородичей, показать себя как благодетеля, радеющего о своих бедных родственниках. Бай вспоминал об этом родовом обычае только тогда, когда он ему был выгоден по хозяйственным соображениям, или под угрозой наказания со стороны администрации или, что было еще страшнее для него, под страхом угона скота.

В народе, хранившем в сознании представления о родовой взаимопомощи, материальная поддержка бедняка со стороны богатого рассматривалась как обязательная. Подобное явление наблюдал Энгельс в Ирландии во второй половине XIX в. «За несколько дней,— пишет Энгельс,— проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, как глубоко еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, для последнего все еще нечто вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех; крестьянин уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь.

⁸⁰ Е. К. Яковлев, Указ. соч., стр. 77. Это явление одного порядка с призреванием бедных богатыми у киргизов (В. Д. Тронов, Обычаи и обычное право у киргиз, «Записки РГО по отделу этнографии», т. XVII, вып. II, 1891, стр. 86).

⁸¹ Гос. Архив Новосибирской области, ф. 47, д. № 294, л. 37.

⁸² Е. Пестерев, Указ. соч., «Новые ежемесячные сочинения», ч. LXXX, 1793, февраль, стр. 57.

⁸³ «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. LXXX, СПб, 1907, стр. 54.

Там считают также, что всякий более состоятельный человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному от более богатого сородича или от вождя клана»⁸⁴.

И в Туве араты считали своим законным правом получить в нужде помощь от сородича. Если богатч не соблюдал этого обычая, бедняки в знак протеста угоняли у него скот.

В этом явлении отражалась первобытно-общинная идеология, хотя производственные отношения ей уже не соответствовали. Исчерпывающее определение сущности этой идеологии дал И. В. Сталин в своей работе «Анархизм или социализм?»: «Было время, когда люди боролись с природой сообща, на первобытно-коммунистических началах, тогда и их собственность была коммунистической, и поэтому они тогда почти не различали «мое» и «твое», их сознание было коммунистическим»⁸⁵. Сознание людей, как указывает И. В. Сталин, не сразу, а постепенно изменяется в соответствии с изменяющимися производственными отношениями и заметно отстает от развития последних.

Формы взаимопомощи были самыми разнообразными: помощь родственнику, пострадавшему от стихийного бедствия, например, джута, обязательная помощь сородичу при женитьбе⁸⁶ и т. д.

Тувинец, потерявший скот при джуте или другом стихийном бедствии, может всецело рассчитывать на помощь родственников, которые выделяют ему по одной-две скотины в зависимости от размера их стада. Оказание такой помощи связано с выполнением обычая *аалдар* (гости). По этому обычаю, оставшийся без скота сородич идет к своим родственникам, живущим в его аале, и они снабжают его, кто сколько может, аракой. Собрав таким путем несколько кугеров вина, он отправляется с ним в ближайший родственный аал и заезжает к самому богатому родственнику. Узнав о приезде гостя, туда немедленно собираются и все остальные родственники. Гость дарит хозяину самый большой кугер араки и за столом, среди других сообщений, рассказывает собравшимся о своем несчастье, притом ничем не намекая на ожидаемую помощь. В тот же день гость рассылает всем другим родным, живущим в этом аале, кугеры и кугерчики с аракой в соответствии с размерами ожидаемой от них помощи.

В течение нескольких дней тувинец живет в гостях, потчусь то в одной, то в другой юрте, переходя от одного родственника к другому, и попрежнему не обращается с просьбой о помощи. Когда все родственники обойдены и арака выпита, гость сообщает о своем возвращении домой. В эту последнюю ночь пребывания гостя, как рассказывают араты, родственники решают вопрос о том, какой скот и сколько они дадут пострадавшему. Рано утром выделенный скот сгоняют в один загон, а затем передают гостю, и тот угоняет его домой. Получивший помощь обязан беречь скот, так как повторное обращение неграмотного хозяина за помощью останется без ответа.

Такой же характер родственной помощи носит и другой обычай, известный в Туве под названием *башкыргыр*, что дословно значит «стрижка». Обычно тувинцы до трех лет не стригли волос у детей. Первая стрижка сопровождалась особым ритуалом. Мальчика стригли родственники, которых специально оповещали родители ребенка. Каждый родственник состригал пучок волос и дарил мальчику что-нибудь из скота. Собранный во время стрижки скот отец должен сохранить до

⁸⁴ Ф. Энгельс, Происхождения семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 138.

⁸⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 314.

⁸⁶ Е. Я. Яковлев, Указ. соч., стр. 90—91.

совершеннолетия и женитьбы сына и тогда передать в его полную собственность.

К этому же виду родовой помощи относятся и такие обычаи, как *дугдээр*, связанный со сбором приданого для девочки, *шайбузар* (ломать чай) при сватовстве и пр.

Широко была распространена у тувинцев взаимопомощь при уборке хлеба и сенокосении, носившая общее название *«момбуш»*. Булгаков, посетивший Туву в 1908 г., замечает: «Взаимная помощь — характерная черта отношений сойотов друг к другу, в особенности в отношении продуктов потребления»⁸⁷.

Все эти, как и другие виды взаимопомощи, широко использовались тувинскими баями для эксплуатации своих сородичей.

Русский купец Н. Ф. Веселков первый обратил внимание на это обстоятельство: «При открытии весны, — писал он, — у урянхайцев, кроме их промышленности и хозяйственных занятий, соответствующих каждому полу, начинается общая работа — это приготовление овечьей шерсти для кочем, которую они сначала бьют, а потом катают... Такого рода работа делается у них взаимною помощью: окончив ее у одного соседа, переходят к другому. Обычай в этом случае имеет совершенное сходство с нашими сибирскими крестьянами, делающими «помочи» для взаимной уборки хлеба. Но такого рода занятия — катанья кочем — падают на долю только бедных урянхайцев, а не зажиточных, которые ровно ничем не заняты, и в особенности при наступлении лета»⁸⁸.

Свидетельство Веселкова подтверждается и другими материалами. Такого рода помощь носила название *«дук салчыр»* (помогать делать войлок). Эксплуататорский характер этой взаимопомощи в XIX в. не вызывает никакого сомнения. Бедняку незачем было собирать людей, чтобы бить шерсть, так как шерсти-то у него не было. К дук салчыр прибегали только чиновники и баи, которые нуждались в рабочей силе и были заинтересованы получать ее в виде дарового труда своих сородичей. Единственной оплатой за эту работу было дешевое угощение во время так называемого «доя», т. е. пира, устраиваемого после окончания работы.

Обычай «дук салчыр» в условиях Тувы XIX в. становился одной из форм эксплуатации арата тувинским баем. Основанная на использовании общинно-родовых традиций эта форма эксплуатации подчеркивала неразвитость классовых отношений, их раннюю ступень в Туве, подобно тому, как русская помощь показывала раннюю стадию развития капиталистических отношений в русской деревне.

Прямым пережитком родового быта в Туве являлось сохранение старых родовых тамг (танм). Принадлежность скота тувинцы отмечали двумя способами: выжиганием особых знаков, главным образом на лошадах, и разрезом ушей у овец, коз и частично у рогатого скота. Тамги выжигали при помощи железного клейма размером в 2—2½, резе 4 вершка, на левой задней ляжке (иногда на правой или на лопатках).

Тамги были не родовыми, а сумонными. Никто не имел права присвоить себе тамгу без разрешения властей. В каждом сумоне было несколько тамг; повидимому, это объясняется тем, что сумоны состояли из нескольких родов. Например, сумон Маады имел 7 самых различных тамг, сумон Бичи-Ховалыг — 2, Кыргыз-Тонгак — 3, Чоода на Тапсе имели 5 тамг и т. п. Тувинские тамги в большом количестве собраны

⁸⁷ А. И. Булгаков, Указ. соч, стр. 432.

⁸⁸ Н. Ф. Веселков, Зарождение нашей торговли с западной стороной Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии. В сб.: «О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России», вып. 1, СПб, 1871, стр. 37—38.

А. П. Ермолаевым⁸⁹. Из зарисовок Ермолаева, из бесед со стариками и непосредственного ознакомления с тамгами⁹⁰ можно установить, что большинство тувинских сумонных тамг относится к группе «кас» или «хас» (гусь). Эта родовая тамга, довольно часто встречающаяся у народов Алтае-Саянского края⁹¹, в самых различных вариантах имелась во многих сумонах (Ховалыг, Тонгак, Маады, Чооду и др.).

Помимо «кас», который применялся в двух вариантах: «мунгуш кас» (закрытый кас) и «ажык кас» (открытый кас), у тувинцев часто встречаются тамы «серээ» (вилка) (сомоны Кыргыз-Тонгак, Маады, Тулуш и др.), «курбулчин» (тройка), «эхе-маа», «шындавал», «напчи» (сомоны Ондар, Тонгак, Маады и др.). По заявлению стариков, большинство тувинских танм было перенято у монголов.

Свой первоначальный смысл тамги давно уже потеряли, так как скот перестал быть родовой собственностью. С обострением классовых противоречий участились случаи угона скота у богатых бедными родственниками. Араты имели полную возможность преспокойно хранить скот у себя, так как у них с баем было одинаковое клеймо. Это заставило баев добиваться от властей разрешения на свое собственное клеймо. Они вводили к сумонному знаку добавочный или ставили сумонную тамгу на особом месте, перевертывали ее и т. д. Подобные же явления были установлены у алтайцев⁹².

В Туве существовала и круговая порука, которую Кон относит к реликтам родового строя. На самом деле не традиция, не родовая взаимопомощь сохраняли круговую поруку, а интересы господствующего класса. В этих условиях круговая порука становилась одним из проявлений феодальных отношений, т. е., как и в России, она уже была явлением крепостнического типа⁹³.

Наряду с рассмотренными выше пережитками общинно-родового строя в Туве продолжало существовать народное собрание — «чыыш», признавалось равенство всех перед судом и т. п. Но под воздействием развивавшихся классовых отношений, эти старинные установления значительно трансформировались и стали в руках байской верхушки орудием закабаления и эксплуатации тувинских аратов. Однако среди политически неразвитой массы трудящихся, забитой гнетом иностранных захватчиков и своих собственных поработителей, продолжала жить иллюзия о всеобщем равенстве и общности интересов сородичей.

Подведем итоги обзору пережитков родового быта в Туве в XIX и начале XX в.

1. К началу XX в. тувинцы в значительной степени забыли о своих родах; деление по родам заменилось делением по сумонам и арбанам.

2. Административное устройство, введенное в Туве маньчжурами, строилось не по родовому, а по территориальному принципу; совпадение родо-племенного деления с административным способствовало перенесению признаков рода на ряд арбанов и сумонов.

3. Пережитки родового строя отчетливо сохранялись в быту тувинцев (пережитки группового брака, классификационная система родства и т. д.).

⁸⁹ Красноярский краевой музей

572.4 (09), л. 13 и сл. При разборе этих № 501

танм, как и при изучении других вопросов, мы пользовались консультацией специалиста по тувинскому скотоводству т. Кызылова, которому приносим глубокую благодарность.

⁹⁰ После революции тувинцы стали клеймить скот русским способом.

⁹¹ Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке... 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии, «Ученые записки Казанского университета», кн. 3, 1897, стр. 18—19.

⁹² С. А. Токарев. Указ, соч., стр. 32—33.

⁹³ См. В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии, Соч., т. 6, стр. 126.

4. Наиболее прочные экономические связи родового порядка сохранились на Тодже и Тере-холе. Это выражалось в наличии родовых охотничьих угодий, уравнительно-общинном распределении продуктов охоты, существовании охотничьей артели, основанной на родственных связях. Пережитки такой артели в виде обычая «ужа» встречаются также и в остальных районах Тувы. Восточные районы Тувы являлись наиболее социально отсталыми, там дольше и больше всего сохранялись родовые отношения и их пережитки.

5. В основных районах Тувы фактически отсутствовали родовые пастбища, родовая собственность на орудия производства, родовые кочевья, но сохранялись довольно тесные экономические связи внутри рода. Это выражалось в обмене продуктами между разными частями родов, разорванными административным устройством, в различных видах взаимопомощи (дук салчыр, момуш, аалдыр, дугдээр, шайбузар и др.), а также в гостеприимстве, круговой поруке, наличии родовых тамг и т. д.

В общей сложности пережитки родового быта составляют заметную область социальных отношений в Туве, и игнорировать их отнюдь нельзя. В основных районах Тувы XIX — начала XX в. уже отсутствовала материальная база родового строя, и он фактически перестал там быть господствующим видом общественных отношений. Но пережитки родового строя продолжали жить и играли сравнительно большую роль в новых общественных отношениях. Больше того, эти пережитки кое-где дожили до наших дней, и с ними нельзя не считаться в условиях социалистического строительства в Туве.

Наличие ряда пережитков родового строя и родового быта в Туве XIX — начала XX в. характеризуют тувинское общество этого времени как общество, где классовые отношения находились на ранней ступени развития, где они окончательно еще не отделились от прежней общественной формации, полностью не порвали с ней связей. Это было общество полупатриархальных, полуфеодальных отношений.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. И. КРАВЦОВ

ПЕСНИ ЖНЕЦОВ В БОЛГАРСКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ XIX ВЕКА *

1

В болгарской народной поэзии особое место занимают песни жнецов (жетварски песни); среди других жанров народных лирических песен они выделяются своим большим познавательным и идейным значением, ярко выраженным социальным характером, глубоким реализмом и художественным своеобразием. Это объясняется тем, что они непосредственно связаны с трудом в поле, исполнялись во время жатвы, показывают тяжелое положение крестьян в поработанной турками Болгарии и Болгарии буржуазной, общественные отношения первой и второй половины XIX в., выражают народное миропонимание, народные думы и чаяния.

Буржуазная фольклористика не уделяла должного внимания песням жнецов. Она сознательно обходила произведения народного творчества, содержащие в себе острую критику, изображение жизни трудового крестьянства и общественных противоречий.

В большинстве сборников песни жнецов представлены лишь отдельными образцами, теряющимися среди многочисленных текстов религиозно-обрядовых песен и включаемыми в безликие отделы «песен из личной жизни» или «семейных песен». Фольклористы, систематизировавшие песенные материалы, обычно не выделяли их в особые отделы¹. Так,

* Статья представляет собой обработанный доклад, прочитанный в секторе фольклора Института этнографии АН СССР, и вместе с тем сокращенное изложение работы, которая полностью будет опубликована в VI выпуске «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР

¹ Впервые песни жнецов как особый раздел народной лирики были выделены в сб. бр. Миладиновых «Български народни песни» (Загреб, 1861) и представлены типичными сюжетами (работа на баршине, труд наемных артелей жнецов и пр., №№ 638—660). Позже только у К. Шапкарева в «Сборник от български народни умотворения» (кн. V и VI, София, 1891) они также выделялись в особую группу песен (№№ 717—748). В большинстве же других изданий жетварские песни включались в самые различные разделы песен (см. сб. Ст. Верковича, В. Чолакова, В. Качановского, П. Шишкова, Н. Бончева, В. Икономова, Н. Тахова, Г. Янкова и др.).

Всёма многочисленные и важные тексты песен жнецов собраны в книгах «Народни песни от Тимок до Вита», редактира Васил Стоин (София, 1928, 1134 стр. №№ 876—1124) и «Народни песни от средна северна България», редактира Васил Стоин (София, 1931, 893 стр.; песни жнецов здесь в особый отдел не выделены).

например, в «Известия на семинара по славянска филология», издававшихся при Софийском университете (кн. V и VI, 1925—1929), помещен указатель песен, напечатанных в различных изданиях (редактор указателя проф. С. Романский), однако в этом указателе песни жнецов особо не выделены, а разбросаны по разделам обрядовых, личных, семейных, общественных песен. Проф. М. Арnaudов в своей книге «Очерки по българския фолклор» (София, 1934) дает обзор всех важнейших видов народных песен (причем, исходя из глубоко порочной теории заимствований), но не упоминает о песнях жнецов.

Недооценка значения жетварских песен наблюдается еще и сейчас. В сборнике Б. Ангелова и Хр. Вакарельского «Книга на народната лирика» (София, 1946) эти песни представлены всего несколькими и притом не характерными образцами; в литографированном издании лекций проф. П. Динекова «Българска народна поезия» (София, 1949) о песнях жнецов сделано всего несколько замечаний. Примерно то же можно сказать и о сборнике статей «Българско народно творчество» под ред. Керемидчиева (София, 1950); хотя этот сборник содержит в себе ценные и хорошие статьи, в нем также мало внимания уделено песням жнецов.

Недооценка жетварских песен привела к тому, что они не были объединены в особом сборнике и что среди довольно богатой литературы о различных жанрах болгарской народной поэзии нет ни одной статьи, специально посвященной анализу социальной сущности, жизненного смысла и художественного своеобразия жетварских песен. Недостаточна также экономическая и этнографическая литература, объясняющая истинную сущность и условия создания и жизни этих песен².

Публикации жетварских песен и материалы, касающиеся их, позволяют сделать предварительные выводы о следующем:

1) песни жнецов были широко распространены в Болгарии, особенно в горных округах Габровском, Тревненском, Дряновском и других, что имеет свои причины (о них далее);

2) песни жнецов известны в записях с 50-х годов XIX в. по 1931 г. (более новыми материалами мы не располагаем);

Наиболее богатые и ценные тексты живных песен опубликованы в известном издании «Сборник за народни умотворения» (кн. 1, 1889—кн. XLIV, 1949), особенно в книгах 2, 5, 7, 8, 9, 13, 16—17, 25, 34, 35, 38, 39, 42, 44. В этих сборниках, как и в сборниках под редакцией Стоина, даны и записи напевов. Хотя песни жнецов собирались мало, все же в различных сборниках и журналах опубликовано около восьмисот их номеров, среди которых, естественно, много вариантов одних и тех же текстов. Изучение этого материала может привести к существенным выводам и о характере самих жетварских песен и о важнейших сторонах всего болгарского народнопесенного творчества.

² Некоторые материалы, характеризующие социально-экономические условия жизни и труда болгарских крестьян и даже обстоятельства исполнения жетварских песен, содержатся в следующих статьях:

1. Ф. Кондратович. Экономические заметки о Болгарии. «Русская мысль», 1884, кн. 2, стр. 1—20; кн. 4, стр. 53—68; кн. 5, стр. 19—43. 2. И. Гешов. Задружното владение и работение в България. «Периодическо списание на българско книжовно дружество», 1889, кн. XXVIII—XXX, стр. 539—549. 3. И. Гешов. Овчарите от Котленско и жетварите от Търновско. Там же, 1890, кн. XXXII—XXXIII, стр. 310—326. 4. В. Атанасов. Икономическото развитие на България от 1879 г. до настоящето време. «Сборник за народни умотворения», кн. V, стр. 14—35. 5. Д. Уста Генчов. Жетварски задружии низ Търновско. Там же, 1892, кн. VII, стр. 484—495. 6. Автобиография от Юрдан Нонов. Там же, 1896, кн. XII, стр. 374 и др. 7. Пътуване по долините на Струма, Места и Брегалница. Там же, стр. 342—352. 8. Селска задруга, чифлик и как се обработва той (запись М. К. Цепенкова). Там же, 1900, кн. XVI—XVII, стр. 388—392. 9. Д. Мирчев. Принос за изучаване бита на българите в Македония. Там же, 1906—1907, кн. XXII—XXIII, стр. 1—43. 10. Н. Константинов. Земледелието в България преди освобождението. Там же, 1909, кн. XXVI, стр. 1—83. Первые указания о песнях жнецов и их исполнении были сделаны Г. Раковским в его «Показалец» (Одесса, 1859, стр. 55—56), а отдельные замечания сопровождают публикации текстов в сборниках песен и журналах.

3) из-за невнимания собирателей к этим песням многие важные образцы их утрачены;

4) идейная сущность, общественная роль и художественная ценность песен жнецов не изучены;

5) экономисты и этнографы, давая в своих статьях ценные сведения о труде и быте жнецов и условиях исполнения песен, мало сообщают данных о создании, жизни и изменениях жнивных песен.

Все это вместе взятое, и прежде всего явно несправедливая недооценка жетварских песен при их значительном идейном содержании, большом своеобразии и художественной ценности, приводит к необходимости более пристального их изучения, к необходимости попытаться раскрыть их жизненный смысл, общественное значение, национальную самобытность и эстетические достоинства. Эту задачу мы и ставим себе в настоящей статье.

2

Свидетельства собирателей народного творчества и этнографов, как и показания самих песен жнецов, подтверждают, что жнивны песни неотделимы от самого процесса труда, от жатвы. Их поют и во время работы, и в моменты отдыха. Один из собирателей жетварских песен В. Велчинов говорит о жнецах: «Весь день во время жатвы поют соответствующие песни»³.

Н. Константинов в упомянутой статье указывает: «Жатва наших крестьян неразрывно связана с песнями» и далее: «Жницы поют на полосе во время жатвы и при возвращении с нив в село» (Сбну, XXVI, стр. 71). Жницы стараются, «чтобы жатва не была глухой». Песни запевают с самого момента начала жатвы, недаром особая группа песен начинается словами «зажинаем, запеваем» («зажнаваме, запеваме»).

Лю кат ми са зажали,
Пеасна са си запеали

Как мы только зажали,
Песню мы запевали

(Шапкарев, № 757);

Жетфаре идат од нива,
Идат од нива и юначки

Жнецы идут с нивы,
Идут с нивы, молодецки поют.

пят

(Там же, № 742).

Песни жнецов рисуют образ девушки-певицы, певицы-жницы. Это отражает то положение, что песни и жатва в народном быту, а поэтому и в народном представлении, не разъединимы и что это песни женские. Жница — петь мастерица. В песнях выражено восхищение ее пением.

Парень просит мать посватать ему жницу, потому что жницы «красивы, сладкоречивы, сладкоголосы» («ем са убави, ем слаткодуми, ем слаткопойни» (Сбну, XVI—XVII, стр. 127). Он говорит девушке:

Гласът ти се слуша
Чак до наша нива,
Сърпа си оставям,
Тебе да послушам.

Голос твой слышно
Аж до нашей нивы,
Серп я оставляю,
Чтоб тебя послушать.

(Сбну, XXVI, стр. 71).

Парень хвалит жниц (Сбну, XII, стр. 274):

Как женат, как са
наджеват,
Как пеят, как са натпяват.

Как жнут, как стараются
пережать друг друга,
Как поют, как стараются
перепеть друг друга.

³ «Сборник за народни умотворения», кн. XVI—XVII, стр. 117. Далее этот сборник обозначаем сокращенно: Сбну.

Жницы своими песнями увлекают и самих жнецов, и пастуха, который неподалеку пасет свое стадо, и даже проезжих турок — пашу, агу, кадию. В песнях жнецов очень част сюжет: турки слышат прекрасное пение жницы и приходят ее украсть. Та же девушка-болгарка, которая отуречилась и стала женою турка, раскаивается в своем поступке: она сидит дома под замком, а другие девушки жнут в поле и поют песни.

Самое пение Н. Константинов описывает так: «Поют две группы женщин... Обыкновенно поют две девушки или женщины, а вслед за ними подхватывают и присоединяются другие две. Говорят, что первые «запевают», а вторые «пристают», «подхватывают», «повторяют» и т. п. Всегда вторая группа повторяет куплет, пропетый первой группой» (Сбну, XXVI, стр. 71).

Жетварская песня определяется собирателями как «тѣжна песен» (печальная песня), песня с тягучим, медленным напевом, драматическая по содержанию. Н. Константинов пишет: «Тон жетварских песен больше серьезный и грустный, нежели веселый и игривый; в нем как бы звучит голос многовековой райи турок и голос измученного раба земли» (Сбну, XXVI, стр. 71). Песни жнецов отличаются глубокой задушевностью, большой эмоциональной силой. В песне № 134 (Сбну, XLII, стр. 152) муж, слушая пение своей жены-жницы, говорит ей:

Не могъ да съ наслушам
На твоите песни хубави,
Хубави, Станке, народни.

Не могу я наслушаться
Песен твоих прекрасных,
Прекрасных, Станка, народных.

Живные песни неразрывно связаны с распорядком живных работ, это не обрядовые, а трудовые песни, они поэтому отражают весь ход работ с раннего утра до позднего вечера, причем в определенные моменты работы и отдыха поются и определенные песни.

Жатва начинается ранним утром, на заре («рано на нива ранили»), жнецы стараются до жары, «по холодку» побольше сделать. Если это первый день жатвы, то начало работы носит особо торжественный характер: начинает жать (зажинать) одна жница, для чего выбирают веселую, живую девушку, обычно общую любимицу, так как с жажинком связано поверье, что зажинать должна девушка, имеющая «легкую руку», иначе работа не будет спориться. Характерно, что уже самое начало жатвы связывается с пением: кто зажинает, тот и запекает.

Зажни, Ружо, тебе лека
рака!
Леко зажни, да е леко
лето.
Леко лето, като леко перо.
Запей, Ружо, ти си гласо-
вита,
Зпей, Ружо, тебе блага
дума:
Леком пейеш, далеком се
чуе.

Зажни, Ружа, у тебя легкая рука!
Легко зажни, чтоб было легкое лето.
Легкое лето, как легкое перо.
Запой, Ружа, ты ведь голосистая.
Запой, Ружа, у тебя доброе слово:
Легко поешь — далеко слышно.

(Сбну, XVI—XVII, стр. 117)

Песенный репертуар жнецов состоит из песен о жатве. Правда, порою они поют о хайдуках и Марке Кралевице, но эти песни зашли в их репертуар в силу своей популярности. Основная же часть живных песен — это песни о жатве и жнецах, об их труде и судьбе, о том, что окружает их в поле. Так, жницы поют о пастухах, подшучивают над ними, что те поздно просыпаются:

Сите моми в ранина минаа,
А ти чекаш слънце да из-
грее.

Все девушки уже вышли в поле,
А ты ждешь, чтоб солнышко

пригрело.

(Сбну, XVI—XVII, стр. 118).

Переключки и шутки с пастухами в форме песен обычны у жниц:

Вес ден мома пяла,
Офчару се смяла.

Весь день девка пела,
С пастухом шутила.

(Сбну, VI, стр. 48).

Утром поют песни о начале работы, в полдень об отдыхе жнецов:

Се аргакe пладне пладну-
вали,
Пладнували и са полегнали.

Все жнецы в полдень полудничали,
Полудничали и спать легли.

(Сбну, XLIV, стр. 410).

Вечером поют песни об окончании работы:

Женали, жито са женали,
Довдето слънце заседне.

Жали они, жито жали,
Пока солнце не зайдет.

(Сбну, XLII, стр. 172).

Сюжеты песен, исполняемых утром, используют особые положения, связанные с началом работы; сюжеты песен, исполняемые в полдень, строятся на положениях, связанных с отдыхом и ожиданием отдыха; сюжеты песен, исполняемых вечером, основаны на положениях, в какие попадают жнецы при окончании работ, в темноте. Придя домой с поля, жницы поют песни, в которых спрашивают мать или хозяйку (если это наемные жницы): «Готовила ли си вечера?» («Готовила ли ты ужин?») (Сбну, VII, стр. 94).

Песни жнецов имеют свои особые сюжеты, связанные с трудом в поле во время жатвы, и сопровождают весь ход работ: к определенным моментам работы прикреплены и определенные песни. Но песни по своим сюжетам связаны не только с ходом самой работы, а и со временем работы — зарей, утром, полднем, вечером, хотя в песнях может и не говориться о жатве и жницах. Но раз песня поется утром, то в ней говорится о том, как рано проснулась девушка: «рано рани убава девойка» (Стоин, т. I, № 885): если в обед, — то о том, как «Застанало слънце насред неба» («Задержало солнце середь неба») (Сбну, XXI, стр. 48); если вечером, — то поют песню, которая начинается словами: «Слънце зайде, мрак по поле падна» («Зашло солнце, мрак упал на поле») (Сбну, XVI—XVII, стр. 127); при возвращении с поля поют песню: «Замръкнала мома Яна» («Запозднилась девушка Яна») (Стоин, т. I, №№ 1030—1047) или о приготовлении вечерней трапезы (там же, №№ 1104—1107).

Таким образом, оригинальной чертой репертуара жнецов служит то, что в нем определенным образом располагаются не только песни, своими сюжетами связанные с жатвой, но и те, какие с нею прямо не связаны. Это обстоятельство еще раз подтверждает то, что жетварские песни создавались в связи с трудовыми процессами; это определило особое восприятие и освещение действительности. Наконец, это обстоятельство, как и весь склад, сюжеты, образы песен, выраженные в них думы, говорят о том, что эти песни играют большую роль в жизни и трудовой деятельности крестьян.

Н. Константинов отмечает, что «песня и дружная работа имели особое большое значение при жатве» (Сбну, XXVI, стр. 69). И далее: «Всегда при пении жницы, наклоненные, пригнутые к земле, жнут, увлекаясь работой, спешат закончить полосу незаметно, без усталости. Крестьяне глубоко убеждены, что песни на полосе необходимы, потому что, когда поют, то работа спорится и идет легко и весело» (там же, стр. 71). Жетварские песни не только являются разносторонним отражением тру-

да и быта жнецов, но и служат организатором труда, помогая экономить силы и объединяя людей в их труде.

Болгария в прошлом — сельскохозяйственная страна, болгары — народ земледельческий, поэтому поэзия, связанная с трудом в поле, разносторонне выражает народные думы и чаяния. Песни жнецов — не только песни жнивные, но и урожайные. Они говорят об итоге годового труда крестьянина: Жатва для крестьянина — большой праздник.

Н. Константинов говорит: «Сбор урожая представляет собою увенчание успехом земледельческого труда. Поэтому с радостью и песнями земледелец начинает сбор урожая — будь то жатва или сбор винограда» (Сбну, XXVI, стр. 68). Жатва носила праздничный характер, и в этом большую роль играли песни. В песне № 134 (Сбну, XLII, стр. 152) муж просит свою жену запеть песню, потому что

Тази година, Станко ле,
Голям берекет имаме,
Житото е доста хубаво

В этот год, Станка,
У нас большой урожай,
Хлеб у нас очень хороший.

Болгарские песни жнецов — особый раздел народной лирики XIX в., связанный с особыми формами крестьянского труда. Эти песни имеют свои особые сюжеты, образы, свой жизненный смысл. Г. Раковский говорит: «У болгар для всякого времени есть особые песни; на жатве, на посиделках, при уборке кукурузы, при молотье, на домашних праздниках, на свадьбе, на сборе винограда, утром на рассвете, при разделе и проч. поются различные песни» («Показалец», стр. 55—56).

Естественно, что задачей изучения песен жнецов должно быть не столько установление того общего, что роднит эти песни с другими песнями болгарского народа, сколько раскрытие отличительных черт их жизненного содержания и формы, их сюжетов и образов, их идейной и эстетической стороны, их общественной роли.

Общественная ценность жетварских песен состоит прежде всего в том, что, изображая труд и быт жнецов и выражая их думы и чувства, они поднимают важнейшие вопросы национального и социального порядка, знакомят с положением болгарского трудового крестьянства под турецким владычеством в первой половине XIX в. и в период развития капитализма в Болгарии во второй половине XIX в. С большой силой они выражают народные стремления и идеалы, дают народную оценку общественных отношений и политического положения страны. Изменяясь вместе с социально-исторической действительностью, песни жнецов, несмотря на устойчивость в них некоторых сюжетов, разносторонне и глубоко отразили формы крестьянского труда: во-первых, работу на турок, барщину — ангарию, во-вторых, работу наемных артелей жнецов в хозяйствах чорбаджиев и кулаков и, в-третьих, работу на своей ниве. Соответственно этому песни жнецов как бы разделяются на три группы песен, каждая со своими особыми темами и сюжетами.

3

Во время турецкого владычества в Болгарии турки-помещики (спахии) и чиновники различных рангов, захватившие как завоеватели большую часть болгарских земель, заставляли болгарских крестьян работать в своих поместьях в порядке барщины (ангария). Такое положение существовало до 1858 г.

Турки были не только владельцами земельных имений, но и представителями власти и поэтому заставляли крестьян работать в любое время и любое число дней в году. Так поступает турок Рашид-бей в рассказе

«Ганчо Косерката» писателя Цани Гинчева, хорошо знавшего положение крестьян при турках. Имея право использовать труд крестьян села Гиран, «этот турецкий феодал кроме гиранчан хотел заставить и жителей окрестных сел работать у него на барщине и наказывал их по своему усмотрению»⁴.

Положение болгарских крестьян во время турецкого владычества, изображаемое в песнях жнецов, полностью соответствует тому, как оно описывается очевидцами⁵. Песни работу крестьян у турок-спахиев называют «чужда работа» (чужая работа), «ангария» (барщина), «гария», «царска ангария», а жнецов — «жетвари-роби», «робиния», владельцев поместий — «чифлигаре» (помещики), «турчин-господарь», «клето турче — млад спаяя» («проклятый турок — молодой помещик»), помощников турок — «булюк баши», «колджия» «субаша», т. е. надсмотрщик. Песня употребляет ту же самую терминологию, какая жила и в быту.

Песни обычно говорят о том, как турки насильно гонят на жатву молодых женщин и девушек; в песне № 209 (Сбну, XXXIV, стр. 97) приходят колджии (надсмотрщики):

1. Млади жътварки да	Молодых жниц собирать,
збират,	
Сали агьолу да жанат	Сали-аге жать
На Рожен жътва пченица	В Рожене жатву — пшеницу.
2. Собрал е войвода	Собрал воевода
Три села гария	Три села барщины
И три на гария	И три села на барщину
Та па ги поведе	И повел их
На голяма нива.	На большую ниву

(Сбну, I, стр. 48).

Песни прямо указывают, что речь в них идет о работе у турка-помещика: «ангария на спахия» («барщина на помещика», Сбну, XXXIV, стр. 22); или:

Отиде Стана в поле на	Пошла Стана в поле на жатву,
жетва,	
В поле на жетва, на анга-	В поле на жатву, на барщину,
рия,	
На ангария у господарю...	На большую ниву.

(Сбну, XII, стр. 121).

Работа у турок шла без различия праздников, жнецов плохо кормили (Сбну, X, стр. 48), не давали отдыха (Сбну, VIII, стр. 129), жницы часто болели (Сбну, XVI—XVII, стр. 118). В песне № 742 сборника Шапкарева девушка жнет на барщине «гола, гологлава, боса». Вот почему песня говорит, что при турках «имало проклети закон» («был проклятый закон») (Сбну, XII, стр. 121), называет барщину «долгой, проклятой» (Сбну, XII, стр. 172) и рассказывает о том, как «село голямо и то се и разбягало» («село большое и то все разбежалось»; там же).

С большой трагической силой рисуются в песнях положение жницы-рабыни и ее труд на барщине, издевательства турок над нею; такова песня № 29 (Сбну, XXV, стр. 51):

Драгания рубиня	Драгана-рабыня
Тя на Рахман дума:	Рахману говорила:
«Рахман бюлюк баши,	«Рахман надсмотрщик,

⁴ «Труд», 1890, кн. V, стр. 596.

⁵ Ср. Сбну, XIII, стр. 374; «Показалец», стр. 42; Сбну, XXVI, стр. 19 и другие свидетельства.

Като ма одита,
Одита, карати,
Сянка имати ли,
Сянка оришова,
Вуда кладинчова?»
«Драгано, рубиньо,
Вакла арибице,
Пасра гълъбице,
Яку искъш сянка,
Сянка оришова?
Расплити си коси,
Тъ си напрай сянка,
Вуда кладинчова —
Спомни си майка,
Поруни си сълзи,
Тъ си напий вуда,
Вуда кладинчова»

Ведь ты меня ведешь,
Ведешь, гонишь,
А есть ли там тень,
Тень орешниковая,
Вода родниковая?»
«Драгана, рабыня,
Черноглазая куропатка,
Сизая голубка,
Какую ты тень хочешь,
Тень орешниковую?
Расплети ты косы,
Да и сделай себе тень,
Вода родниковая —
Вспомни свою мать,
Пророни ты слезы,
Да напейся воды,
Воды родниковой».

Большое эмоциональное напряжение в песне совмещается с передачей важных жизненных моментов и даже деталей, касающихся и форм труда, и ведения хозяйства, и возделывавшихся культур. Так, в песне № 1 (Сбну, V, стр. 67—68) говорится:

Допратил я господаро,
Господаро аризмаро:
— Что ми чинат раетето,
Раетето с раеткине?
Нека доат да ми пожнат,
Да ми пожнат два дни,
три дни,
Два дни, три дни ангария...

Пришел господарь,
Пришел рисовод:
— Что делают мои крестьяне,
Крестьяне и крестьянки?
Пусть идут мне жать,
Жать мне два-три дня,
Два дня, три дня на барщине...

Учитель Юрдан Ненов говорит, что сеяние риса турками в 30-е — 40-е годы XIX в. было «несчастьем для болгар»: «Рисосеяние было исключительно в руках бегов и их господарей. Во время пахоты и сеяния риса крестьяне работали на барщине, а когда приходила пора жать и вершить, турки силой выгоняли из болгарских сел молодых женщин и девушек жать и вершить рис для бегов» (Сбну, XIII, стр. 374).

Песни отметили и то, что в первой половине XIX в. в Болгарии, кроме «повиничар» (обязанных), в поместьях турок появляются и наемные рабочие, а также и рабочие-задолженники. Об этом приводят данные М. Цепенков (Сбну, XVI—XVII, стр. 390—392) и Н. Константинов (Сбну, XXVI, стр. 19).

В песне № 728 сборника Шапкарева девушка, объясняя, почему она попала на работу к турку, говорит:

Дека сме си заложени,
Заложени, заборджени
За две, за три дробни
аспри...

Потому что мы заложены,
Заложены задолжены
За две, за три мелких монеты...

Совсем не анахронизмом является то, что песня указывает на работу у турка и барщинных крестьян, и наемных рабочих (Сбну, XLIV, стр. 395):

Сабра бего пестотин
аргаке
И пестотин още на гария...

Собрал бег пятьсот наемных
Да еще пятьсот на барщину...

В 1858 г. барщина была отменена и турки-помещики стали использовать только наемных рабочих, правда, по привычке и силою еще сгоняя крестьян на работу.

Песни жнецов показали и эксплуатацию турками труда крестьян и турецкие насилия над ними. В них нередко рассказывается о том, как турок оставляет красивую девушку у себя («Периодическо списание», XLVIII, стр. 978), или похищает жницу (Бончев, № 58), или отнимает девушку у парня (Сбну, III, стр. 84). Песен о похищении девушки-жницы, о превращении ее турком в рабыню, кадуну (жену) очень много (Миладиновы, №№ 79, 131, 509 и т. д.). Если она сопротивляется, турки безжалостно расправляются с ней: в песне в Сбну, IV (стр. 60) турок «вынул ей очи». Иногда девушка хитростью обманывает турка и бежит от него (Сбну, VII, стр. 89).

Хитрость у девушки порой соединяется с насмешкой над турком. Так, Тодора (Сбну, I, стр. 48) соглашается стать женой турка, но ставит ему невыполнимые условия, которые и должны дать ему понять, что она никогда не станет его женою. В песне № 5 (Сбну, XXV, стр. 42) девушка требует:

Ют невяна мести,	Из гвоздик покрывала,
Ют божур цукна,	Из пионов сукна,
Ют бял зъмбак риза.	Из белой лилии платье.

В песне № 1091 (Стоин, т. 1) связанная девушка просит развязать ей руки, чтобы умыться, а сама бросается в Дунай и уплывает от турок. Попав в руки к туркам, девушка думает только о том, как уйти ей в родную землю («нашенска земня») (Сбну, XVI—XVII, стр. 118).

Турки крадут девушку, тоже пользуясь хитростью. Так, в песне № 213 (Сбну, XXXV, стр. 199) турки-янычары, увидев девушку, просят ее:

«Удай ни стовна зилена,	«Подай нам кувшин зеленый
Да пиим уда студена».	Напиться воды студеной».
Тии си стовна ни зеха,	Они кувшина не взяли,
Иленка за ръка фанаха,	Иленку за руку схватили,
Чи я на кон праметнаха...	И на коня ее бросили...

Захватив девушку, турки жестоко с ней обращаются.

Боса я гонят пред косе-	Босую гонят ее по жнитву,
нища,	
С коня и стъпят по бели	Конем ей топчут белые ноги...
пети...	

(Стоин, т. I, стр. 257)

Песни рассказывают о многочисленных насилиях турок над болгарскими. В песне № 25 (Сбну, XVI—XVII, стр. 125) Тодора идет навестить своих двух братьев пастухов, но на лугу находит только малого сына одного из братьев; мальчик рассказал, ей, как

Снюшти дойдеа три турци,	К ночи пришли три турка,
Три турци, три анадолици,	Три турка, три анадольца,
Сакаа мене да земат,	Хотели меня они взять,
Тата ме мене не даде;	Отец мой меня им не дал;
Сакаа ягне да колат,	Хотели ягненка зарезать,
Чичо им ягне не даде;	Дядя ягненка им не дал;
Они ги, леткьо, забраа,	Они их, тетя, схватили,
Вързаа и закараа...	Связали их и погнали...

Упоминание в этой песне о том, что турки хотят взять мальчика, называется «дани кровью» — набора турками болгарских детей в янычары.

Некоторые из песен, описывая турецкие насилия, дают ряд важных реалистических деталей, характеризующих и насилия турок и вместе с

тем их страх перед болгарями, заставляющий их принимать меры предосторожности, когда они останавливаются в болгарском селе. В песне № 173 (Сбну, XLII, стр. 171) говорится:

Невене, Невене,
Паша доде, Невене!
Паднале са, поднале
Пот село Берово
Напабиха пайване,
Навързаха конете.
Распратиха сеймене
Воф село Берово,
Да искарат момите,
Хоро да им играят.

Невена, Невена,
Паша пришел, Невена!
Остановились, остановились
У села Берова.
Расставили караульных.
Привязали коней,
Разослали стражников
По селу Берову,
Чтобы гнали девушек
Хоровод им водить.

С отцом девушки, которая не приходит водить хорó, поступают жестоко: его бьют палками и берут с него двести рублей. Понравившуюся ему в хороводе девушку паша берет или себе или сыну (Сбну, XXXIX, стр. 97).

Такого рода сюжеты песен — не плод народной фантазии, а отражение реальной действительности. Дань кровью — набор в янычары — исторический факт, как и насилия над женщинами. Д. Маринов в статье «Политическите движения и възстания в Западна България» (Сбну, II), основываясь на свидетельствах современников, пишет: «Кроме нескончаемых повинностей при обработке земли, кроме тяжелых налогов и даней, какими было обложено население, к этим тяготам присоединялись еще и насилия и произвол, причиняемые целыми толпами удалцов, беговских сынков и других турецких разбойников, которые ходили по селам, ели, пили и бесчестили. Зло было огромным, и население восстало» (стр. 81). В той же статье Маринов приводит рассказ очевидца о своеволии и насилиях турка Шерифа Ахмета. Его поведение напоминает поведение турок в песнях жнецов: «Впереди Шерифа ехали стражники, которые готовили аге отдых и выгоняли население встречать его, для чего заставляли надевать праздничную одежду. После въезда в село в дом, где он располагался, должна была явиться вся молодежь — девушки и молодые женщины, разряженные, как на смотрины. Тут во дворе, который должен был быть достаточно широким, начиналось хорó. Среди хоровода сидел ага на нарочно сделанном возвышении, чтобы он мог видеть все хорó, и или ел, или пил. Хоровод так водили, чтобы каждая девушка или молодая женщина проходила близко от Шерифа. Девушка или молодая женщина, которая понравилась пьяному Шерифу, должна была налить вина или ракии и поднести ему. После этого ее отводили в комнату аги» (стр. 77). Тот же Маринов рассказывает о том, что если девушки и молодые женщины прятались от Шерифа, то наказывали их родственников.

В песнях жнецов выражена глубокая ненависть народа к своим поработителям-туркам и презрение к потурченцам, т. е. к болгарам, принявшим ислам, становившимся сторонниками турок, изменявшим родине. Народ не прощает измены. Сюжеты песен о потурченцах заканчиваются их раскаянием в своем поступке. В этих песнях речь идет не вообще о потурченцах, а о потурченке-жнице, образ которой связан с типичными моментами работы на ниве во время жатвы. Песня рассказывает о том, как потурчилась Рада. Она думала, что будет жить богато и свободно. Но ее посылают жать ниву в воскресенье. Рада завидует болгаркам, которые могут отдыхать в воскресенье, а в перерывы между работой лежать в прохладной тени (Сбну, XXV, стр. 43).

На предложение потурчиться жницы обычно отвечают отказом, возмущением и слезами:

Сичките аргате
 Ником поникнаха
 Кърпи нахлупиха,
 Кърпи нахлупиха,
 Дур до черни очи,
 Сълзи парониха
 Дур до черна земя...

Все жнищи
 Головы опустили,
 Платки надвинули,
 Платки надвинули
 До самых черных очей,
 Слезы проронили
 До самой черной земли...

(Сбну, I, стр. 48).

Но находится одна девушка, которая соблазняется предложением турка. Ее песня называет «проклета подявка» («проклятая подлюка», Сбну, I, стр. 48). Ненависть к потурченкам настолько велика, что жнищцы в своих песнях заставляют даже турка жестоко поступать с потурчившейся девушкой (Сбну, IX, стр. 69). В песне № 107 сборника Чолакова Елена не хочет за ужином чорбы (супа), а хочет «бял симид» (белых булок). Турок дает ей все, чего она просит. Но когда она хочет идти домой, он ее не пускает и говорит ей: если думала уходить, не надо было сидеть с господарем, есть белые булки, брать золотые — все это не для болгарки, а для кадуны.

Жетварские песни разносторонне отразили положение народа при турках, показали подневольный труд крестьян и насилия турок. Они правдивы и реалистичны не только в общих картинах барщины и турецкого произвола, но и в исторических и бытовых деталях, а более всего в выражении народных чувств — протеста и возмущения против порядка, какой был установлен турками в Болгарии

В песне № 260 (Стоин, II, стр. 97) жницу спрашивают, почему она задержалась в поле, и она отвечает:

Не съм снопи брала,
 Не съм кръсче клала,
 Не съм дожевала...
 Турчина съм вардила,
 Е съм го убила,
 Е съм го и скрила...

Не снопы вязала,
 Не крестцы я клала,
 Не полосу дожинала...
 Турка я подстерегала,
 И его убила,
 И его закопала...

4

Еще более разносторонне и широко показан в жетварских песнях труд наемных жнецов в хозяйствах чорбаджиев. Чорбаджийство возникло в Болгарии в условиях феодального турецкого режима: чорбаджии представляли собою класс людей, нажившихся при сборе налогов и податей, а также путем ростовщичества и торговли. Будучи пособниками турок, чорбаджии защищали турецкое господство, так как при турках они получили земли и разбогатели. После падения турецкого владычества из их среды выходили кулаки, богатые торговцы, предприниматели. Название «чорбаджия» было перенесено впоследствии и на кулачество, сельскую буржуазию, которая появляется в Болгарии в середине XIX в. в связи с развитием капитализма в деревне.

Песни болгарских жнецов имеют устойчивые сюжеты. Наличие устойчивости сюжетов песен жнецов объяснялось тем, что условия труда в хозяйствах чорбаджиев мало отличались от условий труда на барщине у турок. Жестокая эксплуатация, длинный рабочий день, плохая пища и т. д. — все способствовало сохранению песен о тяжелом труде жнецов. Только место турка в песне теперь занял чорбаджия, а порою песни пели о турке, но под ним разумелся чорбаджия. Народ не видел особой разницы между турком-спахией и болгарин-чорбаджией, тем более что при турках и чорбаджии прибегали к формам барщины (Сбну,

XVI—XVII, стр. 390—392). В песне № 7 (Сбну, XXV, стр. 42—43) Бошко-чорбаджия собирает крестьянских девушек к себе на барщину. Устойчивость сюжетов песен объясняется также тем, что довольно долго в Болгарии работа на барщине у турок совмещалась с работой по найму у чорбаджиев. Естественно, что песни не делают особого различия между ангарией (барщиной) и аргакком (работой по найму). В песне № 262 сборника Янкова «царева робинка» жнет в поле вместе «с аргатите», с наемными рабочими. Страшное время турецкого владычества долго жило в памяти народа — вот почему песни о барщине и о турках существовали еще и в начале XX в. Наконец, устная форма передачи песен от одних певцов другим способствовала их сохранению. Бабка Драгоситница, от которой жетварские песни со старыми сюжетами записывались в 1912 г., рассказывала, что она научилась песням от своей матери, с которой в молодости ходила работать на юг Болгарии в артелях наемных жнецов (Сбну, XXVII, стр. 9).

Однако наличие устойчивой традиции в песнях не исключает создания новых песен, отражающих новые явления жизни. Во второй половине XIX и начале XX в. собирателям приходилось записывать уже большею частью не песни о барщине и турках, а песни о работе наемных артелей жнецов в хозяйствах чорбаджиев. Число наемных рабочих росло с ростом крупных сельских хозяйств, особенно на юге Болгарии. В эти чорбаджийские хозяйства и ходили работать крестьяне, организуясь обычно в артели (задруга, чета, тайфа). Такие отхожие артели жнецов чаще всего составлялись из жителей горных сел, где мало удобных для обработки земель, где посевы созревают позже, чем в южных низинах, так что жнецы ко времени уборки своих нив успевали вернуться с юга. Наиболее часто артели жнецов ходили на юг Болгарии из Айтошского, Карнобатского, Ямбольского, Старо-Загорского, Габровского, Тревненского, Дряновского, Килифарского, Бебревского и других округов. Сведения об этом сообщает Д. Уста-Генчов (Сбну, VII, стр. 484). Такого рода артели известны с 50-х годов XIX в., но особая необходимость в них для крупных землевладельцев возникла после отмены барщины в 1858 г. и еще более после освобождения Болгарии, когда развитие капитализма в сельском хозяйстве, с одной стороны, приводило к созданию крупных земельных владений, а с другой — к разорению и обезземеливанию крестьян, к созданию сельскохозяйственных наемных рабочих (Сбну, XIII, стр. 342). В 80-е годы XIX в. летом артели жнецов в 20—60 человек из горных округов направлялись на юг Болгарии, почему жнецов и называли «загорцами».

Д. Уста-Генчов говорит: «Население северных склонов Старой Планины называет уход на жатву в южную Болгарию — «уход в Романию». «Подходит Романия», «отправляемся в Романию», «ходим в Романию», говорят жители, которые этим занимаются» (Сбну, VII, стр. 485). Название «Романия», «Романя» болгарские этнографы производят от названия «кремьские земли», т. е. византийские, по-турецки — «Рум-ели»; южная часть Болгарии по Берлинскому конгрессу 1878 г. до ее слияния с северной частью в 1885 г. называлась Восточной Румелией.

В создании нового цикла жетварских песен — песен о Романии — большую роль сыграли артели наемных жнецов, труд и быт которых изображены в этих песнях.

Жнецы и жницы по пути из своих сел к месту работы шли с песнями и шутками, так же они возвращались и домой. В городах и селах, через которые они проходили, жители выходили на улицы смотреть, как идут «жетваре», дети толпами сопровождали их. Впереди жнецов шли музыканты — гайдарь или цигуляр (волынщик или свирельщик). Девушкам-жницам казалось, что «Романия — свобода», так как уход на работу из дому давал им относительную свободу от семьи и так как в артели молодежи было интересно и весело; им казалось, что другие

девушки им завидуют. Вот почему жницы обращаются к цигулярю с песней:

Да ни свиря на дибелу,
Че ще миним през Иския,
Чи ще рикът искийчанки:
«Пусти муми габруфчанки,
Къде будят, се им свирят,
Се им свирят и им пеят;
Пу цял ден си жетва

женат,

Пак се бели и чървени».

Заиграй ты нам погромче,
Как пойдём через Иския,
Пусть же скажут искийчанки:
«Пустые девки габровчанки,
Куда ни идут — все им играют,
Все им играют и поют;
Целыми днями жатву жнут,

А все белы и румяны».

(Сбну, XIII, стр. 135).

Однако жизнь и труд артелей жнецов были не так радостны. Песни наемных жнецов не менее драматичны по сюжетам, чем песни об «ангари», судьба наемной жницы не менее тяжела, чем судьба «рабыни».

То, что песни говорят именно о наемных артелях жнецов, видно из следующего: жнецы в них называются «аргатки», «аргаке» или «ратае», «ратайки»; девушки-жницы называются «загорненки», «загорки».

Две моми загорки
От Загорье идат.

Две девушки загорки
Идут из Загорья.

(Сбну, V, стр. 69).

В песне № 2 (Сбну, VII, стр. 94) упоминаются «моми килифарки», а килифарские девушки действительно ходили артелями на жатву на заработки; в одной из песен родители надеются, что дочь их хорошо работает на жатве (Сбну, XIII, стр. 42), в песне № 892 (Стоин, т. I, стр. 207) девушка идет на работу потому, что «Скъпо жънат въф Ромъния» («Дорого жнут в Романии»).

Песни говорят о том, что девушку до осени не выдают замуж, так как она еще для дома заработает летом на жатве. С другой стороны, Н. Константинов приводит показательный жизненный случай: «В 1889 году в селе Кара-гюр я был свидетелем спора между отцом одной девушки и сватами, которые хотели в апреле или в мае устроить свадьбу девушки, сговоренной за бедного парня-пастуха. Отец не уступал, потому что перед жатвой и молотбой нет обычая выдавать девушку. Дело дошло до ссоры. После нескольких неудачных попыток сыновья уговорили отца выдать дочь, но при условии, что жених заплатит то, что могла бы заработать летом жница. Важно то, что и сами сваты рассуждали, как отец, что перед жатвой не отдают девушки из дому, но настаивали потому, что парень был бедняком» (Сбну, XXVI, стр. 25).

Жетварские песни подробно изображают быт и труд наемных артелей жнецов с момента отправления их на работу и кончая их возвращением в родные села. И. Кепов (Сбну, XLII, стр. 166) указывает, что «жатва начинается перед Петровым постом», а в песне поется:

В пегък се утишле,
В събота зажънали,
В неделя й Петров-ден...

В пятницу пошли,
В субботу зажали,
В воскресенье в Петров день...

Отправляясь на работу, жницы поют:

Оставайте, проштавайте,
Нашти мили майки,
Чи ний ште да идим
В равна Румания..

Оставайтесь, прощайте
Наши милые матери,
А мы пойдём
В ровную Руманию...

(Сбну, XLII, стр. 166).

Песни запечатали многие моменты сбора артели на работу, ее пути, самую работу на ниве и отношения внутри артели.

Артели обычно собирались подрядчиком (драгоманом). Д. Уста-Генчов пишет: «Драгоманы имеют знакомых землевладельцев, как они сами их называют, — чорбаджиев, у которых жнут почти каждый год, и пока посевы еще не созрели, они идут их смотреть и, не заключая определенных условий, берут задаток деньгами (1—2 турецких лиры) или хлебом (1—2 кило). После этого драгоманы возвращаются домой и... приступают к собиранию артели, идя из дома в дом, где вербуют по нескольку девушек, которых и раньше водили в Романию. При вербовке девушка отдает драгоману свой серп, чтобы он его наточил и навел, а он оставляет ей пару кожаной обуви для жатвы. Так происходит собирание артели, которая в начале июня начинает готовиться в путь» (Сбну, VII, стр. 485). Перед отправкой на работу драгоман с нанятым возчиком (кираджией) объезжает дома жниц и забирает их одежду и постели, потом угощает у себя дома рабочих, а на следующее утро жницы отправляются в Романию. По окончании работ драгоман разводит или развозит жниц по домам, где уже они угощают его.

Драгоман — распорядитель в артели и надсмотрщик за работой. Будучи внешне добр и ласков со жницами, он по сути дела эксплуатирует их. Значительная часть заработка шла в карман драгомана. Песни обстоятельно рассказывают о деятельности драгомана.

1. Петър драгумана
Момите събира,
Моми килифарки:
Той ша ги поведе
В равна Румания...

Петр драгоман
Девушек собирает,
Девушек килифарских:
Он их поведет
В ровную Руманию...

(Сбну, VII стр. 94.)

2. Драгумани мерят,
Парти си земат.
Како да ти праи,
Къда да ти дай...

Драгоманы меряют
Деньги себе берут.
Как ты работал.
Так тебе и платят...

(Сбну, XXXVIII, стр. 43).

Драгоман в песне иногда называется «добрым» (Сбну, VII, стр. 94), — это в порядке лести и задабривания, но чаще драгоман изображается как строгий надсмотрщик, который не дает лежать. Когда девушка после полудня не начинает во-время работу,

Драгуман Колю думаш:
«Моме ле, Бонкина кака,
Я викни Бона до стана...»

Драгсман Колю говорил:
«Эй ты, Бонкина тетка,
Крикни Боне, чтобы вставала...»

По команде драгомана жницы начинают и кончают работу (Стонн, т. II, стр. 322).

В песнях упоминается о лицах, исполняющих различные обязанности в артели, например, о чакымджике — экономке и поварихе (Сбну, VII, стр. 486—487, 493—494), о поставджийке — первой жнице, по которой равняются другие (Сбну, II, стр. 77), о кираджие — возчике (Сбну, V, стр. 69), о цигурале — свирельщике (Сбну, VII, стр. 93—94).

В песнях употребляется и обычная бытовая терминология. Песня, например, говорит о том, как жницы «чакым занимали» (Сбну, VII, стр. 24). Д. Уста-Генчов дает такую справку: «Зажатое в ширину до шестидесяти шагов пространство называется *чакым*: оно продолжается в длину до тех пор, пока каждая девушка не сожнет десять снопов» (Сбну, VII, стр. 489). Песня говорит о том, как жница проходит «посту» (Сбну, I, стр. 48). Д. Мирчев дает справку: «Пространство в ширину,

какое жнет одна жница или один жнец, называется *поста*» (Сбну, XXII—XXIII, стр. 37).

Тяжелые условия труда в Романии определили то, что в песнях жнецов Романия обычно называется «проклятой». Гешов говорит об отношении жниц к Романии: «Они называют ее «голой, пустой Романией», и, когда хотят ее описать, не скупаются на черные краски. Послушайте, например, следующую песню, которую они поют, возвращаясь домой:

Романия пуста осталась,
Огън я изгорил,
Тръни я обирали,
Вода я обитекла,
Пожар я пожарил,
Драгомане, драгомане!

Романия голая осталась.
Огонь ее сжег,
Колючками она заросла,
Вода ее обошла,
Пожар ее спалил,
Драгоман, драгоман!

(«Периодическое списание», 1887,
кн. XXVIII—XXX, стр. 546).

Песня говорит о том, что в Романии «жара большая», «поле широкое» (Сбну, XXXVIII, стр. 41).

Отношение жнецов к Романии выражается не только в прямых отрицательных отзывах о ней, но и в изображении труда и страданий жницы. Среди жетварских песен немало таких, которые рассказывают о болезни или смерти жницы или жнеца.

В одной из песен рассказывается о том, как на краю нивы стоят две девушки-загоренки:

На Загоре гледат,
Румания кълнат:
«Пуста юстанала,
Равна Румания!
С девет брата дойдних,
С осем браточедя,
С едничек останях,
И той глава вързал
С кърпа копринена».

На Загорье смотрят,
Клянут Романию:
«Пустой оставайся,
Ровная Романия!
С девятью братьями пришли,
С восемью родными,
С одним лишь остались,
И тот голову повязал
Платком шелковым».

(Сбн., II, стр. 77—78).

В песне № 252 (Сбну, XLII, стр. 206) на чужбине умирают две девушки — Рада и Калинка. Драган кехая (надсмотрщик) на вопрос матери, где ее дочери, отвечает:

Рада я там уженихме,
Калинка слугиня уста-
вихме.

Радy мы там замуж выдали,
Калинку служанкой оставили.

Эта символика: смерть — замужество обычна в песнях. Такого рода сюжеты песен не просто эмоциональный прием, рассчитанный на сильное действие, они отражают реальную судьбу жнецов и жниц. Известный автор статьи «Пътуваньe по долините на Струма, Места и Брегалница» свидетельствует: «Когда я был в селе, возвращались артели с жатвы и половина рабочих была больна от чрезмерно трудной работы, от сильной жары и плохой воды» (Сбну, XIII, стр. 342).

В песне № 963 (Стоин, II, стр. 319) девушка говорит о том, что она потеряла красоту в Романии, почернела и подурнела.

И напротив, песни жнецов полны нежной любви к родному Загорью:

Песна са си запеели
Две загорски моми:
«Милу, милу Загоре,
Милу рамно поле,
Милу, милу Загоре,
Милу хладни сянки
Мили студни води...

Песню запели
Две загорских девушки:
«Милое, милое Загорье,
Милое родное поле,
Милое, милое Загорье,
Милые прохладные тени,
Милые студеные воды...

(Шапкарен, № 747).

Песни жнецов — реалистическое художественно изображение действительности, раскрывающее чувства и переживания народа ⁶.

5

Песни наемных жнецов — песни глубокого социального содержания. Они не только показывают труд и быт артелей жнецов, но и раскрывают эксплуатацию артелей чорбаджиями, раскрывают социальные противоречия деревни второй половины XIX в.

Во время ухода в Романию, да и в своих родных местах, артели жнецов работают на нивах чорбаджиев, богатых землевладельцев. Поэтому в песнях наемных жнецов образ турка-спахии и картину барщины заменили образы чорбаджия и наемных жниц. Чорбаджия ищет жнецов в другом селе:

Петър си коня изводя,
На друго село отода,
Жетвари Петър да търси,
Търсил ги и ги намерил.

Петр коня выводит,
В другое село он едет,
Жнецов Петр ищет,
Искал их и нашел их.

(Стоин, т. II, стр. 318).

Он находит их среди бедняков. На ниве у чорбаджия работают «сиромаси» (бедняки) (Стоин, т. I, стр. 217).

Никола, Никола,
Млади чорбаджия!
Събрал ми е Никола
Пендесе ергате,
Дваесте вързача
На широко поле
Край Варненско море...

Никола, Никола,
Молодой чорбаджия!
Собрал Никола
Пятьдесят жнецов,
Двадцать вязальщиков
На широкое поле
У Варненского моря...

(Шапкарев, № 747)

Песни о работе у чорбаджиев и о чорбаджиях еще более реалистичны, нежели песни о турках и барщине, и еще более глубоки по выражению дум и чаяний народа. В процитированном отрывке песни дано и точное определение хозяина нивы, и точно указан состав артели, и пропорция вязальщиков к числу жнецов, и место нахождения поля.

Реалистически изображается и фигура чорбаджия, и отношения его и жнецов, и делается попытка раскрыть внутренний мир людей. Так, в песне № 12 (Сбну, XXV, стр. 8) рассказывается о чорбаджии, который при приближении дождя беспокоится о том, что жнецы не сложили снопы в крестцы, в чем он и укоряет рабочих. Песня «Иванова нива» (Сбну, IV, стр. 65) показывает отношения чорбаджия и жнецов: они друг для друга — враги (душмани). Вместе с тем в ней видна беззаботность богатого чорбаджия, проводящего время в корчме, и, напротив, хозяйственная заботливость жнецов.

⁶ Песни наемных жнецов и жниц полны любопытных бытовых деталей. Одна из песен о возвращении из Романии заканчивается словами:

Се сми живу здраву...
В пунделник на куриту,
Във вторник на нивата.

Все живы-здоровы...
В понедельник к корыту,
Во вторник на ниву.

(Сбну, VII, ст. 494).

В примечании к этой песне Д. Уста-Генчов говорит, что всякая девушка, вернувшись домой, прежде всего стирает свою одежду, а на другой день идет работать уже на свою ниву, так как посевы в горах созревают позже, нежели в низинах Романии — южной Болгарии.

Темен се облак поднесе
Над нива над Иванова
Ивану нива пожета,
А снопето му незбрано.
Иван си пие в меана,
Ратае кажат Ивану:
«Иване, наш чорбаджю
Каква та пивка фанало,
Като ти нива пожета.
А снопето му незбрано?»
Иван си каже ратае:
«Ратае, мои душмани,
Като ми нива пожета,
Зашто ми снопе незбрах-
те?»

Ратае кажат Ивану:
«Иване, наш чорбаджю,
Вчера минаа два попа,
До два празници казаа:
Мария и Марина».
Иван си каже ратае:
«Ратае, мои душмани,
Ратае празник не знае
И на велик ден работат»

Темная туча заходит
Над нивой над Ивановой.
Иванова нива сжата,
А снопы еще не убраны.
Иван пьет в корчме,
Рабочие говорят Ивану:
«Иван, наш чорбаджия,
Как тебе пить на ум пришло,
Когда твоя нива сжата,
А снопы еще не убраны?»
Иван говорит рабочим:
«Работники, враги мои,
Что же вы ниву мне сжали,
А снопы еще не убрали?»

Рабочие говорят Ивану:
«Иван, наш чорбаджия,
Вчера проходили два попа,
Говорили о двух праздниках:
Марии и Марины».
Иван говорит рабочим:
«Работники, враги мои,
Рабочие праздников не знают
И на пасху работает».

Жнецы в своих песнях непрочь посмеяться над хозяином, над его женой, сыном, дочерью. Сатира на чорбаджия прорывается и в открытой и в замаскированной форме. Один из собирателей песен рассказывает: «Когда проголодаются жницы, девушки начинают петь такие песни, которыми дают почувствовать «чорбаджию»-хозяину, что проголодались и не могут больше терпеть, чтобы он посылал кого-нибудь принести воды и чтобы можно было начинать «икиндию (ужин)» (Сбну, XVI—XVII, стр. 123).

В этом отношении любопытна сатирическая песня, которой девушки-жницы выражают свое возмущение, когда сильно запаздывает обед (Сбну, XLIV, стр. 408):

Пладне дойде — обед не до-
хожда,
Дали ни е госпожата стара
Или се е с юнака успала?
Не е стара, не е яко
млада,
Нито се е с юнака успала:
Замесила големото тесто,
Па запекла големото
гърне,
Полегнала та е позаспала.
Улезнала комшийската
кучка
Та изела големото тесто:
Улезнала комшийската
свиня
Та расипа големото гърне.

Полдень пришел — обед не приходит,
Разве наша хозяйка так стара
Или она с молодцем уснула?
Не стара она и не молода уж,
И не с молодцем она уснула:
Замесила она много теста
И в большом горшке обед сварила,
Прилегла она да и заснула.
В дом зашла соседская собака
И поела все большое тесто:
В дом зашла соседская свинья
И разбила большой горшок.

Песня не только противопоставляет чорбаджия и жнецов, отрицательно оценивает первого и выражает симпатии ко вторым, но и подчеркивает

эту противоположную оценку тем, что показывает разлад в семье чорбаджия и заставляет его дочь бежать с батраком. В песне «Ратайче и мома» (Сбну, XLIV, стр. 405—406) дочь чорбаджия говорит батраку, с которым вместе жнет в поле:

«Я сас тебе да бегам,
Че ми на мене омръзнь
Татова пуста работа».

«Я с тобой убегу,
Потому что мне надоела
Отцовская бесполезная работа».

Песня не только смеется над чорбаджием, который или сидит в корчме и пьет или «играет на дудке», когда жнецы работают на ниве (Сбну, XLIV, стр. 473), но и наказывает чорбаджия. Так, когда Стоян чорбаджия заставляет жнецов без меры работать,

Ис ясно небо гръмнало
Та Стояно треснало.

Из ясного неба гром ударил,
Попала молния в Стояна.

Чорбаджии требуют от жнецов хорошей работы, придираются к ним, следят за тем, как они работают. В песне ясно выражается ненависть к чорбаджиям (Стоин, I, стр. 22):

Зайди, зайди, ясно слънце,
Що ми нещо омръзнало,
Омръзнало, дотегнало
От троица чорбаджии.
Први вика: «Леле Вело,
Леле Вело, ниско жъни!
Фтори вика: «Леле Вело,
Леле Вело, клас събирай!»
Трети вика: «Леле Вело,
Леле Вело, снопе збирай!»

Зайди, зайди, ясное солнце,
Уж очень мне надоело,
Надоело, тяжело мне
От троих всех чорбаджиев.
Один кричит: «Тетка Вела,
Тетка Вела, жни пониже!»
Другой кричит: «Тетка Вела,
Тетка Вела, собирай колосья!»
Третий кричит: «Тетка Вела,
Тетка Вела, складывай снопы!»

Сатира на чорбаджиев порою достигает большой социальной остроты и ненависть жнецов к ним принимает открытые формы. В песне № 970 (Сбну, XLIV, стр. 479) жнецы хотят идти в дом к чорбаджии Ивану:

Да си фанем Йован чор-
баджия,
Да го мачим мака и не-
воля.

Чтоб схватить Ивана чорбаджия,
Чтобы мукóй мучить и силой.

Они хотят забрать у него

Незнаяна, азна неброена,
Неброена, азна нечетена

Неведомую казну, нечитаную,
Несчитаную, казну немеряную.

В песнях ясно выражено понимание социальной несправедливости, неравенства. Социальные симпатии авторов и исполнителей песен определены: они на стороне людей труда и прежде всего жнецов. Поэтому батрак, которому хозяин не отдает «хак» (плату), похищает хозяйскую дочь, поэтому в песнях жнецов поется о хайдуках — народных мстителях туркам и чорбаджиям, которые ищут чорбаджия, обижающего и обирающего рабочих, и хотят с ним расправиться. Ненависть к чорбаджии настолько сильна, что в песнях даже сноха, которая работает на него, выдает его хайдукам (Сбну, XLIV, стр. 477).

Жетварские песни создают яркий образ чорбаджия с определенной социально психологической характеристикой и вместе с тем с определенной его оценкой.

Таким образом, песни наемных жнецов показывают развитие наемного труда в сельском хозяйстве Болгарии второй половины XIX в. и характеризуют организацию труда артелей жнецов; раскрывают соци-

альные противоречия в деревне и дают острую сатиру на чорбаджиев, нередко прямо призывая к борьбе с ними; служат свидетельством роста социального сознания трудового крестьянства Болгарии, в чем большую роль играли разорение крестьянства и наемный артельный труд; подтверждают положение о том, что народное творчество не живет только традиционными сюжетами и образами, а изменяется вместе с изменением социально-исторической действительности, создает новые песни с новыми сюжетами и героями, с новыми идейными целями.

6

В песнях жнецов, созданных трудовым крестьянством Болгарии, ярко и сильно утверждается идея труда. В песнях и сказках, поговорах и поговорках болгарского народа о труде говорится с уважением, человек труда всегда выступает как положительный герой.

В условиях турецкого рабства и барщины, в условиях чорбаджийской эксплуатации народ не утратил веры в могущество труда, не потерял к нему любви и уважения. В песнях жнецов идея труда раскрывается не только в осмеянии турка и чорбаджия и в положительном изображении жнецов, но и в осмеянии ленивой жницы и в противопоставлении ей умелой, старательной жницы.

Среди жнивных песен немало таких, где говорится о ленивой жнице, которая долго спит и плохо работает: она становится больной, когда надо идти на работу, и выздоравливает, когда ее зовут на посиделки. Песня № 65 сборника Янкова рассказывает о том, как девушка пошла на хоро (хоровод), но, узнав, что просо еще не сжато, поспешила домой, чтобы не послали ее на работу, увидев ее здоровой, а матери сказала, что заболела. Дочь, которая болеет, когда жнут поле и выздоравливает, когда оно убрано, вызывает негодование матери (Сбну, XXI, стр. 49).

В песне осмеивается жница, что в поле долго спит и лениво работает.

Се аргакe пладне пладну-
вали,

Пладнували и са полегнали.

И Елена пладне пладну-
вала,

Пладнувала и е полегнала.

Легнала е на ден на

Илинден,

Та лежала до ден до Ве-

ликден!

Все жнецы в полдень отдыхали,

Отдыхали и спать ложились.

И Елена в полдень отдыхала,

Отдыхала и спать ложилась.

Спать ложилась она на Ильин

день,

И лежала до самой пасхи!

(Сбну, XLIV, стр. 410).

В другой песне предметом насмешки становится жница, которая хочет поменьше работать, а получше есть (там же, стр. 409).

С тонкой иронией и остроумной шуткой говорит песня о ленивых жницах; она умело использует конкретные жизненные условия труда, быта, жизни для того, чтобы раскрыть своеобразные моменты психологии героев, свойственные им ход мысли, представления и т. д. Мы видели выше, что в жнивных песнях распространен сюжет похищения турками девушки с поля. Сатирическая песня использует его в пародийно-карикатурном плане для осмеяния ленивых снох.

Ангеловите девет снахички

Рано на нива ранили,

Желто си просо да женят.

Кога на нива отишле,

Ангеловы девять снох

Рано на ниву вышли

Желтое просо жать

Когда на ниву пришли,

Легнали малко да поспят
 Спали са много ни малко —
 Три дни ми, оште три
 ношти.

Его го Ангел да иде
 Съз девет кола за снопи.
 Най-голяма онаичка
 Тя на другите думаше:
 «Сичките вий ште мълчите,
 Ас ште му давали джу-
 ваия:

«Свекро ле, дърто магаре,
 Ас нал ти казвах, свекре
 ле

Сей ли се просо край
 пътя?

Трини ни турци гониха,
 Не можавше нива да
 женем».

Легли немного поспать.
 Спали ни много, ни мало —
 Три дня да еще три ночи.

А тут и Ангел явился
 С девятью телегами за снопами.
 Старшая сноха,
 Она другим говорила:
 «Все вы молчите,
 Я сама ему дам отповедь:

«Свекор, старый осел,
 Говорила разве я тебе, свекор,

Чтобы сеял просо у дороги?

Трижды нас турки гоняли,
 Не могли мы ниву жать».

Образу ленивой, нерадивой жницы противопоставляется образ старательной, трудолюбивой работницы. Это — центральный образ жнивных песен. В песнях жнецов он очень часто раскрывается в своеобразном соревновании в работе.

Облагала се Калина
 Сас по-младаго девера:
 До пладне нива да жане,
 От пладне дома да иде.

Поспорила Калина
 С младшим своим деверем:
 До полудня ниву дожать,
 А с полудня домой пойти.

(Сбну, II, стр. 70).

В этом соревновании девушка выигрывает спор: она первой дожинает ниву, она лучше всех жнет. Образ такой жницы рисуется во множестве песен: она жнет по триста снопов, по девять загонов. Работой такой жницы восхищаются и пастухи, и прохожие, и проезжие турки, такой жницей гордятся родители. Хорошие жницы хвалятся своей работой: «наша чиста жетва», т. е. они жнут, не оставляя несжатых мест на ниве, не разбрасывая колосьев.

Хорошая жница любит свою работу. В песне № 1112 (Стоин, I, стр. 260) рассказывается о смерти жницы. Брат спрашивает, что она больше всего любит? И она отвечает: ниву. Она просит похоронить ее на ниве: когда наступит жатва, запоят девушки на ниве, оживет она и станет снова жать вместе с девушками («и ас с момите да жана»).

Девушку ценят по работе на ниве. В песне № 966 (Стоин, т. I, стр. 225) девушка дает совет брату: выбирая невесту, не смотри на то, чисто ли она одета, как заплетены у ней косы, потому что

Майка и бело пере,
 Снаха и тонко плете,

Мать ее чисто стирает,
 Сноха ее тонко заплетает,

а смотри на то, как она жнет — не идет ли краем, не оставляет ли колосьев, а может быть, и сидит без дела.

Образ жницы раскрывается в реальной обстановке труда и быта; ее образ раскрывается как типический характер в типических обстоятельствах.

7

Основная тема жнивных песен — труд жнецов, основной сюжет — тяжелая судьба жницы, основной образ — образ жницы. Это прежде всего потому, что жнивны песни — женские песни, они созданы девуш-

ками и молодыми женщинами и говорят о реальных явлениях жизни болгарских крестьян.

Труд жнецов — тяжелый труд в поле, в жару, под палящим солнцем. Жница в песне просит брата принести ей холодной воды, устроить тень, а он отвечает ей, что на ниве нет ни воды, ни тени (Миладиновы, № 658). Жнецы просят ветер повеять по полю и освежить их. Страстное желание измученных зноем и жаждой людей выливается в чудесную картину: подул ветер — прохладил жниц (там же, № 643). Жницы просят солнце пораньше зайти, чтобы не сгорели они в поле: солнце сжалось над ними и зашло (Сбну, XXI, стр. 58). Но порой оно безжалостно и немилостиво и отвечает жницам: «гореть буду, палить я, пока не закончится жатва» (Сбну, XLII, стр. 274).

Одушевление природы — обращение к ветру и солнцу — придает песне большую эмоциональную силу и вместе с тем служит передаче тяжелых условий труда жниц в поле. Труд их так тяжел, что в одной из песен поется:

Пладнина, майко, плад-
нина,
Да знай турчин правина,
Ручеко би ни донесол,
Пот сенка би ни однесол,
Кай оная вода студена,
Кай оная трава зелена

Полдень, матушка, полдень,
Знал бы турок правду,
Обед бы нам принес,
Под тень бы нас отвел,
Ко той воде студеной,
Ко той траве зеленой,

(Сбну, VIII, стр. 129).

Песни жнецов — своеобразный вид песен не только по своей тематике, но и по своей композиции. Особенностью их композиции является то, что в них значительное место отводится картинам природы, которые прямо связаны с основным образом этих песен, образом жницы, с ее трудом, и служат средством раскрытия внутреннего мира героя, служат одной из сторон типичной жизненной обстановки. Отсутствие природы в песнях жнецов снизило бы их реализм.

В песнях жнецов изображаются лишь такие картины природы, какие связаны с трудом жнецов, с жатвой: они представляют место, время, обстановку труда жнецов. В этом отношении характерны даже зачины песен: «Сънце ми зайде...» (Миладиновым, № 641); «Пладнина дойде...» (там же, № 645); «Сънце ми се застанало Среде неба на пладнина» (там же, № 651); «Темен облак зададе...» (Сбну, XLIV, стр. 410).

В них отражается восприятие природы измученными жарою, уставшими от работы жнецами. Нива в песне «широкая», «большая», «тернистая», «полегшая», — такова она с точки зрения жницы, работающей на чужой ниве.

Постоянными составными элементами картины природы в песнях жнецов служат нива, поле, пшеница, просо, солнце, ветер, орешниковая тень, облако, тень от снопов, крестец, полоса и т. д. Картины природы связаны с ходом действия, с душевным состоянием жницы, с ее трудом в поле.

Труд жнецов в поле, а поэтому и образы жнеца и жницы, раскрываются в песнях рядом своеобразных ситуаций. В песне № 481 (Сбну, XLII, стр. 481) пастух спрашивает мать: «Не наступил ли полдень, не пора ли отдыхать?», а мать говорит ему: «Иди, спроси Ганчу, она жнет на ниве, она скажет». Но Ганча отвечает пастуху:

«Каква па е пладня
наело?

Слънце нат икиндия!»

«Какой тебе еще полдень?

Солнце уже к заходу».

В другой песне (Сбну, XXXVII, стр. 99) пастух хочет обмануть жницу и уверяет ее, что уже полдень, что пора отдыхать, но она отвечает ему:

«Не лажи, офчарко,
Язе пладне зная,
Кога пладне доле,
Сърпа почернее,
Нивата полегне».

«Не обманывай, пастух,
Я полдень знаю:
Когда полдень придет,
Сerp псечернеет,
Нива поляжет».

Тяжелый труд жницы надрывает ее силы. Елена разболелась в поле, целый год она пролежала, все девушки «оро да играют» («хороводы водят»), а Елена «у легало лежит» («все лежит в постели») (Сбну, XVI—XVII, стр. 119). В песне № 40 (Сбну, XXXIX, стр. 22) жница умирает в поле.

Тяжелый труд жницы характеризуется в песнях и еще одним своеобразным сюжетом: жница так устает на работе, что забывает в поле ребенка, спеша домой. Но когда она берется доить корову, та ей говорит:

«Камо ти машко детенце?
Че другош кога дойдеше,
Тизе и него доведеш,
Та окол мене играйе».
И Калина се сетила,
Че си йе дете успала.
Та го на нива затрила.

«Где же твой мальчик?
Когда другой раз приходила,
Ты и его приводила,
Рядом со мною играл он».
Вспоминала тут Калина,
Что ребенка она укачала
Да на ниве его забыла.

Сюжетное раскрытие образа, а вместе с тем и идеи песни характеризует народную лирику; оно свойственно и жетварским песням. Небольшие по своему размеру, они рассказывают о судьбе жницы в предельно сжатой форме, кладут в основу сюжета наиболее важные и острые моменты труда жницы, нередко моменты большого драматического напряжения, являющиеся вместе с тем типичными жизненными положениями, дополненными творческой фантазией автора-певца. В такой сюжетной ситуации, как в фокусе, освещается образ жницы.

Реализм жнивных песен проявляется и в конкретном изображении обстановки действия, в бытовых деталях. Песня рисует не только образ жницы и ее судьбу, но и всю картину жатвы на ниве.

Реализм песен жнецов сказывается и в том, что они раскрывают душевные состояния, жизненные мечты и заботы людей без какой-либо поэтизации. Так, например, просто и выразительно переданы думы и чувства, обусловленные работой в поле, в песне «Майчина радость» («Радость матери») (Сбну, XLII, стр. 215):

Диманина майчица
На нива жетва женеше,
Женеше и погледваше,
Од де ште дойде Димана,
Да дойде, до и помогне.

Диманина матушка
На ниве жатву жала,
Жала и погледывала,
Вот-вот придет к ней Димана,
Придет да ей и поможет.

В одном движении — «жала и погледывала» — прекрасно передана надежда старой матери-жницы на то, что дочь придет и поможет ей в трудной работе.

Но вместо дочери к ней приходит зять. В недоумении старуха спрашивает его: «А что ж не привел ты Диманку?» («Зашто не водиш Диманка?»). Зять отвечает ей, что Диманка родила мальчика. Тогда наступает перелом в душевном состоянии матери:

Майка и се зарадвала,
Обрадвала и си у тях
отиде.

Мать ее обрадовалась
Обрадовалась и к ним пошла.

Описание жатвы включает в себя и внешние, портретные моменты в изображении фигур жнецов: жнецы работают в белой одежде, в белых платках, босые.

Своеобразие жетварских песен проявляется и в языке.

Это можно подтвердить, во-первых, ссылкой на эпитеты, которые в этих песнях носят ярко выраженный оценочный характер и передают действительность в ее восприятии жнецами, работающими в поле: лош чорбаджия (плохой чорбаджия), горещо пладне (палаящий полдень), сянка дебела (тень густая), жито полегато (полегшее жито), биле аргате (белые жнецы, в белой одежде), чужда работа (чужая работа, на чужой ниве), вода студена (холодная вода), ладен вятър (прохладный ветер), кривото желязо (кривое железо, серп), Романия проклета (проклятая Романия), нива голема (большая нива), широка поста (широкая полоса).

Во-вторых, это можно подтвердить ссылкой на частое употребление в этих песнях тавтологических выражений, представляющих собою соединение различных грамматических форм, образованных от одного и того же корня. Причем характерно, что они непосредственно связаны с темами, образами и сюжетами песен и касаются прежде всего работы на ниве или типичной обстановки жатвы. Вот несколько примеров; 1) жетвар жетва женеше; 2) женат, наджеват; 3) карай да караме; 4) пладне пладнували; 5) облог се обложи; 6) заладе ме ладна ладо-вина; 7) пожар я пожарил; 8) ником поникнаха и т. д.

Вообще тавтологические выражения характерны для народной поэзии. Но именно эти встречаются только в песнях жнецов.

Песни жнецов — лирические песни. Но их лиризм, их эмоциональный тонус иного порядка, нежели в других жанрах народной лирики. Они отличаются глубоким социальным характером, на первый план ставят труд, а жизненную судьбу человека и его душевный мир рассматривают в плане общественных отношений. Их эмоциональная напряженность создается изображением тяжелой судьбы девушки-жницы, сюжетными положениями трагической окраски, картинами природы, связанными со всем строем мыслей и чувств жницы. Большое значение имеет образ старой матери, к которой с жалобой на свою судьбу обращается жница или которая волнуется за судьбу своей дочери-жницы, что ее жжет солнце в поле, что она надрывается от непосильного труда. Жница, ушедшая в Романию, заболевшая на чужбине, просит ветер донести ее голос до старой матери (Сбну, XXV, стр. 43). В жетварских песнях все эмоционально-лирические моменты связаны с образом жницы и ее трудом.

Эти песни — сюжетные, повествовательные по своему типу. Однако многие из них начинаются не с повествования и даже не с описания картинок природы, а с обращения к главному действующему лицу песни (ср., напр. Сбну, I, стр. 48; Сбну, V, стр. 67; Сбну IX, стр. 68, Сбну, XXV, стр. 43 и т. д.). По свидетельству лиц, записывавших песни, и на основании нотных записей напевов, — это обращение к героине песни не поется, а выкрикивается, а после него уже идет песня как рассказ о судьбе девушки-жницы. Такое обращение сразу создает высокое эмоциональное напряжение и привлекает внимание слушателей к героине, о которой будет далее рассказывать песня.

Таким образом, песни жнецов действительно имеют свои темы, свой состав сюжетов, своих героев, свои особые образительные средства, свой словарь и свои обороты речи, свою композицию.

Жетварские песни имеют особое познавательное, идейно-воспитательное и эстетическое значение.

Их познавательное значение состоит в том, что они знакомят с такими сторонами труда и быта болгарского крестьянства XIX в., о каких другие песни не дают конкретного представления. Они многосторонне изображают жатву, самый процесс и распорядок труда, работу у турок на барщине и работу у чорбаджиев, организацию труда наемных артелей жнецов. Они рисуют типичные образы жницы, турка, чорбаджия, драгомана и т. д. Они объясняют жизненную судьбу жницы и во времена турецкого владычества и во времена распространения в Болгарии наемного труда, строй мыслей и чувств крестьянки-труженицы.

Характер изображения труда жнецов включает в себе и идейно-воспитательное значение, которое состоит в выражении народного возмущения турецким гнетом, в утверждении необходимости национально-освободительной борьбы против турок и социальной борьбы против чорбаджиев. Социальная критика и вместе с тем глубокая любовь к народу и утверждение идеи труда — вот ценнейшие стороны идейного содержания этих песен. Они глубоко народны не только потому, что говорят о жизни и труде народа, но и потому, что рассматривают действительность с точки зрения интересов народа. Жетварские песни более широко, нежели другие песни, касаются экономического положения крестьянства и социальных отношений, они более конкретно изображают эксплуатацию народного труда турками и чорбаджиями.

Песни жнецов затрагивают важные жизненные темы, полно представляют социальную сторону жизни, в типических картинах и образах воспроизводят труд и быт крестьянина. В этом — основа большого эстетического значения этого раздела народных песен.

Художественная сторона их, имея много общего с другими народными песнями, в то же время отличается особой реалистичностью, единством содержания и формы, что проявляется в соответствии картин природы, быта, средств изображения, приемов композиции с раскрываемым в них жизненным содержанием и основным образом — образом жницы.

Жетварские песни — важный раздел поэтического творчества болгарского народа, как жатва — важный момент в труде крестьянина. Жатва, т. е. то, кто жнет, для кого жнет, сколько жнет, и т. д., фокус, в котором освещается социально-экономическое положение крестьянства, а значит и всей страны, так как в XIX в. Болгария была исключительно сельскохозяйственной страной.

Именно поэтому песни о жатве и жнецах приобрели важное национальное и социальное значение. Вот почему великий болгарский поэто-революционер Христо Ботев в своем известном стихотворении «Хаджи Димитр», рисуя образ умирающего героя, отдавшего свою жизнь за освобождение родины, говорит о жатве на болгарских полях. Умирающему хайдуку слышится песнь жницы.

В сознании героя, умирающего за свободу народа, представление о положении народа неотделимо от жатвы и песен жниц. Этим великий болгарский поэт, сам отдавший жизнь за независимость, за освобождение родины, подчеркнул особое значение жетварских песен для понимания положения, труда и идеалов болгарского народа, угнетавшегося и эксплуатировавшегося турками и чорбаджиями.

И. И. ПОТЕХИН

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНО-АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Южно-Африканский Союз — доминион британской империи, но доминион особого, так сказать, колониального типа. Южноафриканские колонии являлись переселенческими колониями, но приток колонистов сюда никогда не был массовым. С другой стороны, коренное африканское население — банту — оказало большое организованное сопротивление колонизаторам, отстаило право на существование, не было истреблено. Поэтому, если в Австралийском Союзе коренное население не составляет и одного процента в общей его массе, в Канаде — один процент, то в Южно-Африканском Союзе оно составляет почти три четверти всего населения. Иммиграция из Азии, главным образом из Индии, образовала еще один этнический элемент населения.

Колонизация Южной Африки европейцами делится на два периода: голландский и английский. Начало колонизации было положено в 1652 г. Голландской Ост-Индской компанией, в 1806 г. голландская колония была захвачена Англией. К концу первого периода европейское население составляло около 15 тыс. человек. В основном это были переселенцы из Голландии, за ними шли переселенцы из Франции (гугеноты с 1688 г.) и из других стран европейского континента. Переселение из Голландии продолжалось и после установления английского господства, хотя основную массу иммигрантов в этот период составляют уже англичане. Европейское население Южно-Африканского Союза состоит поэтому из двух основных групп: англичане и буры, или африкандеры, как называют себя потомки первых, главным образом голландских колонистов.

В результате всех обстоятельств образовалось сложное по своему расовому и национальному составу население, а империалистическая политика превратила Южно-Африканский Союз в страну крайне запутанных и острых национальных отношений, в расистские джунгли. Расовая дискриминация и национальное угнетение неевропейского населения являются общеизвестным фактом, этот вопрос уже неоднократно являлся в повестке дня Организации Объединенных Наций. Секретарь коммунистической партии Англии Уильям Галлахер в предисловии к книге Дуглас Уолтона «Whither South Africa» справедливо заметил об условиях жизни коренного населения в районах сегрегации, что это страшнее любой картины дантова «Ада»¹.

Приход к власти в 1948 г. националистической фашистской партии Малана вызвал дальнейшее обострение национальных отношений и придал национальному вопросу никогда не виданную ранее остроту. Созданная маланистской реакцией обстановка вызывает тревогу даже в среде господствующих классов и особенно в среде буржуазной интеллигенции, которая до сих пор считала положение в Южной Африке «нормальным».

¹ Douglas Wolton, Whither South Africa, London, 1947. Русское издание: Дуглас Уолтон. Куда идет Южная Африка, 1948, стр. 23.

В последнее время в южноафриканской буржуазной печати появляются проекты решения национального вопроса, авторы которых пытаются занять какое-то промежуточное положение между прогрессивным лагерем и фашистской реакцией националистов Малана. Обращает на себя внимание, в частности, программа установления «расовой гармонии», предложенная Кеппель-Джонсон². Он предлагает превратить Южно-Африканский Союз из государства унитарного в государство федеративное, состоящее из шести государств с европейским населением, одного с индийским населением и четырех «туземных» государств. В трех из шести «европейских» государств англичане будут господствующей нацией, а африкандеры — национальным меньшинством, в двух государствах — наоборот, а в шестом — англичане и африкандеры будут составлять почти равные половины. На территории четырех «туземных» государств будет жить 41% всех банту Южно-Африканского Союза, остальные 59% останутся на территориях «европейских» государств. Программа Кеппель-Джонса представляет собой реакционную затею, которая не разрешает национального вопроса, а еще более его запутывает и обостряет.

Чтобы понять сущность национального вопроса в Южно-Африканском Союзе и возможные пути его решения, необходимо, прежде всего, ясно представить этнический состав его населения, расселение этнических групп и их положение — социальное, правовое, экономическое.

Общие сведения

За время после образования Южно-Африканского Союза проведено четыре общие переписи населения: в 1911, 1921, 1936 и 1946 гг.; кроме того, в 1918, 1926 и 1931 гг. проводились переписи только европейского населения. Каждый год публикуются оценочные данные. Материалы переписей и оценок дают возможность составить полную картину роста народонаселения и более или менее точную картину его этнического состава. За 35 лет существования Союза общая численность населения увеличилась с 5 877 076 человек в 1910 г.³ до 11 418 349 в 1946 г. или на 94,2%.

Рост народонаселения происходит в основном за счет естественного прироста. Подсчет миграционных данных за 20 лет (1924—1937 и 1943—1949) показывает следующее: въехало на постоянное местожительство европейцев — 180 тыс., выехало навсегда — 91 тысяча, прирост населения за счет иммигрантов — 89 тыс. человек. Европейское население за эти 20 лет увеличилось на 600 с лишним тысяч человек; прирост за счет иммигрантов составляет около 15% всего прироста. Прирост за счет иммигрантов неевропейцев совершенно незначителен.

В первые годы после второй мировой войны эмиграционный поток из Европы резко увеличился, но после 1948 г. начал сокращаться; в 1950 г. численность иммигрантов оказалась даже меньше численности эмигрантов на 1 840 человек.

Годы	Въехавших на постоянное местожительство	Выехавших навсегда	Разница
1937	7927	3716	4211
1946	11256	9045	2211
1947	28839	7917	20922
1948	35631	7537	28094
1949	14780	9215	5565
1950	12806	14646	—1840

² A. Keppel-Jones. Friends or foes. A point of view and a programme for racial harmony in South Africa, Pietermaritzburg, 1950.

³ Оценка; перепись 1911 г. — 5 973 394 чел.

Основной поток иммигрантов (70% в 1948 г.) идет из Англии. Приход к власти националистической партии Малана резко сократил иммиграцию англичан: 20 459 человек в 1947 г., 25 054 человека в 1948 г., 7655 в 1949 г. и только 5084 в 1950 г.

С точки зрения этнической принадлежности все население разбивается в данных переписи на четыре группы: европейское (european), банту (bantu), азиатское (asiatic), смешанное и прочее (mixed and other). В последнюю группу включаются мулаты или, как их называют в Южной Африке, цветные (coloureds), остатки бушменов и готтентотов. В группу «азиатское» включаются индийцы, китайцы, малайцы и переселенцы из всех других частей Азии.

Удельный вес каждой из этих групп в общей массе населения показан в следующей таблице.

Годы переписи	Банту	Европейское	Смешанное	Азиатское
1911	67,3	21,4	8,8	2,5
1921	67,8	21,9	7,9	2,4
1936	68,8	20,9	8,0	2,3
1946	68,5	20,8	8,2	2,5

Соотношение этнических групп на протяжении 35 лет остается по существу стабильным: удельный вес банту увеличился на 1,2% за счет уменьшения удельного веса европейского населения на 0,6% и смешанного населения на 0,6%. Прирост европейского населения складывается из естественного прироста и иммиграции, прирост же банту — только из естественного прироста. Постоянство соотношения этих двух групп населения может быть объяснено, во-первых, превышением естественного прироста банту над естественным приростом европейцев и, во-вторых, повышением точности учета банту. В результате послевоенной иммиграции удельный вес европейского населения заметно возрастает.

Ни одна из этих этнических групп не занимает обособленной территории. В каждом из районов преобладает та или иная группа, но нет ни одного административного района (дистрикта), населенного только одной этнической группой. Только в одном из районов Капской провинции — Калищдорп — переписью 1946 г. не учтены банту; он населен только европейцами и мулатами. Часть районов, составляющих 14% всех административных районов, населена только европейцами и банту. Во всех остальных районах живут представители трех и даже четырех этнических групп.

Рассмотрим расселение каждой из этих четырех групп.

Банту

Банту являются коренным населением Южно-Африканского Союза, настоящим хозяином его земли. Они составляют сейчас около 70% всего населения: 7 831 917 человек по переписи 1946 г. И вместе с тем они являются наиболее угнетенной частью населения Союза.

К началу европейской колонизации банту, населявшие территории, вошедшие потом в состав Южно-Африканского Союза, делились на несколько родственных по языку и культуре групп племен: племена зулу, коса, суто и др. Племенные различия внутри каждой из этих групп уже стерлись, племена перемешались, и сохраняемая до сих пор племенная организация является искусственно сохраняемой реакционными властями.

ми Союза формой. Каждая из этих групп племен превратилась в народность.

При проведении переписи 1946 г. банту учитывались по признаку языка, на котором они говорят в семье, т. е. по их родному языку. Ниже приводятся данные переписи⁴.

Язык	Число говорящих	% к итогу
Коса	2 354 355	30,0
Зулу	2 034 851	26,2
Суту	865 881	11,0
Чвана	578 136	7,3
Свази	223 406	2,9
Ндебеле	158 100	2,0
Педи	771 151	9,8
Шангаан	368 642	4,7
Венда	132 083	1,7
Другие	345 310	4,4
Всего	7 831 915	100,00

Зулу и коса, образующие вместе группу нгуни, составляют, следовательно, 56% всех банту Южно-Африканского Союза. Основная часть зулу живет в провинции Наталь, основная часть коса — в восточной части Капской провинции, за р. Кей, в так называемой Транскей. Басуто живут в северной части Транскей; другая их половина (619 тыс. человек) живет за пределами Южно-Африканского Союза в английском протекторате Басутоленд. Бечуана расселены в западной части Капской провинции, главным образом в северных ее районах, в провинциях Трансвааль и Оранжевое Свободное государство; 260 тыс. человек живут за пределами Союза, в английском протекторате Бечуаналенд. Педи, тонга и бавенда живут в северо-восточной части провинции Трансвааль; основная их часть находится за пределами Союза.

Банту расселены по всему Южно-Африканскому Союзу. Как уже указывалось, имеется лишь один район в западной части Капской провинции, где переписью 1946 г. банту не были учтены. В западной части Капской провинции есть группа районов, где банту составляют незначительное меньшинство — меньше 10% всего населения. В большинстве районов — 73% всех административных районов — банту составляют большинство населения.

На этнической карте выделяются районы наиболее густо заселенные и окрашенные в одну краску. Это резерваты — черта оседлости банту, своеобразные гетто. Общая территория резерватов составляет около 10% территории Южно-Африканского Союза. Здесь сосредоточено 3267 тыс. человек, составляющих 41% всего населения банту. Европейцы в этих районах представлены исключительно или главным образом чиновниками и купцами. Другая часть банту — 2875 тыс., составляющих 37% всех банту, — живет на фермах, принадлежащих европейцам в качестве сельскохозяйственных рабочих, батраков с наделом или издольщиков. И, наконец, третья часть банту — 1689 тыс., составляющих 22% всех банту, — живет в городах и горнопромышленных районах. В городах, находящихся вне зоны резерватов, банту, работая вместе с европейцами, мулатами и индийцами, живут в особых, специально для них отведенных пригородах, или, как их называют в Южно-Африканском Союзе, пригородных локациях. На европейских фермах банту не только работают, но, как правило, и живут вместе с мулатами, европейскими и индийскими рабочими.

⁴ Monthly Bulletin of Statistics, июнь 1951 г.

Следующая таблица показывает изменения в соотношении этих трех групп банту за последние 30 лет.

	1915 *		1946 **		
	численность (в тыс.)	в % к итогу	численность (в тыс.)	в % к итогу	в % к 1915 г.
банту в резерватах***	2 594	58,7	3 434	43,9	132
банту на европейских фермах	1 286	29,1	2 708	36,6	211
банту в городах и горнопромышленных районах	537	12,2	1 689	21,5	314
Всего	4 417	100	7 831	100	177

* Report of the Native Land commission, vol. 1, Cape Town, 1916. 1915 год взят условно. Комиссия работала в течение трех (1913—1915) лет и в отчете не указала, в каком году точно относятся эти данные.

** Перепись 1946 г.

*** «В резерватах» условно. Сюда входят банту, живущие собственно в резерватах, на частновладельческих землях, принадлежащих банту, на миссионерских и коронных землях и на землях, арендованных у европейских земельных компаний. Банту, живущие собственно в резерватах, составляют 80% всех банту этой группы. Они объединяются все в одну группу, потому что, с точки зрения этнических взаимоотношений, находятся в одинаковых условиях: они живут отдельно от остальных этнических групп.

За последние 30 лет население банту увеличилось на 77%, численность банту в резерватах — на 32%, на европейских фермах — на 111%, в городах и горнопромышленных центрах — на 214%. Процент банту, живущих в резерватах, сократился за эти 30 лет на 14,8, процент банту, живущих на европейских фермах, увеличился на 7,5 в городах и промышленных центрах — на 9,3. В целом, процент банту, живущих вне резерватов, увеличился с 41,3 до 58,1.

Происходит интенсивный процесс территориального смешения банту с европейцами и другими этническими группами. Реакционные правительства Южно-Африканского Союза настойчиво проводят политику «территориальной сегрегации» банту; переселение банту из резерватов в города и населенные европейцами сельские районы регулируется сложной системой ограничительных законов и распоряжений. Но европейские предприниматели нуждаются в дешевой рабочей силе банту, а перенаселенные резерваты неуклонно выталкивают их на рынок труда.

Европейское население

Основную массу европейского населения, как уже указывалось, составляют буры или африкандеры — 60% всего европейского населения, и англичане — 35%. Представители других европейских национальностей немногочисленны. По данным переписи 1936 г., родным языком считали:

Язык	Число человек	В % ко всему европейскому населению
Немецкий	17 810	0,89
Еврейский	17 684	0,88
Голландский	3 908	0,19
Греческий	1 918	0,10
Португальский	1 743	0,09
Итальянский	1 679	0,08
Французский	1 445	0,07
Другие	2 773	0,14

После буров и англичан первое место занимают, следовательно, немцы. В нашем распоряжении нет последних сведений о численности немцев, несомненно, однако, что в последние 15 лет численность их заметно возросла. С приходом к власти фашистского правительства Малан началось массовое переселение немцев из Западной Германии: на постоянное местожительство въехало немцев в 1947 г. 28 человек, в 1948 г. — 12, в 1949 г. — 14 и в 1950 г. — 1 862 человека. Малан поощряет переезд в Южную Африку бывших эсэсовцев, ярых сторонников германского фашизма, рассматривая их как надежную опору в борьбе против растущих демократических сил.

Но все представители европейских национальностей, исключая африкандеров и англичан, вместе взятые, составляют сейчас около 5%. Остальные 95% составляют африкандеры и англичане.

Европейское население является в своей основной массе постоянным, коренным населением Южной Африки. Оно считает Южную Африку своей родиной. Уже по переписи 1911 г. 80% европейского населения ЮАС родилось в Союзе и только 20% — вне Союза, к 1946 г. процент первых поднялся до 89. Это относится, прежде всего и главным образом, к бурам. Они живут здесь уже почти три сотни лет, а англичане по сравнению с ними являются новичками. Буры полностью порвали со своей первой родиной — Голландией. Буры не считают Голландию своей страной, и Голландия не считает буров своими гражданами. Англичанин же, даже родившийся в Южной Африке, все еще считает Англию своей страной, своей родиной. Буры уже забыли язык своей первой родины — Голландии, они говорят на своем языке африкаанс, который не знают и с трудом понимают в Голландии. Англичане же сохраняют языковое единство с населением Англии — английский язык Южной Африки ничем не отличается от языка английских островов.

Англичане все еще ездят «домой» в Англию, тогда как поездки буров в Голландию являются редкостью. «Недавно я читал, — пишет английский исследователь бурского вопроса Вильям Досон, — как одна бурская девушка из Южной Африки поехала в Европу под впечатлением, что Голландия все еще ее *alma mater*, и как жестоко была она разочарована, когда не нашла никого, кто мог бы говорить на ее любимом африкандерском языке или проявлял бы какое-нибудь внимание к ее стране. Поэтому буры и говорят: «Мы здесь постоянно и навсегда, вы же приезжаете и уезжаете»⁵.

Миграционные связи Южно-Африканского Союза с Голландией совершенно незначительны по сравнению с английскими связями. Так, например, за 1947—1949 гг. в Южно-Африканский Союз въехало на постоянное местожительство из Англии 55 168 человек, а из Голландии только 5 079.

Поселение африкандеров и англичан не разграничено: они живут на совместных территориях. Если взять учет населения по признаку языка, на котором разговаривают в быту, по провинциям, то получится картина, приведенная в таблице на стр. 83.

В Натале англичане составляют подавляющее большинство — 70,8%, в остальных трех провинциях большинство принадлежит африкандерам, наиболее значительное — 87,9% — в Оранжевом Свободном Государстве. В пределах провинций можно выделить английские или африкандерские микрорайоны, но нет ни одной сколько-либо значительной территории, населенной только англичанами или африкандерами. Кеппел Джонс старательно выкраивал места «европейских» государств с границами самой причудливой конфигурации и все же не мог выделить н

⁵ W. H. Dawson, *South Africa: people, places and problems*, London, 1922 стр. 66.

Язык в быту	Численность в тыс.				% к общей численности африкандеров и англичан по провинциям			
	Капская	Наталь	Трансвааль	Оранжевое свободное государство	Капская	Наталь	Трансвааль	Оранжевое свободное государство
Английский	337	175	397	23	39,3	70,8	38,4	11,6
Африкаанс	512	51	621	175	59,6	20,7	60,0	87,9
Оба	9	21	16	1	1,1	8,5	1,6	0,5

одного государства с однородным английским или африкандерским населением.

До сих пор в значительной степени сохраняется разграничение сфер занятий: буры занимаются преимущественно сельским хозяйством, англичане — промышленностью, торговлей и т. п. Поэтому буры живут главным образом в сельских местностях, а англичане — в городах. «До сравнительно недавнего времени города Южной Африки были преимущественно английскими, тогда как сельские местности, за исключением Наталья и некоторых восточных районов Капской провинции, где проживают потомки поселенцев 1820 г., были преимущественно бурскими», — писал Гофмейер в 1931 г.⁶ С течением времени это разграничение постепенно сглаживается.

Первоначально каждый бурский колонист был фермером и крупным землевладельцем. Хозяйство первых колонистов было по преимуществу натуральным или полунатуральным. С открытием золота и алмазов в конце прошлого столетия, с ростом городов и средств сообщения натуральное хозяйство сменилось товарным, появился кредит и залог земли, быстро выросла цена земли и т. д. Начался интенсивный процесс разорения бурских фермеров, превращения бывших землевладельцев в байво-неров — издолщиков, батраков с наделом, в сельскохозяйственных пролетариев. Появилась деревенская беднота, так называемые «бедные белые».

Разорение фермерства сопровождается переселением африкандеров из деревни в город. Удельный вес сельского населения в общей массе европейского населения неуклонно снижается: в 1904 г. — 41, 1921 — 44, 1931 — 38, 1936 — 34 и в 1946 г. — 27%. По данным 1936 г., 53% европейского населения городов говорили на английском языке и 41% — на африкаанс; к переписи 1946 г. это соотношение почти выравнялось: 48,5 и 47,8. Среди европейского сельского населения, по тем же данным, говорящие на африкаанс составляли 84%, на английском — только 14%, а в 1946 г. 82,4 и 15,3.

Старые границы между городским английским и сельским африкандерским населением исчезают, исчезают постепенно и бытовые различия. Африкандеры и англичане работают вместе, живут вместе, смешанные англо-бурские браки не являются редкостью. Однако много сохраняется еще и старого, специфически национального.

Еще не сложился тип южноафриканского европейца, поглощающего национальные черты африкандера и англичанина. Сохранилось различие по религиозному признаку. Все африкандерское население принадлежит к голландской реформатской церкви, английское население при-

⁶ J. H. Hofmeyr, South Africa, London, 1931, стр. 213.

надлежит к ряду других церквей (англиканская, протестантская, римско-католическая и лютеранская). Сохраняются два языка — английский и африкаанс,— что чаще всего служит причиной межнациональных коллизий.

Оба языка признаны официальными, государственными языками, но на деле, в повседневной жизни, английский язык является все же господствующим. Законы публикуются на обоих языках. Все государственные служащие должны знать два языка, однако часто встречаются исключения, причем чиновник, знающий только английский язык, получает место скорее и легче, чем чиновник, знающий только африкаанс. В конторах торговых фирм, банков и промышленных предприятий знание двух языков не обязательно, но человек, знающий только африкаанс, имеет мало шансов на получение места. Отдельно издаются газеты на английском и на африкаанс, но самые влиятельные газеты, как «Star» или «Cape Times», издаются все же на английском.

Литературы на африкаанс мало, так как за пределами Южной Африки этот язык никто не знает и не изучает. Язык африкандеров очень часто ущемляется в самых разнообразных мелочах, вроде трамвайных билетов, напечатанных только на английском, вывесок, объявлений и т. п.

Обучение в начальных школах ведется на обоих языках: на английском или на африкаанс, в зависимости от того, на каком языке говорят в семье; второй язык изучается как дополнительный, но обязательный. В районах со смешанным англо-африкандерским населением, а это сейчас обычная картина, в школах создаются отдельные — английские и африкандерские классы или даже отдельные школы. В высшей школе обучение ведется на английском языке.

В следующей таблице приводятся данные об официальном языке европейцев (7 лет и старше) в процентах к общей численности европейского населения:

	Г о д ы				Увеличение или уменьшение числа говорящих на данном языке	
	1918	1926	1935	1946	абс. числ. в тыс.	1940 г. в процентах к 1918 г.
Английский и африкаанс—двуязычные . . .	42,71	58,52	64,37	68,96	+ 897	285
Английский	30,33	21,61	18,98	17,02	— 9	97
Африкаанс	26,59	19,62	16,39	13,78	— 31	90

За 28 лет число двуязычных почти утроилось, их удельный вес в массе европейского населения увеличился с 42,71 до 68,96. Численность европейцев, знающих только один язык — английский или африкаанс,— наоборот, уменьшилась: в первом случае — на 3%, во втором — на 10%. Число говорящих только на африкаанс, сокращается быстрее, чем число говорящих только на английском. Это и понятно.

Африкандер, попавший в город, вынуждается всеми условиями жизни изучить английский, англичанин же не вынуждается. Англичане со свойственным им высокомерием не всегда охотно берутся за изучение африкандерского языка. От англичан можно, например, как передает Досон, слышать: «Мы живем в английской колонии, не так ли? Почему я должен изучать африкаанс?».

В условиях, когда прокламированное равенство языков нарушается повседневно в общественной жизни, когда имеется пренебрежительное отношение к одному из языков, учет населения по официальному языку не может дать правильной картины этнических изменений. Сопоставим, по данным переписи 1946 г., численность в тысячах европейского населения, объявившего один из языков официальным или разговорным:

	Английский	Африкаанс	Оба
Язык в быту	933	1359	29
Официальный язык . .	341	276	1382

Имеется несоответствие между числом европейцев, объявивших тот или другой язык языком в быту или разговорным. И это естественно при скрещении двух языков. Бросается в глаза другое: в отношении английского языка это несоответствие выражается отношением 1 : 2,4, а в отношении африкаанс — 1 : 4. Это результат известной дискриминации африкаанс со стороны английской части южноафриканских империалистов. Европейцы, объявившие языком в быту и английский и африкаанс, составляют только 29 тыс., или 1,26 % всего европейского населения.

«История отмечает,— пишет И. В. Сталин,— большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции... Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единственный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет»⁷.

Очевидно, что сейчас в Южно-Африканском Союзе еще нет единой нации англо-африкандеров, но и вместе с тем едва ли можно говорить об образовании двух европейских наций: англо-африканцев и африкандеров; этот вопрос требует, однако, дополнительного исследования. Потомки голландских колонистов имели все условия для того, чтобы конституироваться в особую нацию, но не успели. Английское завоевание Южной Африки, установление английского господства в экономике, в политике и в культуре, смещение африкандерского населения с английским и пр. прервало процесс консолидации нации африкандеров. Начался процесс угасания национально-специфического, вытеснения его английским или переплетения английского и африкандерского.

Верхушка эксплуататорской части африкандерского населения давно уже перешла на службу к английскому империализму, восприняла его идеологию и культуру. Националистическая партия Малана выдает себя за партию африкандеров и состоит в основном из африкандеров. Естественно, что эта буржуазная, фашистская партия не представляет интересов всего африкандерского народа, она не представляет также каких-либо особых интересов африкандерской эксплуататорской верхушки. Интересы африкандерских и английских эксплуататоров так тесно переплелись в общих империалистических интересах, что их нельзя разграничить. Противоречие между капиталом в земледелии и капиталом в промышленности перестает быть противоречием между африкандерским и английским капиталом.

В среде трудящихся городских масс происходит процесс ассимиляции. Размывается основная крепость бурской самобытности — бурское фермерство. Бурский национальный вопрос — в основном дело прошлого. Национальные разногласия между англичанами и африкандерами разжигает сейчас фашистская партия Малана, разжигает в реакцион-

⁷ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 26, 29.

ных целях подавления демократических сил и укрепления империалистического господства. Маланисты выдают себя за представителей африкандеров, прикрываясь идиллической Трансваальской республикой Поля Крюгера и теократическим правлением Жана Кальвина. Они объявляют некальвинистов, т. е. англичан, «смертельной угрозой», насаждают среди африкандеров неприязнь к англичанам, стараются вытеснить английский язык, заменив его африкаанс, раскалывают общие организации англичан и африкандеров, выдвигают, в частности, лозунг создания «лилейно белых» христианско-националистических профсоюзов и т. д. Фашистское общество «Бродербонд», на которое опирается партия Малана, поставило своей целью (7-я статья устава): «Африканеризация нашей общественной жизни и нашего образования в направлении христианского национализма». Африканеризация — это синоним фашизации в духе германского национал-социализма.

Передовые представители англичан и африкандеров ведут борьбу за образование единого демократического фронта, включающего банту, индийцев и мулатов, противостоящего объединенной англо-бурской реакции, опирающейся на английский, а за последнее время и на американский империализм.

Мулаты

В группу «смешанное и прочее» население входят, как указывалось, мулаты или цветные, остатки бушменов и готтентотов. Установить точную численность бушменов и готтентотов невозможно. Они отдельно не учитываются, да это и нелегко сделать, так как они, особенно готтентоты, все больше смешиваются с мулатами.

Последний раз готтентоты учитывались отдельно в Капской колонии и в Оранжевом Свободном государстве в 1904 г.; в Натале и Трансваале готтентотов нет или они встречаются редкими единицами. В 1904 г. готтентотов насчитывалось 89 915 человек, но в рубрику «готтентоты» включались и мулаты от готтентотских женщин. Проф. Шапера считает, что готтентотов «чистой крови» было тогда около 56 тыс.⁸ Кроме того, в Юго-Западной Африке, согласно отчету мандатария Лиге Наций, в 1926 г. было 15 376 готтентотов.

В результате многовекового колониального угнетения большая часть готтентотов утратила свою самобытность. Они уже давно были обращены в христианство и в значительной мере смешаны с европейскими колонистами. Таковы, например, так называемые «рехоботские бастарды», «бетанские готтентоты» и другие группы в Юго-Западной Африке. Некоторым группам удалось сохранить возможность жить обособленными общинами, однако связанными с христианскими миссиями. В XIX в. из остатков распавшихся племен образовались новые объединения, связанные стремлением отстоять хотя бы некоторую независимость. Наиболее значительные из этих объединений — витбуи в Юго-Западной Африке и гриква в Южно-Африканском Союзе. Однако и они связаны с христианскими миссиями, говорят в большинстве своем на языке африкаанс, носят европейскую одежду. В основной массе готтентоты работают батраками у африкандерских и английских фермеров или чернорабочими в промышленности. Остатки старой родо-племенной организации и самобытной культуры сохранились лишь у очень небольшой группы коранна в Южно-Африканском Союзе и нама или намаква в Юго-Западной Африке.

Еще труднее установить число бушменов. По официальным германским данным, в Юго-Западной Африке в 1913 г. было 8098 бушменов; по данным мандатария, в 1926 г. было только 3600 бушменов. Большин-

⁸ I. Schapera, The khoisan peoples of South Africa, London, 1930, стр. 50.

ство бушменов загнано в малярийную местность северо-западной Калахара, где они быстро вымирают. По данным Шапера, всех бушменов сейчас осталось не больше 7500⁹.

Общая численность этой группы, по переписи 1946 г., определяется в 928 484 человека. Бушмены и готтентоты составляют приблизительно около 5% этой группы, а 95% — цветные или мулаты. Оба эти названия нельзя признать удовлетворительными, но термин «цветные» совсем неудачен, поэтому в дальнейшем эта группа будет называться мулатами.

Определить этнический состав мулатов невозможно. В этом признаются даже южноафриканские расисты, которые потратили немало сил на то, чтобы «определить» процент европейской, африканской и азиатской крови. Первые мулаты явились результатом сожительства европейских колонистов с рабынями, что в ранние периоды колонизации носило массовый характер. Рабы привозились из Анголы, Малайи, Восточной Индии, рабами становились готтентоты и бушмены; к концу XVIII в. в Капской колонии было около 17 тыс. рабов. Затем появились мулаты и от женщин банту. В бурских республиках — Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве — смешанные браки были запрещены с первых дней существования этих республик. В Натале и Капской провинции смешанные браки были запрещены только в 1927 г. Однако внебрачное сожительство имеет место и сейчас особенно на фермах и в поместьях европейских лендлордов. Южноафриканский писатель мулат Питер Абрахамс в романе «Тропой грома»¹⁰ описывает свою родную деревушку Стиллевелд, почти все женщины которой так или иначе были вынуждены вступать в половую связь с африкандерским помещиком, на земле которого живут, и его друзьями. Сами мулаты вступают в брак с европейцами, индийцами, китайцами и банту.

За десятилетие 1937—1946 гг. было зарегистрировано 7485 браков, в которых одной из сторон была мулатка или мулат. Из них 75,5% браков было заключено с банту, 13,4% — с выходцами из Азии, 11,1% — с европейцами. Характерно следующее обстоятельство. При смешанных браках с европейцами в 83,7% браков мулатка выходит замуж за европейца и только в 16,3% случаев европейская женщина выходит замуж за мулата. Аналогично соотношение в смешанных браках с выходцами из Азии. При смешанных браках с банту соотношение иное: в 44,4% случаев мулат женится на женщине банту, в 55,6% случаев мулатка выходит за мужчину банту.

В 1949 г. реакционное правительство Малана запретило смешанные браки между разными национальными группами неевропейского населения.

Удельный вес мулатов в общей массе населения Южно-Африканского Союза остается почти стабильным; за последние десять лет он увеличился на 0,2%. Можно предполагать, что пополнение численности мулатов за счет половой связи европейцев с банту сейчас совершенно незначительно и что, с другой стороны, происходит более или менее интенсивное смешение мулатов с банту и индийцами. По переписи 1936 г. 59,64% всех мулатов говорили на африкаанс, 2,69% — на английском и 37,18% на обоих языках. В сельской местности 85,98% мулатов говорили на африкаанс.

Основная масса мулатов — 89,4% — живет в Капской провинции, 6,4% — живет в Трансваале, 2,7% — в Натале и 1,5% — в Оранжевом Свободном Государстве. В Капской провинции мулаты расселены повсюду, но главным образом в западной ее части. 208 451 человек, что со-

⁹ I. Schaper, указ. соч., стр. 39.

¹⁰ Peter Abrahams. The path of thunder. N. Y., 1948. Русское издание: Питер Абрахамс, Тропой грома, Издательство иностранной литературы. 1949.

ставляет 25% всех мулатов Капской провинции, живут в городе Кейптаун. Вообще мулаты в большей своей части — 60% общей численности — являются жителями городов. Большое число мулатов, особенно мулаток, работают домашней прислугой в отелях, ресторанах и других подобных заведениях. В сельском хозяйстве занято 97 тыс. человек, что составляет 27% всего самодеятельного населения мулатов; в основном это сельскохозяйственные рабочие на фермах африкандеров. 76 258 мулатов работают в промышленности, главным образом в обрабатывающей промышленности и на строительстве; в горной промышленности занято всего лишь 2724 человека.

Индийцы

Индийцы составляют основную часть — больше 90% населения, учитываемого под рубрикой «азиатское». В переписях индийцы не выделяются.

Первые индийцы были завезены в Южную Африку в 1860 г. для работы на сахарных плантациях Наталь. Европейские плантаторы и фабриканты нуждались в рабочей силе индийцев и потому поощряли их въезд. Вслед за рабочими ехали купцы, ремесленники и люди свободных профессий. В 1904 г. общая численность азиатского населения в колониях, вошедших потом в Южно-Африканский Союз, составляла 124 734 человека, в 1911 г. — 152 203 человека. В 1911 г. индийцы были учтены отдельно и составили 149 791 человек, или 98,5% всего азиатского населения Союза; 94% всех индийцев проживали в Натале. По переписи 1946 г. общая численность населения азиатского происхождения составила 285 260 человек, среди них индийцев — больше 250 тыс. 85% индийцев родилось в Южно-Африканском Союзе; в 1911 г. этот процент равнялся 42,5. Индийцы вошли в состав населения Союза как постоянная его часть; он является для них новой родиной.

Основная часть индийцев — 85% — живет в провинции Наталь. В Оранжевом Свободном Государстве индийцев нет совсем; их проживание там запрещено провинциальным законодательством. Индийцы в еще большей степени, чем мулаты, являются жителями городов: 70% индийцев живут в городах. Объясняется это главным образом тем, что англо-африкандерские власти Южно-Африканского Союза резко ограничивают, фактически запрещают приобретение индийцами земельной собственности. Центром наибольшей концентрации индийцев является город Дурбан, административный центр провинции Наталь. Состав населения Дурбана по переписи 1946 г.:

	Абс. число	В %
Европейцы	130 143	35,0
Индийцы	117 065	31,5
Банту	113 092	30,5
Мулаты	11 449	3,0

Всего	371 749	100%
-----------------	---------	------

Индийцы, проживающие в Дурбане, составляют 40% всех индийцев Союза. Другими центрами концентрации индийцев являются районы сахарных плантаций: Инанда — 24 800, Нижняя Тугела — 23 000, Умзинто — 13 700 человек, а кроме того, Питермарицбург — 15 100 человек.

В Трансваале индийцы живут компактно в нескольких крупных городах: Йоганнесбурге — 16 034 и в Претории — 5101 человек; в остальных районах они расселены мелкими группами и единичными семьями среди инонационального населения. Из 15 200 индийцев Капской про-

инции 6865 человек живет в городе Кейптауне и 3400 в Порт-Элиза-те. В большей части районов и, в частности, в Транскей индийцев совсем; в других районах их насчитывается по несколько сот. По переписи 1936 г. 45,80% индийцев говорили на английском, 1,52% — на африкаанс, 11,55% — на обоих и 40,39% — не говорили ни на одном из них. Родными языками индийцев являются: тамильский — 38,11% всех индийцев ЮАС, хинду — 27,44%, телугу — 11,42% и гуджарати — 1,57%.

Одна четвертая часть самостоятельного индийского населения занята торговлей и финансовой деятельностью; это главным образом мелкие торговцы, лавочники в районных центрах и деревнях. В провинции Наталь, по данным 1948 г., торговлей было занято 15% самостоятельного населения; 20% самостоятельного индийского населения занято в промышленности и 17% — в сельском хозяйстве. В провинции Наталь в 1948 г. 32% индийцев были заняты в сельском хозяйстве, в основном то рабочие сахарных плантаций.

Заключение

Население Южно-Африканского Союза состоит из нескольких расовых и национальных групп. Ни одна из этих групп не занимает обособленной территории, население не только каждой провинции, но и каждого административного района является смешанным, с преобладанием в некоторых районах той или иной группы.

Сложный расово-национальный состав населения сам по себе не является причиной существования национальной неприязни, вражды, угнетения одной нации или расовой группы другой нацией или расой. Примером этому служит Советский Союз, состав населения которого куда более сложен, чем в Южно-Африканском Союзе. В Советском Союзе живут около 60 наций, национальных групп и народностей, принадлежащих к разным расам. И однако в Советском Союзе нет национальной угнетенности и национальной вражды, каждая нация независима и свободна, говорит на своем языке, развивает свою национальную по форме культуру и все вместе в братском содружестве заняты общим делом строительства нового общества. Конституция — основной закон Советского Союза — исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как и другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравенство. Он исходит из того, что все нации и расы, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости, — должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества»¹¹.

В Южно-Африканском Союзе картина прямо противоположна: одна раса — европейцы — является господствующей, все другие расовые и национальные группы являются угнетенными. Реакционные правительства Союза проводят политику раскола и между этническими группами европейского населения, создавая видимость некоторых привилегий кулатов и индийцев по сравнению с банту, натравливая банту на индийцев и т. д. Подробная характеристика положения отдельных групп не входит в задачу этой статьи. Ограничимся несколькими достаточно показательными фактами.

Если взять общее количество земли, принадлежащей банту (резерваты, локации и частновладельческие земли) и разделить на общую численность банту, то получится 2,5 моргена на душу населения, тогда

¹¹ И. В. Сталин, О проекте конституции СССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г., Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 516—517.

как на душу европейского населения приходится 97 моргенов земли; при этом следует помнить, что сельское население банту составляет 78% их общей численности, а среди европейцев — только 27,5%.

В обрабатывающей промышленности неевропейцы составляют две трети всех рабочих, а в добывающей — девять десятых. По данным горной палаты каждый европейский горняк получил в среднем за 1945 г. 574,2 фунта стерлингов, а каждый горняк банту — лишь 46,6 фунта стерлингов. В обрабатывающей промышленности за 1948 г. средняя годовая заработная плата одного европейского рабочего составила 436,6 фунта стерлингов, а заработная плата рабочего-неевропейца — 120,2 фунта стерлингов.

Все этнические группы неевропейского населения лишены политических прав. Следующая таблица показывает дискриминацию в области избирательных прав¹².

Этнические группы	Численность населения	Число избирателей	Избирателей на 1000 человек населения
Европейцы	2 372 690	1 321 400	560
Мулаты	928 484	38 970	42
Банту	7 831 915	24 000	3
Индийцы	285 000	0	0

Индийцы совершенно лишены избирательных прав. Банту образуют особую курию, которой предоставлено право избирать в палату общин трех европейцев. Мулаты до сих пор включались в общий с европейцами список избирателей. Сейчас рабовладельческим парламентом Южно-Африканского Союза принят закон о выделении их в особую курию, которая будет избирать в парламент трех европейцев.

Правительственные расходы на образование в 1946 г. в расчете на душу населения составляли: на европейца — 160 шиллингов, мулата и индийца — 42 и банту — 7 шиллингов.

И как результат всей системы расовой дискриминации детская смертность в 1942 г. составляла: среди европейцев — 4,7%, индийцев — 8,9%, мулатов — 17,7%, банту — 20—40%, а в некоторых районах она доходила и до 70%.

Суть национального вопроса в Южно-Африканском Союзе заключается именно в колониальной эксплуатации и в чудовищной расовой дискриминации всех групп неевропейского населения. Этот дикий порядок введен и поддерживается европейскими, английскими и африканскими горнопромышленниками и лендлордами, фабрикантами и богатыми фермерами. Он обеспечивает им высокие прибыли, позволяет им раскалывать по расово-национальному признаку демократические силы и тем укреплять свое господство.

Трубящиеся массы европейского населения ни в какой мере не заинтересованы в поддержании этого порядка. Рабочие-европейцы получают заработную плату более высокую, чем, например, банту, но не потому, что последние получают мало. Чудовищно высокая норма эксплуатации рабочих банту не является средством повышения заработной платы рабочих-европейцев, она является средством обогащения компаний, держателей акций. Среди рабочих-европейцев имеется, как и во всякой капиталистической стране, прослойка аристократов труда, но в общей массе рабочего класса она незначительна.

¹² The non-european and the vote. A communist party pamphlet. Woodstock (последнее военное издание).

«Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир», — учит И. В. Сталин. Но и в рамках капитализма, говорит И. В. Сталин, можно смягчить национальную борьбу, свести ее до минимума. «Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития»¹³.

В применении к Южно-Африканскому Союзу это означает ликвидацию фашистского порядка и восстановление демократии, ликвидацию расовой дискриминации неевропейского населения и предоставление ему тех же политических прав, какими обладают европейцы, проведение аграрной реформы с целью возвращения коренному населению части отобранной у него земли.

Эта программа была указана коммунистической партией Южной Африки, запрещенной правительством Малама. В борьбе за эту программу объединяются сейчас все демократические силы Южно-Африканского Союза независимо от расовой или национальной принадлежности: банту, африкандеры и англичане, индийцы и мулаты.

¹³ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 312.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ КАК ЭТНОГРАФ-КАВКАЗОВЕД

К 100-летию со дня его рождения (1851—1951)

I

Максим Максимович Ковалевский родился 27 августа (9 сентября) 1851 г. в семье харьковского помещика. По окончании в 1872 г. Харьковского университета по юридическому факультету Ковалевский был, по терминологии того времени, «оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию» по кафедре государственного права. Темы своих ранних научных работ Ковалевский взял из области истории рабочего вопроса в Англии и налогового права во Франции, в связи с чем уехал за границу для занятий в архивах. Не ограничившись работой в Англии и Франции, Ковалевский объехал в те годы разные страны, пополняя свое образование.

Вернувшись в Россию и защитив диссертацию, Ковалевский в 1877 г. стал преподавать в Московском университете, сначала в качестве доцента, а с 1880 г. — профессора. Читал Ковалевский общий курс истории государственного права и ряд специальных курсов, в частности «Сравнительная история семьи и собственности» и «История древнего уголовного права». Лекции Ковалевского по государственному праву пользовались большой популярностью и посещались студентами не только юридического, но и других факультетов. В этих лекциях Ковалевский постоянно проводил сравнения, — в весьма радикальном духе, — русской самодержавной действительности с конституционными порядками Западной Европы. Это не преминуло обратить на себя внимание «начальства» в лице тогдашнего министра народного просвещения И. Д. Делянова и московского генерал-губернатора. В результате, после ряда попыток «укротить» радикального профессора, Ковалевский был в июне 1887 г. распоряжением министра уволен из университета¹. Увольнение вынудило Ковалевского перенести свою научную и преподавательскую, равно как и литературную деятельность преимущественно за границу. Вскоре после этого Ковалевский уехал из России и, не порывая все же связи с родиной, стал на много лет «полуэмигрантом» и после смерти Тургенева считался как бы главой русской либеральной эмиграции.

¹ Некоторые данные об увольнении Ковалевского см.: Очерки по истории Московского университета, «Ученые записки Московского государственного университета», Юбилейная серия, вып. 1, «История», М., 1940, стр. 84—85. Запись об увольнении Ковалевского в протоколе заседания Совета Московского университета от 30 октября 1887 г. — см. Книгу протоколов заседаний Совета МУ за 1887 г. (Архив МГУ).

Свободно владея несколькими иностранными языками, Ковалевский читал в разных университетах и научных учреждениях Западной Европы и Северной Америки эпизодические курсы и лекции, печатал свои работы на иностранных языках, сотрудничал в различных журналах, состоял членом множества научных обществ и т. д. Наряду с тем Ковалевский печатал свои работы и в России. В 1901 г. Ковалевский основал в Париже «Русскую высшую школу общественных наук», в которой преподавал ряд в то время находившихся за границей опальных русских ученых. Весной 1902 г., наездом из Лондона, читал в этой школе лекции В. И. Ленин.

В 1905 г. Ковалевский вернулся в Россию и стал принимать активное участие в политической жизни, в 1906 г. был избран в 1-ю Государственную думу, а в 1907 г. вошел в Государственный совет. Одновременно Ковалевский преподавал в университете и других высших учебных заведениях Петербурга, издавал газету, редактировал журнал «Вестник Европы» и пр. В своей политической ориентации Ковалевский в ту пору держался право-либеральных, реакционных взглядов. Реакционная политическая роль Ковалевского в Государственном совете неоднократно отмечалась Лениным. В 1914 г. Ковалевский был избран академиком. Ковалевский умер 23 марта (ст. ст.) 1916 г.

М. М. Ковалевский является крупным буржуазным ученым. Еще во время своего первого, в 1872—1877 гг., пребывания за границей Ковалевский лично познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Благодаря этому знакомству, как и всепокоряющей силе марксистского учения, Ковалевский испытал влияние марксизма, что сказалось в особенности в раннем периоде его научной деятельности. Будучи все же сыном своего класса, Ковалевский не сумел полностью освободиться от своей буржуазной ограниченности и остался в основе прогрессивным буржуазным ученым-позитивистом.

Юрист по образованию, Ковалевский имел весьма широкие научные интересы. Крупный вклад сделан им в область политической, социальной и экономической истории средневековья и нового времени Западной Европы и России. Много работ посвятил Ковалевский также различным вопросам государственного права, национальному, аграрному и рабочему вопросам и пр.

Весьма значителен вклад Ковалевского в первобытную историю. Его первые работы в этой области были посвящены сельской общине. Тема эта в ту пору была очень актуальной, в особенности в России. Хотя пресловутая борьба родовых и общинной теорий уже иссякла, в России тогда еще шел спор в другой плоскости: о русской общине, ее происхождении и сущности, а главное — ее роли и судьбе, — спор, привлечший к себе, как известно, внимание Маркса в 1881 г. и несколько позже блестяще разрешенный Лениным. К теме о сельской общине относятся ранние работы Ковалевского: «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт» (1876) и «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879), а также частично его курс, прочитанный им в 1889 г. в Стокгольме на французском языке и изданный там же в 1890 г., на тему о происхождении семьи и собственности.

Во время своего первого пребывания за границей Ковалевский познакомился с пользовавшимися тогда большим влиянием в Англии работами английского историка права Г. С. Мэна, что вызвало в Ковалевском интерес к ранней истории права. От Мэна же заимствовал Ковалевский так называемый историко-сравнительный метод, впоследствии широко развив его применение. В 1877 г. Ковалевский побывал в США, где ознакомился с только что вышедшим тогда трудом Л. Г. Моргана «Древнее общество». Учение Моргана о развитии первобытного общественного строя оказало на Ковалевского сильное влияние, и, начав с

того же года свою преподавательскую деятельность в Москве, Ковалевский стал излагать это учение с университетской кафедры, явившись таким образом первым распространителем взглядов Моргана в России. В те же годы прочитал Ковалевский знаменитый труд И. Я. Бахофена «Материнское право», став если не приверженцем этого ученого, то все же убежденным сторонником учения о матриархате. Наконец, в 1884 г. Ковалевский познакомился с гениальным трудом Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», который в свою очередь оказал на Ковалевского сильнейшее влияние.

В результате всех этих разнообразных влияний, воспринятых, надо сказать, весьма эклектически, Ковалевский обратился к широким темам первобытной истории, которая отныне заняла в кругу его интересов значительное место.

Первым результатом работы Ковалевского в данной области явился вышеупомянутый, читанный им в Московском университете специальный курс по сравнительной истории семьи и собственности². Этот курс, по видимому, вошел в изданную Ковалевским в 1886 г. книгу «Первобытное право», первая часть которой посвящена роду, а вторая — семье, а затем в названный выше стокгольмский курс. Вопросам истории семьи, семейной и соседской общины в России посвящена первая часть курса, прочитанного Ковалевским в 1889—1890 академическом году на английском языке в Оксфорде. Наконец, проблеме рода посвящена работа Ковалевского «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (1905), впрочем представляющая собой в значительной мере расширенную переработку первой части его «Первобытного права».

Уже на склоне лет Ковалевский вновь обратился к первобытной истории, сделав две попытки дать обобщающую, скорей социологическую, трактовку этой темы. Таковы его сочинения: «Генетическая социология, или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности» (1910), и «Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии» (1914). Следует сказать, что оба эти сочинения во многих отношениях стоят значительно ниже его прежних работ.

Несмотря на серьезные методологические, теоретические и даже фактические ошибки, от которых далеко не свободен был Ковалевский в своих работах, нельзя не признать значительного вклада, сделанного им в науку³.

II

Исследовательская работа Ковалевского получила на некоторое время его жизни и деятельности специальный уклон, связанный с его интересами в области первобытной истории, — уклон в область полевой этнографии Кавказа.

Обращение Ковалевского к этнографии Кавказа, происшедшее в 1883 г., было не случайным. Время, к которому оно относится, было време-

² В своих воспоминаниях о пребывании в Московском университете Ковалевский пишет: «В 1877-м году я приступил к чтению курса по сравнительной истории права и посвятил его изучению с моими слушателями истории развития семьи и собственности» (М. М. Ковалевский, Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века, «Вестник Европы», 1910, 5, стр. 182).

³ Мы не останавливаемся в настоящей статье на изложении и оценке общих трудов и взглядов Ковалевского. В отношении первобытной истории это нами частично сделано в нашем предисловии и в примечаниях к новому русскому переводу работы Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», перевод с французского С. П. Моравского, под редакцией, с предисловием и примечаниями М. О. Косвена, М., 1939, а также в книге: М. О. Косвен, Матриархат, История проблемы, М.—Л., 1948, стр. 202—204, 233—235, 243, 257—258.

нем, последовавшим за выступлениями Бахофена, Моргана, Мэна, Мак Леннана, Лесбока и др. и ознаменовавшимся широкой дискуссией по ряду основных вопросов первобытной истории, в частности по вопросам семьи, рода, матриархата. Заинтересовавшись этими вопросами, Ковалевский не мог не почувствовать и не понять, что кабинетным путем он серьезного вклада в данную область знания не сделает и что необходимо для освещения всех этих вопросов обратиться к непосредственно собранному новому материалу. В своем «Очерке происхождения и развития семьи и собственности» Ковалевский писал: «Достаточно уже доказанная... теория древности матриархальной семьи стала еще очевиднее, если бы можно было найти следы такой семьи у современных народов, древнее происхождение которых бесспорно. В этом отношении подходящими являются, повидимому, некоторые туземные племена Кавказа... На этом основании я решил предпринять тщательное изучение этих до сих пор еще малоизвестных племен»⁴.

Сыграли здесь известную роль и личные обстоятельства, а именно сближение Ковалевского с профессором Московского университета, филологом, Всеволодом Федоровичем Миллером. Миллер состоял тогда председателем Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а Ковалевский был избран 9 апреля 1883 г. секретарем этого Отделения (25 января 1885 г. Ковалевский стал товарищем председателя Отделения). Миллер занимался в те годы изучением осетинского языка и фольклора, совершил уже к тому времени три поездки на Кавказ, напечатал несколько статей по этим вопросам и издавал (начиная с 1881 г.) свои «Осетинские этюды». Повидимому, таким образом, и личному влиянию Миллера надо приписать интерес Ковалевского к кавказской этнографии, в частности первую его поездку на Кавказ. По крайней мере впоследствии Ковалевский писал: «В. Ф. Миллеру я обязан не только многими указаниями, позволившими мне расширить круг моих чтений по вопросам первобытной культуры и первобытного права, но и первым моим знакомством с бытом кавказских горцев. В его обществе предприняты были мной поездки к осетинам, кабардинцам и горским татарам»⁵.

Ковалевский совершил три поездки на Кавказ: в 1883, 1885 и 1887 гг.⁶

Свою первую поездку на Кавказ Ковалевский совершил летом 1883 г. совместно с В. Ф. Миллером. Основной целью этой поездки было посещение Северной Осетии. Помимо посещений осетинских селений, в частности Христиановского и Алагирь, и собирания там полевого материала, Ковалевский поработал во Владикавказе, в архиве Терского областного управления, знакомился также с делами сельских судов. Во Владикавказе же Ковалевский пользовался консультацией осетинских этнографов — С. В. Кокиева и Д. Т. Шанаева. В июне Ковалевский и Миллер совершили поездку в Кабарду. Проехав из Владикавказа в Нальчик и проведя здесь два дня, причем Ковалевский успел и здесь поработать в архиве Нальчикского народного суда, оба ученых совершили затем длившуюся около 10 дней поездку к балкарцам⁷.

Собранный во время этой поездки материал послужил Ковалевскому основанием или был им использован в ряде прочитанных им затем

⁴ М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 32.

⁵ М. М. Ковалевский, Московский университет, стр. 182.

⁶ О самых этих поездках мы имеем довольно скудные сведения, притом в основном сообщаемые самим Ковалевским в разных местах его труда, в частности в предисловии к II тому «Закона и обычая на Кавказе».

⁷ Об этой поездке см. также Вс. Миллер, Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г., «Известия КОРГО», VIII, 1, 1883.

докладов. 31 апреля 1884 г. Ковалевский сделал в заседании Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете доклад «О древнейших видах судебных доказательств», в котором использовал частично осетинские данные. В августе 1884 г. Ковалевский принял участие в происходившем в Одессе VI Археологическом съезде. Здесь, в организованной тогда впервые секции съезда — «Отделении юридических и общественных памятников», Ковалевский прочитал доклад «О судах божьих», в котором частично использовал кавказский материал, и доклад «О присяге как одном из доказательств древнего процесса у осетин»⁸. Затем, в 1885 г., Ковалевский прочитал еще два доклада в Этнографическом отделении ОЛЕАиЭ: «О некоторых архаических чертах семейного права осетин» и «Об обычном праве горских татар и его отношении к осетинскому»⁹.

Собранный во время этой же поездки материал лег в основание и ряда литературных работ Ковалевского. Таковы статьи: «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа» («Русская мысль», 1883, 12), «В горских обществах Кабарды» («Вестник Европы», 1884, 4) и «Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин» («Юридический вестник», 1885, 6/7). Наконец, материал, собранный во время этой же первой поездки на Кавказ, усиленный широким привлечением архивных и литературных источников, лег в основу двухтомного труда Ковалевского: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», 2 тт., М., 1886»¹⁰.

Вторую поездку на Кавказ Ковалевский совершил летом 1885 г. совместно со своими друзьями, экономистом, профессором Московской сельскохозяйственной академии, И. И. Иванюковым и известным музыкантом С. И. Танеевым. Местом поездки была на сей раз Сванетия. Собранный во время этой поездки материал послужил источником для доклада в Этнографическом отделении ОЛЕАиЭ — «Об обычном праве сванетов»¹¹ и двух статей: «У подошвы Эльбруса» («Вестник Европы», 1886, 1—2) и «В Сванетии» (там же, 1886, 8—9), написанной совместно с И. И. Иванюковым.

Третья, наиболее продолжительная поездка Ковалевского, состоявшаяся в 1887 г., охватила обширный район Центрального и Восточного Кавказа. Летом этого года Ковалевский более месяца пробыл в Хевсуретии, Пшавии и Тушетии. Поездку эту он совершил в обществе управляющего государственными имуществами Тифлисской губернии И. С. Хатисова, который служил Ковалевскому переводчиком. Сверх того, в этой своей поездке Ковалевский пользовался содействием начальника Тионетского уезда Л. Г. Джандиери. Отметим еще, что в Пшавии Ковалевский производил также раскопки погребений. После посещения Горной Грузии Ковалевский, повидимому, побывал в Тифли-

⁸ Резюме этих двух докладов: «Рефераты заседаний VI Археологического съезда в Одессе» (из газеты «Новороссийский телеграф»), № 2 и 3, Одесса, 1884. Ковалевский прочитал на том же съезде и третий доклад (21 августа) «О положении рабов из православных, в том числе и русских, на Средиземном побережье»; резюме — там же, № 5.

⁹ Резюме этих двух, как и вышеназванного доклада от 31 апреля 1884 г., см.: Протоколы заседаний Отделения этнографии ОЛЕАиЭ, 49—65 заседания, «Известия ОЛЕАиЭ», т. 43, вып. 2.

¹⁰ Французский перевод: Coutume contemporaine et loi ancienne. Droit coutumier ossétien, éclairé par l'histoire comparée, Paris, 1893; английский реферат: The customs of the Ossets and the light they throw on the evolution of law, compiled from professor Maxim Kovalefsky's russian work on «Contemporary custom and ancient law» and translated with notes by E. Delmar Morgan, «Journal of the Asiatic Society», 20, 1883.

¹¹ Резюме — в вышеназванном издании «Протоколов» Общества.

се, где, между прочим, получил некоторые рукописные материалы от известного кавказоведа Е. Г. Вейденбаума. Затем, уже осенью того же года, Ковалевский проехал в Закаталы, где пользовался содействием и информацией начальника Закатальского округа полковника А. С. Узбашева. Проехав из Закатал к северо-западу в сел. Лагодех, Ковалевский поднялся отсюда на Главный хребет и совершил поездку по Дагестану¹². Трудно установить в точности маршрут путешествия Ковалевского по Дагестану, и указаниями в этом отношении служат лишь его собственные, скорей случайные, замечания. Поднявшись в Дагестан, Ковалевский побывал в Аварии, где посетил селения Бежита, Гидатль и Гуниб, затем посетил Даргинский, Казикумухский и Кайтаго-Табасаранский округа, быв в частности в селении Казикумух и, видимо, в знаменитом даргинском селении Кубачи. Видимо, побывал Ковалевский и в Дербенте. После посещения Дагестана Ковалевский посетил селение Сураханы, близ Баку, где изучал тамошних татов.

Помимо собирания полевого материала, Ковалевский в эту поездку изучал судебные дела сельских и окружных судов Горной Грузии и Дагестана и работал в архивах Тионет, Закатал и Гуниба, а также в архиве Главного управления по делам горцев в Тифлисе.

Результатом третьей поездки Ковалевского явились три статьи: «Пшавы, этнографический очерк» («Юридический вестник», 1888, 2), «Родовое устройство Дагестана» (там же, 1888, 12)¹³ и «Дагестанская Народная Правда» («Этнографическое обозрение», 1890, 1)¹⁴. К результатам этой же поездки принадлежит доклад о татах, сделанный в Этнографическом отделении ОЛЕАиЭ и напечатанный под заглавием: «Заметки о юридическом быте татов», «Известия ОЛЕАиЭ», т. 48, в. 2, «Труды Этнографического отделения», кн. 8, 1888, Приложения к протоколам заседаний Этнографического отделения.

К результатам работы Ковалевского на Кавказе, выразившимся в виде докладов и статей, следует прибавить сообщение «О распространении христианства и христианских храмов на Кавказе», сделанное в Археологическом обществе в Москве и напечатанное, согласно указанию Ковалевского, в одном из томов «Протоколов» этого Общества, а также доклад о культе предков у кавказских народов, сделанный в Стокгольме в 1888 или 1889 г., напечатанный, согласно указанию Ковалевского, на шведском языке в журнале шведского Антропологического общества, опубликованный также по-русски: «Поклонение предкам у кавказских народов» («Вестник всемирной истории», 1902, 3; перепечатано в газете «Кавказ», 1902, 107, 109).

Завершением полевой и обобщающей работы Ковалевского по этнографии Кавказа является, вместе с вышеуказанным трудом, посвященным осетинам, сочинение: «Закон и обычай на Кавказе», 2 тт., М., 1890¹⁵. Первый том этой книги Ковалевский посвятил обобщающим обзорам пережитков матриархата и патриархальному роду у горцев Кавказа, а также разнообразным внешним культурным влияниям, кото-

¹² Личные сведения о лицах, содействием которых Ковалевский во время своих поездок пользовался, уточнены и дополнены, вслед за указаниями самого Ковалевского, по «Кавказскому календарю» на 1887 г.

¹³ Итальянский перевод этой статьи: *L'organizzazione del clan nel Dagestan*, «*Rivista italiana di sociologia*», 1898, 3.

¹⁴ Английский перевод этой статьи: *The lex barbarorum of the Daghestan*, «*Journal of the Anthropological Institute*», 1905, 25.

¹⁵ Французский перевод главы «Матриархат» (т. I) этого сочинения: *La famille matriarcale au Caucase*, «*Anthropologie*», 1894; английский перевод гл. I, отд. II, т. I этого сочинения — «Иранские влияния» — представляет собой, вероятно, публикация: *Iranian culture in the Caucasus*, «*English Archeological Review*», 1888, 4, на которую ссылается сам Ковалевский («Закон и обычай на Кавказе», II, стр. 202. прим. 4); мы этого журнала не нашли.

рые он находил в обычном праве горцев. Во втором томе того же сочинения Ковалевский соединил все свои работы, относящиеся к группе горных грузин (сванам, пшавам, хевсурам и тушинам), а также к Дагестану, включив сюда, преимущественно в переработанном виде, все ранее напечатанные соответствующие статьи¹⁶.

Когда Ковалевский вернулся осенью 1887 г. из своей третьей поездки по Кавказу в Москву, его ожидал приказ министра о его увольнении из университета. Это увольнение и последовавший затем его отъезд за границу обусловили прекращение этнографической работы Ковалевского на Кавказе. Тяга к Кавказу у Ковалевского, повидимому, все же сохранилась. Приятельница Ковалевского, знаменитый математик, профессор в Стокгольме, С. В. Ковалевская рассказывает в одном из своих писем, что приезжавший в Стокгольм в январе 1888 г. Ковалевский убеждал ее совершить летом того же года поездку на Кавказ¹⁷.

Вместе с прекращением поездок на Кавказ прекратилась и вообще полевая этнографическая работа Ковалевского. Однако собранный им в течение его трех поездок материал сыграл крупнейшую роль во всей его последующей работе в области первобытной истории.

III

Обращаемся к обзору и оценке результатов этнографической работы Ковалевского на Кавказе. Результаты эти выражаются прежде всего в том вкладе, который Ковалевский сделал в конкретное описание ряда кавказских народностей.

Начнем с осетин, с которых начал свою кавказоведческую работу сам Ковалевский. В общем осетины ко времени Ковалевского оставались малоизученными, все же по ним существовала уже некоторая литература, в числе коей должны быть особо названы: сводка Н. Ф. Дубровина в его «Очерке Кавказа и народов, его населяющих» (1871), публикация осетинских адатов в сборнике Ф. И. Леонтовича, вышедшие к тому времени две части «Осетинских этюдов» В. Ф. Миллера, статьи Джантемира Шанаева и вышедшая уже после посещения Ковалевским Осетии, но до выхода его осетинского труда работа Саввы Кокиева. Наибольшее, однако, значение имели напечатанные еще в начале 70-х годов и посвященные истории и обычному праву осетин три работы В. Б. Пфафа. Далеко не свободные от наивностей и ошибок, работы эти все же представляются для своего времени весьма значительными, и следует признать, что в области осетиноведения Ковалевский имеет в лице Пфафа серьезного предшественника.

Результатом работы Ковалевского по осетинам явился самый крупный его кавказоведческий монографический труд — двухтомный «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», изданный в 1886 г., т. е. через три года после его поездки в Осетию. Обширность этого труда определяется, правда, в большой мере не собственно осетинским, а тем историко-сравнительным материалом, который в очень широком масштабе был сюда привлечен Ковалевским.

Данный труд Ковалевского, как это выражено и его названием, посвящен обычному праву осетин. Но Ковалевский брал понятие обычного права в том весьма широком и распространительном смысле, в каком это понятие почти всегда употреблялось в русской литературе XIX в.

¹⁶ Остались неперезданными следующие посвященные Кавказу вышеупомянутые публикации Ковалевского: а) «Заметка о юридическом быте татов» (1888), б) «О распространении христианства и христианских храмов на Кавказе» (около 1889) и в) «Поклонение предкам у кавказских народов» (1902).

¹⁷ См. С. В. Ковалевская, Воспоминания детства и автобиографические очерки, под редакцией С. Я. Штрайха, М., 1945, стр. 153—154.

В это понятие входили все общественные формы и отношения первобытно-общинного строя, получившие отражение в передававшемся из поколения в поколение и ко времени распада этого строя прочно сложившемся обычае, приобретшем нормативный характер, ставшем неписаным, обычным, правом, пережиточно сохранявшимся и действовавшим затем и в классовом строе. В таком понимании обычное право обнимало широкие вопросы истории первобытного общества, в том числе вопросы истории брака, семьи, собственности и пр. В таком именно аспекте изучал Ковалевский обычное право осетин, соответствующим образом весьма разносторонне представив это право в своем труде.

Посвященный осетинам труд Ковалевского дает прежде всего обширный исторический очерк, разбирающий вопросы этногенеза осетин, их исторических взаимоотношений с Грузией и Кабардой, происхождения их феодализма и, наконец, историю присоединения Осетии к России. В разделах, посвященных общественному строю и имущественным отношениям, Ковалевский особо сосредоточивается на исследовании обнаруженной им, еще сохранявшейся у осетин, семейной общины во всех многообразных, в том числе религиозно-культовом, ее выражениях, так что семейная община занимает и тематически, и по объему очень большое место в данном труде Ковалевского. Прочие разделы посвящены обязательственному, или договорному, праву, семейному праву, уголовному праву и, наконец, судостроительству и судопроизводству. Как сказано, осетинский материал освещается и интерпретируется вместе с широко привлекаемым историко-сравнительным материалом.

Идя в том порядке, в каком Ковалевский изучал народности Кавказа, отметим его очерк по балкарцам, официально тогда именовавшимся «горскими обществами Кабарды». Имевшиеся до Ковалевского сведения об этой этнографической группе были отрывочны и случайны. Существовала запись их обычного права, опубликованная в сборнике Леонтовича, которая была использована Ковалевским. Явившаяся результатом его весьма кратковременной поездки статья содержит, помимо описания самого путешествия и различных путевых заметок, сведения о взаимоотношениях балкарцев с осетинами, начальными поселенцами данной территории, о сохранившихся следах осетинских влияний, записи местных легенд и преданий и небольшую, но содержательную характеристику бывшего общественного строя балкарцев, квалифицируемого Ковалевским как феодальный, с параллелями по западноевропейскому феодализму. Кратко отметил здесь Ковалевский существование больших семей и уже происходящий их распад.

Ряд работ посвящал Ковалевский горным грузинским народностям. Группа эта оставалась в те времена крайне слабо изученной. В отношении, в частности, сванов существовали описания путешествий по Сванетии И. А. Бартоломея (1855), Д. З. Бакрадзе (1861), Д. В. Добровольского (1868) и А. И. Стоянова (1876). Эти и некоторые другие относящиеся к сванам публикации давали по общественному строю весьма немного. Используя все же материалы названных авторов (за исключением Добровольского), Ковалевский на основе преимущественно лично собранного изрядного материала дал разностороннее описание обычного права сванов, уголовного и гражданского, в частности семейного, а равно их судостроительства и судопроизводства. Столь же ограничена была литература по пшавам, о которых то поездки к ним Ковалевского писал в основном только Р. Д. Эристов (1855), и уже после поездки Ковалевского, в 1886 г., были напечатаны материалы М. В. Мачабели и Д. Сослани. Все эти публикации были использованы Ковалевским. Работа Ковалевского о пшавых имеет разностороннее содержание; в ней описаны не только общественные формы и отношения, а равно обычное право, но на сей раз и религия пшавов, притом довольно пространно. В третьей работе, касающейся горных грузин, Ко-

валевский соединил описания хевсур и тушин, и надо сказать, что такое соединение ввиду значительного различия в культуре этих народностей, в особенности своеобразия хевсурской культуры, является исследовательской ошибкой.

После осетинской наиболее обширной конкретно-этнографической работой Ковалевского является его описание горных народностей Дагестана. Оно занимает почти две трети II тома «Закона и обычая на Кавказе».

Как можно было видеть из вышеприведенного маршрута Ковалевского в Дагестане, он посетил все основные народности Дагестана. Как и при описании других народностей Кавказа, Ковалевский использовал для Дагестана существовавшую литературу. Эта литература, однако, была к тому времени довольно обширной, к тому же весьма разбросанной, так что исчерпывающим образом учесть ее было трудно. Во всяком случае и здесь Ковалевский использовал наиболее основное, а именно, работы А. В. Комарова и Н. Львова, которыми он воспользовался особенно интенсивно, А. Омарова и П. Г. Пржецлавского (которого он повторно называет Пржевальским). Весьма широким образом использовал Ковалевский напечатанные к тому времени записки дагестанских адатов. Обширный и ценный материал получил Ковалевский в найденных им в дагестанских архивах рукописных сборниках адата, а также в полученных им от Е. Г. Вейденбаума двух записках о тохумах. Почти все эти документы остаются по сей час не только неопубликованными, но и неизвестными. Особо заслуживает быть отмеченным использование Ковалевским рукописи даргинского этнографа Башира Далгата, представляющей собой ответы на первые 11 отделов «Программы для собирания сведений об юридических обычаях», составленной М. Н. Харузиным и изданной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1887 г., содержащие сведения об обычном праве даргинцев. Работа эта остается неопубликованной. Если ко всему этому прибавить материалы судебных дел, с которыми Ковалевский знакомился и в Дагестане, то надо констатировать, что он использовал для своей дагестанской работы, вообще говоря, обширный и разнообразный материал.

Предметом исследования, проведенного Ковалевским в Дагестане, явилось в свою очередь обычное право в вышеуказанном широком смысле. Начав с вопроса о соотношении в правовой практике адата и шариата, Ковалевский систематично, последовательно и очень обстоятельно излагает то, что можно назвать родовым правом, т. е. право, регулирующее родовые формы и отношения, далее — семейное, наследственное и уголовное право. Особенно большое место нашли себе в данной работе Ковалевского вопросы родового строя, в частности характеристика дагестанского тохума. На вопросе о том, правильна ли эта характеристика у Ковалевского, мы остановимся ниже. Некоторое внимание уделил в этой работе Ковалевский соседской общине, взяв, однако, эту тему весьма узко, почти ограничившись описанием управления соседской общиной. Совершенно не уделил внимания Ковалевский дагестанскому феодализму. В отличие от других его кавказоведческих работ, в особенности осетинской, в данной работе совершенно отсутствуют историко-сравнительные параллели, и лишь иногда приводит Ковалевский данные по другим народностям Северного Кавказа, как непосредственно им изучавшимся, так и знакомым по литературе.

Специальный экскурс, посвященный Ковалевским азербайджанским татам — мусульманам, касается преимущественно обычного уголовного права. Если по другим изучавшимся Ковалевским народностям литература была невелика, то в отношении татов литературные сведения были совершенно ничтожны, и публикация Ковалевского явилась первой специальной работой по этой народности.

Оценивая в целом работы Ковалевского по конкретной этнографии Кавказа, мы можем с полным основанием констатировать, что в результате трех экспедиций и изучения существовавшей литературы Ковалевский дал солидное число довольно основательных работ по отдельным народам. Хотя предметом всех этих работ является почти исключительно обычное право, однако тема эта взята Ковалевским в таком широком смысле, что действительным предметом его описаний и исследований может считаться общественный строй, притом представленный, в свою очередь, довольно широко и разносторонне.

Крупнейшими пороками перечисленных работ Ковалевского являются, во-первых, то, что его изображения общественного строя описываемых им народностей совершенно оторваны от материального основания — техники и хозяйства данных народностей, во-вторых, то, что эти изображения даются преимущественно статически. К этим вопросам, как и вообще к вопросу о методе у Ковалевского, мы еще вернемся. Указанные пороки делают научное значение описаний Ковалевского ограниченным. И все же, при всем том, Ковалевский дает обширный и ценный конкретный описательный материал.

На высоком уровне, в особенности для своего времени, стоит этнографическая методика и техника Ковалевского. Прежде всего, при крайней краткости его экспедиций, Ковалевскому удавалось собрать иногда удивительно большой полевой материал: образцами в этом отношении являются в особенности его работы, посвященные сванам и пшавам. Для всей предшествующей Ковалевскому, а частично и для последующей, дореволюционной этнографии Кавказа, впрочем для русской дореволюционной этнографии вообще, характерна, в числе прочих, одна черта, надо сказать сугубо отрицательная. Черта эта состоит в том, что авторы, писавшие по этнографии данной народности, почти никогда не учитывали и не использовали уже существующей соответствующей литературы. Ковалевский первый, — во всяком случае в кавказоведческой этнографии, — кто весьма основательно прибег к использованию литературных данных. В свою очередь первым в кавказоведческой этнографии, притом опять-таки весьма широко и плодотворно, использовал Ковалевский архивный и рукописный материал, уделив внимание, в частности, изучению судебных дел. Наконец, сделал попытку Ковалевский присоединить к своей полевой этнографической работе и археологические раскопки. Все это вместе взятое не только для своего времени, но и вообще представляет собой исключительную в этнографической практике редкость.

Собрав таким образом обширный конкретный материал, давая в основном систематизированное изложение этого материала, прибегая к параллелям и сравнениям, Ковалевский все же не ограничивается одним описанием. В длинном ряде случаев, останавливаясь на отдельных явлениях, Ковалевский дает и их истолкование, рассеивая таким образом различие положения и идеи по различным вопросам. Среди этих толкований отдельных этнографических фактов или явлений у Ковалевского немало ошибочных и даже грубо ошибочных, в которых он отразил распространенные в его время, равно как и собственные, заблуждения по некоторым общим и частным вопросам первобытной истории. Наряду с тем, немало можно найти у Ковалевского правильных и ценных толкований, притом подчас резко расходящихся с распространенными в ту эпоху в буржуазной этнографии положениями.

Замечательную черту Ковалевского как этнографа, радикально отличающую его от многих русских этнографов дореволюционного времени, составляет то, что он далеко не был только собирателем и «архивариусом фактов», а, как это можно было видеть из нашего предшествующего изложения, необыкновенно быстро и, так сказать, интенсивно претворял собранный им материал в своих докладах, лекциях и

журнальных статьях, быстро вводя таким образом кавказский этнографический материал в широкое обращение. Вслед за докладами и статьями появлялись его кавказоведческие книги, которые заняли крупное и влиятельное место в литературе по этнографии Кавказа, сделавшись и источниками, и пособиями при написании многих разнообразных работ. Отметим, что такую же роль сыграли кавказоведческие статьи и книги Ковалевского на иностранных языках в смысле распространения данных из этнографии Кавказа в зарубежной науке, и ссылки на кавказский материал по Ковалевскому не редки в соответствующих иностранных работах.

Собранный Ковалевским на Кавказе полевой этнографический материал, с присоединением литературного и архивного, как и анализ этого материала и сделанные на этом основании обобщения и выводы,— все это вместе взятое сыграло крупнейшую роль в развитии общих взглядов Ковалевского на первобытную историю. Ковалевский представляет собой сравнительно редкий тип ученого-этнографа (будучи в этом отношении близок Л. Г. Моргану), сочетавшего полевую этнографическую работу с теоретической в области этнографии и первобытной истории. Если, таким образом, кавказский этнографический материал влиял на развитие общетеоретических взглядов Ковалевского, то, с другой стороны, уже сложившиеся у него взгляды им проверялись и нередко получали подтверждение на кавказском материале. Правда, далеко не всегда правильно, а иногда прямо ошибочно, Ковалевским в таких случаях этот материал воспринимался и истолковывался. При этом он, иногда опять-таки неправильно и скорей произвольно, переносил на кавказскую этнографическую действительность свои ошибочные, предвзятые представления и идеи.

Ошибки Ковалевского, о которых мы говорим, сказались как в частных, так и в общих, широких вопросах первобытной истории. Мы отметим эти ошибки, обращаясь теперь к обзору основных тем первобытной истории, которые получили то или иное освещение или истолкование на кавказском материале, в кавказоведческих этнографических работах Ковалевского.

IV

Как уже говорилось, основной предмет кавказоведческих работ Ковалевского составляет обычное право, взятое, однако, в таком широком смысле, что это скорей общественный строй, а в этих рамках — родовой строй вместе с его распадом. Таким образом, основные общие темы Ковалевского, отраженные в его кавказоведческих работах, относятся к различным вопросам родовых отношений. Что касается обычного права в узком смысле, то надо отметить, в свою очередь, исключительно широкий охват исследования Ковалевского, распространившего это исследование на все области права как уголовного, так и гражданского, а в пределах последнего — семейного, обязательственного и наследственного, с другой стороны — как материального, так и процессуального. При этом, хотя Ковалевский и уделяет здесь много места описанию, явления кавказского обычного права служат ему часто средством для изложения происхождения и истории различных правовых институтов и решения многих неразработанных или спорных вопросов истории права. Останавливался Ковалевский и на важном для правовой истории Кавказа вопросе о соотношении адата и шариата, однако недостаточно для освещения этой весьма сложной темы. И все же эти специальные исследования Ковалевского остаются, мы бы сказали, скорее только юридическими, в известной мере оторванными от их истолкования в связи с родовым строем и бытом, родовыми формами и отношениями.

Отметим грубейшую ошибку Ковалевского, готового порой вывести право из религии.

В ту пору, когда Ковалевский вел этнографическую работу на Кавказе, родовой строй у горских народов Кавказа находился в состоянии глубокого распада, причем ведущими у всех этих народов были уже классовые отношения. О родовых формах и отношениях в «чистом» виде на Кавказе в первой половине 80-х годов XIX в., конечно, не могло быть и речи. Однако у всех горских народов Кавказа, да и не только горских, сохранились еще, у одних в большей, у других в меньшей мере, пережитки родового строя.

Констатация рода у кавказских горцев и ранняя, начинающаяся еще с 1843 г., разработка вопросов о родовом строе на Кавказе составляют одну из выдающихся заслуг русской науки¹⁸. В описании бывшего родового строя, в частности у осетин, Ковалевский имел и непосредственного, каким бы он ни был, предшественника в лице В. Б. Пфафа. Эпизодически отмечалось до Ковалевского наличие тохума и тохумных отношений в Дагестане. Хотя, таким образом, Ковалевскому в трактовке рода предшествует целая глава истории кавказской этнографии, совершенно очевидно, что он впервые дал этой теме широкое место, в частности для Дагестана, а в отношении горных грузин впервые вообще констатировал и описал родовые отношения. Доказательство широкого распространения рода в прошлом кавказских народов имело в ту эпоху крупнейшее научно-теоретическое значение если не с точки зрения русской, то безусловно с точки зрения зарубежной науки. Следует учесть, что в ту пору родовая теория далеко не пользовалась в буржуазной науке признанием, и если существование рода признавалось, то скорее только для «арийских» народов. Поэтому не случайно, что Энгельс, говоря о наличии рода у различных народов, отметил: «Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен»¹⁹, поставив это, таким образом, в заслугу Ковалевскому.

Констатация и изучение родовых форм и отношений на Кавказе имели и вполне актуальное значение для уразумения современных, существующих общественных отношений горских народов Кавказа. В частности, сложные отношения полупатриархального, полуфеодального строя, державшиеся в ту пору у некоторых горских народов Кавказа, могли быть поняты только при условии учета и изучения этих пережиточных патриархально-родовых элементов. Наконец, исследование родовых форм и отношений на Кавказе не лишено было и практического значения. Родовые пережитки еще настолько прочно держались и настолько во многих случаях влиятельную роль играли, что и самая констатация этих пережитков, и их изучение было вполне актуально.

Если, таким образом, констатация рода и описание различных его проявлений у народов Кавказа составляют несомненную заслугу Ковалевского, то в трактовке этой темы он сделал все же ряд серьезнейших ошибок.

Если судить по описаниям Ковалевского, то можно иногда принять родовой строй как якобы существующий на Кавказе в его время. Хотя Ковалевский нередко говорит о родовых отношениях у народов Кавказа, употребляя прошедшее время, он все же совершенно не отмечает как распадного состояния этих отношений, так и их классового превращения, которому везде и всегда, во всех наблюдаемых случаях их проявления, они подвергались. Пережиточность родовых форм и от-

¹⁸ См. М. О. Косвен, Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии, «Советская этнография», 1951, 1.

¹⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 149.

ношений, их классовую окрашенность Ковалевский либо вообще не замечал, либо не считал необходимым хотя бы фиксировать и тем совершил грубую исследовательскую ошибку. Вообще, хотя Ковалевский и выделил специальные экскурсы, в которых попытался обобщить конкретный кавказский материал, характеризующий два основных этапа истории родового строя — матриархат и патриархат, в описаниях и характеристиках отдельных родовых форм и институтов он далеко не достаточно историчен. Наконец, тема распада родового строя и превращения его в классовый, в частности феодальный, строй совершенно не привлекла к себе внимания Ковалевского.

Из частных ошибок Ковалевского в вопросах рода отметим его неправильное в некоторых отношениях представление о дагестанском тохуме. Ковалевский принимал тохум за род в широком смысле, тогда как тохум представлял собой, — по крайней мере в том виде, в каком он наблюдался и описывался в Дагестане начиная с середины XIX в., — сравнительно небольшую родовую группу, которую мы называем патрионимией, притом находившуюся в свою очередь в пережиточном состоянии. Еще одну ошибку Ковалевского, которая обнаруживается и в его общих работах, и в его работе по Дагестану, составляет домысел об искусственном происхождении рода.

Как было упомянуто, вопрос о матриархате был одним из стимулов поездки Ковалевского на Кавказ и обращения к его этнографии. Но кавказская этнографическая действительность скорее разочаровала Ковалевского в этом отношении. «Живого» матриархата он на Кавказе, конечно, не нашел и должен был ограничиться отысканием лишь его пережитков. В этом отношении Ковалевский имел предшественника в лице В. В. Сокольского, который незадолго до того в специальной статье выделил на основании литературных источников ряд реликтов матриархата у народов Кавказа²⁰. Все же, к тому, что было констатировано Сокольским, Ковалевский добавил ряд других моментов, давая им иногда удачную интерпретацию. С другой стороны, он относил к пережиткам матриархата такие явления, которые только при неправильном понимании матриархата могут быть сюда отнесены. Вообще же Ковалевский нашел следы матриархата из числа посещенных им народов у осетин, пшавов, хевсур и тушин, но не нашел у сванов и в Дагестане. Ковалевский посвятил матриархату особую, первую главу «Закона и обычая», которую построил как на общих положениях, так и на своем или литературном материале. Хотя эта глава и содержит ряд ошибочных толкований, она для своего времени имела то немало-важное значение, что подтверждала историческую универсальность матриархата.

Особую главу в «Законе и обычае» посвятил Ковалевский и патриархату (глава под названием «Агнатический род»). И эта глава является в известной мере соединением и истолкованием собранного Ковалевским полевого, с присоединением литературного, материала, а равно некоторых — в ограниченной мере — параллелей. Как было сказано, Ковалевский не видел или не сумел выявить распад родового строя на Кавказе. Это отчетливо сказалось на данной главе. Ковалевский начал ее с заявления, что, тогда как матриархат сохраняется у народов Кавказа в лучшем случае только в пережитках, агнатический род носит у них еще все признаки вполне жизненного явления. Редко где можно наблюдать его разнообразнейшие проявления в такой полноте и подробности, в такой чистоте и расцвете (под-

²⁰ См. В. В. Сокольский, Архаические формы семейной организации у кавказских горцев, «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, 11; более подробно об этой статье см. наш «Матриархат», стр. 200.

черкнуто нами.— М. К.), как в кавказских теснинах». Более наивную и грубую ошибку трудно было сделать.

Отметив, что он не задается целью описать все стороны родового строя на Кавказе, для чего, — справедливо говорит он, — понадобился бы особый и весьма обширный трактат, Ковалевский указывает, что избирает лишь некоторые наименее разработанные вопросы этой темы. К числу таких вопросов Ковалевский отнес в те времена в литературе почти совершенно не освещенный вопрос о связи явлений родового быта с религией, в частности с домашним культом. Посвятив этому вопросу половину данной главы, Ковалевский дал ряд весьма интересных и содержательных описаний и толкований отдельных явлений, иногда, однако, довольно сильно преувеличивая религиозную сторону этих явлений, иногда некоторые явления сводя к прямому влиянию религии, наконец, порой впадая прямо в наивный и курьезный домысел. Так, тот факт, что усадьба находится в постоянном подворном владении и не подлежит переделам, Ковалевский объяснил из поверья, что «усадьба есть обиталище нечистых духов», почему «никто не согласился бы получить в силу передела оставленную семьей усадьбу из опасения тех бедствий, какие могут наслать на него самого и его родственников обитающие на ней „домовые“»²¹. Комментарии к такой анекдотической теории, как говорится, излишни.

Остальная часть разбираемой главы посвящена тоже весьма мало-разработанному тогда вопросу о земельных отношениях, свойственных родовому строю, а равно организации управления и суда в горских обществах Кавказа. Характеризуя земельные отношения, сохраняющиеся у кавказских горцев, Ковалевский удачно опровергает выставленный в буржуазной литературе представителями так называемой «трудовой теории» тезис о существовании частной собственности на землю при родовом строе. Согласно Ковалевскому, этот строй, основанный на коллективной поземельной собственности, знает ее в четырех видах: владельцем земли является племя в целом, союз родов или «братство», род и, наконец, двор или семейная община, причем последняя форма — дворовой или семейно-общинной собственности — является, по Ковалевскому, господствующей (надлежало все же оговорить: в эпоху распада родового строя). В той же связи Ковалевский выставил весьма спорный тезис об отсутствии на Северном Кавказе до присоединения его к России земельных переделов — вопрос, остающийся до сих пор недоисследованным.

Из частных вопросов родового быта Ковалевский многократно • казался брака у горцев Кавказа, однако, в связи со своим неправильным взглядом на матриархат, искал преимущественно доиндивидуальных форм и здесь ряд явлений истолковывал либо искусственно, либо, во всяком случае, весьма спорным образом. Надо отметить, что по этой теме Ковалевский тоже имел предшественника в лице своего ученика, впоследствии крупного этнографа-кавказоведа, С. А. Егiazарова, напечатавшего еще в 1878 г. статью «Брак у кавказских горцев» («Юридический вестник», 1878, 6—7).

Крупную заслугу Ковалевского составляют страницы, посвященные им семейной общине на Кавказе. Это можно назвать даже открытием семейной общины у народов Кавказа, поскольку до Ковалевского о ней говорилось лишь бегло и случайно. Значение этого открытия определяется тем, что в те времена еще держался широко распространенный взгляд, будто семейная община свойственна только некоторым, в частности славянским, народам. Отсюда та оценка, которую и эта заслуга Ковалевского получила со стороны Энгельса. Говоря о семейной

²¹ «Закон и обычай», I, стр. 43—44.

общине, Энгельс отметил: «На Кавказе Ковалевский сам мог доказать ее существование»²².

Наиболее основательным образом описал и охарактеризовал Ковалевский семейную общину у осетин; небольшой материал о ней привел он для пшавов, указав, что у хевсур и тушин, а равно в Дагестане она встречается редко, и бегло отметил ее наличие и одновременный распад у балкарцев. Хотя во время Ковалевского семейная община у изучавшихся им народностей Кавказа, как и вообще на Кавказе, находилась в состоянии глубокого распада и составляла явление исчезающее, все же Ковалевский для ее изучения сделал, если не считать осетинской семьи, меньше, чем это можно было. Отметим частную, но существенную ошибку, сделанную Ковалевским в оценке семьи тушин и хевсур. «Тушинская и хевсурская семья, — заявил Ковалевский, — представляет собой тип несравненно более древний, чем пшавская»²³. Утверждение совершенно неверное, как не верна и его сюда относящаяся аргументация. Наоборот, то обстоятельство, что у тушин и хевсур, как констатировал Ковалевский, редко встречаются большие семьи, тогда как у пшавов или осетин, которых Ковалевский в данном случае приводил в сравнение, большие семьи сохранились устойчиво, говорит, конечно, о том, что у тушин и хевсур семейная община находилась в состоянии глубокого распада (что имеет свое историческое и этнографическое объяснение). Совершенно неверны и ссылки Ковалевского на отдельные черты тушинской и хевсурской семьи, говорящие на деле именно о совершившемся распаде большой семьи и замене ее малой семьей.

Очень мало внимания, несмотря на то, что это была его старая исследовательская тема, уделил Ковалевский соседской общине на Кавказе. Возможно, он подчас и не замечал ее, не видя и распада рода. Констатировал он соседскую общину только в Дагестане, однако лишь весьма кратко и далеко не полно ее охарактеризовал. Еще раз вопрос о сельской общине на Кавказе коснулся Ковалевский позже и в другой связи: в рецензии на работу С. А. Егиазарова о сельской общине Закавказья. Критикуя Егиазарова, Ковалевский выставил тезис, что «в прошлом сельская община в Закавказье представляла два резко противоположных типа: армянский и грузинский; первый основан был на начале подвального, второй — общинного землевладения»²⁴. Хотя армянской и грузинской сельской общине свойственны несомненно существенные различия, столь резкое противопоставление этих двух общин как «противоположных типов» составляет несомненную ошибку.

Большой и исключительно важной темой, которой уделил особое внимание Ковалевский, является вопрос о горском феодализме. Темой этой Ковалевский, очевидно, особо заинтересовался при первом же его знакомстве с кавказским материалом во время первой его поездки на Кавказ. Этой теме он посвятил свою первую кавказоведческую работу — статью «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа», появившуюся в «Русской мысли» уже в конце того же года, когда Ковалевский летом был в первый раз на Кавказе (1883). Та же тема подверглась затем трактовке в статье «В горских обществах Кабарды» (1884), в книге, посвященной осетинам (1886), и, наконец, вошла в содержание одной из глав I тома «Закона и обычая» — главы «Влияние татар, монголов и кабардинцев», составленной путем переработки всего раньше написанного на данную тему.

²² Ф. Энгельс, Указ. соч., стр. 69.

²³ «Закон и обычай», II, стр. 103.

²⁴ М. Ковалевский, Сельская община в Закавказье (С. А. Егиазаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I, Сельская община), «Юридический вестник», 1889, 2/3, стр. 343.

Ковалевский не открыл горского феодализма на Кавказе. Вопрос этот был поставлен в русском кавказоведении впервые еще в 1823 г. С. М. Броневским. С некоторой подробностью описал феодализм у осетин В. Б. Пфаф, однако далеко не удовлетворительно. Все же феодализм кавказских горских народов оставался вопросом совершенно неизвестным как общей, так и специальной исторической литературе. Между тем, в те времена в вопросе о феодализме еще далеко не изжита была шовинистическая концепция немецких ученых, утверждавших, что феодальный строй является исключительной особенностью общественного развития германцев, сложившейся в результате завоевания ими Западно-римской империи, а вместе с тем не без влияния их «национального характера». Взгляд на феодализм как универсально-историческую эпоху общественного развития был тогда еще только выставлен, и как раз Ковалевский был одним из тех ученых, которые присоединились к этому взгляду: Ковалевский проводил его уже в самых ранних своих работах. Понятно, таким образом, то особое внимание, которое привлек к себе горский феодализм на Кавказе со стороны Ковалевского. Вместе с тем основную и во всяком случае бесспорную заслугу Ковалевского составляет то, что он не только присоединился к оценке общественного строя некоторых горских народов Кавказа как феодального, но впервые широко развил эту тему и ввел ее в русскую и зарубежную общественно-историческую науку.

Установки, которые Ковалевский принял, обращаясь к трактовке данной темы, и перспективы, которые эта трактовка ему сулила, Ковалевский обрисовал в следующих словах: «На Кавказе, — писал он в статье 1883 г., — перед ним (исследователем этой темы — М. К.) воочию выступает тот сложный процесс, благодаря которому архаический порядок родовых и общинных отношений заменяется отношениями феодальными. Чего не в состоянии достигнуть самое кропотливое изучение текстов (Ковалевский имеет здесь в виду тексты западноевропейских дамьятников. — М. К.), то достигается на Кавказе простым наблюдением, и это потому, что процесс феодализации у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней развития. У одних мы его видим только в зародыше, у весьма немногих — в законченном виде. Сопоставляя и сравнивая между собой систему общественных отношений у разных народов Кавказа, мы получаем возможность отметить последовательные стадии развития, через которые проходит процесс феодализации»²⁵.

К сожалению, как процитированная сейчас статья, так и последующие разработки данной темы весьма далеки от выполнения этой программы. Мы имея в виду подвергнуть здесь разбору ту характеристику различных сторон полупатриархальных, полуфеодальных отношений у горцев Кавказа, которую дал Ковалевский, укажем только, что сделано это было им, по состоянию в то время источников, довольно широко и основательно. По народностям характеристика Ковалевского относится в основном к осетинам и балкарцам, отчасти — к кумыкам и кабардинцам. Кабардинцев привлек Ковалевский потому и только потому, что именно кабардинским влиянием в основном объяснял он происхождение феодальных отношений у осетин, кумыков и балкарцев. Вообще, грубейшую ошибку Ковалевского в данном вопросе составляет взгляд, по которому возникновение феодализма приписывается внешнему влиянию. Взгляд этот Ковалевский прямо выразил дважды: в статье 1884 г. и в «Законе и обычае». «Нельзя, — писал он, — не согласиться с тем, что основу феодальных отношений всюду положило завоевание, покорение одного племени другим, обезземеление побежденных и наделение недвижимой собственностью ближайших сподвижников победоносного вождя, принимающих по отношению к нему обязанность военной и

²⁵ «Русская мысль», 1883, 12, стр. 138.

придворной службы»²⁶. Рисуя, таким образом, внешнее возникновение феодализма, Ковалевский довольно наивным образом принимает генеалогические легенды за историческую реальность и на основе этих легенд, в частности широко распространенного в легендах этого рода мотива о «пришельцах» из чужих стран или «чужеродцах-выходцах», выводит происхождение правящих феодальных сословий как у осетин, кумыков и балкарцев, так и у самих кабардинцев.

Хотя Ковалевский в вышецитированном своем исследовательском проспекте учитывал различные стадии развития, обнаруживаемые горским феодализмом, однако в своих описаниях и характеристиках феодальных отношений он этого различия не выявлял. Ковалевский все же, с одной стороны, слишком прямолинейно и безоговорочно приравнивал кавказский горский феодализм к западноевропейскому феодальному строю, с другой стороны, не дал должного анализа особых, специфических черт горского феодализма. Это обстоятельство вызвало не лишенную справедливости критику данных положений Ковалевского, критику, получившую и своеобразную политическую окраску.

Довольно известный в свое время радикальный публицист, живший в Ставрополе, Я. В. Абрамов выступил с критикой статьи Ковалевского, напечатанной в «Русской мысли». Написанная в очень резком тоне, не лишенная остроумия и в некоторых замечаниях справедливости, заметка Абрамова содержит протест против приписывания господствующим сословиям горцев прав земельной собственности и возражает против признания у горцев феодализма. На деле эти сословия, по Абрамову, играли только политическую роль, а их мнимые права собственности на землю были лишь признание их вымышленных притязаний русской, преимущественно военной, администрацией, очень плохо разбиравшейся в действительном характере земельных отношений на Кавказе и ошибочно отождествлявшей их с соответствующими отношениями в России. Таким образом, и статью Ковалевского Абрамов называл «не чем иным, как буквальным изложением притязаний и вожделений высших горских сословий»²⁷.

С критикой взглядов Ковалевского, в частности его статей в «Русской мысли» и «Вестнике Европы», выступил в специальном докладе «О поземельном устройстве в северной части Кавказа» петербургский этнолог М. И. Кулишер на VI Археологическом съезде в Одессе, в августе 1884 г. (в этом съезде участвовал, как мы знаем, и Ковалевский). Указав, в частности, что Ковалевский ошибочно принимает генеалогические легенды за историческую действительность, Кулишер отрицал существование у горцев Северного Кавказа феодализма, ссылаясь главным образом на отсутствие у них частной земельной собственности и признавая у них лишь «зачатки сословного деления». Повторяя, далее, упреки, сделанные Абрамовым, Кулишер приглашал Ковалевского перейти на сторону «интересов народной массы и высказаться против аристократических притязаний, не основанных на археологических данных»²⁸.

Несмотря на то, что трактовка горского феодализма Ковалевским далеко не свободна, как видим, от существенных пороков и ошибок

²⁶ «Вестник Европы», 1884, 4, стр. 573; тот же текст с некоторыми изменениями «Закон и обычай», т. I, стр. 256—257.

²⁷ Я. Абрамов, М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях горцев Северного Кавказа (Заметка), «Отечественные записки», 1884, 2.

²⁸ «Рефераты заседаний VI Археологического съезда в Одессе» (из газеты «Новороссийский телеграф»), № 7, Одесса, 1884. Согласно указанию референта, Ковалевский возражал Кулишеру в пространном выступлении. Краткое резюме этих возражений Ковалевского см. М. Ковалевский, Шестой Археологический съезд Одессе. Труды Отдела юридических древностей, памятников общественного и частного быта, исторической географии и этнографии, «Вестник Европы», 1884, стр. 840—842.

нельзя все же в заключение не признать, что эта трактовка является первой в истории науки широкой исследовательской постановкой данного вопроса. Трактовка эта оставила ряд сторон горского феодализма недоисследованными, однако надо признать, что и по сей день весь этот весьма сложный вопрос остается в целом еще неразработанным.

Большое значение придавал Ковалевский и большое место отвел в своей кавказоведческой работе внешним культурным влияниям. Это отразилось, как мы сейчас видели, в трактовке им горского феодализма. Но особое место отвел он более далеким, зарубежным, влияниям, которые, согласно толкованию Ковалевского, совершались на протяжении всей истории Кавказа и, последовательно сменяясь и насаиваясь, отразились на обычном праве горских народов. Этой теме Ковалевский специально посвятил почти $\frac{2}{3}$ первого тома «Закона и обычая».

Внешние влияния в истории Кавказа вообще и в сложении его горских народов отрицать, конечно, не приходится, и многое, что на эту тему было установлено Ковалевским, отвечая исторической действительности, является ценным вкладом в познание культурного облика горцев Кавказа. Однако в немалом числе случаев Ковалевский впадает здесь в одностороннее освещение фактов, натяжки и пр. Не редко относит он к тому или иному влиянию явления, широко распространенные, свойственные многим, самым различным, культурам, в частности самым различным системам обычного права, и объясняемые не из внешних явлений, а из тех одинаковых оснований, которые данные идеологические явления обуславливают. Не входя в рассмотрение отдельных указанного рода натяжек или ошибок Ковалевского, отметим только, что он в особенности преувеличивал иранские влияния на горские общества Кавказа. В частности, если иранские влияния, вообще говоря, свойственны осетинской культуре, то Ковалевский все же этот иранизм осетин, под очевидным влиянием В. Ф. Миллера, сильнее всего образом преувеличивал.

Таковы те, как видим, широкие и разнообразные основные темы, которые Ковалевский подверг более или менее пространной и основательной трактовке в своих кавказоведческих работах.

Остановимся также на том, что можно назвать «методом» Ковалевского. Это тот «историко-сравнительный метод», который стал в те годы распространяться в буржуазной науке, найдя себе особое применение в этнографии и первобытной истории. Усвоив этот метод под влиянием, в частности, Мэна, Ковалевский сделал его своим исследовательским приемом. Не вдаваясь в разбор этого метода, отметим все же, что для своего времени, когда названные отрасли науки обладали еще относительно небольшим запасом фактического материала, в особенности для отдельных конкретных обществ, когда материал этот был еще при том крайне фрагментарен, метод этот давал возможность путем сопоставления и сравнения фактов, относящихся к различным обществам, восполнять пробелы материала, собирать более широкие фактические данные, относящиеся к тому или иному явлению или порядку, создавать более полную картину этих явлений или порядков и таким образом приближаться к их пониманию и истолкованию. Важнейшее значение имел «историко-сравнительный метод» для опровержения различных реакционных и мракобесных теорий «исключительного развития» отдельных народов или групп народов, опровержения, в частности, «арийской теории» в ее различных вариантах, наконец, для утверждения единства развития отдельных элементов культуры, единства исторического процесса общественного развития в целом. Таким образом, этот «историко-сравнительный метод» имел в свое время несомненно научно-прогрессивное значение, каковое естественным образом утратил с утверждением единого и единственно подлинного научного метода — метода диалектического материализма.

Надо все же сказать относительно самого Ковалевского, что, применив этот историко-сравнительный метод особо широко в работе, посвященной осетинам, он в других своих кавказоведческих работах прибегал к этому приему уже весьма умеренным образом, притом все меньше и меньше, так что его работа, посвященная Дагестану, имеет уже преимущественно только систематически описательный характер. Но в своих общих работах по первобытной истории, как «Первобытное право», «Род» и последующих, Ковалевский сохранил пользование историко-сравнительными параллелями.

*
*
*

Попытаемся в заключение дать общую оценку Ковалевского как этнографа-кавказоведа, общую оценку его вклада в этнографию народов Кавказа. Хотя мы проделали уже соответственную в этом направлении работу, рассмотрев с различных сторон и в различных отношениях кавказоведческую деятельность Ковалевского, дать такую общую оценку не легко. Ковалевский как этнограф-кавказовед, да и как ученый вообще, — фигура весьма противоречивая. Говоря о нем все же только как об этнографе-кавказоведе, надо прежде всего общим образом констатировать, что наряду с несомненными и очень крупными достоинствами работы Ковалевского имеют длинный ряд не менее крупных пороков и содержат иногда грубейшие ошибки.

Не возвращаясь сейчас к этим порокам и ошибкам, которые мы в предшествующем изложении достаточно явственно и нелюбезно констатировали и, когда следовало, подчеркнули, суммируем положительные черты кавказоведческой деятельности Ковалевского.

Оценивать то, что сделано Ковалевским в области этнографии Кавказа, надо прежде всего в свете предшествующей истории этнографического кавказоведения. По отдельным народам и отдельным темам это уже было нами сделано. Остается сказать в общем, что предшествующая Ковалевскому этнографическая литература по Кавказу, имея и крупные теоретические достижения, носит все же в основном описательный характер. Работы Ковалевского тоже в известной части могут быть названы описательными, однако, даже если и так, то отдельными из этих работ Ковалевский сделал крупные вклады в этнографию Кавказа. В частности, по осетинам Ковалевский дал монографию, являющуюся по своей обширности, разносторонности и содержательности и по сей день единственной для этого народа и исключительной в этнографической литературе по Кавказу вообще. Надо еще раз отметить этнографическую методику Ковалевского, — мы говорим об интенсивности его полевой работы, использовании архивов, судебных дел, литературы, — стоящую на таком высоком уровне, что ничего равного Ковалевскому в этом отношении нет не только в этнографическом кавказоведении, но и во всей русской дореволюционной этнографии.

Но Ковалевский, конечно, далеко не только этнограф-описатель, накопитель и регистратор фактов, а, как это достаточно ясно, широкий и глубокий исследователь.

Как уже было отмечено, Ковалевский первый ввел кавказский этнографический материал в широкое научное обращение. Это имело и свое политическое значение. Хотя в русской литературе никогда не сказывалось специфического «колониального» отношения к народам Кавказа, Ковалевский своими работами еще раз демонстративно показал, что даже более отсталые из этих народов представляют собой общества с высоко развитым, устойчивым правопорядком, а некоторые из горцев достигли сравнительно высокого политического развития.

Немаловажны заслуги Ковалевского как кавказоведа и в области теоретической. Ковалевский осветил на кавказском материале ряд важнейших общетеоретических исторических проблем. Ковалевский подвел на кавказском материале универсальность рода и родового строя, универсальность матриархата как исторического этапа, универсальность и живучесть семейной общины. Заслуги Ковалевского в отношении рода и семейной общины были особо отмечены Энгельсом потому, что эти формы, будучи принципиально воплощением общинного начала, показывали первобытно-общинную сущность всей первобытной эпохи, всего начального периода истории человечества. Наконец, Ковалевский признал и показал наличие на Кавказе феодализма в его полупатриархальной, полуфеодальной форме и впервые широко поставил эту проблему.

В общем и целом кавказоведческая этнографическая деятельность Ковалевского является крупнейшей вехой в истории этнографии Кавказа в истории русской этнографической науки.

Остается вопросом: создал ли Ковалевский школу в этнографическом кавказоведении? Ответ на этот вопрос требует более тщательного исследования последующей, после Ковалевского, истории этой отрасли знания. Но при любом знакомстве с кавказоведческой этнографической литературой, начиная с 90-х годов XIX в. и до наших дней, совершенно очевидно распространение в этой литературе тем, поднятых Ковалевским, в частности: обычного права, семейной и соседской общины. Наряду с тем, многие темы Ковалевского не нашли себе продолжателей. Из числа авторов-кавказоведов прямыми учениками Ковалевского либо испытывавшими его влияние могут считаться Н. А. Абазадзе, Б. Далгат, С. А. Егиазаров, С. В. Кокиев, Б. В. Миллер, Н. Н. Харузин, А. С. Хаканов и, возможно, Х. Самуэлян.

В общем, надо все же сказать, что дореволюционная этнография Кавказа сравнительно мало пошла по путям Ковалевского. В частности, исследование рода почти совершенно не продолжалось. В этом скалалась известная ограниченность буржуазной русской этнографии. Таким образом, и в свете последующего этапа истории дореволюционной этнографии Кавказа Ковалевский возвышается как крупнейшая величина. Лишь советская школа этнографии смогла поднять этнографическое кавказоведение на новую методологическую и теоретическую высоту, причем именно в советское время ряд тем Ковалевского был вновь поставлен в порядок дня и подвергнут новому исследованию.

Прошло 100 лет со дня рождения Ковалевского и одновременно 35 лет со дня его смерти. Оба эти срока являются в науке большими, как сказать, испытательными сроками для проверки жизненности взглядов и идей любого автора. Но в особенности за те 35 лет, которые прошли со дня смерти Ковалевского, русская историческая наука достигла небывало высокого развития, поднялась на небывало высокий уровень, немало положений старой науки сдала в архив, немало провозгласила новых, величайших истин. И если все же ряд положений Ковалевского выдерживает это весьма строгое и серьезное испытание, то мы имеем вновь подтверждение его действительных заслуг и его большого вклада в этнографию Кавказа.

Ю. С. ДАШЕВСКИЙ

В. В. СТАСОВ ОБ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Буржуазное востоковедение отрицало самобытность искусства народов Средней Азии, рассматривало его лишь как некий конгломерат персидского, китайского и даже турецкого влияний. Особенно живучей в среде ученых оказалась панранистская традиция, согласно которой создателями всех памятников искусства на территории Средней Азии считались носители «высшей» культуры, так называемые «арийцы». Только советским ученым удалось до конца разоблачить всю фальшь и вздорность этой глубоко реакционной «теории». Самобытность и своеобразие культуры и искусства каждой из народностей, населяющих Среднюю Азию, теперь не вызывают никаких сомнений. Однако до сих пор оставались почти неизвестными высказывания по этому вопросу замечательного русского критика В. В. Стасова. Объясняется это тем, что специальных статей по искусству Средней Азии Стасов никогда не писал, ограничиваясь лишь небольшими журнальными заметками, чаще всего в виде рецензий, из которых не все даже вошли в собрание его сочинений. Эти заметки заслуживают внимания еще и потому, что они расширяют наше представление о разносторонней деятельности этого выдающегося критика, проявлявшего глубокий интерес к судьбам не только русского, но и среднеазиатского искусства.

В своих небольших, но очень содержательных статьях Стасов высказывает ряд весьма ценных мыслей, ставящих его на голову выше многих современных ему востоковедов.

Интерес Стасова к искусству Средней Азии пробуждается в конце 60-х гг. в связи с появлением в русской прессе различных статей и рисунков на среднеазиатские темы. Наиболее ранней является его гневная, обличительная заметка «Неучи и доки»¹, в которой критик с присущей ему страстностью клеймил позором русских чиновников от науки, упорно не желавших приступить к раскопкам и изучению развалин средневекового города Джанкента на левом берегу Сыр-Дарьи. Непосредственным поводом для этой заметки послужил следующий эпизод. При возведении одной из крепостей в Оренбургском крае казахи, занятые на постройке, обнаружили остатки многочисленных древних сооружений. Гарнизон крепости немедленно принял меры для прекращения растаскивания кирпича из развалин местным населением, а в Петербург было послано соответствующее сообщение.

Появление этой корреспонденции в печати вызвало враждебные выпады со стороны некоторых ученых, считавших для себя «нравственной обязанностью» вывести читающую публику из заблуждения. Они в один голос заявляли, что развалины Джанкента науке давно известны, приводили имена путешественников, лично их видевших, и негодовали по поводу того, что этими руинами интересовались какие-то военные

¹ «Санкт-Петербургские ведомости» 18 марта 1867 г., № 76 (с подписью Ив. Карвин); В. В. Стасов. Собр. соч., т. II. СПб., 1894, стр. 197—202.

«неучи». Отвечая ученым чиновникам из Императорского археологического общества, Стасов писал: «И так пушенные теперь во всеобщее сведение известия о жалком положении джанкентских развалин, о разрушениях киргизов, о приставленной от военного начальства страже для воспрепятствования им, все это пустяки, все это напрасный шум, а настоящее дело — это чьи-то путешествия, чьи-то описания, прошедшие, настоящие и будущие. Довольно курьезная вещь, порядочное доказательство непроходимой схоластичности, равнодушия к живому делу и обоготворения книжности». «Где ни копни,— говорится далее в заметке,— везде выходят наружу чудные остатки древности. Джанкентские развалины обещают быть плодотворны в высшей степени: старый город, погребенный тут под илом, песками и травой — колючкой, был, повидимому, одним из городов древнейшего туземного населения, именно хорезмийцев и согдиан, народов, изучение которых имеет для древнейшей нашей истории такое же значение, как изучение скифов. Раскапывая их города, курганы, добывая остатки их оружия, утвари, убранств, — а в существовании всего этого под землею сырдарьинских местностей нельзя сомневаться — мы добываем недостающие до сих пор материалы для первоначальной истории нашего отечества... Отчего старому городу около Джанкента не быть нашей Помпеей? Неужели только и важны, что римские или греческие фрески и треножники? Нет, мы не умеем еще ценить того, что у нас есть, мы слишком мало еще уважаем собственную историю, слишком мало еще интересуемся первоначальными ее судьбами, мы все еще слишком рабы чужих громких имен и титулов»².

Стасов был первым, кто выдвинул перед русскими учеными задачу удержать за собой первенство в деле «исследования народного искусства Средней Азии». «Французские и английские путешественники, — говорится в одной из его рецензий³, — скоро сделают то, что наши туркестанские коллекции останутся позади их коллекций: те ведь зевать не любят». И Стасов призывает принять все меры к тому, чтобы этого не случилось. «Стыдно будет, — пишет он в другой заметке⁴, — если мы узнаем среднеазиатское искусство не по тем материалам, которые у нас под руками, а по материалам, свезенным иностранцами из Средней Азии в Париж, Лондон или Берлин. А очень похоже на то. Мы до сих пор все только ждем, что скажут и сделают другие... и пропускаем мимо глаз то, что делают немногие смелые русские, пробующие сказать свое слово».

Со всей прямоотой и решительностью Стасов и сам неоднократно «пробовал сказать свое слово». Ему мы обязаны публикацией прекрасного памятника художественного ремесла начала XIX в. — трона хивинских ханов, принадлежащего «к числу замечательнейших предметов Оружейной Палаты и редчайших образчиков среднеазиатского искусства»⁵.

Трон этот был доставлен в Москву в 1874 г., после взятия генералом фон Кауфманом столицы Хивинского ханства, и в продолжение двенадцати лет оставался почти никому не известным. С легкой руки А. Л. Куна укоренилось мнение, что хивинский трон «изготовлен каким-нибудь пленным персиянином в подражание трону персидского шаха»⁶.

² В. В. Стасов, Собр. соч., т. II, стр. 201—202.

³ В. В. Стасов, Рецензия на книгу Н. Симакова «Искусство Средней Азии» в журн. «Художественные новости», 1883, № 4, стр. 132.

⁴ «Художественные новости», 1883, № 24; цит. по Собр. соч. В. В. Стасова, т. II, стр. 782.

⁵ В. В. Стасов, Трон хивинских ханов, «Вестник изящных искусств», вып. 5, 1886, стр. 405—417; цит. по собр. соч. В. В. Стасова, т. I, стр. 851.

⁶ Там же, стр. 858.

Причину приписывания многим памятникам среднеазиатского искусства персидского происхождения Стасов видит в том, что сбор среднеазиатского художественного, археологического и этнографического материалов у нас только еще начинается, тогда как персидское искусство и культура известны довольно хорошо. «Поэтому ничего нет мудреного, что большинство людей, даже достаточно образованных, смешивают среднеазиатские художественные памятники и произведения с персидскими и арабскими. Но более пристальное изучение этих памятников приводит к открытию в них присутствия многих разнообразных элементов собственно среднеазиатских, очень характерных и оригинальных. Особенно оно ясно в орнаментике, а затем и в очень многих архитектурных частях и подробностях — колоннах, их капителях и базах и т. д.»⁷. Характерные особенности местного, среднеазиатского искусства еще очень плохо изучены, но уже на основании имеющихся данных «я считаю возможным заявить, — пишет Стасов, — о самобытности и оригинальности среднеазиатского искусства. Эта самобытность и оригинальность проявляются, между прочим, и в хивинском троне, полном своеобразия и красоты во всей своей орнаментике и исполнении, в техническом отношении, с таким же мастерством, тонкостью и вкусом, как и большинство других среднеазиатских художественных предметов»⁸.

Одной из наиболее сложных проблем истории культурной жизни и искусства Средней Азии является вопрос о роли иноземных, в частности иранских, мастеров в создании местных памятников зодчества и художественного ремесла. Продолжали ли они применять в новых условиях привычные им технические и художественные приемы, придерживались ли своей традиционной тематики или были вынуждены считаться с местной идеологией, с богатым опытом среднеазиатских мастеров, с иными вкусами? «Необходимо признать, — говорит член-корр. Академии Наук СССР А. Ю. Якубовский, — что иранские мастера пошли вторым путем; об этом свидетельствуют прежде всего созданные ими памятники»⁹.

Таких же взглядов придерживался и Стасов. «Если даже допустить, — пишет он, — что в самом деле трон этот сделан каким-нибудь персидским пленником, как это предполагает А. Л. Кун, то от этого нисколько не изменится сущность дела... Тамерланов дворец в Самарканде строили китайские архитекторы, и однако в нем китайского стиля ничуть не видать. Народы, не потерявшие еще чувства национальности, туго сдаются, и разве лишь с боя уступают свои народные привычки, вкусы, образ мыслей, склад, стиль»¹⁰.

Сравнивая хивинский трон с тремя персидскими тронами из Оружейной палаты, Стасов приходит к выводу, что одно из главных различий между ними состоит в том, что последние «не имеют никаких орнаментов и только украшены драгоценными камнями и эмалями, а хивинский трон сплошь покрыт великолепнейшей орнаментацией, воспроизводящей цветы и растения, преимущественно из свойственных Средней Азии»¹¹. Отличается он также своей формой и различными деталями.

В своей глубоко принципиальной полемике с А. Л. Куном Стасов показывает прекрасное знание специальной востоковедческой литературы. Его ссылки на Плано Карпини, А. Вамбери, Н. Муравьева

⁷ В. В. Стасов, Собр. соч., т. I, стр. 861.

⁸ Там же, стр. 861—862.

⁹ А. Ю. Якубовский, Иранские мастера в Средней Азии, Труды III Межд. конгр. по иранск. искусству и археол., М.—Л., 1939, стр. 281.

¹⁰ В. В. Стасов, Собр. соч., т. I, стр. 860.

¹¹ Там же, стр. 865—866.

свидетельствуют о хорошем знакомстве с трудами этих путешественников и о внимательном изучении истории Средней Азии.

Вполне справедливо отмечая сложность и разнообразие среднеазиатского искусства как результат творчества различных народностей, критик ставит перед его исследователями совершенно конкретные задачи: выяснить и доказать, «что было тут коренное и что наносное..., как пришлые элементы вытесняли иногда почти вполне элементы местные и коренные, как впоследствии эти элементы получали снова свою силу и преобладание; какое влияние оказывало в разное время среднеазиатское искусство на искусство многих азиатских и европейских народностей (что есть факт несомненный)»¹².

Весьма интересны высказывания Стасова о пресловутых «иноземных влияниях», которые, по его мнению, более или менее заметны лишь в декоративном искусстве и почти отсутствуют в бытовых предметах. Но «самые оригинальные и коренные проявления среднеазиатского искусства и стиля» надо искать в коврах, вышивках и т. п., где воплотилась «чистейшая Средняя Азия, которую не с чем другим сравнивать из всего известного на свете по части рисунка и художественных форм»¹³.

Вероятно, именно поэтому Стасова прежде всего привлекает не парадное феодальное искусство, в создании которого нередко принимали участие иноземные мастера, а народное творчество, всегда оригинальное и самобытное. Поэтому он так восторженно встретил хорошее начинание А. Бобринского, собравшего и издавшего образцы таджикских вышивок и вязаний¹⁴. Экспонаты, собранные Бобринским, по словам Стасова, «имеют для нашей науки чрезвычайно важное значение: они представляют многочисленные образцы такого орнамента, который находится и на русских вышивках и вязаньях, существующих в нашем обществе с древних времен»¹⁵. Целый ряд изображений встречается только в русском и таджикском народном искусстве. «Вот этот-то особенный, оригинальный стиль, — говорится в рецензии, — имеющий только сходства и родства со стилем древнейших русских вышивок и вязаний, является теперь, взятый во всей своей совокупности, новым моментом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения»¹⁶.

Культурное общение между Россией и Средней Азией, по мнению Стасова, существовало с древнейших времен. «Вследствие нынешнего знакомства с народным стилем Средней Азии, я считаю теперь, — пишет он, — что со стороны Востока влияние на наш узор шло не из Персии, а из Средней Азии, которая точно так же влияла и на Персию»¹⁷.

Стасов всегда вел самую непримиримую борьбу с теми учеными, которые спешили приписать более или менее спорным предметам искусства иностранное происхождение. Так, в 1904 г. он пишет книжку¹⁸, в которой доказывает, что известное эрмитажное серебряное блюдо,

¹² «Художественные новости», 1883, № 4, стр. 132.

¹³ Там же, стр. 134.

¹⁴ А. Бобринский, Орнамент горных таджиков Дарваза, СПб., 1900.

¹⁵ Записки Вост. отд. Имп. Рос. археол. об-ва, т. XIV, 1901, стр. 43.

¹⁶ Там же. Сходство между таджикскими и русскими вышивками отмечает и Л. Андреев. В этой связи он приводит любопытный эпизод, имевший место в Ташкенте на выставке экспонатов, собранных этнографической экспедицией. Киргизы, случайно попавшие на эту выставку, «сразу признавали образцы киргизских рукоделий за свои», а на таджикские вышивки «смотрели с недоумением и на вопрос, какой национальности мог бы принадлежать этот орнамент, отвечали — «это русский»». Л. Андреев. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 28.

¹⁷ «Художественные новости», 1883, № 4, стр. 135.

¹⁸ В. В. Стасов, Серебряное восточное блюдо Императорского Эрмитажа, СПб., 1904.

найденное в Пермском крае, происходит не из Сирии, как думали не которые специалисты, а из Средней Азии.

Рецензия Стасова на первые выпуски «Журнала индийского искусства»¹⁹, издававшегося в Лондоне, свидетельствует о том, что он тщательно следил за литературой по восточному искусству, выходившей как в России, так и за рубежом. Но и в иностранных изданиях критики интересуют главным образом вопросы, так или иначе связанные с искусством Средней Азии. Он, например, не без удовольствия приводит цитату из статьи английского ученого Киплинга, с похвалой отзывающегося о русских исследователях и высказавшего предположение о значительном влиянии «страны Тамерлана» на Индию и Персию²⁰. Рецензируя другую статью этого же журнала, посвященную описанию художественной промышленности Индии, Стасов горячо поддерживает мнение автора о среднеазиатском происхождении эмалевого искусства. О знаменитом своей эмалевой декорировкой жезле магараджи Мансинга (XVI в.) Стасов пишет: «решительно туранский по смелости рисунка, по характеру некоторых изображенных предметов и по той дерзости, с какою основные краски употреблены для произведения гармоничного общего впечатления»²¹. Среднеазиатского происхождения и многочисленные ковры, издавна ввозившиеся в Индию.

Не ускользнул от внимания Стасова и такой важный вид восточного искусства, как миниатюрная живопись²². Он первый занялся анализом миниатюр среднеазиатских рукописей, по его мнению так же не похожих на все другие известные миниатюры, как тексты тюркских рукописей непохожи на все известные тексты. «Изучая памятники древне-русской жизни и искусства, — пишет он, — я давно убедился в великом значении для их разъяснения и понимания памятников жизни и искусства многих тюркских народов. Миниатюры джагатайских рукописей казались мне в этом деле особенно важными и я старался узнать и изучить их во всех европейских хранилищах, где они ныне существуют»²³. По мнению Стасова, совершенно неправ английский ученый Риё, считавший, что «по большей части все джагатайские иллюстрированные рукописи происходят из Восточной Персии, особенно из Герата, и, по части орнаментации, их нельзя отличить от персидских рукописей той же категории. Напротив, их отличать по части рисунков очень можно и должно. Далеко не все рукописи джагатайские, иллюстрированные, исполнялись в Восточной Персии». Многие из них украшались «художниками неперсидскими и негератскими, а прямо тюркскими»²⁴. Рисунки этих рукописей несколько грубее и не столь тонко исполнены, «но имеют зато нечто свое, очень характерное, сильное и могучее, верно изображающее в лицах и физиономиях — тип среднеазиатский, тюркский, а в орнаментах — узоры и фигуры совершенно особенные, очень далекие от персидских... И формы и краски были здесь свои, особенные»²⁵. Несмотря на определенное влияние соседних стран, почти неизбежное при тесном культурном общении между народами, тюркские художники не утратили своих собственных элементов «своего среднеазиатского характера и орнаментики, особенно же своего самостоятельного, оригинального колорита и красок, своего красочного блеска, своих гармонически пестрых тонов, столько отличных от кра-

¹⁹ «Художественные новости», 1884, № 20; В. В. Стасов, Собр. соч., т. II, стр. 809—816.

²⁰ В. В. Стасов, Собр. соч., т. II, стр. 814.

²¹ Там же, стр. 816.

²² В. Стасов, Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских русских, джагатайских и персидских, СПб., 1902.

²³ Там же, стр. 93.

²⁴ Там же, стр. 94.

²⁵ Там же.

ной гаммы китайской, персидской и арабской и столько возвеличивающих ковры и ткани Средней Азии». В историческом и этнографическом отношении рисунки персидских художников значительно уступают рисункам подлинно монголо-тюркским, джагатайским»²⁶.

По мнению Стасова, тюркские племена «ненарушимо хранили» свою заботливость не только в миниатюрной живописи, но и «в созданиях всей художественной промышленности, тканях, коврах, сосудах, оружии, металлических и всяческих изделиях, узорах и украшениях»²⁷.

Весьма любопытно, что Стасов делит художников-миниатюристов на персидских и гератских, тем самым отделяя Герат от Персии. Между тем в дореволюционной востоковедческой литературе Герат безоговорочно считался одним из крупнейших городов Ирана. Только советские ученые исправили эту ошибку, доказав, что Герат до насильственного захвата его персами составлял неразрывное целое с территорией Средней Азии, имел общую с ней культуру, был населен в основном таджиками и потому не может считаться персидским городом.

Сейчас, при решении сложной и вместе с тем насущной проблемы существования в Средней Азии местных художественных центров, нельзя пройти мимо этой замечательной работы Стасова.

Огромное значение придавал Стасов изучению этнографических особенностей народов Средней Азии. «...Слишком мало обращалось всегда внимания, — пишет он, — на подробности бытовые, этнографические, на костюм, оружие, разнообразные предметы жизненной обстановки монголо-тюрков, тогда как знакомство со всеми этими предметами необходимо для полного и удовлетворительного изучения азиатских народов, так долго бывших в ближайшем соприкосновении с нашею народностью»²⁸. Важными пособиями для этнографов Стасов считал музейный материал, памятники миниатюрной живописи²⁹, а также картины В. В. Верещагина, на которые рекомендовал обратить серьезное научное внимание. Не «то, что нравится», не красивые и редкие вещи должны привлекать этнографов, а жизнь и быт народа в «будничной, ежедневной, т. е. самой правдивой» обстановке. «Что такое этнография? — спрашивает критик — разве это что-нибудь иное, чем наука, имеющая целью изучить народ в тех формах бытовой обстановки, среди которых совершается вся его жизнь? Что такое этнографический музей? Разве это что-нибудь другое, чем собрание всех тех предметов, которые входят в состав народной жизни? Что же, в таком случае, важно, что составляет главный, существеннейший закон и для науки этой, и для ее музеев? То, что действительно есть, то, что существует у народа»³⁰. И для этнографа могут быть бесконечно важны и интересны многие из тех предметов, которые «рассеянному фланеру кажутся совершенно незначительными и обыкновенными»³¹.

Не будучи специалистом-востоковедом, Стасов, разумеется, не мог избежать в своих статьях о среднеазиатском искусстве ошибок и неточностей. Не соответствует действительности, например, его мнение, что «Амерланов дворец в Самарканде строили китайские архитекторы». На самом деле в строительстве грандиозных сооружений эпохи Тимура

²⁶ В. В. Стасов, *Миниатюры некоторых рукописей...*, стр. 110.

²⁷ Там же, стр. 94.

²⁸ Там же, стр. 96.

²⁹ Среди таблиц, приложенных к книге «Миниатюры некоторых рукописей...», имеется две джагатайские. Подробный разбор Стасовым этих замечательных произведений среднеазиатской миниатюрной живописи XVI в. может служить образцом «этнографического анализа» такого рода памятников.

³⁰ В. В. Стасов, *Наша этнографическая выставка и ее критики*, Собр. соч., т. III, стр. 937.

³¹ Там же, стр. 943.

и тимуридов, наряду с местными, среднеазиатскими мастерами, принимали участие ремесленники самых различных народностей, среди которых китайцы занимали далеко не первое место. Фактические и исторические ошибки Стасова, чаще всего обусловленные общим состоянием буржуазного востоковедения, не принципиальны, и нет надобности останавливаться на их разборе. Для нас важнее другое. Известно, что Стасов был сторонником реакционной «теории заимствования». И это обстоятельство до некоторой степени сказалось в том, что он иногда слишком много внимания уделяет различным «влияниям», значительно преувеличивая их роль.

Указанные недостатки отнюдь не умаляют огромного значения для нас деятельности Стасова в области востоковедения. Его статьи и критические заметки безусловно сыграли большую роль в деле повышения интереса русских ученых к искусству народов Средней Азии. Однако буржуазная ограниченность большинства востоковедов не позволила им понять и по достоинству оценить прогрессивные и бесспорно правильные мысли критика.

А. И. ПЕРШИЦ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРАБАХ В РУССКИХ «ХОЖДЕНИЯХ» XII—XVII вв.

Среди многочисленных путешествий русских людей в дальние страны видное место занимают «хождения» на Восток, в частности на арабский Восток — в Сирию, Палестину и Египет. Цели их были различны. В большинстве случаев «хождения» в арабские страны были связаны с паломничеством к христианским святыням Палестины, что вызывалось не столько религиозными чувствами, сколько практическими побуждениями. Совершая далекое и опасное путешествие к «святым местам», монахи надеялись продвинуться выше в церковной иерархии, крестьяне — попасть в привилегированный разряд церковных людей, купцы — добиться известности. В других случаях «хождения» в арабские страны вызывались различными поручениями московского правительства, а возможно, и торговыми интересами, которые, естественно, не могли быть отражены в описании пути «ко гробу господню». Но каковы бы ни были причины тех или иных «хождений», во многих из них отразилась здоровая любознательность русских людей, внимательно наблюдавших быт неведомых им дотоле «арапов» и порой кое-что отмечавших в своих путевых записках.

Все сколько-нибудь замечательные «хождения» тщательно изучены историками русской литературы в качестве литературных памятников. Акад. И. Ю. Крачковский отметил значение «хождений» и для истории русской арабистики, указав, что представленные в них «арабские элементы... ни в какой мере не исследованы и не сведены в общий итог»¹. Нас интересуют содержащиеся в «хождениях» элементы этнографии арабов, «хождения» как этнографический источник.

Первым русским, оставившим описание своего путешествия на арабский Восток, был игумен Даниил, современник Нестора-летописца. Путешествие его было предпринято в княжение Святополка Изяславича, в 1106—1107 гг., и описано не позднее 1113 г. Уроженец южнорусских земель, Даниил ходил в Палестину в числе нескольких киевлян и новгородцев и пробыл там 16 месяцев. «Паломник Даниила Мниха»² является лучшим для своего времени топографическим описанием Палестины, из области же народного быта Даниила, как видно, более всего интересовало хозяйство. Говоря о Иерихоне, где «ныне есть село Срачинское», Даниил сообщает о развитом земледелии и садоводстве и указывает на искусственное орошение. «Есть же около Ерихона града,— пишет он,— земля та добра и многоплодна, поле красно и ровно, финици стоять высоце, и всякая овощная дрeвеса многоплодовитая; суть же и воды многы разведены по всей земли той». В статье «О Хевроне горе» Даниил указывает, что это за «овощная дрeвеса»: сюда входят «масли-

¹ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 18.

² «Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в.», СПб., 1864

чие, и рожьцы, и смокви, и яблоние, и чересие, и грождья, и всякия овощи», т. е. оливковое и рожковое дерево, смоковница, яблоня, черешня, виноград и пр. Здесь же говорится о культуре пшеницы, овцеводстве, пчеловодстве, приготовлении масла, виноделии. Напротив, относительно многих виденных им мест Даниил сообщает, что «место то безводно... Но токмо дождевою водою живут все люди ту сущии». Вне хозяйственной сферы «срачинский» быт, повидимому, не вызывает у Даниила особого интереса, однако внимание его привлекает наличие таких сел, где совместно живут «и срачини мнози, и христиanye мнози». Небезинтересно отметить, что сам Даниил, находясь под защитой крестоносцев, поддерживал дружественные отношения и с местным арабским населением: в Вифлеем его провожал «старейшина срачинский со оружием». Называя в своей работе арабов «поганими», т. е. язычниками, Даниил, однако, не поносит их, как, например, современный ему английский паломник Зевульф.

Хозяйственные по преимуществу сведения дает нам и второе известное «хождение» в Палестину, предпринятое в 70-х гг. XIV в. архимандритом Смоленского Авраамиевского монастыря Грешеньем или Агрешением³. Как и Даниил, Грешений сообщает, что на месте Иерихона ныне стоят «дворы арапскийи» и что «тоу ражаются многа овощья, яблока райская, дыни, наранзи и сахар». Наранзи (довольно точная передача персидского *нариндж*) — это померанцы, а упоминание о культуре сахарного тростника представляет, на наш взгляд, особенный интерес. Сахар в те времена был на Руси, как и повсюду в Европе, чрезвычайно редким и ценным продуктом, и если бы во время путешествия игумена Даниила в Палестине произрастал сахарный тростник, тот, конечно, не преминул бы включить его в свой перечень «овощных древес». Отсюда можно сделать вывод, что разведение тростника палестинскими арабами началось в период между путешествиями Даниила и Грешения; возможно, что эта культура перешла в Палестину из Египта, куда сахарный тростник, как известно, был завезен в XII в. из Индии. Грешений побывал в Галилее и сообщает, что здесь «орють, сеють пшеницю и ячень промежоу масличья и мигдалов» (миндаля). В районе Хеврона его внимание привлекло арабское село «велико, многонародно... оделань градом и две мезгыти (мечети) в нем... саракини тоу делають много стекла». Наконец, Грешений первым отмечает, что в Палестине вода «зберається дождем в земьее время и держится на все лето» в «истерьнах», т. е. цистернах.

Относящееся к 1419—1422 гг. «Хожение инокa Зосимы»⁴ не содержит этнографических сведений об арабах, за исключением сопоставления наименований бога у различных народов: «А се Богу имена: жидовские Аданаи, арапские Гаала, греческийи Теос, армянскийи Арствич, татарскийи Тенгрии, русскийи Бог». В «Хождении инокa Варсанофия»⁵, совершенном в 1456 г., упоминается лишь, что в Рамле «людии множество живет, сириане, и хресиане, и сорочинове». Сиро-халдеи, таким образом, четко выделяются здесь из общей массы палестинских арабов — мусульман и христиан.

В 1465—1466 гг. в арабских странах побывал «гость» Василий, проделавший чрезвычайно трудный и опасный сухопутный маршрут через Малую Азию на Хaleb — Хаму — Хомс — Дамаск — Газу — Иерусалим — Каир и тем же путем обратно. О Василии ничего не известно, но пристальное его внимание к градоустройству и фортификации заставляет думать, что путешествие Василия по Передней Азии и Египту не ограничивалось паломническими целями. В «Хожении гостя Васи-

³ «Русский филологический вестник», XIII, № 1, Варшава, 1885.

⁴ «Православный палестинский сборник», VIII, вып. 3, СПб., 1889.

⁵ «Православный палестинский сборник», XV, вып. 3, СПб., 1896.

ия»⁶ тщательно описаны виденные им крупные и мелкие города. Особо интересно описание Хама, где говорится о водоподъемных колесах, широко распространенных на арабском Востоке. «Град Хамья, — пишет Василий, — стоит в поле на дву горах, а на горе по два города, един в едином; между гор тех река Евфрат великий течет, да колеса по реке той велиа зело. Поперег колес тех по 10 саженой, да мелютя особь родюю, да та вода с колес тех идет к горе по желобам тем на обе горы во все двory градские; христиан много, церковь у них великии христов мученик Георгии, да тянет ко Епарху Антиохийскому; торгов много, и безестенов много, и бань хороших и столпов многи, а из столпов тех текут воды проведены с верху. Да древес множество в них финиковых...» Указание на «два города, един в едином» следует, повидимому, понимать как наличие огороженного торгово-ремесленного посада: в отношении Халеба Василий прямо говорит, что «вокруг града того больший град, множество торгов и бань хороших». Упомянутые Василием *безестены* в других русских источниках не встречаются; можно думать, что это — искажение персидского *буста*¹ или, скорее, арабской формы множественного числа от него: *«басатин»* — «сады».

Значительный этнографический интерес представляет сообщение Василия о делении некоторых арабских городов на изолированные, как бы замкнутые в себе кварталы. В Селмоунии (Салимия?) «из улицы в улицу хода несть, каяжда улица имать вход свой». В Египте (Каир) «на всякой улице по торгу по великому, а улица с улицей не знается, опроче великих людей». По словам В. В. Бартольда, «арабы даже после перехода к городской жизни долгое время сохраняли родовое и племенное устройство. Связь между людьми одного племени была гораздо более тесной, чем связь между жителями одного города; при занятии чужих или при постройке новых городов каждому племени отводился особый квартал. С этой чертой арабского быта связывают устройство многих городов, например Дамаска, где, кроме общих стен города, существуют стены с воротами между отдельными кварталами или даже улицами»⁷. Таким образом, сообщение Василия позволяет заключить, что военно-племенные кварталы в арабских городах и их бытовая изолированность сохранялись еще во второй половине XV в. Описывая арабские города, Василий в ряде случаев отмечает и религиозно-этнический состав их населения: в Хооузме (Хомс) «арапов мало, а христиан много», в Антеяже (Антиохия) «христиан мало, а боле срацины», в Каре (аль-Карун?) «сарацин мало, а христиан мало же».

Образование во второй половине XV в. Османской империи⁸ вызвало «оскудение» православных восточных патриархий, которые стали систематически обращаться в Москву за материальной помощью. Московское правительство отправляло на Восток специальные посольства для раздачи «милостыни». В составе одного из таких посольств, отправленного в 1558 г. Иваном IV, находился московский купец Василий Позняков, родом из Смоленска. После смерти главы посольства, новгородского архидиакона Геннадия, Позняков принял его полномочия и, вернувшись в 1561 г. в Москву, отчитывался перед царем о своем «хождении»⁹. В конце XVI в. описание путешествия Познякова было несколько переделано и ошибочно приписано купцу Трифону Коробейникову, который во второй половине века дважды посылался Иваном IV на Восток для раздачи «милостыни», за что и получил чин дьяка. Однако, хотя Коробейников и побывал в Палестине, описания ее он не оставил, и приписываемое ему «хождение»⁹ является переделкой позняковского.

⁶ «Православный палестинский сборник», II, вып. 3, СПб., 1884.

⁷ В. В. Бартольд, Культура мусульманства, П., 1918, стр. 26.

⁸ «Православный палестинский сборник», VI, вып. 3, СПб., 1887.

⁹ «Православный палестинский сборник», IX, вып. 3, СПб., 1889.

Этнографические наблюдения Познякова довольно разнообразны. Описывая свой путь из Египта через Синайский полуостров в Палестину, он рассказывает: «И по два человека седоша на верблюды по стопонам и корм свой и воду в месех кожаных на верблюды положихом яко боле десяти пуд тягости, а хлеба сухо по контарю на человека, а контарь наших 3 пуда тянет... Арапы же верблюды кормяху сухим бобом, а воды им не даяху три дни». У арабов Синая Позняков отмечает обувь («понучи») из рыбьей кожи; это сообщение 300 лет спустя было подтверждено другим русским путешественником — Уманцем¹⁰. При описании Мертвого моря Позняков сообщает, что из него «исходит смола черна и сера горячая... и ту смолу емлют и мажут винограды, в котором червь появится, и тою смолою уморяют; а серу емлют и продают купцом, а купцы тою серою конопатят корабли, которые ходят по Черному морю». Нетрудно догадаться, что речь идет о хлористых солях и природном асфальте, в изобилии содержащихся в Мертвом море. Красноморские корабли Позняков видел сам: они «деланы без железного гвоздзя, шиты веревками финиковыми, а осмаливаны серою горячею, а не смолою». Замечая это, Позняков повторяет распространенную легенду о том, что на дне Красного моря много «камни магниту», притягивающего железные части кораблей; в действительности отсутствие железных креплений на старых арабских судах вызывалось лишь дороговизной металла. Особое внимание Познякова привлекло необычное для русского человека водоснабжение Иерусалима. Он пишет, что место это безводно, есть только одна «купель Силоамля» и воду «возят из той купели Арапи на верблюдах во град да продают; а которые люди убогие, и те питаются дождевою водою». Последняя бережно собирается и запасается: «егда падает дождь на храминах их, а храminy их учинены плоские, верхи скатистые, и со всех храмин в коемждо дому приведены застрехи в кладези; а кладези ископаны в земли, а земля аки камень. И в тех кладезях стоит вода во весь год, а не портится».

Упомянув арабов — «разбойников пустынных», Позняков первым из русских путешественников обращает внимание на арабских кочевников-бедуинов; более определенно высказывается на этот счет московский купец Федот Котов, который в первой четверти XVII в. путешествовал по Персии и Турции, доходил до границы арабских земель и сообщает, что «от Богдата и от Басира (Басры) пошла арапская земля кочевная, ...а те арапы не черны, черны арапы под Индеею!»¹¹

В 1634—1637 гг. в Египет и Палестину ездил казанский купец Василий Яковлевич Гагара. Можно думать, что он не был только паломником, ибо за привезенные сообщения о положении восточных дел Гагара был пожалован царем Михаилом званием московского гостя. Содержащиеся в «хождении» Гагары¹² этнографические заметки относятся только к Египту. В Каир, отмечает он, возят воду с Нила; «привозят воду арапы и продают тою воду во Египте (Каире), а возят тою воду на верблюдах и на катырех в мешках кожаных и продают व्यоками и кукшинами». Что такое *катырь*, — неясно: известные нам употребления этого слова показывают, что *катырь* — не верблюд, не осел и не «добрая» лошадь¹³; возможно, что так называлась «худая» лошадь в данном случае — водовозная кляча. Весьма интересное сообщение Гагары об искусственном выведении цыплят в египетских деревнях, известном здесь с глубокой древности. «По деревням сделаны земляны полаты, а в них поделаны печи, во всякой полате по 12 печей. А во всякой печи поделаны ящики, и в те ящики на всякую печь сыплют ш

¹⁰ А. Уманец, Поездка на Синай, ч. I, СПб., 1850, стр. 91.

¹¹ «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в.», СПб., 1901.

¹² «Православный палестинский сборник», XI, вып. 3, СПб., 1891.

¹³ См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, т. 2, СПб., 1902.

6000 яиц, а просыпают толченым и сеянным коневым калом, а печи нагревают тем же коневым калом, и огонь бывает беспрестанно, не само бы жарко, а тепло бы и дым бы был беспрестанно. И от того рожаются цыплята без матери... и как цыплята мало пооправятся, и их по дворам и по деревням развозят и продают по 4 деньги цыпленка, а как будет близ курицы возрастет, и их продают по 3 алтына по 2 деньги». Описывает Гагара и работы, связанные с разведением сахарного тростника и изготовлением сахара: «Садят тот камыш в осень, в кое время вода солется. И под тот камыш сыплют голубиные (помет) и обольют тот корень патокою, и до коих мест отпрянет, и до тех мест все поливают сытою медвяною. А садят его в колено земли выкапывают, а поспевают в третий год, и сладок бывает аки мед сотовый... И как поспеет тот камыш, созреет, и кладут его в скирды, а под скирдами деланы великие колоды, подобны желобам, и кладут на него великие каменья для гнетов. И как время приспее и станет из него росол капать подобно капустному усолу, и как те колоды изнаполнятся, и тот усол счерпывают, наливают корчаги, и посем переваривают в котлах, исперва бывает аки тесто сложеное, и как вдругорядь переварят, и прибавляют в него буйволовые сметаны, и тако бывает сахар головной, а леденец сахар делают: тот же усол переваривают в третьей раз». Иногда этнографические наблюдения Гагары переплетаются со слышанными им фантастическими измышлениями. Таково сообщение о приготовлении арабами «скуса» (вероятно, мускуса) из барсьего молока, таков же, по видимому, рассказ о приготовлении лекарства «фирьяк» из тела невольника, которого откармливают финиками, убивают, а затем 40 лет вымачивают в патоке. Фирьяк этот, заинтересовавший акад. И. Ю. Крачковского¹⁴, представляет собой, как нам кажется, не что иное, как знаменитый в средневековой Европе *терiak*, овечье мистическое лекарство, бывшее предметом исканий со времен Митридата Евпатора и до начала XVIII в.

К середине XVII в. относится «хождение» Арсения Суханова, известного впоследствии в качестве правщика церковных книг и одного из сотрудников Никона. Суханов был послан собрать сведения об обрядах восточной православной церкви, имел попутные политические поручения и в течение 1649—1653 гг. посетил Египет, Палестину и Сирию. В своем «Проскинитарии»¹⁵ Суханов сообщает некоторые сведения о Египте. Деревни здесь, пишет он, «частыя, все земляной кирпич нежженный, а иныя есть жженыя кирпичныя и каменные». Интересует Суханова и орошение тянувшихся вдоль Нила полей: «По реке по обоим берегам все воду колесом волами наливают из реки, поливают сахара и прочие сады, пшено сорочинское». Есть заметка о красноморских судах: «Джермы арабские яко струги есть малы, а великих немного».

Последний рассматриваемый нами источник XVII в. не является «хождением» в обычном смысле. Это — составленное русским пленным «Описание Турецкой империи»¹⁶, которую он исходил почти всю «в стопах пути ноги своея». Из «Описания» можно заключить, что автор его был служилым человеком, имевшим весьма солидное для своего времени, преимущественно военное образование. Издавший «Описание» П. А. Сырку предполагает, что это был Федор Дорохин, боярский сын из Ельца, во второй половине XVII в. попавший в плен и затем служивший в турецкой войске. В «Описании» говорится о многих переднеазиатских народах — арабах, турках, курдах, туркменах, причем основным критерием для их характеристики являются военные качества. В отношении арабов автор «Описания» правильно отмечает их устарев-

¹⁴ И. Ю. Крачковский, Указ. раб., стр. 17.

¹⁵ «Православный палестинский сборник», VII, вып. 3, СПб., 1889.

¹⁶ «Православный палестинский сборник», X, вып. 3, СПб., 1890.

шее вооружение, техническую и стратегическую отсталость и постоянно подчеркивает склонность арабов к конному бою копьями. О Иерусалиме, Каире и ряде других арабских городов сообщается: «А жильцы в нем все люди аравийстии; а до войны они огненного ружейного бою худы, раблывы и боезливвы и не умеют они во удержжанье града удержжать во осадном времени; толька их война аравийстих людей в поле на коне копьем воевать». Относительно египетских арабов автор указывает, что «меж ими людьми аравийстими есть немного, изредка на притчу, мало доспех, и шлем, и броня; а щитов такожде у них есть меж ими много». Наряду с военным делом автор «Описания» внимательно относится к национальному составу населения виденных им городов и областей, его плотности и образу жизни. В Каире, Александрии, Триполи, Тунисе, Алжире, Галилее, Газе, Яффе, Иерусалиме, Рамле, Бейруте, Джебзире — «жильцы все люди аравийстии». В Дамаске — «жильцы в нем люди турецкие и аравийтские, мнится пополам: пол их турецких людей, и пол их аравийтских людей... а уездные люди все аравийстии и трухменские во всех селах уездных». В Халебе — «люди турецкие и аравийтские... а уездные люди окрест его все люди аравийтские и трухменские редкими селами малыми; а трухменские люди не имеют они у себя сел, и так они без сел скотом в полях пасутся, рассыпаны они по всему полю в шатрах сидят; а аравийтских уездных людей села их вельми ретка и малые села их есть». То же сообщается и об арабских крестьянах, живущих вокруг Иерусалима: «в поле жилье их все малыми селами сидят они уездные люди: вельми велием зело село от села стоят они далека, а во всем уезде, во всех селах людьми не сильно и не тесно: аще как путем едешь где на притчу, изредка село наедешь». В противоположность сельским жителям арабские горожане живут тесно. В Месопотамии автор «Описания» познакомился и с бедуинами, которых он называет «чюль бети арап» (вероятно, *зу-ль-бадийя* — хозяин, господин пустыни). «Великая их орда есть,— говорится в «Описании»,— по всему полю и по пустыне всей рассыпаны сидят они в шатрах своей они; а меж ими у них есть в поле над ними один бег или мурза один над ними». Указание на единого бека или мурзу свидетельствует о том, что автор «Описания» имел в виду не бедуинов вообще, а одно бедуинское племя или племенной союз; вернее всего, речь идет о шаммарах, которые именно в этот период (конец XVII в.) в большом количестве откочевали из Неджда в Месопотамию¹⁷.

Сообщаемые русскими путешественниками XII—XVII вв. этнографические сведения об арабах, конечно, не велики, но, раскрывая перед нами самое начало русского арабоведения, они представляют бесспорный историографический интерес. Важно отметить, что начало это было весьма удачным, так как уже в Киевский период русские люди знакомились с арабами непосредственно, что определяло собой достоверность получаемых сведений. Важно и другое: русские люди приходили на Восток не как завоеватели-крестоносцы, они не были отгорожены от местного населения глухой стеной взаимной вражды и ненависти,— и поэтому Киевская и Московская Русь знала об арабах больше достоверного, нежели Западная Европа. Вот почему «сравнительно с данными, которые приобретали русские люди путем непосредственных живых наблюдений, ничтожными кажутся сведения об арабских странах в такой энциклопедии, как переведенный с латинского в первой половине XVI в. «Луцидариус», ограничивающийся в соответствующей части перечнем арабских стран и городов»¹⁸.

¹⁷ См. А. Г. Шербатов и С. А. Строганов, Книга об арабской лошади, СПб., 1900, стр. 53.

¹⁸ И. Ю. Крачковский, Указ. раб., стр. 18.

Б. В. АНДРИАНОВ

АРХИВ А. Л. КУНА

29 мая 1873 г. русские войска заняли столицу Хивинского ханства.

17 июня 1873 г. главнокомандующий русскими войсками Кауфман собрал участников похода, интересовавшихся ханством в научном отношении, и предложил им, пользуясь случаем продвижения оренбургского отряда, произвести обследование края. Была выработана программа научных исследований на базе программы, предложенной Географическим обществом.

Программа работ вполне отвечала требованиям российского самодержавия, которое только что утвердилось в новом богатейшем районе Средней Азии. Главные цели обследования были военно-стратегические (топографическое изучение местности, исследование судоходных путей в дельте Аму-Дарьи) и фискальные (статистическое обследование и изучение налоговой и административной системы ханства). Проведение этих работ было в основном поручено А. Л. Куну.

Александр Людвигович Кун родился в 1840 г. Имея склонность в молодости к изучению языков, он поступил на восточный факультет Петербургского университета, который блестяще закончил в 1865 г. со степенью кандидата. Еще будучи студентом, он написал серьезную и зрелую работу — «Обозрение Алькорана в религиозном и юридическо-политическом отношении». В 1868 г. он был назначен в распоряжение туркестанского генерал-губернатора. Здесь открылись возможности для историко-этнографических исследований молодого ученого.

В 1871—1872 гг. А. Л. Кун участвовал в Искандеркульской ученой экспедиции, где совместно с географом А. П. Федченко, геологом Д. К. Мышенковым и топографом А. Л. Соболевым обследовал верховья Зеравшана, изучал быт и язык таджиков и узбеков. Полевые этнографические материалы, собранные им, не были опубликованы и находятся в рукописном отделе Института востоковедения (фонд 33, № 3, 4, 17).

В 1873 г. А. Л. Кун участвовал в хивинской кампании и совершил поездку по оазису. Он собрал чрезвычайно ценные историко-этнографические материалы, рассмотрению которых и посвящена данная заметка. В 1874 г. он назначается чиновником особых поручений при учебной части туркестанского генерал-губернаторства. В этом же году он был командирован делегатом на международный съезд ориенталистов в Лондоне и избран членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже. 1875 год он провел в Петербурге, работая в комитете, подготовлявшем III международный конгресс ориенталистов. С 1874 по 1882 г. А. Л. Кун исполнял обязанности главного инспектора училищ Туркестанского края. С конца 70-х гг. он отошел от научной деятельности, занимаясь исключительно делами просвещения. С 1882 г. А. Л. Кун был назначен помощником попечителя Виленского учебного округа и в 1888 г. в возрасте 48 лет скончался¹.

¹ См. «Русский биографический словарь» и газ. «Новое время», 1888, № 4549.

Поездка А. Л. Куна по Хивинскому ханству в 1873 г., которая продолжалась с 19 июня по 12 августа, охватила основные населенные пункты и исторические центры ханства. В его задачи входило изучение этнического состава населения ханства и географического размещения отдельных народностей, исследование истории заселения оазиса, получение сведений о ханствующей династии, об административном и фискальном устройстве ханства, о городах, селениях, исторических памятниках и т. п. А. Л. Кун собрал значительный материал по этнографии, статистике и истории края, но опубликовал немного². Основная часть его материалов осталась неопубликованной и малоизвестной историкам и этнографам Средней Азии.

Ввиду скудости письменных источников по истории, этнографии и этностатистике Хорезма, архив А. Л. Куна не может не привлекать к себе значительного внимания. Особо важное значение этого архива заключается в том, что ряд материалов архива связан с документами известного архива хивинских ханов XIX в. А. Л. Кун был первым исследователем, который обнаружил во дворце бежавшего хивинского хана в мае 1873 г. ханский архив налоговых документов и ряд восточных исторических рукописей.

Собрания документов архива хивинских ханов были вывезены Куном из Хивы в Петербург, но впоследствии их след потерялся, и только в 1936 г. П. П. Иванов обнаружил ханский архив в неописанных фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Характеризуя значение архива в своем исследовании и описании хивинских документов³, П. П. Иванов отметил, что документы заключают в себе «чрезвычайно обширный и единственный в своем роде материал по вопросам социально-экономической истории ханства в XIX в.» и «вскрывают наиболее характерные черты социального строя страны в определенный период ее исторического развития». Такая, отнюдь не преувеличенная характеристика ценнейшего источника по истории Хорезма XIX в. заставила нас с большим интересом отнестись к архивным материалам А. Л. Куна. Как показало знакомство с его архивом, А. Л. Кун не только изучал налоговые документы ханского архива, но и сумел использовать их при этностатистическом обследовании населения, при изучении налоговой системы, административного устройства ханства.

Тетрадь № 1 архива хивинских ханов имеет вначале заметку от 2.VII.1873 г., сделанную Куном по поводу переписи населения во времена правления Сейид Мухаммед хана (1856—1865). В конце тетради нами обнаружена другая пометка Куна, указывающая расстояния в фарсах между Шураханом, Шаббазом и Рахман-Берды-баем (Бий-базар). Упоминаемые пункты отражают завершающий этап поездки А. Л. Куна по хивинскому оазису. Первая заметка от 2 июля 1873 г. была сделана в Куня-Ургенче, где А. Л. Кун обследовал архитектурные памятники и собирал статистические сведения о населении⁴. Судя по этому факту, а также по отдельным пометкам простым и синим карандашом на многих документах ханского архива, последние находились при А. Л. Куне во время его путешествия. Это предположение становится вполне оправданным, если вспомнить, что перед Куном были поставлены специальные задачи по изучению налоговой системы ханства и его населения. Проверить хивинские переписи и документы на ме-

² А. Л. Кун, Отчет о поездке по хивинскому ханству, совершенной во время хивинской экспедиции 1873 года, «Известия Русского географического общества», т. X, 1874, стр. 52; ряд очерков маршрутного характера под общим заглавием: «Культурный оазис хивинского ханства», «Туркестанские ведомости», 1874, № 6, 9, 11, 14; «Заметки о податях в хивинском ханстве», «Туркменские ведомости», 1874, № 32, 33.

³ Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940.

⁴ А. Л. Кун, Отчет о поездке по хивинскому ханству, совершенной во время хивинской экспедиции 1873 г.

стах — наиболее простой, быстрый и относительно точный способ для установления численности населения и для разрешения других задач, возложенных на Куна программой научных исследований.

Из 22 дел архива А. Л. Куна в рукописном отделе Института востоковедения к хивинскому периоду его деятельности имеют отношение четыре дела: № 7 — тетрадь путевых записей, № 3 — собрание путевых заметок, № 4 — собрание путевых заметок и разработок документов архива хивинских ханов и № 2 — «Очерк истории заселения хивинского ханства с древнейших времен, состав его современного населения, администрация и города ханства».

Первые три дела содержат материалы преимущественно на узбекском языке. Последнее дело представляет собой историко-статистический очерк на русском языке, составленный А. Л. Куном на основе полевых этнографических материалов поездки по хивинскому оазису. Общий объем четырех дел превышает 1000 листов.

«Тетрадь дневных записей» (дело № 7) представляет собой тетрадь объемом 115 листов в зеленом переплете с тиснением. Тетрадь не пагинирована и содержит путевые записи на узбекском языке, сделанные во время поездки по хивинскому ханству, с русскими пометами А. Л. Куна (заголовки и даты). Их датировки полностью совпадают с описанием маршрута в отчете, опубликованном А. Л. Куном. С 29 мая по 19 июня А. Л. Кун впервые знакомился с документами и рукописями, конфискованными во дворце хивинского хана, осматривал памятники Хивы и производил опрос населения. К этому времени относятся записи (на узбекском языке): «Рассказы о каналах, как их копают. 7.VI» (л. 2), «О салгуте кушбеги» (л. 2), «Обычаи базарные Хивы. 8.VI.73» и др. К этому же периоду относятся также записи государственных расходов хивинских чиновников — диванбеги и мехтера (лл. 115—100).

19 июня А. Л. Кун выступил из Хивы в составе Урун-дарьинской экспедиции через Газават, Ташауз, Ильялы — на Даудан и Дарьялык в Куна-Ургенч. Между 24 и 29 июня были сделаны записи: «Обычаи Ата» (лл. 12, 15), «Туркменские роды» (лл. 15, 16) и др. Экспедиция прибыла в Куна-Ургенч 25 июня. Отсюда участники Урун-дарьинской экспедиции направились на Дарьялык и Сарыкамыш, а А. Л. Кун принял обследование исторических памятников.

8 июля А. Л. Кун вместе с естественниками М. Н. Богдановым и Г. И. Краузе в сопровождении нескольких местных жителей покинул Куна-Ургенч и направился в Ходжейли. Из Ходжейли путешественники на лодках спустились в Кунград. Здесь были сделаны А. Л. Куном записи: «Кунградские роды. 10.VII.73» (л. 77) (см. приложение № 1). «Предание о Кунграде. 11.VII.73» (л. 77 об.) и др.

Спустившись по Улькун-Дарье к месту стоянки Аральской флотилии, которая в 1873 г. не смогла пройти в главное русло Аму-Дарьи и застряла в кушканатауских озерах, члены экспедиции были переправлены на восточный берег разливов и в сопровождении каракалпакских старшин направились в Чимбай. Из Чимбая путешественники спустились по Кегейли к Нукусу, который в то время представлял собою небольшой укрепленный пункт, и снова возвратились в Ходжейли 17 июля. Этим числом датированы записи: «Чины каракалпаков» (л. 76 об.), «Роды каракалпаков» (л. 75 об.) (см. приложение 2). К 18 июля относятся записи: «Свадебный обряд каракалпаков», «Обычаи каракалпаков» (л. 74) и др.

Из Ходжейли Кун и его спутники переправились в Нукус и левым берегом Аму-Дарьи через три дня достигли Рахман-Берды-бая.

По дороге были сделаны записи — «О киргизских родах» (лл. 72, 73), «Об арыках правого берега 20.VII» (л. 70) и др. Из Рахман-Берды-бая Кун переправился через Аму-Дарью к Гурлену, но вскоре возвратился

на правый берег к старому Кяту, откуда он вновь переправился на левый берег к голове Палван-арыка и 28 июля достиг Хивы. К пребыванию Куна в Хиве относятся записи: «Предания о Хиве» (лл. 64, 63), «Ремесленные обычаи» (лл. 62—56) и др.

На этом тетрадь дневных записей заканчивается.

Дело № 3 архива Куна заключает в себе связку рукописей — неброшюрованных тетрадей и отдельных листов и документов на узбекском языке с пометками Куна. Дело содержит путевые записи, относящиеся к хивинскому периоду деятельности Куна, а также записи и дневники Искандеркульской экспедиции 1870 г. Наибольший интерес представляют следующие записи: «Канал Кенегес близ Кипчака и его протоки», «Перечень ханов хивинских. Записано в Куня-Ургенче от мутавалия шир кебиря», «Дневник мирзы Абдурахмана в Хиве, веденный во время похода хивинского с 15 марта по 28 июня», «Доходы хивинские», «Список моим восточным рукописям 15.II.75».

Наряду с хивинскими материалами дело содержит записи и дневники Искандеркульской экспедиции: «Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции с 25 апреля по 29 июня 1870 г.», «Загадки, приметы, пословицы и поговорки жителей Ходжента. Собраны в Ходженте в 1870 г. А. Куном» и др.

Дело № 4 представляет собой собрание брошюрованных и неброшюрованных тетрадей и отдельных листов бумаги с узбекскими текстами. Дело не пагинировано. На первой тетради заголовок Куна — «Выборки из салгутных книг, перечень мечетей по крепостям». Последующие семь тетрадей не имеют заглавий, но по содержанию аналогичны. Общий объем этого ценнейшего статистического материала, представляющего собой разработку налоговых документов ханского архива, достигает 90 листов. Особый интерес представляет своеобразная этностатистическая перепись Хазараспского района. Она озаглавлена: «Опись населения хазараспского участка». Опись проведена по каналам. Всего перечисляется 30 каналов. Таблицы описи свидетельствуют о большой пестроте этнического состава населения Хазараспского района. Так, например, в одной из таблиц упоминаются: узбеки, сарты, найман, кият, ктай, кунграт, каракалпаки, уйгур, дурман, ходжа, карадошли, имрели. В конце тетради итог: «Общий итог хивинского вилаета 14 680. В Хивинском вилаете всего 14 680 дворов. В каждом считать по пяти человек в семье, тогда число людей равно 73 400 человек».

Помимо вышеупомянутых материалов, дело № 4 содержит: «Материалы статистические о Бухаре» (15 л.), «Сказки таджикские и узбекские» (22 л.), «Тетрадь расходов 1289 г.— 1872 г.» (61 л.), «Хивинские школы и медресе (2.VIII.73)». Последний материал, как и выборки из салгутных книг, относится ко времени пребывания А. Л. Куна в Хиве.

Дело № 2 — «Очерк истории заселения Хивинского ханства с древних времен, состав его современного населения, администрации и города ханства», является единственным материалом на русском языке. Это собрание переплетенных тетрадей и отдельных разрозненных листов различного формата общим объемом в 318 листов. Рукопись была пагинирована, но уже первое беглое знакомство показало, что пагинация не соответствует содержанию разнообразных материалов, объединенных вместе. Помимо основной рукописи «Очерка...», в деле содержатся два черновика, полевые материалы, относящиеся к 1873—1874 гг., и т. д.

Среди многочисленных материалов обращают на себя внимание сводки на русском языке нескольких налоговых документов архива хивинских ханов (лл. 121—166) — «Податные списки: денежной (салгутной), земской (казучи) и воинской (нукеры) повинности хивинского ханства по населенным пунктам». Написаны рукой А. Л. Куна.

Большой интерес также представляют: схема расположения хивинских придворных во время ханского приема (на узбекском языке), про-

грамма ученых исследований Хивинского оазиса⁵, опись рукописей, собранных во время хивинского похода 1873 г., переписка и черновики докладных записок А. Л. Куна по поводу трофеев дворца хивинских ханов, в том числе докладная записка от 4 марта 1874 г. (л. 281), на которой имеется резолюция Кауфмана по поводу учреждений, в которые должны поступить трофеи. О судьбе документов архива хивинских ханов сказано, что они предназначались «в публичную библиотеку. 7.III.74». Рядом пометка Куна красными чернилами — «исполнено», и в конце — «окончание исполнения. 29.IV.74».

«Очерк истории заселения хивинского ханства» содержит описание расселения народов Хорезма с указанием численности по племенам и родам, описание их занятий и обычаев, а также ряд народных исторических преданий об основных населенных центрах оазиса. Кун собрал сведения о центрах расселения северных узбеков — Кипчак, Ходжейли, Конграт, Мангыт и др. Предпоследняя глава очерка — «Почетные звания и должностные лица» — представляет особый интерес для освещения феодальной структуры хивинского ханства. Автор вначале приводит сведения об административном устройстве ханства времен Абулгази, а далее перечисляет современный состав феодальной верхушки. Список должностных лиц и почетных званий при хивинском дворе, составленный А. Л. Куном, является наиболее полным из всех списков подобного рода⁶ и включает:

«Почетные звания — Эмируль Умера, Инак, Аталык, Накыб, Ага, Беглярбек.

Должностные лица. — Казы Кишен, Казы Урда или Оскар, Аалаш, Муфти, Ииехуль Ислам, Мутавали, Мудерис, Казы, Имам, Суфи, Реих, Михтер, Кушбеги, Мираб, Дарга, Анакиль (арбаб), Бай, Наиб, Диван, Баджман, Мушриф, Есаул-баши, Серкерда, Мин-баши, Юз-баши, Топи-баши, Караул-беги, Диван-беги, Махрам, Елик-агасы, Ишгавуль, Аш-Мехтер, Ходжай сарай, Думокчи, Дастарханчи, Маратур, Паррам»⁷.

Заканчивая обзор хивинских материалов архива А. Л. Куна, необходимо отметить, что они содержат много ценных сведений по истории, этнографии и статистике Хорезма и включают большой труд первого русского ученого-востоковеда, положившего начало полевому историко-этнографическому обследованию народов Хорезма. Они свидетельствуют о громадной работе, которая была проделана А. Л. Куном по разбору важнейших документов архива хивинских ханов с целью их использования при изучении налоговой системы, административного устройства хивинского ханства и в статистическом обзоре населяющих его народностей. Извлечения из налоговых документов архива хивинских ханов, которые были сделаны А. Л. Куном, представляют исключительный интерес для изучения социально-экономического положения ханства середины XIX в. Такие собрания путевых записей и разработок налоговых хивинских документов, как материалы дела № 3, № 4, безусловно требуют дальнейшего изучения, перевода и публикации на русском языке наиболее ценных сведений.

⁵ Программа включает исследования: топографическое (Каульбарс и Сыроватий), метеорологическое (Оводов и Каульбарс), естественно-историческое (Богданов, реузе, Корольков, Каульбарс), историко-этнографическое (Каульбарс, Кун).

⁶ См. Данилевский. Описание хивинского ханства, Записки Русского географического общества, 1851; М. Иванов. Хива и река Аму-Дарья, Морской сборник, 1864, № 8, № 9; Описание хивинцев или хивинского ханства и торговли с Средней азией, Архив Географического общества, Р. 94, ж. VII, и др.

⁷ Институт востоковедения, фонд 33, № 2, л. 72.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Дело № 7, л. 77
 Кунградские роды [Русский текст]. Роды конграт. Они
 являются аральскими конгратами [Узбекский текст].

Р о д	Хана (число дворов)	Мечети
-------	------------------------	--------

Входящие в племя кок-узяклы (Мурат бий
 конграт)

Канджигалы	65	2
Кият	35	1
Хтай	17	1
Тартули	24	1
Кара-курсак, Айран, Огуз	50	2
Тыркиш	50	1
Калекесер, Шамра, Быр-кулак	50	3
Джаугур	47	2

Входящие в племя балгалы (Нияз бий конграт)

Найман	25	1
Митен	25	1
Шикули, Бурьячи	50	1
Иштеке	45	1
Ногай	27	2
Таз	57	2
Сагыр	40	1
Сарсан	50	1

Входящие в племя ачамайлы (Сеид Назар
 бий конграт)

Ачамайлы	50	2
Бугаджел, Кок-буи	50	2
Киет	50	1
Джалаир, Нукус	50	1
Канджигалы	65	2
Буюрлы, Кашер	60	2
985 хана		

ПРИЛОЖЕНИЕ 1*

Дело № 7, л. 76

[Тетрадь дневных записей]. Роды каракалпаков и их численность [Русский заголовок]. Племена трех родовых отделений каракалпаков [Узбекский текст].

Племена *	Асп. [атлы] *	Ханадар [вла- дельцы кибиток]	Число биев
Входящие в Шуллуқ Кунграт			
Кият	77	443	7
Митан	54	280	4
Карамуин	56	280	3
Кандекли	73	365	4
Балгалы	54	270	6
Коштамглы	60	295	2
Колдаулы	114	570	6
Ачимайлы	87	438	3
Входящие в Джаунгыр Кунграт			
Тиеклы	29	145	2
Уйгур	48	240	2
Ыргаклы	59	295	4
Казаякы	70	850	5
Баймакы	80	400	3
Шеужейли и Баканлы	30	142	1
Терстамгалы	160	300	3
Входящие в три группы племени мангыт			
Ак мангыт и Чуит	75	375	5
Карамангыт	77	440	4
Уч-тай	59	295	3
Входящие в племя кенегес			
Нукус, Уймаут, Дубал, Ак- Тогын, Омур, Тараклы, Аран- чи	148	840	2
Входящие в племя ктай			
Таза ктай	14	70	
Кырк	21	15	
Манджули	17	75	
Аралбай	52	260	3
Куюн	37	185	1
Анна	38	190	4
Айтеке	38	190	4
Черучи	37	185	2
Бексыик	36	180	4
Кайшылы	52	200	4
Казаякы	52	260	1
Бешсары	52	260	8
Входящие в племя кипчак			
Канглы	75		3
Естек и Санмурын	75	375	3
Майлибалта	74	370	7

* В связи с публикацией русских переводов узбекских текстов архива Куна при-
шлю глубокую благодарность М. В. Сазоновой, взявшей на себя труд по переводу
бликуемых записей.

* Сохранена транскрипция названий источника.

* Историческими источниками и народными преданиями засвидетельствовано, что
инска повинность — атлы — состояла в том, что от 10 хозяйств выставлялся один
адник (асп, атлы).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. А. СЕМЕНОВ

О СЛОЖЕНИИ ЗАЩИТНОГО АППАРАТА ГЛАЗ МОНГОЛЬСКОГО РАСОВОГО ТИПА

I

Проблема расогенеза занимает важное место не только в антропологии, но и в истории доклассового общества. Историкам, изучающим наиболее ранние этапы развития человеческого общества, невозможно обойтись без учета антропологических данных при освещении таких важных вопросов, как вопросы первоначального расселения человечества и этногенеза. Между тем проблема расогенеза принадлежит к числу наиболее спорных, наименее изученных. Пользуясь этим, сторонники реакционных расистских концепций стремятся превратить ее в идеологическое оружие империалистической политики.

Советские ученые много сделали и на пути изучения расогенеза, и в деле борьбы с реакционными расистскими лжеучениями. Однако в проблеме расогенеза все еще остаются слабо освещенными очень важные ее разделы. В частности, вопрос о происхождении монгольского расового типа, которому уделялось преимущественное внимание и для изучения которого советские ученые располагают большими возможностями, еще продолжает оставаться загадкой. Несколько лет назад Я. Я. Рогинский, перу которого принадлежат ценные работы в науке о расах, имел основание сказать следующее: «Вопрос о том, какие факторы вообще содействовали дифференциации человечества на большие расы и, в частности, привели к образованию монгольского расового типа, вряд ли разрешим на уровне современного знания»¹.

Изучение проблем расогенеза тормозило господствовавшее долгое время в биологии идеалистическое учение Вейсмана, Менделя и Моргана о независимости наследственной природы организма от внешней среды, от условий жизни. Решение вопроса о происхождении монголоидов усложнялось также тем, что их распределение по всем широтам земного шара происходило в послеледниковый период и сопровождалось смешением с представителями других рас.

В настоящее время положение коренным образом изменилось. Печаль мичуринского направления в биологии над автогенетическими тестами последователей Менделя — Моргана дает возможность говорить о наследовании благоприобретенных признаков. Вместе с тем археологические и палеоантропологические исследования юго-восточной Азии

¹ Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения монгольского расового типа «Антропол. журн.», 1937, № 2, стр. 60.

позволяют исключить южные зоны эйкумены из древнего ареала монгольской расы и тем самым поставить вопрос о сложении монгольского типа на более твердую основу. Расообразование мы рассматриваем как процесс, протекавший одновременно с антропогенезом, по крайней мере в его завершающих фазах. В то же время мы считаем, что формирующее влияние окружающих условий жизни не является в этом процессе независимым фактором: они здесь опосредованы явлениями другого порядка, а именно общественно полезным трудом при помощи искусственно изготовленных орудий.

«Труд,— писал Маркс,— есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»².

В связи с активным воздействием человека на окружающую природу при помощи орудий труда на протяжении четвертичного периода произошли крупнейшие изменения в самой природе человека. Во-первых, возникло разделение функций между передними и задними конечностями, развилось прямохождение, сформировались такие универсальные органы, как руки. Во-вторых, развился до небывалых размеров и способностей человеческий мозг — центр высшей психической деятельности. В-третьих, выработались человеческие речь и мышление в качестве необходимых средств общественной жизни.

Таким образом, за весь истекший длительный период в процессе становления человечество выработало в себе такие качества и изменения, которые обеспечили ему и упрочили господство над окружающей природой.

Наряду с этими общими для всего человечества изменениями и качествами в результате длительной борьбы с природой в разных географических и климатических условиях возникли и специальные особенности, которые мы называем расовыми. Они были необходимы для существования и дальнейшего развития. Без них человечество не могло бы заселять различные области и зоны земного шара и размножаться там при низком уровне производительных сил и культуры, с которыми оно начало это заселение.

Чтобы успешно противостоять условиям природной среды в борьбе за существование и развитие, человечество должно было подвергнуться некоторой физической дифференциации, не утрачивая, однако, своего видового единства и основных приобретений, полученных в процессе антропогенеза.

II

Рассмотрим в свете изложенного основные особенности в строении верхней части лица монголоидов, а именно — характерные для монгольского глаза набухшее верхнее веко, эпикантус и узкую глазную щель.

В соответствии с высказыванием Маркса о том, что человек, дей-

² К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 184—185.

ствуя на внешнюю природу и изменяя ее, в то же время изменяет и свою собственную природу, мы считаем, что расовые особенности нашего глаза зависят от его функций, от работы, которую ведет этот орган в определенных условиях окружающей среды.

Воздушная среда, в которой совершается работа глаза, является крайне непостоянным и наиболее активным ингредиентом нашего окружения.

Работа зрительного органа не прекращается даже тогда, когда другие органы чувств бездействуют, 90% всей нашей трудовой деятельности протекает при участии глаз. Работа глаз в среднем продолжается 15—18 часов в сутки.

Глаза являются важнейшим органом: «есть полное основание считать наш глаз в буквальном смысле частью мозга, выдвинутой на периферию»³.

Глаз очень подвижен. Он обладает целой системой мышц, связок, покровных частей, при помощи которых человек рефлекторно или сознательно руководит этим органом, направляя его оптику или защищая ее от внешних воздействий. Строение верхней части лица и

Рис. 1. Монгольская девушка

в первую очередь защитные части глаза не могут не зависеть от того, какая работа ложится на него. Строение монгольского глаза достаточно детально изучалось совокупными усилиями многих ученых. Из русских бислогов этому вопросу посвятил свое внимание И. И. Мечников (1874); из западноевропейских — Мондьер (1875), Регалья (1888), Бельц, Зибольд, Сера (1909), Бартель (1911), Жиффор (1928), Деникер (1936); из китайских — Ио (1934), Вен (1934)⁴; из японских — Адахи (1906).

Основные достижения перечисленных авторов заключаются преимущественно в области анатомии, морфологии и гистологии монгольского глаза, как самого яблока, так и всего мышечно-двигательного аппарата.

Уже давно выяснено, что строение монгольского глаза существенно отличается от европейского. У европейца глазная щель открыта широко и располагается горизонтально. Линии, соединяющие наружный и внутренний углы обоих глаз, составляют почти прямую. Глазная щель монголоида значительно уже. Она довольно часто бывает едва прорезана. Кроме того, она нередко имеет косое положение. Наружные углы глаз бывают приподняты, а внутренние как бы опущены (рис 1—3).

³ Проф. С. В. Кравков, Глаз и его работа, 1936, стр. 11.

⁴ P. Huard, Nguyen-Xuan-Nguyen et Hach, Recherches sur l'oeil des Indochinois et sur ses annexes, «L'Anthropologie», 1938, стр. 29—54.

На масках китайского национального театра эта особенность еще усиливается в связи с тем, что косое положение глаз является исконным и неотъемлемым признаком китайского народа.

Следующей специфической чертой монголоидного глаза можно считать своеобразное строение складки верхнего века. Складка эта лежит ниже, чем у европейца, она отвисает и покрывает собой свободный край века, к которому прикреплены ресницы. Верхнее веко в силу такой особенности у монголоидов имеет тяжелый набухший вид (рис. 4). Нижнее монгольское веко в свою очередь отличается большой набухлостью, массивностью в сравнении с европейским.

В строении глаза монголоидов обращает на себя внимание также отсутствие выемки во внутреннем углу глаза. Складка кожи здесь опускается вниз и закрывает глазной бугорок, который у европейцев открыт. Эта наплывающая на внутренний угол складка называется «монгольской складкой», или эпикантусом (рис. 5 и 6).

В тесной связи с развитием складки верхнего века, его набуханием, находится еще одна существенная черта верхней части лица монголоид-

Рис. 2. Пожилой эвенк

Рис. 3. Алтайцы. Лицо юноши и девушки в спокойном состоянии. Привлекают внимание ярко выраженные монголоидные признаки глаз у юноши при слабо выраженной монголоидности всего лица

дов. На лице европейца граница между лбом и верхним веком обозначается более или менее отчетливым углублением. У монголоидов вдавленность между верхним веком и лобным краем отсутствует или выражена крайне незначительно.

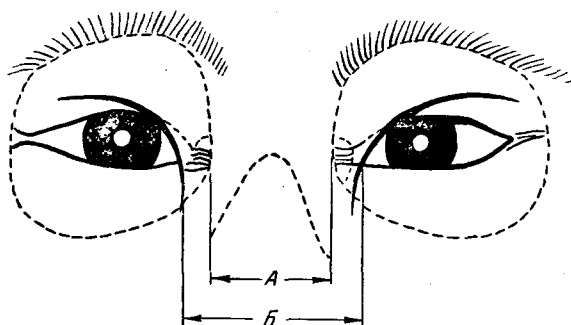

Рис. 4. Схема образования эпикантуса (по Уару):
А — костная основа межглазья; Б — мягкие части межглазья

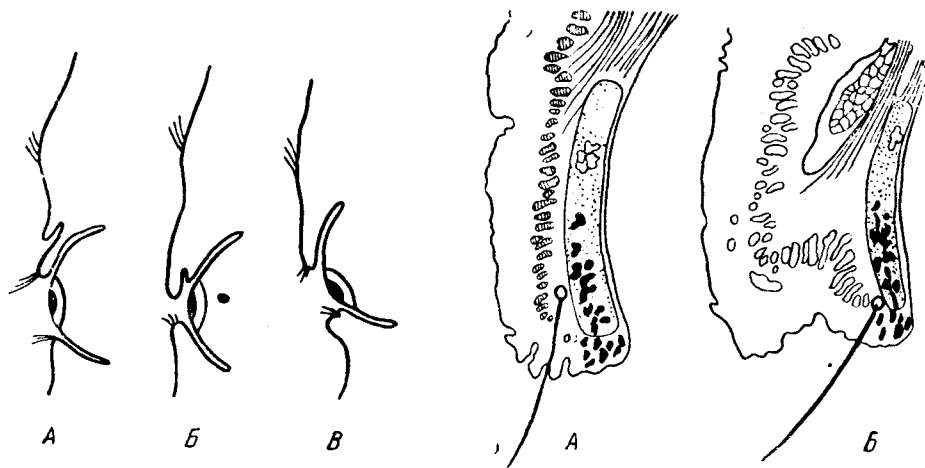

Рис. 5. Вертикальный разрез глаза:
А — у европейца; Б и В — у монгола

Рис. 6. Вертикальный разрез верхнего века:
А — у 36-недельного зародыша европейца; Б — у 36-недельного зародыша китайца (по Уару)

Перечисленные особенности монгольского глаза, как выяснено, не являются характерным образованием одних только мягких покровных частей лица — кожи, подкожных жировых отложений и мускулатуры. Правда, установлено, что эти мягкие покровные части лица монголоидов имеют большее утолщение в сравнении с таковыми у европеоидов. Монгольское лицо мясистее, если можно так выразиться. Однако наружным особенностям монгольского глаза соответствует и строение лицевых и черепных костей. Во-первых, надбровные дуги на черепах монголоидов обычно более уплощены в сравнении с дугами черепов европеоидов. Во-вторых, носовые кости слабо выступают. В-третьих, скуловые кости значительно более выдаются вперед в лицевом профиле. Имеются и другие особенности.

Вследствие этого лицо типичных монголоидов кажется более плоским в сравнении с рельефным лицом европеоида. В то же время лицо мон-

голоида производит впечатление более монолитной формы в силу меньшей расчлененности его частей.

Возвращаясь к тому, что было сказано выше, мы ставим вопрос: какое значение могли иметь для монголоидов физические особенности их лица, в частности глаз, а именно: узкий разрез глазной щели, набухшее верхнее веко, а также эпикантус, которым заслонен внутренний угол глаза вместе со слезным бугорком?

Уже давно и точно установлено, что глазные веки существуют для того, чтобы защищать глаз — орган весьма чувствительный к внешним воздействиям. «Веки образуют покровный аппарат глаза, который служит для защиты его от внешних вредностей и предохраняет его поверхность от высыхания», — пишет проф. В. П. Одинцов. И далее: «Мигаельные движения век переводят слои слезы от наружной (височной) части глаза к внутренней (носовой). Этим движением слезы удаляют с поверхности глаза все попавшие на нее мелкие пылинки и соринки»⁵.

Систематическое засорение глаз пылью вызывает хроническое воспаление слизистой оболочки век и соединительной подвижной ткани между веком и глазным яблоком (конъюнктивы). Болезнь эта носит название конъюнктивита.

Также хорошо известно, что веки, вместе с ресницами, не только защищают глаза от пыли и удаляют ее, если пыль попадает, но и защищают от ветра, когда он даже не несет с собой пыли. Ветер быстро испаряет слезную жидкость с поверхности глаза, вызывает усиленную работу слезной железы. Глаза на ветру всегда слезятся, а веки сощуриваются, чтобы прикрыть глаз как можно больше. Ветер, кроме того, оказывает на глаз чисто механическое давление.

Следующей, еще более мощной стихией, с которой глаз вынужден бороться, является солнечный свет, преимущественно отраженная солнечная радиация. Закрытые или полуприкрытые веки предохраняют от отраженных лучей солнца хрусталик и сетчатку глаза. Чем сильнее свет, тем энергичнее мы сощуриваем глаза или закрываем их совсем. А так как яркий свет проникает и через веко, мы, напрягая всю мышечную систему глаза, соединяем все складки кожи в дополнительную преграду, которая ложится еще поверх век (спастическое закрывание глазной щели).

Вред отраженной солнечной радиации для глаза сказывается даже в нормальных условиях умеренного климата, когда свет содержит ультрафиолетовые лучи.

«Ультрафиолетовая радиация солнца оказывает большое влияние на глаз человека, — пишет Н. Н. Калитин. — Сетчатка глаза более двух третей продолжительности жизни человека подвержена (когда глаз не закрыт) действию солнечной лучистой энергии, в виде рассеянной или отраженной радиации, и вместе с тем она очень чувствительна к действию ультрафиолетовой радиации. Но глаз устроен так, что хрусталик непроницаем для ультрафиолетовых лучей; таким образом, он защищает сетчатку глаза от повреждения, но зато со временем страдает сам. Под действием этой радиации белок хрусталика из легкорастворимого переходит в труднорастворимый, в результате чего к старости иногда получается прогрессирующее помутнение хрусталика (катаракта старости)»⁶.

Вредоносное влияние отраженной радиации лучей ультрафиолетовой части спектра бывает причиной заболеваний глаз, в том числе *ophthalmia nivalis* — снежной слепоты. Снежная слепота, как пишет В. П. Одинцов, обязана своим происхождением действию ультрафиолетовых лучей, со-

⁵ Проф. В. П. Одинцов, Курс глазных болезней, 1946, стр. 110.

⁶ Н. Н. Калитин, Лучи солнца, 1947, стр. 83—84.

державшихся в дневном солнечном свете и проникающих до земли там где воздух особенно чист и где имеются условия для сильного отражения этих лучей. В легкой степени снежная слепота встречается в широких умеренного климата ранней весной, когда в яркие солнечные дни снежный покров отражает большое количество лучей. В такие дни глаза легко краснеют, слезятся, щурятся от света. Профилактической мерой служит ношение темных консервных очков⁷.

Таким образом, даже в оптимальных условиях человеческий глаз постоянно оказывает сопротивление различным воздействиям среды. И в этих актах самозащиты важную роль играют покровные части глаза, веки со своим двигательным аппаратом.

III

Если мы обратим внимание на народы монгольской расы и в первую очередь на народы Центральной Азии и Восточной Сибири, которые дают нам наиболее типичных представителей этой расы, мы найдем подтверждение тому, что характерное строение монгольского глаза возникло как защитная реакция этого жизненно важного органа в борьбе за существование человеческого общества с окружающей природой.

Ввиду того что современная Монголия дает нам ярких представителей монгольской расы, прежде всего обратимся к этой стране.

«Территория Монголии обладает рядом исключительных физико-географических явлений и может рассматриваться в отдельных случаях как некий географический феномен, не имеющий аналогов нигде на земном шаре. Из таких явлений следует отметить следующие:

а) в Монголии зимой лежит центр мирового максимума атмосферного давления, значение которого для циркуляции атмосферы исключительно велико; велико также его влияние на формирование пустынного ландшафта Центральной Азии (см. рис. 7.— С. С.);

б) самый южный на земном шаре район распространения вечной мерзлоты, не связанный с высокогорным альпийским поясом и приуроченный к равнинному рельефу (47° с. ш.), лежит в пределах Монгольской Народной республики;

в) самое северное в мире распространение сухих пустынь наблюдается в Западной Монголии, в котловине больших озер (50,5° с. ш.);

г) по температурным амплитудам, как суточным, так и годовым, Монгольская Народная республика может быть отнесена к одной из самых континентальных стран мира»⁸.

Отброшенная далеко от морей, возвышенная пустынно-степная Центральная Азия обладает исключительно высокой амплитудой колебания температур. Абсолютная амплитуда годовых крайних температур в Монголии достигает 90°, а суточная амплитуда 25°. В Восточном Туркестане эти колебания еще выше. Годовая амплитуда здесь достигает 95° и более за счет очень высоких летних температур (+70°) и достаточно низких зимой (—25—35°). Суточная амплитуда 30°.

Вследствие больших колебаний температур происходит та циклоническая деятельность, разрушительная сила которой сказывается уже многие тысячелетия на природе Центральной Азии. При этом, наряду с

⁷ В. П. Одинцов, Курс глазных болезней, 1939, стр. 166.

⁸ Э. М. Мурзаев, Основные проблемы физико-географического изучения Монгольской Народной Республики, «Пробл. физич. геогр.», вып. XII, 1946, стр. 62.

правильными сменами циклонических процессов, наблюдаются и аперiodические инциденты, нарушающие общий порядок метеорологических явлений.

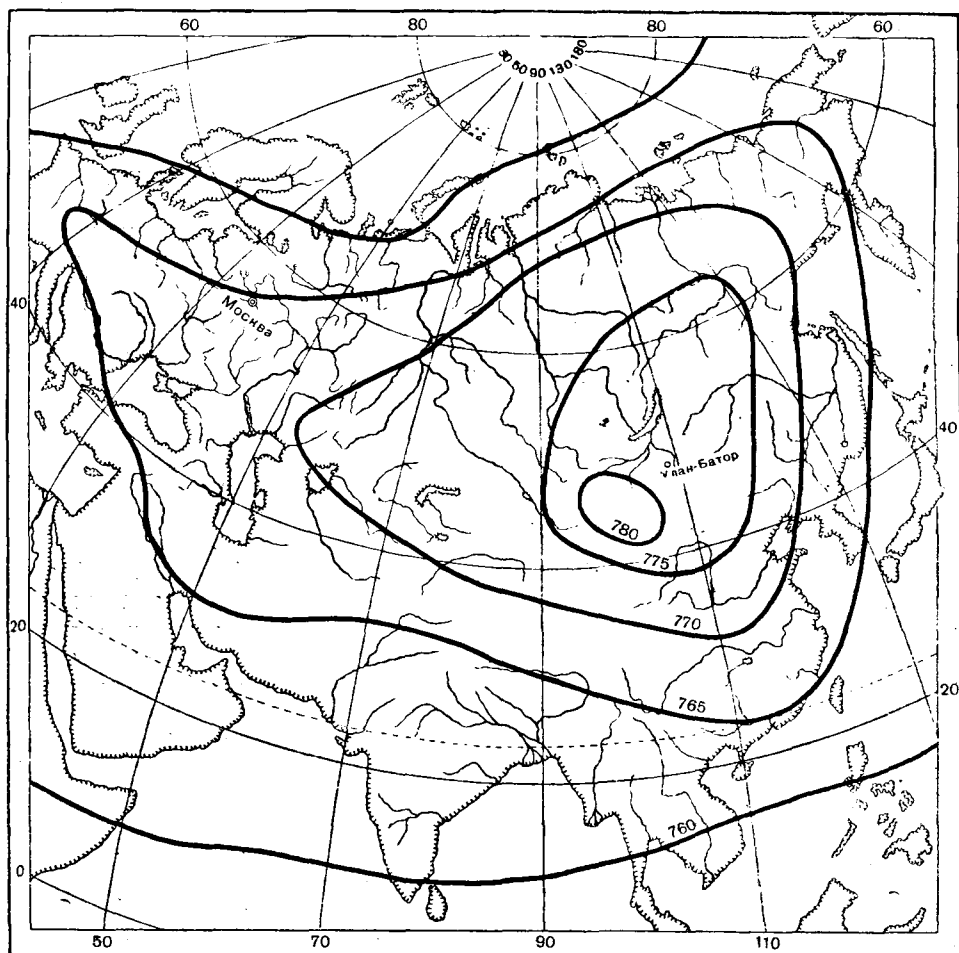

Рис. 7. Изобары января, показывающие область мирового максимального барометрического давления (780) в центре Монголии

Приведем несколько фактов: Э. М. Мурзаев⁹ был свидетелем следующего изменения погоды 3—4 июня 1942 г. в Улан-Баторе. 3 июня в 6 часов вечера была теплая, солнечная и тихая погода. Два часа спустя вдруг начался южный ветер, достигавший скорости 12—15 м в секунду, поднялась пыль, небо покрылось мглой, облачность достигла 9. Еще через час снова было тихо и тепло, звезды сияли на открытом небе, облачность была 0. В 1—2 часа ночи возник короткий, но сильный ливень. Утром, часов в 9, небо затянуло сплошными облаками, видимость ухудшилась, горы скрылись в тумане, пошел снег, сопровождаемый сильным ветром северо-западного направления, температура опустилась до +1°. Несколько суток стояла настоящая зима.

⁹ Э. М. Мурзаев, Указ. соч., стр. 62.

23 августа 1943 г. в пределах Восточного аймака в 18 часов пронеслась гроза, которая длилась всего 40 минут, сопровождаясь ураганным ветром и градом. Гроза захватила полосу шириной 15—20 км, за пределами которой было солнечно и тихо. Градины достигали величины голубиногo яйца, много мелкого скота было побито. Ветром подхватило юрты, которые отнесло за 15 км, а одежду из юрт отбросило за 15—20 км от стойбища. Несколько скотоводов было убито градом. По окончании грозы немедленно восстановилась солнечная тихая погода. О холодном урагане напоминала только ледяная корка, покрывавшая землю и таявшая под лучами солнца. Э. М. Мурзаев отмечает, что такие явления в Монголии часто остаются не зафиксированными метеорологическими станциями, так как проходят очень узкой полосой.

Но это лишь метеорологические инциденты, хотя и очень частые. За ними стоят весьма резко выраженные чередования годовых климатических фаз.

Постоянство и интенсивность воздушных масс в Центральной Азии обращали на себя внимание всех русских путешественников: Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. А. Обручева и основателя русской метеорологии А. И. Воейкова.

Энергичная ветровая деятельность здесь тесно связана с максимумом атмосферного давления, центром антициклонического режима в зимние месяцы. Она возникает с ранней весны, когда холодные воздушные массы начинают отсюда свое поступательное движение и устанавливается период штормов и бурь.

В Монголии, например, бури начинаются уже с февраля. Об этом П. К. Козлов писал следующее: «По нашим наблюдениям, тихие дни встречались в виде исключения, обыкновенно же дули стойкие западные, с большим или меньшим уклонением к северу или югу, ветры, приносившие с собою тучи пыли, которая иногда надолго омрачала атмосферу. Случалось, однако, и так, что новыми более сильными порывами та же пыль уносилась вдоль гор... Во время монгольской или гобийской бури положительно негде укрыться: ветер легко пронизывает войлочные жилища. Животная жизнь тоже замирает, все прячется, все затихает, и помимо шума бури ничего не слышно кругом»¹⁰.

Как сообщал Козлов, бури в Монголии продолжались и в апреле, достигая предельной силы. В один из таких сильных штормов, бросавших на их стоянку возле колодца Цакэлдэктэ-худук снег с песком, в ночь на 17 апреля «камешки величиною с горошину неслись в воздухе, и более острые пробивали полотно палатки». Последняя, наконец, была сорвана шквалом. Ветер сбивал с ног людей.

Штормовая деятельность, перемежающаяся короткими интервалами затишья, продолжается в Монголии до глубокой осени. Дневниковые записи путешественников полны жалоб на эту неприятную сторону летних передвижений по Монголии и другим областям Центральной Азии. В западных областях Центральной Азии (Джунгария, бассейн Тарима, Тарбагатай) штормовая деятельность считается самой мощной стихией, которую здесь приходится преодолевать населению.

«Настоящий бич всего почти Западного Китая — это страшные ветры, — писал Н. В. Богоявленский¹¹, русский консул, проведший несколько лет в этих краях. — Особенно сильные ветры бывают весной. Тогда они продолжают неделями и достигают такой силы, что, например, по дороге от Чугучака в Урумчи, около станции Сары-Хулусун, останавливается движение караванов, так как даже верблюды не могут противостоять силе ветра».

¹⁰ П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, 1923, стр. 80.

¹¹ Н. В. Богоявленский, Западный застенный Китай, 1906, стр. 13.

В период ветров, как правило, с утра и до 12 часов дня бывает тихо. Ветер начинается с 12 часов, к 3 часам он достигает максимального напряжения, которое держится до 4—5 часов, и только около 6 часов вечера устанавливается безветрие. Даже в тех случаях, когда ветер дует круглые сутки, максимальное напряжение его, достигающее степени урагана, падает на время с полудня до вечера.

В Тарбагатае и Джунгарии летом господствуют северо-восточный и юго-западный ветры. Северо-восточный ветер, отличающийся большой сухостью и резкостью, проникает сюда из пустыни Гоби. Юго-западный ветер приносит тепло и сырость и сопровождается обильными осадками. Северо-восточный ветер отличается крайне неприятными свойствами. На людей и животных он действует угнетающим образом. Люди впадают сначала в состояние раздражения, потом приходит апатия и удрученное состояние. Животные, например, лошади, испытывают сильное волнение. Северо-восточный ветер в Тарбагатае называется «эбе». Он обычно продолжается от трех до семи дней. Затем румб резко изменяется, и начинает дуть юго-западный ветер в течение одного-двух дней, после чего идет дождь или снег, смотря по времени года. В зимнее время еще дуют нередко северо-западные ветры, которые несут холода.

«В центральной Азии,— пишет акад. В. А. Обручев¹²,— сухой климат с его резкими колебаниями температуры, летней жарой, зимними морозами, при скудости или отсутствии растительности, защищающей склоны возвышенностей, обуславливает быстрое выветривание, распадение горных пород на их составные части и образование мелких продуктов этого распада — песка и пыли».

Пыль образуется также и под влиянием других факторов. Ее дают отложения рек, теряющихся в пустынях, выносы временных потоков, берущих начало в горах и холмах, почвы речных долин, слабо скрепленные растениями, и низменные берега озер, подверженных сокращению, откуда ветры могут выносить все подъемные материалы. Песок, как материал более тяжелый, передвигается медленно, оставаясь в границах Центральной Азии в виде скоплений сыпучих песков в Ордосе, южной Алашани, Центральной Монголии.

Пыль вследствие ее легкости уносится далеко. Она движется высоко в воздухе целыми тучами, застилая горизонт на большом пространстве. Иногда даже в безветренные дни пыль поднимается в воздух вихрями, возникающими в жаркую летнюю погоду. Спирально поднимающаяся струя воздуха засасывает пыль, песчинки, высохшую траву. Более тяжелые материалы падают обратно, когда вихревой столб рассеивается, но пыль продолжает плавать в нижних плотных слоях воздуха в течение продолжительного времени.

На периферии Центральной Азии и за ее пределами, где больше выпадает осадков, ветры бывают слабее, ибо близость высоких горных цепей и наличие противоположных воздушных течений затрудняют их деятельность. Пыли здесь в воздухе меньше. Она оседает и задерживается более густой растительностью (травой, кустарниками), стряхивается ветром на поверхность земли или смывается дождями и остается на месте, защищенная от ветра. Накапливаясь в течение тысячелетий, пыль уплотняется, скрепляется корнями растений и водой, в результате чего и образуются лёссовые отложения с особой структурой, в сложении которой принимают участие не только механические, но и химические процессы.

Устойчивость засушливого климата Центральной Азии на протяжении больших геологических эпох привела к тому, что из отложений пыли не

¹² В. А. Обручев, От Кяхты до Кульджи (Путешествие в Центральную Азию и Китай), 1940, стр. 176.

более 1 мм в год образовались толщи лёссовых пластов, достигающие, например, в Северном Китае сотен метров. Огромные отложения лёсса в Северном Китае занимают площадь, равную Пиренейскому полуострову. На них тоже возникают пылевые бури и вихри, как только урожай с полей снимается и обнаженная пашня лишается защиты против ветровой деятельности. На китайских дорогах пыль стоит в воздухе во всякое, даже безветренное время за исключением периода выпадения осадков.

Пыль сопровождает здесь человека почти повсюду, поднимаясь в воздух (в силу своей крайней дисперсности) от движения стад, животных, всадников, арб, пешеходов. Пыль является элементом среды человека на большей части территории Центральной Азии. Лишь в недолгие периоды выпадения осадков (дождя, снега) этот легкий покров теряет свою подъемную способность. Свободное движение пылевых масс в атмосфере зависит еще от вертикальной инверсии температур, наблюдающейся в Монголии зимой.

Наряду с крайними температурными колебаниями, необычайно интенсивной воздушной циркуляцией, сопровождаемой пылью, население Центральной Азии подвергалось воздействию еще со стороны оптических контрастов воздуха. Удивительным на первый взгляд, но вполне закономерным явлением здесь можно считать резкую смену прозрачности и мутности атмосферы. Крайне слабо насыщенный водяными парами (вследствие большой сухости климата и значительной высоты над уровнем моря) воздух Центральной Азии обычно отличается исключительной светопроницаемостью, прозрачностью. Такое состояние атмосферы чаще всего наблюдается в зимние дни, когда устанавливается антициклонический режим и максимум атмосферного давления. Прозрачность атмосферы имеет место и в другие времена года, в дни штиля (безветрия) или после выпадения осадков.

Вместе с жалобами на бури и пыль, омрачающую небо и застилающую горизонт, в путевых записях Потанина, Пржевальского, Козлова можно прочесть такого рода заметки о состоянии атмосферы:

«Благодаря выдавшейся чистоте и прозрачности воздуха, даль открывалась на большие расстояния...» (1 марта) ¹³.

«Благодаря необычайной прозрачности воздуха путешественник часто обманывается в определении расстояний, значительно сокращая их против действительности» (январь) ¹⁴.

В такие дни дает себя чувствовать отраженная солнечная радиация. Глаз постоянно находится в напряжении, не встречая отдыха на открытом однообразном пространстве, излучающем свет, пространстве, где нет ни теней, ни зелени древесной или луговой растительности, кроме выжженной травы, сухих кустарников, пыли и песка. Зрение с раннего возраста подвержено испытаниям такой среды (рис. 8а, б). В зимнее время, после выпадения осадков, альbedo резко возрастает, достигая 85%. Это значит, что 85% всего солнечного света, падающего на поверхность земли, отбрасывается снежным покровом при прозрачном состоянии атмосферы.

Разумеется, в Центральной Азии зимние осадки малы и далеко не одинаковы для разных областей этой страны. Кроме того, они скоро смешиваются с пылью. Альbedo падает до 30—35%. Однако при зимнем безветрии снеговой покров в северных зонах Центральной Азии сохраняется некоторое время, удерживая высокое альbedo.

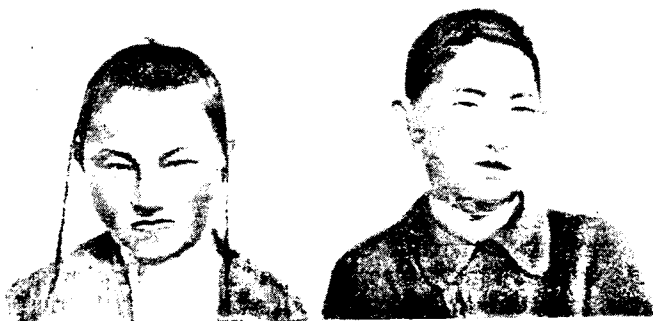
О силе отраженной радиации на заснеженном пространстве в Мон-

¹³ П. К. Козлов, Указ. соч., стр. 81.

¹⁴ Там же, стр. 42.

голии сообщает П. К. Козлов. После снежной бури, которая разразилась весной, в апреле, и покрыла степь белым саваном, он писал:

«Отражаясь от белой поверхности снега, солнечные лучи создавали необыкновенную яркость освещения, спасаясь от которой всем нам пришлось надеть очки, снабженные боковыми сетками»¹⁵.

a

б

Рис. 8. Лица киргизских детей и подростков: *a* — преобладают тюркские черты (лица освещены солнцем); *б* — преобладают монгольские черты

В моменты, когда альбеда бывает предельным, снежная слепота может последовать через несколько часов. Оптическая нагрузка на зрительный орган становится непосильной.

Менее интенсивное альбеда бесснежных степей и пустынь действует на глаза не столь резко, но с течением времени также дает о себе знать. Оно приводит к тому выцветанию глаз у старых монголов, на которое обратил внимание еще Ю. Д. Талько-Грынцевич, изучавший монголов-халха и бурят. Он наблюдал, что обесцвечивание защитного

¹⁵ П. К. Козлов, Указ. соч., стр. 153—154.

пигмента в радужной и сетчатой оболочках у монголов сопровождается помутнением роговицы вследствие ее раннего старческого перерождения и хроническим катарром слизистой оболочки век. Автор правильно понял причину этих явлений, указав на действие солнечных лучей и пыли. К этому он присоединил еще влияние на глаза дыма внутри юрт, который сопровождает домашний быт всех кочевников¹⁶. Однако дым имеет место не только в быту кочевников, но и других народов, примитивным способом отапливающих жилище. Поэтому дым здесь не может играть решающей роли.

Влияние отраженной радиации на зрительный орган человека наиболее сильно дает о себе знать в арктических широтах. Весной (апрель и май) белизна снега здесь ослепительна. Альбеда достигает 90%. Почти вся лучистая энергия солнца, падающая здесь все 24 часа полярного дня, отбрасывается обратно. Только 10—15% лучей поглощаются снегом и идут на таяние его.

В эти месяцы местное население не выезжает в тундру без предохранительных средств для глаз. Отраженный свет действует на глаза в первые часы: возникают резь и слезотечение. Повреждение зрения может случиться через несколько часов пребывания в тундре без снежных очков. Отраженная радиация особенно опасна для глаз потому, что ею облучаются верхние секторы сетчатки, более чувствительные, менее адаптированные к свету в сравнении с нижними.

У ненцев и русского населения этой области снежные очки еще недавно изготовлялись из частых металлических сеток, вставленных в проволочную оправу. Переносица и завязки делались из тесемок или ремешков. Сетка очень мелкого плетения играет ту же роль, что и темные стекла консервных очков, которыми теперь пользуются народы Советского Севера. Не имеющие консервов и снежных очков защищают свои глаза специальными повязками, оставляя только узкую щель.

Эвенки и другие народы Восточной Сибири изготовляли снежные очки из волосяных сеток. Казахские и киргизские пастухи, вынужденные круглые дни проводить под открытым небом, в весенние месяцы пользовались защитными очками, сделанными из кошмы. Кочевники Западной Монголии и тувинцы применяют для защиты глаз различные средства, в том числе и сетки, которые опускаются на лицо. Внутри шапок монгольских лам защитные сетки пришиты к подкладке и могут быть опущены на глаз в случае надобности.

«Весной на Камчатке,— писал С. П. Крашенинников,— солнце так ослепительно блестит на снегу, что люди в это время загорают, как индейцы, и многие портят глаза или даже совсем слепнут. Поэтому жители Камчатки носят наглазники из бересты, прорезав в ней узенькие щелочки, или даже сетки, сплетенные из черных лошадиных волос. Все это происходит оттого, что сильными ветрами снег настолько уплотняется, что поверхность его тверда и блестит, как лед»¹⁷.

Большой интерес представляют эскимосские снежные очки¹⁸. Они изготовлялись из кости или дерева и были весьма разнообразны по форме. Чаще всего они имеют вид полумасок, в которых для глаз вырезаны очень узкие щели. Сквозь эти щели не проникают большие пучки света (см. рис. 9).

Эскимосские снежные очки очень древнего происхождения. Они известны по археологическим данным на самых ранних стадиях эскимос-

¹⁶ Ю. Д. Талько-Грынцевич, Народности Центральной Азии (монголо-халхасы, буряты и тунгусы), Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. Русского географического об-ва, т. V, вып. I, 1902, стр. 14.

¹⁷ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М., 1948, стр. 87.

¹⁸ F. Boas, The Central eskimo, Bureau of ethnology, 1888, стр. 576; J. Murdoch, Ethnological results of the Point Barrow expedition 1881—1883, стр. 261—262.

ской культуры (Оквик, Уэлен, Ипиутак)¹⁹. Нередко снежные очки эскимосов над щелями для глаз имеют еще небольшие предохранительные козырьки, вырезанные из цельного материала (рис. 9). В ряде случаев эскимосы как азиатские, так и американские заменяют снежные очки большими козырьками (рис. 9). Такие специальные козырьки закрывают блистающее перед глазами пространство, оставляя видимым только ближайшие его участки, угол отражения света которых не столь опасен. В тех случаях, когда северяне не располагают достаточно эффективными средствами защиты глаз или пренебрегают ими, они расплачиваются за это снежной слепотой. «Снеговая слепота в весеннее время,— писал В. Г. Тан-Богораз,— довольно распространена среди чукок, которым приходится ездить в тундре»²⁰.

IV

Глаза монголоидов также подвержены снежной слепоте, но они обладают в этом отношении большей стойкостью, так как более защищены по сравнению с глазами европейцев.

Узкую глазную щель и набухшие веки, особенно верхние, необходимо считать основным защитным аппаратом глаз монголов²¹. Узкая глазная щель, во-первых, уменьшает доступ как отраженной, так и прямой солнечной радиации к сетчатке, во-вторых, уменьшая открытую поверхность яблока, затрудняет попадание пылевых частиц, ослабляя механическое давление воздуха, испарение слезной влаги и усиленную деятельность слезных желез.

Набухшие веки в моменты замыкания и особенно зажмуривания глаз отличаются большей светонепроницаемостью для ультрафиолетовых лучей и лучше защищают глаза от всяких механических воздействий в условиях интенсивной циркуляции атмосферы.

Образование эпикантуса можно рассматривать в качестве дополнительного приспособления к защитному аппарату глаза. Его функции, по-видимому, заключаются в том, чтобы служить, во-первых, «плотиной», прикрывающей слезное озеро (*lacus lacrimalis*) во внутреннем углу глаза и затрудняющей свободное излияние слезной жидкости наружу, направляя ее в носовой канал.

Как было сказано, усиленное выделение слезной жидкости происходит под действием ветра, особенно холодного, а также насыщенного сухим снегом или пылевыми массами.

Свободное излияние слезной жидкости через края век или внутренний угол глазной щели наружу создает сильную помеху в работе зрительной оптики. При частом мигании век слезы смачивают ресницы, слезами переполняется глазная щель, в результате искажается нормальное преломление света в теле хрусталика, нарушается видимость окружающих предметов. Кроме того, на смачиваемых слезами веках и глазных впадинах лица быстро оседает пыль. Этот факт известен в медико-санитарном деле охраны труда: пыль и копоть в производственных условиях прежде всего оседают внутри глазных западин лица, как более влажных.

¹⁹ G. Rainey, Eskimo prehistory: the Okvik site on the Punuk islands, *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, т. XXXVII, ч. IV, Нью-Йорк, 1941, стр. 503, рис. 12; H. B. Collins, *Archaeology of St. Lawrence island, Alaska: Smithsonian Mis. Col.*, 96, № 1, 1937, табл. 58, рис. 1—2; С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, 1947, табл. 2, рис. 14.

²⁰ В. Г. Тан-Богораз, Чулки, I, 1934, стр. 25.

²¹ «Большое набухание века увеличивает защиту глаза и в этом смысле эквивалентно вариантам с более узкой глазной щелью» (В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, *Антропология*, 1941, стр. 156).

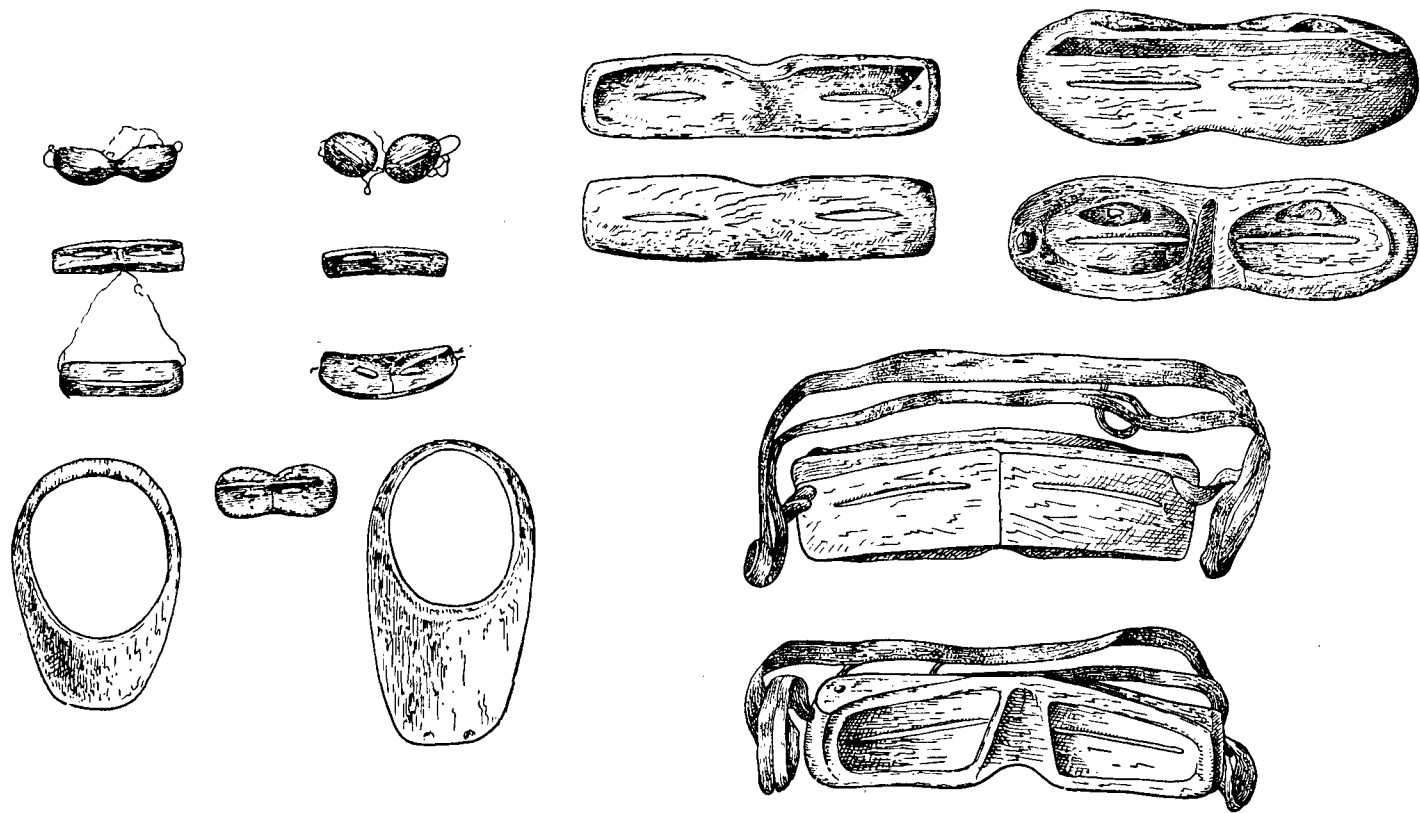

Рис. 9. Снежные очки и козырьки эскимосов

Еще старые исследователи монгольского глаза, в том числе Зибольд, обратили внимание на то, что у монголоидов с сильно выраженным эпикантусом большая часть слез во время плача изливается через носовой канал, в то время как у европейцев большая часть слез стекает наружу через открытый внутренний угол и края век.

Вторая функция эпикантуса, по всей вероятности, заключается в защите внутреннего угла глаза от излишнего засорения его пылью ввиду расположения в этой части периферийных органов слезоотводящего аппарата (слезных точек и канальцев), склонных к воспалению от застревания инородных тел, как о том свидетельствует клиническая офтальмология²².

V

Население Центральной Азии и прилегающих областей, следы деятельности которого установлены для второй половины плейстоцена, вело борьбу за существование тоже в условиях пустынно-степного ландшафта, с той разницей, что засушливый режим тогда господствовал на более обширном пространстве Северной Азии и континентальность климата была выражена еще резче, чем в настоящее время.

Обитатели оазисов Ордоса, как мы можем судить по стоянкам Шарасо-гол и Шу-танг-коу, были окружены великой лёссовой пустыней и охотились на шерстистого носорога, антилопу и гигантского лёссового страуса. Насельники Афонтовой горы, Мальты, Бурети жили среди тундры с редкими очагами морозостойкой растительности, охотясь на мамонта и северного оленя.

В целом все характерные для этих областей в наше время метеорологические факторы, как то: сухость, температурные и оптические контрасты, интенсивность воздушной циркуляции, пыль — проявлялись тогда с большей активностью. Поскольку интенсивность циркуляции атмосферы, — пишет акад. А. А. Григорьев, — зависит в первую очередь от величины температурного контраста между термическим экватором и наиболее холодным поясом данного полушария, а этот контраст в эпоху максимального оледенения в летние месяцы был больше, чем в наше время, — мы вправе заключить, что летняя циркуляция атмосферы в те времена была интенсивнее, чем, в среднем, бывает теперь»²³.

Поскольку вторая половина плейстоцена характеризуется энергичными процессами отложения лёсса, достигавшими гигантских масштабов в Северном Китае и прилегающих странах, пылевой фактор здесь должен был, наряду с другими, сказываться довольно сильно.

Таким образом, палеолитические охотники северной половины Азии находились в исключительно своеобразных условиях жизни. Эти условия к тому же отличались еще одной существенной особенностью.

Центральная Азия и Восточная Сибирь в ледниковое время представляли территорию, отличающуюся, при всей ее огромности, условиями относительно замкнутого ареала. С севера и востока ее ограничивали Ледовитый и Тихий океаны со своими системами морей; с северо-запада — Сибирская низменность, где застаивались талые и речные обско-енисейские воды вследствие запруды северных их стоков Уральско-Новоземельским и Таймырским ледниками; с юго-запада — Саяно-Алтайское и Тяньшанское нагорья с ледниками; с юга, во-первых, —

²² Проф. С. С. Головин, Клиническая офтальмология, т. I. Методика исследования и симптоматология глазных болезней, 1923, стр. 80—81.

²³ А. А. Григорьев, Циркуляция атмосферы в период максимального оледенения как база для реконструкции климата эпохи, Труды Инст. географии АН СССР, т. 37. Проблемы палеогеографии четвертичного периода, 1946, стр. 29.

Куэнь-лунь, за которым лежали высоты Гималаев; во-вторых, — хребет Цинь-линь-шань, являющийся продолжением Куэнь-луня, Восточно-китайская низменность, значительная часть которой была тогда заболочена.

В какой степени перечисленные границы замыкали этот ареал мы достоверно сейчас судить не можем. К тому же мы обязаны оговориться, что фактор изоляции мы не считаем основным в деле расообразования.

Малочисленность населения в четвертичный период и низкий уровень развития производительных сил, с одной стороны, огромность пространства Центральной и Северо-восточной Азии, где даже при обычных естественных преградах были сильно затруднены процессы смешения различных расовых типов, с другой стороны, создали благоприятные условия для образования расогенетических ареалов, закрепления расовых признаков и их сочетаний в определенных локальных группах населения.

В нашем распоряжении нет пока палеоантропологических данных, свидетельствующих о проникновении за пределы очерченного ареала носителей монголоидных признаков в эпоху плейстоцена. Остатков монголоидов нет в Восточной Европе, нет в Средней и Передней Азии, нет в Индии.

Долгие годы для антропологов оставался неясным вопрос о времени начальной инфильтрации монгольского расового компонента в Индокитай и на острова Индонезии, где, как известно, в настоящее время этот компонент можно считать доминирующим.

Если пристально проследить историю упорных попыток и неудач связать человеческие расы с географическими зонами и рассматривать физические различия в качестве явлений адаптивного порядка, то станет очевидным, что первым камнем преткновения на этом пути были монголоиды с их современным размещением по всем широтам. Особенно смущало наличие их под тропиками. Невозможно было уложить в рамки таких расогенетических построений, с одной стороны, эвенков и коряков, а с другой, — малайцев и аннамитов. Как те, так и другие одинаково принадлежат к монголоидной расе, но одни — почти на Крайнем Севере, другие — почти на экваторе. В недавнее время вопрос об отношении монголоидов к тропическим широтам получил новое освещение. Новейшие палеоантропологические данные показывают, что древнейшее неолитическое население Юго-восточной Азии принадлежало преимущественно к различным экваториальным (негро-австралоидным) расовым типам. Как известно, два австралоидных вадьякских черепа были открыты Дюбуа в 1889 г. С этого времени палеоантропология Юго-восточной Азии обогатилась значительным числом древних человеческих остатков, относимых к раннему постплювиальному периоду. Черепа, открытые в пещерах Там-ханга (Лаос) раскопками Фромаже дали два типа. «Веддоиды» в количестве 5 экземпляров залегали в третьем слое. Во втором слое Фромаже нашел черепа «негритосского типа» (меланезоидного). Пещеры Малакки (Пеханг) представили остатки «веддоидов» и негритосов²⁴. Скелеты из Ленг-лонга (раковинные кучи в Пераке) долгое время оставались неисследованными. Сейчас их относят в основном к австралоидам. Раковинные кучи Пенанга (Малакка) содержали части 4 скелетов «папуасского» типа²⁵. Многослойные кучи раковин Тан-Хоа (Аннам) дали целые скелеты тоже «папуасского

²⁴ W. Duckworth, Human remains from Rock-Shelters and Caves in Perak, Pahang and Perlis and from Selinsing, Journ. malayan branch Royal Asiatic Society XII, II, 1934, стр. 149.

²⁵ E. Patte, L'Indochine préhistorique, Revue anthropologique, 1916, № 10—11 стр. 277—310.

типа²⁶. Наиболее многочисленные остатки человека были открыты в пещерах горного массива Бак-сон в Тонкине, из которых преимущественного внимания заслуживают пещеры: Фо-бин-джа, Донг-туок и Ланг-куом, исследованные Мансуи. Череп из Фо-бин-джа принадлежали к тому антропологическому типу, который близко стоит к полинезийцам (рослым долихоцефалам) и имеет почти европеоидный облик. Верно и Патт нашли здесь общие черты с черепами кроманьонцев. В результате сложилось представление, что люди из Фо-бин-джа являются древними предками индонезийских племен Юго-восточной Азии²⁷. Пещера Донг-туок содержала костные остатки местного австралоидного типа. То же следует сказать и о пещере Ланг-куом, где обнаружены остатки до 100 индивидуумов²⁸. Пещера Улю-тьянко на Суматре, датируемая ранним неолитом, дала остатки «веддоидов», а пещера Гува-лава на Яве — «папуасов» и «веддоидов».

Китайские древние источники, относящиеся к династии Чжоу (I тысячелетие до н. э.), также дают свидетельства, подтверждающие существование темнокожего населения на юге Азии и в более позднее время. В тексте мифологической географии (Шан-хай-цзин), написанной за несколько столетий до новой эры, упоминаются темнокожие люди малого роста. Согласно сочинению Чунь-цу Цзо-чжу ань, просмотренному Конфуцием (550—479 гг. до н. э.), черные пигмеи жили в княжестве Джу (нынешний район Ден-джоу-фу), лежавшем к югу от Шаньдуна. К позднейшим историческим документам относятся указания монаха Одорика де-Порденона, совершившего путешествие в Китай в 1330 г. и наблюдавшего в провинции Гуанси низкорослых негроидов, занимавшихся разведением хлопка²⁹.

По всей вероятности, частичная инфильтрация монголоидных расовых признаков в Юго-восточную Азию путем смешения носителей этих признаков с местными физическими типами возникает рано, еще в начале неолита, но развивается медленно и принимает массовый характер значительно позднее. Буржуазные археологи-миграционисты (Р. Гейне-Гельдерн), мыслящие формально-типологически, пытаются энеолитические памятники (Ханг-рао, Ке-тонг, Мин-кам), которые дают «топоры с плечиками», связать с монголоидами на юге Азии. Эта точка зрения не имеет под собой фактической опоры. Известно, что в гроте Мин-кам было открыто детское погребение, в котором оказался скелет с черепом молодого негрита, осыпанный украшениями из перламутра.

VI

В настоящее время многие советские антропологи считают, что образование основных физических признаков трех больших рас, по всей вероятности, падает на вторую половину ледникового периода, к концу которого эти признаки окончательно закрепились.

Археология и антропология пока дают нам очень скудные данные относительно населения предшествующего геологического периода на

²⁶ E. P a t t e, Fouilles d'un Kjökkenmødding néolithique dans la province de Thanh Hoa, Indochine. Extraits de Comptes rendus du Congrès des Sociétés savantes en 1936, Париж, 1931.

²⁷ H. M a n s u y, Gisement préhistorique de la caverne de Pho-Binh-Gia (Tonkin), L'Anthropologie, XX, 1909, стр. 531.

²⁸ H. M a n s u y et G o l a n i, Néolithique inférieur (Bacsonien) et néolithique supérieur dans le Haut-Tonkin (dernières recherches avec la description des crânes du gisement de Lang-Cuom, Mémoires, X, 1925, III.

²⁹ H. I m b e r t, Les Négritos de la Chine, Imprimerie d'Extrême Orient, Ханой 1923.

территории Центральной Азии и прилегающих областей, еще меньше данных для суждения об их физическом облике.

Однако те скудные факты, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что палеолитический человек имел здесь монголоидные признаки. Мы оставляем вопрос о монголоидности синантропа открытым. Ф. Вейденрейх, как известно, отмечает несколько морфологических особенностей на зубах, нижней челюсти и на черепках синантропа, которые, по его мнению, близки к таковым у современных китайцев. Отсутствие лицевых костей синантропа, однако, лишает эту гипотезу убедительности³⁰. Очень бедны и костные остатки человека с Афонтовой горы, но фрагмент лобной кости, вместе с носовыми частями, найденный в 1937 г., показал типично монгольскую уплощенность переносья³¹. Что касается черепов из Верхней пещеры в Чжоу-коу-тянь, то здесь основные показатели дают нам тип, близкий к монголоидам. Верхняя пещера датируется поздним палеолитом.

Монголоидные признаки выступают и на человеческой статуэтке из бивня мамонта, открытой А. П. Окладниковым на верхнепалеолитической стоянке Буреть. Автор дает следующее описание ее головы:

«Голова статуэтки продолговатая и овальная, сужена кверху. На ней особо выделены лицо и головной убор. Лицо моделировано наиболее тщательно. Оно выпукло и оформлено объемно в основных своих деталях. Просто, но отчетливо переданы: маленький выпуклый лоб, выдающиеся щеки и скулы, округлый и мягко очерченный подбородок. Рта не обозначено, но он «угадывается», отсутствие его не бросается в глаза. Как бы расплывающийся, мягко очерченный «монгольский» нос резко очерчен снизу. Глаза переданы в виде узких миндалевидных углублений. Впечатление от них совершенно необычно: узкие и раскосые, они невольно вызывают в памяти черты лица, свойственные представителям монгольской расы»³².

Наиболее полные данные о монгольском физическом типе дают нам материалы позднего неолитического времени в Северном Китае, открытые Андерсеном в провинциях Ганьсу и Фэнь-тянь (Шо-ко-тун). По исследованиям Д. Блека³³, черепа и скелеты здесь обнаружили все признаки, характерные для современных китайцев. Эти данные имеют решающее значение для выяснения вопроса о месте и о времени сложения основных расовых признаков монголоидов. Специализация китайского типа в неолите позволяет предполагать, что к началу современного геологического периода монголоиды уже сформировались.

VII

Каким образом усиленная работа защитного аппарата глаз могла с течением времени вызвать столь характерное для монголоидов развитие этого аппарата?

Набухание мягких частей глаза не представляет для нас большой загадки. Повышенная деятельность органа даже в течение цикла индивидуальной жизни может привести к нарастанию мышечной, соединительной и жировой тканей, к некоторому увеличению объема всей двигательной системы. Наследование набухших верхнего и нижнего ве

³⁰ F. Weidenreich, The mandibles of *Sinanthropus pekinensis*, *Paleontologia Sinica*, Серия Д, т. VII, № 3, а также статья в № 4.

³¹ Г. Ф. Дебец, *Палеоантропология СССР*, 1948, стр. 42—43.

³² А. П. Окладников, *Палеолитическая статуэтка из Бурети*, *Материалы археологии СССР*, № 2, стр. 105.

³³ D. Black, The Human Skeleton Remains from the Sha Kuo T'un Cave Deposited in comparison with those from Jang Shau T'sun and with Recent North China Skeletal Material, *Paleontologia Sinica*, серия Д, т. I, ч. 3, Пекин, 1925.

у монголоидов явилось следствием усиленной работы защитного органа, продолжавшейся многие тысячелетия.

Образование узкой глазной щели было вызвано совокупной работой нервных, мышечных и секреторных органов.

Одним из характерных защитных движений глаз является прищуривание, которое также часто используется при рассматривании отдаленных предметов. Но это прежде всего защитный акт. В этих актах самозащиты глаза принимает участие несколько мышц. Во-первых, про-

Рис. 10. Киргизы. Лица мужчины и женщины с преобладанием тюркских черт при одинаковом освещении. Защитный аппарат глаз у мужчины находится в более напряженном состоянии, чем у женщины

исходит сокращение *musculus palpebralis* (внутренняя часть смыкающей веки мышцы, которая производит и мигательные движения). Вслед за ней сокращается *m. orbitalis* — очень сильная круговая мышца, к движению которой присоединяется *m. corrugator supercilii* (двигающая брови), а также *m. procerus* (так называемая мышца гордецов). При очень сильном прищуривании в действие вступает еще скуловая мышца (*m. zygomaticus*) и квадратная мышца верхней губы.

В результате брови сдвигаются между собой и опускаются книзу, а кожа щеки поднимается вверх. На веках образуются складки, наплывающие на глазную щель. Происходит очень близкое к тому, что мы делаем при зажмуривании, когда достигается полное двойное смыкание век. Но при прищуривании мы сводим веки не до конца, а лишь до момента соприкосновения ресниц в наружном углу глазной щели.

На прилагаемом рисунке изображен киргиз с прищуренными от света глазами. В его лице очень мало монголоидных черт. Это лицо по строению приближается к европеоидному, что среди киргиз вполне обычно. Вся мышечная динамика прищуривания, описанная выше, здесь дана. Рядом показана молодая женщина. Лицо ее, в целом тоже европеоидное, однако совершенно спокойно, хотя освещение падает под одинаковым углом, судя по теням на груди от головы³⁴. Хорошо выражен-

³⁴ Приношу благодарность С. И. Руденко и М. П. Грязнову за фотографии горноалтайцев и киргизов, любезно предоставленные мне для исследования в настоящей работе.

Рис. 11. Алтайская женщина. Пример активного участия лобной мышцы в полном раскрытии век. Анфас и профиль

Рис. 12. Алтайская женщина. Второй пример активного участия лобной мышцы в акте полного раскрытия век

ная складка верхнего века, эпикантус и узкая глазная щель защищают ее глаза от солнечных лучей (рис. 10).

В лице монголоидов, в особенности у наиболее типичных их представителей, обращает на себя внимание ясно выраженный отпечаток перевеса лобной мышцы над мышцей орбитальной, благодаря чему брови почти всегда стоят высоко и имеют дугообразный вид, а кожа на лбу обладает большой подвижностью (рис. 11 и 12).

Сильное развитие *m. frontalis* у монголоидов нередко сопровождается более энергично выраженным сокращением нижнего отдела орбитальной мышцы. Эта типичная черта верхней части монгольского лица, дополняющая своеобразное строение защитного аппарата глаз и переносья, находится, независимо от мимической роли, в функциональной связи с верхним отделом *m. orbitalis* и даже *m. orbicularis*, участвуя в актах оперкуляции. Лобная мышца играет роль дополнительного подъемника в тех случаях, когда

происходит широкое раскрытие век, которые у монголоидов отличаются массивностью и меньшей подвижностью.

Вспомогательная роль лобной мышцы в работе век установлена на патологических явлениях. Паралич *m. levatoris palpebrae superioris* (*m. oculomotorius*) вызывает падение верхнего века (*ptosis*), но больные очень часто продолжают раскрывать глаза, хотя и в малой степени. «Надо еще добавить,— пишет С. С. Головин,— что косвенно раскрытию

глазной щели, при нарушении правильной функции подъемника век, может помогать сильное сокращение кожи лба, вызываемое напряжением *m. frontalis* и механически подтягивающее веко кверху»³⁵.

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что усиление защитного аппарата глаз у представителей монгольской расы и изменения, вызванные этим в строении лица, нельзя рассматривать в качестве только биологической адаптации, как явление естественного отбора. Здесь мы имеем явление, которое могло возникнуть только у человека, вследствие того, что этому предшествовало развитие прямохождения, обусловленное общественно полезными трудовыми актами, т. е. употреблением орудий и огня.

Вертикальное положение тела и головы, необходимое в труде, в то же время весьма невыгодно с точки зрения приспособительных реакций организма, существующих в животном царстве. Голова, балансирующая на вертикальном позвоночнике, и лицо, занимающее фронтальное положение у человека, в первую очередь поставлены под воздействие метеорологических факторов (солнца и атмосферных явлений). Глаза расположены во фронтальной плоскости, и зрение участвует в сохранении равновесия вертикально поставленного тела.

Таким образом, в основе защитных реакций монгольского глаза хотя и лежат механизмы биологического порядка, но их действие обусловлено общественно-необходимыми трудовыми процессами.

В связи с изложенными здесь соображениями о причинах формирования особых признаков монгольского лица возникает вопрос: если монгольский глаз есть следствие защитной реакции этого органа человека, вынужденного осваивать окружающую природу* с особым метеорологическим режимом, то нельзя ли указать на другие примеры хотя бы частичной конвергенции указанных признаков там, где условия жизни в какой-то степени были сходными?

Полного аналога тому, что мы называем древним ареалом или, выражаясь образно, колыбелью монгольской расы, на земном шаре нет. Он неповторим. Например, если мы возьмем пояс южных степей и пустынь северного полушария, захватывающий Сахару, Аравию, Иран, Северо-западную Индию, то не замедлим убедиться, что в нем очень мало общего с поясом северных степей и пустынь. Здесь нет твердых осадков с максимальным альбедо, амплитуда годовых температур малая, интенсивная циркуляция воздуха — фактор непостоянный, дисперсия пылевых масс значительно слабее, чем в Центральной Азии.

А главное, весь этот пояс в ледниковый период, когда происходило формирование больших рас, хорошо орошался и представлял зону саванн в силу того, что арктический воздушный фронт был тогда смещен к югу³⁶. Мы теперь знаем достоверно, что, например, Сахара была в этот период заселена палеолитическими охотниками и собирателями, располагавшими оптимальными условиями жизни. На территории Аравии и Ирана, как и в Сахаре, сохранились вadi — высохшие русла древних рек.

Однако на территории Старого Света мы все же имеем область с некоторым приближением к Центральной Азии по ряду существенных физико-географических черт. Это — Южная Африка. В современной климатологии Южная Африка отнесена к североазиатскому климатическому типу. Страна эта лежит между двумя очагами высокого барометрического давления для южного полушария, которыми определяется энергичное перемещение воздушных масс и сухость климата, несмотря на соседство океанов и положение в субтропическом поясе.

³⁵ Проф. С. С. Головин, Указ. соч., стр. 58.

³⁶ А. А. Григорьев, Указ. соч., стр. 25.

Годовой размах температуры здесь местами достигает 50° . Например, в верховьях р. Оранжевой летняя температура поднимается до $+41^{\circ}$, зимняя падает до $-10,5^{\circ}$ по Реомюру. На внутренних плато нередко выпадает снег. Соседство пустыни Калахари и лёссовых отложений сте-

Рис. 13. Бушмены. Тип лица и форма глазной щели

пей является источником дисперсии и настоящих пылевых бурь под действием постоянных и сильных ветров. В ясное время светопроницаемость воздуха достигает здесь предельной силы. Альбе́до всех рефлексирующих элементов поверхности очень велико.

В ледниковый период эта страна не претерпела резких климатических трансформаций. Об этом свидетельствуют многочисленные эндемические растения очень древнего происхождения (например, вечнозеленые

капские бессмертники, хрустальные травы, серебряные деревья — *Leucodendron argenteum*) и некоторые реликтовые виды животных³⁷.

Обращаясь к автохтонному населению Южной Африки — бушменам и готтентотам, мы сталкиваемся с фактами, на которые в свое время обратил внимание И. И. Мечников.

Бушмены и готтентоты обладают некоторыми монголоидными признаками в строении лица: 1) узким, а иногда и слегка косым разрезом глазной щели; 2) набухшими верхними и нижними веками; 3) эпикантусом в детском возрасте; 4) очень узким переносьем; 5) уплощенным лицом; 6) желтой кожей (рис. 13).

Готтентоты, являющиеся контактной группой (бушменов и негров банту), также обладают перечисленными признаками, но несколько слабее выраженными.

Разумеется, в бушменском расовом типе мы никак не можем усматривать результат смешения азиатского монголоида с негром. Для предположения о миграции монголоидов в Южную Африку у нас нет никаких оснований.

Заслуживает внимания также вопрос об относительной и абсолютной древности бушменского расового типа. Этнография и история страны говорят нам об этом утвердительно. Очень низкий уровень культуры, собирательство и охота в качестве хозяйства, наскальная живопись палеолитического характера, охват широкой территории до появления банту (скотоводческих племен), а позднее европейских колонистов, все это ставит бушменов в положение подлинных аборигенов Южной Африки.

Палеоантропология свидетельствует также о том, что этот участок суши южного полушария был одним из очагов антропогенеза. Здесь открыты прегоминиды (австралопитек, парантроп, плезиантроп), затем — неандерталец из Брокен-хила, а также остатки верхнепалеолитических *Homo sapiens* из Боскопа, Цицикама, Кэп Флетса и мезолитического, из грота Скильдергат.

Не ставя здесь вопроса о причинах сокращения тотальных пропорций тела малорослых бушменов, можно высказать предположение, что этот процесс возник после специализации расовых признаков. Во всяком случае перед нами интереснейший пример частичной конвергенции монголоидных расовых черт, объяснения которому пока еще не давалось в расоведении.

³⁷ В Южной Африке насчитывается 18 родов млекопитающих, неизвестных в других частях света (земляная свинья, длинноухая лисица, крыса-землеройка и др.).

ПРОГРАММЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Н. И. ВОРОБЬЕВ

ПРОГРАММА

ДЛЯ СБОРА МАТЕРИАЛОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО БЫТА КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ И ИСТОРИИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ У НАРОДНОСТЕЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

Великая Октябрьская социалистическая революция, разрушившая тюрьму народов — царскую Россию, освободившая все ее народы от ига капитализма, от всякой эксплуатации человека человеком и превратившая их в равноправные социалистические нации великого Советского Союза, явилась основным рубежом и в развитии их культуры и быта. Современный социалистический быт народов СССР не является простым продолжением быта дореволюционного. Их отделяет огромный качественный скачок из общества классового, основанного на частной собственности, в общество, где люди не разделены на антагонистические классы, где все достижения человечества поставлены на службу трудящимся. Социалистический быт является принципиально новым, построенным на совершенно новых основаниях, так же как новыми в СССР стали и люди — советские рабочие, колхозники, интеллигенция; что подчеркнул И. В. Сталин в своем докладе о проекте Конституции СССР 25 ноября 1936 г. Все это необходимо в первую очередь помнить при организации исследований.

Перед советскими этнографами в качестве основной задачи стоит изучение современного быта народов СССР (главным образом рабочих и колхозников), выяснение путей его развития в процессе строительства новой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Необходимо изучить новый быт во всем его многообразии и в первую очередь социалистические формы организации труда, отношение к ним колхозного крестьянства — словом, все то новое, что дала крестьянину советская власть и коммунистическая партия.

Но в то же время изучение современности нельзя отрывать от истории народа, от истории формирования и развития его культуры, так как новый быт в своих национальных формах развивается в известной степени на базе старого, в процессе переосмысливания его целесообразных форм и борьбы с устаревшим и вредным. И. В. Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» подчеркивает необходимость установления связи нового со старым. Говоря о новых, социалистических нациях, он пишет: «Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, — путем коренного их преобразования в духе социализма...»¹. Преемственность культуры разных периодов существования народа И. В. Сталин еще раз подчеркивает в своей работе «Относительно марксизма в языкознании», отмечая последовательность перехода «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»². Поэтому при изучении всех процессов социалистических преобразований в быту необходимо в той или иной степени учитывать их связь с бытом прошлого, иногда даже для того, чтоб путем сопоставления подчеркнуть ценность нового.

Быт в своих основных формах прежде всего отражает данный исторический этап существования народа, современные взгляды данного общества, но многие формы в современном быту народностей имеют очень древние корни, уходящие в глубокую старину. Одновременно в нем имеются зачатки будущих форм, предпосылки для его дальнейшего развития и, кроме того, доживают свой век некоторые исчезающие формы. Между современными формами быта, нарождающимися новыми и отживающими

* К народностям Среднего Поволжья относится коренное население республик Татарской, Чувашской, Марийской, Удмуртской и Мордовской, а также русское население края, веками живущее в тесном с ними соприкосновении и получившее некоторую местную бытовую специфику.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 339.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 14

старыми, постоянно существуют противоречия, идет борьба. Разрешение этих противоречий дает возможность быту все время развиваться. Собирать материалы необходимо так, чтобы по ним можно было получить представление о современных формах быта, проследить их развитие в прошлом, увидеть пути будущих изменений, выяснить основные противоречия и способы их преодоления.

Изучение современного быта и всей культуры в целом даст возможность выяснить перспективы дальнейшего развития социалистической культуры народа, а изучение наряду с этим пережитков прошлого поможет составить подлинную марксистскую историю его. Необходимо помнить слова И. В. Сталина о том, что «историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»³.

Чтобы создать именно историю народов, а не их господствующих классов, необходимо, прежде всего, выяснить процесс формирования народностей как определенной исторической категории, узнать условия их материальной жизни в различные периоды общественного развития. Для этого далеко не всегда достаточно тех письменных памятников, которые сохранились, ибо жизнь трудового народа в них обычно отражается весьма слабо. Необходимо искать новые источники. Кроме того, по истории ряда народов Среднего Поволжья письменных источников вообще мало и они относятся уже к сравнительно позднему времени — не ранее XVI в. Чтобы написать подлинно научную историю этих народов, необходимо привлечь к изучению их прошлой жизни археологические памятники и сохранившиеся пережитки в быту народов — этнографические материалы.

Для построения научных выводов необходимо иметь достаточно большой и правильно собранный материал, знать распространение тех или иных бытовых форм среди народа. Поэтому к сбору материалов необходимо привлекать как можно больше людей, по возможности принадлежащих к данной народности, знающих ее язык и быт. От лиц, привлеченных к сбору материалов, требуется некоторое умение, знание того, на что необходимо обращать внимание, так как иногда «мелочи», не имеющие на первый взгляд как будто никакого значения, на самом деле играют важную роль как в формировании нового быта, так и в истории развития его, а стало быть в истории народа. Для того чтобы и неспециалисты могли собирать доброкачественные материалы, составляются специальные программы и инструкции.

При сборании этнографических материалов необходимо применять определенные приемы, соблюдать некоторые правила.

1. Одним из основных приемов является критическое наблюдение. Знакомясь, например, с поселком, усадьбами, жилыми домами, одеждой и т. п., нужно осмотреть возможно большее число их, обратить внимание, какие виды их встречаются, в каких количествах, в каких сочетаниях, а затем путем расспросов выяснить, какие являются современными, какие представляют пережиток прошлого. Необходимо, чтобы от исследователя не ускользали никакие мелочи обстановки, костюма и т. п., ибо только достаточный запас наблюдений даст возможность установить типологию предметов, заметить все варианты и поможет более детально вести расспросы.

2. Необходимо вести зарисовку и фотографирование наблюдаемых объектов исследования, чтобы дать в них ясное документальное представление.

3. Большое значение имеет составление планов поселков⁴, усадеб, жилищ, размещения предметов обстановки и т. д. Необходимо вести съемку планов хотя бы глазомерно, но обязательно с указанием размеров. При изучении одежды, головных уборов и других принадлежностей костюма большое значение имеют выкройки в натуральную величину или уменьшенные.

4. В дополнение к наблюдениям, а во многих случаях и в качестве основного приема, необходимы обстоятельные расспросы о каждой вещи, о каждом явлении. Необходимо спрашивать, как вещь делается и почему таким способом (из-за удобства или по традиции), нет ли других вариантов, для чего употребляется вещь, не имеет ли она другого назначения, с какого времени появилась и когда вышла из массового употребления. Вообще расспросы должны быть весьма обстоятельными. При этом важно, чтобы расспрашиваемый или понимал, для чего исследователю нужны сведения (это самое лучшее), или во всяком случае доверял спрашивающему, а не подозревал, что расспрос ведется с какими-то неприятными целями. Кроме того, нельзя ограничиваться расспросами одного только лица, так как данный человек может не знать или дать неправильные сведения. Необходимо проводить перекрестные расспросы различных лиц. Если данные совпадут, их можно считать правильными, если нет, надо выяснить причину — сообщены ли ложные сведения или рассказчики говорили о разных вариантах, встречающихся в разных местах или в разное время.

Расспрашивать надо людей разного возраста, по возможности из числа так называемых «знающих», т. е. интересующихся вопросом. Беседуя со стариками, необ-

³ «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1938, стр. 116.

⁴ Планы поселков не только современные, но и старинные часто можно достать в сельсовете и скопировать.

ходимо учитывать, к какому социальному слою крестьянства они принадлежали раньше, ибо от этого нередко во многом зависит отношение рассказчика к явлению.

Распрашивая о старинных вещах и явлениях, надо обязательно выяснить, в каком социальном слое крестьян они бытовали или господствовали, как к ним относились отдельные социальные слои. Вообще нужно помнить, что этнография, как и все другие науки, подходит к материалу с партийных позиций: объективистский же подход может совершенно обесценить собранный материал.

5. При исследованиях важнейшим является вопрос, что собирать, какие материалы должны привлекать внимание. Прежде всего, наиболее тщательно необходимо собирать данные, характеризующие современный социалистический быт колхозной деревни. При этом особенно тщательно надо отмечать в нем ростки нового, коммунистического быта, может быть, пока еще слабые, требующие за собой ухода, но важные для недалекого будущего. Современный социалистический быт и ростки будущего надо тщательно фиксировать, давать о них наиболее ясное представление.

Но также важным является вопрос и о том, что необходимо собирать по быту прошлого, чтоб не упустить ценного и чтобы не получилось любования «живой стариной», а, может быть, и ее идеализации. Выбор того, что надо собирать, в значительной степени зависит от собирающего и его политического чутья, но некоторые советы все же можно дать.

Прежде всего необходимо собирать сведения о тех бытовых вещах и явлениях, которые являются вкладом старого национального быта данного народа в общую сокровищницу человеческой культуры, которые в то же время помогают осмысливанию некоторых явлений и форм современности. Возьмем, например, весьма рациональные, приспособленные к условиям обитания народа, старинные приемы строительства и использования строительных материалов, некоторые старинные, но весьма ценные хозяйственные приемы, прекрасно применимые и в колхозном хозяйстве, некоторые особенности старинных одежд, старые кушанья и методы обработки пищевых продуктов (татарский катык и др.), а также вышивки, некоторые украшения, танцы, инсценировки и т. п., которые с успехом используются и в строительстве современного социалистического быта, придавая ему национальные формы.

Полезно также собирать данные и об уже исчезнувших явлениях и предметах, характеризующих тяжелое прошлое, чтобы более четко выяснить ту историческую обстановку, в которой жил и боролся за лучшее будущее трудовой народ, а также, путем сопоставления с настоящим, ярче подчеркнуть ценность и важность строительства нового. Например, старые земельные отношения, убогость инвентаря и хозяйственной техники, данные о жалких урожаях в прошлом резко подчеркивают преимущества современного колхозного строя. Сведения о старинных магических средствах лечения и их печальных последствиях — ценный материал для подчеркивания той заботы о здоровье населения, которую проявляет советская власть. Данные о старинных свадбных обрядах подчеркивают контраст между современным положением женщины в социалистическом обществе и бесправностью и угнетением в прошлом. Сведения о прежних общественных отношениях, об угнетении трудящихся различными эксплуататорами — убедительный материал для подчеркивания современного положения трудящихся в социалистическом обществе, равенства всех народов Советского Союза под солнцем Сталинской Конституции.

Надо также помнить, что некоторые пережиточные явления или даже воспоминания о них имеют значение для истории народа. Подобные явления также необходимо фиксировать, хотя они возможно далеки не только от современного быта, но являлись пережитками уже в капиталистическое время. Так, например, среди казанских татар некоторых частей Татарской АССР до революции сохранялся народный праздник джиен или жиен, в котором достаточно ярко отражались пережитки прежних общинно-родовых отношений у предков татар, имелись данные о прежней организации общин, о прежних родственных связях между населением определенных поселков и т. п. Эти данные весьма важны для истории социальных отношений среди предков татар в достаточно отдаленные времена.

6. Все виденное и слышанное необходимо немедленно и возможно подробнее записывать, причем в записях обязательно нужно отмечать, где и когда велось наблюдение (деревня, район), кого спрашивали, возраст опрашиваемого, его положение в современной деревне, а для стариков и старух и их прежнее социальное положение. Откладывать записи не следует, ибо при многочисленных наблюдениях и расспросах ряд фактов можно забыть и перепутать.

Записи следует вести или в форме дневника, отмечая последовательно все виденное и слышанное в хронологическом порядке, или в форме заметок по отдельным вопросам (одежда, жилище, семейный быт, обычаи и т. п.), отводя каждому вопросу отдельную тетрадку или часть ее. Можно вести записи и в одной тетради или блокноте крупного формата, но по каждому вопросу на отдельных листах, чтобы потом иметь возможность расширить тетрадь и распределить листки по вопросам в том или ином порядке.

Записи нужно вести как можно подробнее, точно описывая предмет или наблюдаемый факт, по возможности не рассчитывая на то, чтобы потом восстановить что-либо по памяти. При записывании иногда бывает полезно сопоставить наблюдаемое с прежде описанным (сделать ссылку на определенную страницу прежней записи), а

иногда даже дополнить старую запись, если раньше тот или иной факт был понят исследователем неправильно. В конце каждой записи иногда бывает необходимо истолковать и осмыслить наблюдаемое, сопоставить его с другими явлениями или подобными наблюдениями в другой местности. Можно делать также временные выводы как рабочие гипотезы, которые могут помочь в дальнейшем изучении данного явления. Хорошо и своевременно сделанные записи имеют огромное значение при дальнейшей обработке материала, и бояться потратить время на их составление не следует.

Записи лучше делать во время самого наблюдения или слушания рассказа, если обстановка не мешает этому. Например, описывать печь или постройку, предмет одежды и т. п. лучше всего прямо на месте. Также лучше записывать слова рассказчика сразу, при нем же. Но если это стесняет рассказчика, то записи нужно сделать возможно скорее после окончания беседы. Записанный на месте рассказ необходимо дома обязательно просмотреть, нет ли в нем пропусков или неясных мест, чтобы тотчас же это исправить. Над записями надо так же серьезно работать, как и над организацией самих наблюдений и расспросов, тогда они становятся надежными помощниками в дальнейшей работе.

7. Весьма важно выяснить область распространения данных предметов и явлений на определенной территории, занимаемой народом. Исследователь, если для этого имеется возможность, описав обстоятельно быт населения одной деревни, должен знакомиться с бытом других, отмечая, что в них отсутствует, что появляется нового. Это поможет установить область распространения вещей и явлений, а стало быть и определенных форм быта в целом. Распространение тех или иных бытовых форм имеет свои причины, которые необходимо выяснить.

Предлагаемая программа для изучения быта современной деревни, конечно, далеко не исчерпывает всех фактов и явлений, которые необходимо изучать, но она дает некоторую канву для собирания материалов. Не обязательно вести сбор материала по всей программе — можно сосредоточить внимание на той или иной ее части и эту часть разработать подробнее. Необходимо только как можно тщательнее собирать факты, многократно их проверять, ибо они нужны не для простого удовлетворения любопытства, но для серьезного изучения строительства современного социалистического быта, а также для выяснения исторического прошлого народа, тех общественных отношений, которые у него были, и той борьбы, которую он вел за свое освобождение.

Приступая к изучению быта того или иного народа, необходимо помнить, что материальная жизнь общества, его бытие является первичным, а его духовная жизнь — вторичным, производным, что главным в системе условий материальной жизни общества «исторический материализм считает *способ добывания средств к жизни*, необходимых для существования людей, *способ производства материальных благ* — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтоб общество могло жить и развиваться»⁵. Поэтому при собирании материалов, прежде всего, необходимо ознакомиться с условиями материальной жизни населения данного поселка (в целом народа), изучить его занятия, его технику в настоящее время, собрать сведения о материальной базе прошлого, а затем уже переходить к изучению различных элементов быта. Без этого собранные материалы, как бы они ни были интересны сами по себе, не будут иметь материальной базы и многое в них будет непонятно.

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ТЕХНИКА И ЭКОНОМИКА

Сельское хозяйство

Общие сведения. Республика (область), район, поселение (деревня, село). Количество населения. Национальность населения. Название колхоза. Когда организовался данный колхоз, история его организации. Изменения в организационной структуре колхоза за время его существования. Землевание данной деревни в прошлом. Какая была община (простая, сложная), какие деревни входили прежде в данную сложную общину. Вся ли земля в общине была наделной или часть приобретенной. У кого покупали землю (у казны, помещиков и т. п.).

Земельные угодья колхоза, их размеры, распределение по типам и качеству. Сколько земли имело население данной деревни в прошлом. Была ли земельная чересполосица и чем она вызывалась. Как часто и по каким причинам производились переделы земли. Кто руководил переделом. Отношение к переделам различных социальных слоев крестьян. Как распределялись наделы — по жребию или по соглашению. Практиковалась ли сдача наделов в аренду. Кто сдавал и кому. Число безземельных крестьян в общине, средний земельный надел на одну душу (мужскую). Сколько было земли у кулаков, середняков, бедняков. Откуда было получено дополнительное количество земли после Великой Октябрьской социалистической революции.

Полеводство

1. Система земледелия в колхозе и ее изменения. Порядок чередования сельскохозяйственных культур в севообороте. Система земледелия в дореволюционной деревне.

2. Проведение в жизнь Сталинского плана преобразования природы. Введение травопольных севооборотов. Полезащитные и рельефозащитные лесные полосы. Водоемы. Нет ли поливных угодий.

3. Пашвы земельного участка колхоза и их качество. Уход за почвами и их удобрение в колхозе. Как относились крестьяне к уходу за почвами и к удобрениям в прошлом.

4. Пахота, боронование, время и приемы проведения их в колхозе и в прежнее время. Современный инвентарь. Старинный инвентарь и его описание. Совместное пользование им в старину (супруга, аренда, на каких условиях). Обслуживает ли пахоту в колхозе МТС или колхоз ведет ее своими силами и инвентарем. Кто пахал и боронил в прошлом в каждой семье. Глубина и качество вспашки в колхозах и у крестьян в прошлом.

5. Посев. Посевной инвентарь и способы посева в колхозе и в прошлом. Кто сеял раньше. Время посева различных культур в колхозе, а также в прошлом.

6. Набор сельскохозяйственных культур, засеваемых в настоящее время и в прошлом. Основные сорта сельскохозяйственных культур, засеваемых колхозом. Новые сельскохозяйственные культуры (ветвистая пшеница, кок-сагыз и т. д.). Какие культуры население считает наиболее древними. Предания и легенды, связанные с ними. Нет ли воспоминаний о каких-либо культурах, засевавшихся в прошлом, а затем оставленных. Какие корнеплоды сажают на полях колхоза и садили ли их в прошлом. Сажали ли в прошлом картофель на полях. Когда начали сажать картофель. Нет ли преданий о событиях, связанных с его появлением. Какие волокнистые, масличные и вообще технические культуры засевают колхоз и какие засевали раньше.

7. Уход за полевыми культурами в колхозах. Подкормка, борьба с сорняками. Наиболее часто встречающиеся полевые сорняки (лучше собрать, засушить сорняки и записать их народные названия). Велась ли борьба с сорняками в прежнее время.

8. Уборка, ее инвентарь, способы и сроки в колхозе и до коллективизации. Коллективная уборка в старину (помочи), кто, когда и на каких условиях ее производил. Начало и конец уборки. Способы укладки снопов в поле. Возка снопов, скирдование, форма, размеры и способы складки скирдов.

9. Молотьба, ее способы и инвентарь в настоящем и прошлом. Место расположения и устройство тока. Молотильные сараи, крытые токи и их устройство. Время молотбы. Сушка хлеба. Колхозные зерносушилки. Старинные способы сушки хлеба в овинах, банях и т. д. Описать овин.

10. Помол хлеба в колхозах. Колхозные мельницы. Помол хлеба в старину. Домашний помол в прошлом. Ручные жернова, их описание и способы использования. Ступы для толчения круп, их описание. Прежние мельницы и крупорушки. Типы их.

11. Заготовка сена. Луга колхоза, их качество и уход за ними. Организация уборки сена. Время начала покоса, инвентарь. При ручной уборке кто косит (косят ли женщины). Метание стогов, виды стогов, название и описание. Где ставят стога и как предохраняют их от потрав. Когда перевозят сено с лугов. Как в прежнее время делили луга между крестьянами, кто в этом участвовал.

Заготовка сена из посевных трав. Какие травы засеваются в севообороте полевым и кормовым, сколько их засеивается. Как и когда ведется уборка посевных трав. Где складывают сено и как его хранят. Какую роль посевные травы играют в кормовом балансе колхоза.

12. Организация труда в полеводстве колхоза. Сколько бригад, их размеры, сколько за ними закреплено земли, инвентаря, лошадей и т. п. Как ведется руководство бригадами. Выполнение заданий. Обсуждение планов работы бригад и активность в них колхозников. Выполняются ли ценные предложения рядовых членов бригады. Отношение членов бригады к труду, дисциплина. Как организована работа в бригадах. Насколько устойчив состав бригад и их руководства. Роль в бригадах молодежи и старшего поколения. Соревнование и ударничество в бригадах, как оно проводится и закрепляется. Меры поощрения лучших и порицания худших работников (административные и общественные). Организация обслуживания бригад во время работы, в том числе и работников МТС (ремонт инвентаря, снабжение всем необходимым, кульобслуживание и т. д.). Имеются ли полевые станы и как они организованы. Организация питания колхозников во время работы, особенно на отдаленных участках. Учет трудодней и их начисление.

Огородничество

1. Огороды в колхозах, где размещаются, их площадь. Какие растения возделываются, их процентное отношение. Уход за огородами и организация труда на огородных работах. Если колхоз смешанного национального состава, то какая народность занимается огородничеством больше и какая меньше (то же выяснить и по отношению к садоводству). Роль огородничества в хозяйстве колхоза. Использование овощей, вы-

ращенных на огородах (продажа, заготовки для нужд колхоза, раздача по трудодням и т. д.).

2. Огороды колхозников. Размещаются ли они только на усадьбах или отводятся особые площади. Размеры индивидуальных огородов. Что на них выращивается и в каких количествах. Уход за огородами. Обеспечение огородов семенным материалом и рассадой. Как выводят рассаду колхозники. Применяется ли обслуживание скотом, инвентарем, удобрениями, семенами и рассадой колхозников со стороны колхоза. Кто из семьи больше работает на огороде и насколько работа на индивидуальном огороде сочетается с общественным трудом колхозников. Как используется урожай с индивидуальных огородов (продажа, заготовки для своего хозяйства или по-иному). Хранение и консервировка продуктов огородничества у колхозников.

3. Огородничество у крестьян данного поселка в прошлом. Размеры огородов, их размещение, уход. Какие растения разводились, их названия и место среди огородных культур. Кто работал на огородах. Сроки посадки и уборки различных культур.

Садоводство

1. На основании каких данных выбирают место для разведения садов. Деревья и кусты, разводимые в садах. Способы посадки, время, условия. Борьба с вредителями садов.

2. Колхозные сады. Разводились ли сады колхозом заново или созданы путем обобществления прежних частных садов. Площадь под садами. Выведенные внозь местными садоводами мичуринские сорта фруктов. Урожайность. Организация труда в колхозном садоводстве. Отдельные достижения передовиков по садоводству. Уход за садами. Охрана. Сбор урожая и реализация его. План развития садоводства в колхозе.

3. Сады колхозников. Размеры, виды растений. Старые сады или разведенные заново. Где расположены, на усадьбе или отдельным массивом. Кто ухаживает за садами. Отношение колхозников к садоводству.

4. Сады в прошлом. Разводили ли их крестьяне, кто и в каких размерах. Было ли раньше промышленное садоводство или только для удовлетворения потребностей семьи. Кто занимался садоводством. Сбор и реализация урожая. Применялась ли наемная сила в садоводстве. Борьба с вредителями садов в прежнее время.

Животноводство

1. Каких животных разводят в колхозе и каких в индивидуальном хозяйстве колхозников. Каких животных разводят издревле и каких стали разводить позднее: когда и почему. В колхозах со смешанным национальным составом какие национальности более охотно и лучше занимаются животноводством и какими видами его (коневождением, разведением крупного рогатого скота, овцеводством, свиноводством и т. д.).

Места содержания животных (конюшни, коровники и т. п.), их размеры, качество и приспособленность. Корма, способы и время кормления, кормушки, водопой. Подготовка кормов (парение, квашение и т. д.). Содержание в чистоте животных и помещений для них. Болезни животных и их лечение. Кто ведет уход за отдельными видами животных. Организация труда на колхозных фермах. Выполнение государственного трехлетнего плана развития животноводства в колхозах.

2. Коневодство. Количество лошадей. Подбор пород, улучшение пород. Воспитание лошадей, приучение к работе (выездка), отношение к лошадям со стороны конюхов и работающих на них. Кто ухаживает за лошадьми и, в частности, за молодым. Роль в этом деле подростков. Содержание и уход за лошадьми в прошлом у отдельных хозяев. Лошади рабочие, выездные, верховые теперь и прежде. Кормление и пастба лошадей. Ночное.

3. Фермы рогатого скота. Размеры, породность скота, улучшение пород. Доеение коров. Уход за коровами. Воспитание телят. Пастба коров. Зимнее кормление и содержание. Быки и их использование. Рогатый скот у колхозников, количество, уход. Ликвидирована ли бескоровность у колхозников и как за это борются.

4. Разведение мелкого скота на колхозных фермах. Виды его. Пастба, кормление. Организация ухода. Мелкий скот у колхозников, почему колхозники не разводят некоторых пород мелкого скота (свиньи).

5. Кормовая база колхоза (пастбища, сухие корма, концентрированные корма) и меры к ее улучшению. Как снабжается кормом скот личного пользования колхозников.

6. Пастбища, их размеры и качество. Пастбища для колхозного скота и для скота индивидуального пользования. Улучшение пастбищ. Кто пасет различные виды скота сейчас и кто пас в прошлом. Экономическое положение пастухов, пасущих личный скот колхозников, требования и отношение к ним. Как и где питаются эти пастухи.

7. Птицефермы в колхозах. Каких птиц разводят, количество. Организация ухода за птицей. Птица в хозяйствах колхозников, уход, кормление. Пастба гусей. Кто пасет, где пасут. Яйца и их значение в хозяйстве колхозника и в прошлом у крестьян.

Чьей собственностью в прежнее время являлись куры и яйца (мужчины или женщины). Служили ли в прошлом яйца в качестве своеобразной денежной единицы при покупке различных товаров у разъездных торговцев.

8. Продуктивность всех разводимых животных.

9. Организация труда по животноводству в колхозах и достижения передовиков.

10. Колхозное и индивидуальное пчеловодство. Места расположения пчельников, размеры их. Кто ухаживает за колхозными пчелами и как организован труд на пчельниках. Как часто встречаются пчелы у колхозников, где содержатся. Пчеловодство у крестьян в прошлом. Не было ли обычая ставить ульи во дворах, чтоб всегда иметь их под руками. Ульи и их устройство сейчас и в прошлом. Как давно появились рамочные ульи. Отношение к пчелам и пчеловодам. Бортничество и воспоминание о нем.

11. Разводят ли кроликов, голубей. Кто разводит и как давно начали разводить. Употребляют ли их в пищу. Нет ли в колхозе звероферм. Что разводят на них (серебристых лисиц, енотов и т. п.).

12. Собаки и кошки. Их подбор, воспитание, кормление. Отношение к ним. Клячки. Есть ли охотничьи, сторожевые и пастушеские собаки.

Охота и рыболовство

Промысловая и любительская охота и рыболовство. Организация их в настоящее время и в прошлом. Объекты охоты. Кто охотится. Сроки охоты и рыбалки. Инвентарь и способы его применения: ловушки, капканы, сети и т. п. Не сохранились ли воспоминания о самострелах, луках и других древних орудиях и способах охоты. Отношение к охотникам — промышленникам и любителям.

Лесное дело

Заготовка строевого леса, поделочных материалов и их первоначальная обработка для своих нужд в настоящее время и в прошлом. Заготовка дров. Участвуют ли колхозы в лесорубках, проводимых соответствующими организациями, или колхозники в свободное время лично работают на них. Лесные угодья, способы владения ими и борьба за них в дореволюционное время. Сроки и способы работы в лесу, инвентарь. Лесоразведение и участие в нем колхозов.

Колхозные кадры

1. Какое количество трудоспособных колхозников имеется в колхозе: взрослых (мужчин, женщин), подростков. Какое участие в работах принимают старики и сколько их.

2. Как организован в колхозе труд женщин, преимущественно многодетных. Имеются ли постоянные или сезонные ясли и детские сады.

3. Какие мероприятия проводятся колхозом для того, чтобы максимально высвободить рабочую силу из домашнего хозяйства и дать колхозникам возможность отдать наибольшую часть своего труда коллективному хозяйству.

4. Из кого состоят руководящие кадры колхоза: председатель колхоза, члены правления, бригадиры, заведующие фермами и пр. Образование руководящих работников колхоза. Как подготавливаются ведущие кадры (выдвиженчество, подготовка на специальных курсах, путем обмена опытом с соседними передовыми колхозами). Какое место занимают женщины среди руководящих кадров колхоза. Роль молодежи в колхозном хозяйстве. Посылают ли молодежь на техническое обучение и какой его вид больше всего привлекает юношей и девушек.

5. Имеются ли мастера высоких урожаев, высоких удоев и другие знатные по труду люди. Как они приобретают свою квалификацию.

6. Борьба с прогульщиками, лодырями и дезорганизаторами производства.

7. Роль партийных и общественных организаций колхоза в организации коллективного труда и в борьбе за повышение качества работы. Роль комсомола как организатора молодежи в колхозе.

Обеспеченность колхоза инвентарем, постройками, подсобными предприятиями и энергооборуженность

1. Какой инвентарь имеется в колхозе, его количество и качество. Есть ли мастерские для ремонта инвентаря. Каких орудий недостает колхозу и как восполняется недостаток. Обеспечивается ли колхоз работой МТС, какие недостатки имеются в этом обслуживании.

2. Обеспечен ли колхоз тягловой силой: лошадьми, волами. Если нет, то как выходит из положения.

3. Имеются ли в колхозе в достаточном количестве хозяйственные постройки, их размеры и качество. Типы хозяйственных построек колхоза. Их расположение, планировка, материал. Какие национальные особенности старых хозяйственных построек сохраняются в новых колхозных. Использование для колхозных нужд старых построек и их приспособление.

4. Имеются ли подсобные предприятия в колхозе (мельница, кузница, различные мастерские и т. п.).

5. Какие имеются в колхозе механические установки. Есть ли электростанция. На сколько киловатт. Обеспечивается ли колхоз электроэнергией со стороны, откуда и в каком количестве. Какие работы обслуживаются электроэнергией. Есть ли в колхозе двигатели, какие, сколько и что обеспечивается их энергией.

Экономика колхоза ⁶

1. Урожайность всех засеваемых культур по годам за возможно продолжительное время. Сборы сена с лугов и от посеянных трав с гектара. Урожайность огородов и садов. Выход молока, мяса, шерсти, яиц и т. п. с разводимых животных. Борьба за поднятие урожайности и продуктивности животноводства.

2. Валовой доход колхоза от полеводства, садоводства, огородничества, животноводства, пчеловодства, подсобных предприятий (кузница, мельница) и др. Доходы по годам, по возможности за длительное время.

3. Выполнение обязательств перед государством по продуктам полеводства и животноводства, по годам и продуктам за длительный период. Борьба за выполнение и перевыполнение обязательств перед государством.

4. Расходы колхоза на производство. Оплата за работу МТС, приобретение удобрений, семян и т. п. Расходы по животноводству, транспорту. Приобретение и ремонт инвентаря. Строительство и ремонт хозяйственных построек. Расходы на культурное обслуживание колхозников, строительство и оборудование общественных помещений и т. п. Различные расходы колхоза. Все расходы по годам и возможно за более продолжительное время.

5. Распределение доходов колхоза после выполнения обязательств перед государством и расходов по производству. Реализация продуктов (сдача заготовительным организациям, торговля на колхозных рынках и т. д.). Неделимые фонды колхоза (денежные, продуктовые). Накопления колхоза. Распределение доходов по труду. Стоимость среднего трудового дня за ряд лет в натуральном и денежном выражении. Дополнительная оплата за перевыполнение показателей. Меры экономического воздействия против бракоделов, нерадивых.

6. Число трудовых, приходящихся в среднем на одного колхозника по полеводству, по фермам, по подсобным предприятиям. Рекорды отдельных колхозников по выработке трудовой за ряд лет.

7. Какое количество продуктов и денег получила по трудовым средняя колхозная семья. Рекордные доходы отдельных семей.

8. Доходы колхозной семьи от индивидуального хозяйства на приусадебном участке и от скота личного пользования, выраженные в продуктах и деньгах (по данным самих колхозников).

9. Доход середняка крестьянина от сельского хозяйства в прошлом, за вычетом податей и других платежей и расходов на хозяйственные нужды (для сравнения).

10. Оплата труда колхозной администрации и специалистов.

Организация общественных работ в колхозе

1. Организация ремонта дорог и других сооружений на территории колхоза, сельсовета или района. Оплата труда.

2. Организация работ, связанных с проведением в жизнь Сталинского плана преобразования природы. Лесопосадки. Устройство водоемов и другие мероприятия.

3. Насколько успешно справляется колхоз с выполнением всех упомянутых работ, как ведется борьба за их выполнение и перевыполнение. Социалистическое соревнование и ударничество на подобных работах.

Способы передвижения

1. Пешее передвижение. Снаряжение: котомки, сумки, путевые палки и т. п. Дальние пешеходные путешествия в прежнее время и по каким случаям они совершались. Отношение населения к таким дальним пешеходам: пускали ли ночевать, кормили, расспрашивали о новостях и т. п.

2. Передвижение при помощи животных. Упряжные животные. Рабочие, верховые и выездные лошади, волю. Сбруя, ее качество, части и их название. Украшение

⁶ Все эти данные необходимо брать из годовых отчетов колхозов, а не со слов колхозников или администрации.

сбруи в праздник, во время свадьбы и т. д. Сбруя в прошлом как предмет щегольства у богачей, отношение к этому трудовых масс.

Летние экипажи — телеги, тарантасы, волокуши. Их описание, рисунки, чертежи. Когда и кем употребляются. Старинные экипажи. Зимние экипажи, их название, рисунки, чертежи.

Специальные экипажи, сноповязалки, лесовозки, свадебные экипажи. Описание, фоторисунки, чертежи. Употребление их теперь и прежде.

Автотранспорт в колхозе. Сколько машин, какие. Мотоциклы и велосипеды у колхозников

3. Передвижение по воде. Лодки, долбленки, баржи, расшивы, плоты, их названия, когда и кем употребляются и употреблялись.

Домашние занятия и промыслы

Общие сведения. По отношению ко всем промыслам следует отмечать: характер промысла (для своего хозяйства или для сбыта), организацию промысла, заготовки сырья и сбыта продукции в настоящее время и в прошлом. Техника, сезон работы, инвентарь промыслов (дать рисунки орудий промысла и их частей с указанием названий). Как относились в прежнее время отдельные социальные группы населения к разным промыслам (промыслы почтенные и пренебрегаемые). Кто в семье занимается промыслом, разделение труда. Наемный труд в промыслах в прошлом, условия его. Роль заработков от промыслов в общем бюджете колхозника и в прошлом крестьянина. Развитие отдельных видов промыслов теперь и в прошлом. Причины изменений.

1. Обработка волокна. Какие волокнистые растения обрабатываются и обрабатывались в прошлом: лен, конопля, крапива и т. д. Мочка, разминание, трепание и чесание волокна. Инструменты для работы, способы и время работы. Прядение, мотание и сучение ниток. Инструменты, способы, время и место работы. Кто работает.

Ткачество. Дать чертеж ткацкого станка, название его частей. Указать место где помещается станок во время работы. Время работы. Кто ткал раньше и что ткали: холст, пестрядь, сукно, ковры. Ткут ли теперь и что. Существовало ли раньше узорное (браное) ткачество и имеется ли оно сейчас. Какие приспособления применяются для браного ткачества. С каким числом челноков, ниченок и чин работают. Имеются ли особые станки для тканья поясов, умеют ли их ткать.

Беление холстов. Место, сроки, способы.

Крашение. Применяют ли домашнее окрашивание ниток, ткани. Какие употребляются краски: анилиновые, растительные. Умеют ли сами добывать краску из растений или умели в прошлом. Названия этих растений. Применяли ли раньше при окрашивании дубильные вещества: квасцы, квас, купорос, железо, мочу и т. п. Наиболее часто встречающиеся цвета и способы окрашивания.

Вышивание и расшивка тканей. Изготавливают ли вышивки для себя или на продажу. Занимаются ли плетением и вязанием кружков.

Веревочное дело. Когда и как вяжут веревки, для продажи или для себя. Инвентарь промысла.

2. Обработка шерсти. Стрижка, мойка, чесание шерсти, время, место работы, инвентарь. Прядение ниток и изготовление сукон. Изготовление валенок, войлоков, шляп. Способы валяния шерсти, инструменты, применение химических растворов. Как организовывался прежде валяльный промысел, как теперь. Нет ли бродячих шерстобитов валяльщикова. Куда ходят и ходили, а если приходят в деревню со стороны, то откуда. Вязание из шерсти чулок, варежек, фуфаяк, для себя или на продажу. Как давно начали заниматься вязанием. Кто вяжет. Инструменты и приемы.

3. Обработка кожи. Выделка кож на продажу и для дома, теперь и в прошлом. Способы выделывания кож, сорта их. Сапожное дело. Какие виды обуви изготавливают сейчас и изготавливали прежде. Организация промысла по обработке кож и по изготовлению обуви в настоящее время и в прошлом. Инструменты и способы работы.

4. Обработка овчин и мехов (то же, что и по обработке кожи).

Пошивочное дело. Что шьют и шили раньше: одежду, шапки, рукавицы, для себя или на продажу. Как организуется промысел. Были ли раньше бродячие портные, куда они ходили на работу и когда. Если в деревню приходят сейчас или приходили раньше портные, то откуда и кто по национальности.

5. Обработка дерева. Изготовление экипажей и частей для них. Бондарное дело. Столярное дело. Изготовление деревянной посуды, ложек, веретен и других принадлежностей для ткацкого дела. Тканье рогож и кулей. Посуда из лыка и бересты. Плетение лаптей. Указать, занимаются ли промыслом для себя или на продажу. Организация промысла в прошлом и теперь. Сбыт продукции. Инструменты и способы работы.

6. Обработка глины. Гончарное дело, кто им занимается, на продажу или для себя. Техника гончарного дела: лепка, обжиги, глазировка и т. п. Производство кирпича-сырца и с обжигом. Постройка глинобитных печей.

7. Обработка металлов в настоящее время и в прошлом. Кузнечное, слесарное

квевирное дело и др. Сохранились ли предания о времени запрещения заниматься кузнечеством нерусским народам края. Как обходились в то время: кто изготовлял железные вещи.

8. Отхожие промыслы в прошлом. Виды их, места отходничества, время: сезонные, длительные и т. д. Не было ли отходничества с целью повысить квалификацию в том или ином промысле. Связь отходников с домом и с сельским хозяйством. Как относились к отходничеству господствующие классы.

Работают ли члены колхоза в промышленности. В чем выражается их связь с колхозами.

9. Доходы от всех видов промыслов в настоящее время и в прошлом.

10. Указать, какие виды промыслов и занятий, не отмеченные программой, существуют сейчас и имелись в прошлом. Дать их описание.

11. Торговля. Организация торговли в настоящее время. Торгующие организации. Торговля в прошлом, ее типы и организация: сырьевщики, лавочники, разъездные торговцы, сборщики яиц, холста и т. п. Хозяева и приказчики. Отношение к торговцам со стороны трудящихся. Если в деревне были посторонние торговцы, то указать, какой национальности и откуда. Формы эксплуатации при торговле.

ВНЕШНЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ БЫТА

Поселение и жилища

1. Место расположения поселения, его описание. История возникновения поселка (по преданиям или документально). Здесь ли был основан поселок, если перенесен сюда, то почему. Размеры поселка, его рост — естественный и путем приселения. Выделение выселков и причины. Планировка поселка в наиболее давнее время, постепенное изменение ее ко времени коллективизации. Причины изменения планировки по мнению населения. Изменения в планировке поселка после коллективизации. Как идет перестройка поселка в настоящее время. Имеется ли общий план реконструкции поселка или она идет до известной степени стихийно. Место в поселке хозяйственных построек колхоза. Расположены ли они компактным массивом или разбросано. Внешний вид улиц, переулков, площадей.

2. Усадьбы, их размеры, форма, расположение в квартале. Наиболее распространенные типы усадеб, сложившихся в капиталистическое время и сохранившихся до коллективизации. Тип новых усадеб колхозников. Имеются ли предания о сложных усадьбах и какой вид они имели. Как давно (по преданиям) появились индивидуальные усадьбы и по какой причине. Планировка усадеб. Наиболее часто встречающаяся постройка на усадьбе жилого дома, надворных построек. Дать план наиболее типичных новых усадеб колхозников, старых усадеб крестьян (бедняков, середняков, зажиточных, кулаков).

3. Озеленение поселений. Было ли озеленение в прошлом. Где сажались деревья: на улицах, вдоль усадеб или посередине улицы, на дворах — вдоль переднего забора или в глубине. Озеленение задних дворов. Озеленение пустых пространств в поселке, склонов, оврагов и т. д. Озеленение в советское время, как энергично оно проводится и насколько эффективно. Отношение населения к зелени в деревне прежде и в настоящее время.

4. Благоустройство поселений. Имеется ли электрическое освещение, откуда подается энергия. Есть ли водопровод и как он оборудован. Имеются ли в поселке мостовые, тротуары. Как изменилось благоустройство поселка за советское время и каким оно было прежде.

5. Общественные здания. Какие общественные здания имеются, кто и когда их построил, их размеры, тип, внешний вид, планировка, оборудование. Какие общественные здания были в поселке в прошлом. Существуют ли они сейчас и как используются некоторые из них (церкви, мечети).

6. Жилые дома, их размеры, планировка. Новые дома колхозников и их формирующаяся планировка. Старые дома и типы традиционной планировки в домах бедняков, середняков, кулаков. Материал для постройки домов в настоящее время и в прошлом. Способы рубки деревянных домов. Форма крыши, отделка фронтов, фриза, окон, углов. Полная зашивка стен. Промазка стен глиной, обмазка. Раскраска дома. Какие части раскрашивают теперь и какие в прошлом. В какие цвета окрашивают дом и его части.

7. Постройка дома в настоящее время и в прошлом. Кто дает лес колхозникам, как помогает колхоз в строительстве новых домов, в ремонте и перестройке старых. Кто строит дома: откуда плотники и какой они национальности. Поручается ли постановка сруба и отделка дома одним и тем же плотникам или разным и почему. Отношение к качеству дома у современных колхозников и различных социальных групп крестьян прошлого. Отношение трудового крестьянства прошлого к кулацким большим и красивым домам.

8. Не сохраняются ли пережитки древнейшего жилища в виде построек другого назначения — летних кухонь, бань и т. д. (лась — чуваш, кудо — марийцев, куала — умуртов). Описать их и собрать предания, связанные с ними.

9. Внутренняя планировка новых домов колхозников, перепланировка старых. Планировка старых домов при наличии одной избы, двух (черной и белой) и т. п. Отделка стен в настоящее время и в прошлом. Оклеивание стен обоями, штукатурка, окраска. Размещение в доме предметов обстановки и описание самих предметов у колхозников, у крестьян разных социальных групп в прошлом. Новшества в обстановке дома. Отношение к ним теперь и прежде со стороны членов семьи (особенно стариков) и сельской общественности. Комнатные растения теперь и прежде. Постели и постельные принадлежности.

10. Надворные постройки колхозников и крестьян различных социальных групп в прошлом: хлева, клети, амбары, бани и т. п. Их расстановка на усадьбе, описание и использование. Ворота и заборы. Калитки на улицу и на соседний двор.

11. Садики на усадьбах теперь и в прошлом, их расположение и описание. Сады декоративные и фруктовые. Огороды на приусадебных участках.

12. Отопление. Типы печей, их постановка и описание. Устраивается ли совместно с русской печью очаг с подвесным или вмазанным котлом. Описать устройство очага. Кто строит печи и как. Отопительные материалы — дрова, солома, кизяк, их заготовка. Освещение: приборы, материалы теперь и в прошлом. Электрическое освещение колхозных домов и улиц поселков.

13. Водоснабжение: реки, ключи, колодцы и их оборудование. Как поднимают воду из колодца. Доставка воды домой, кем и когда она производится. Водопровод в колхозных поселках и его оборудование.

14. Поддержание чистоты в доме и на дворе, теперь и в прошлом. Кто этим занимается. Отношение к чистоте жилища теперь и в прошлом. Борьба за чистоту жилища. Уборные, наличие их теперь и в прошлом, способы их устройства и поддержания в чистоте.

Одежда, обувь, головные уборы, украшения

Материалы для изготовления одежды, обуви и т. д. Что изготавливается дома, что приобретается в магазинах, на базаре. Любимые и наиболее употребительные ткани, их цвета, рисунок, качество, в настоящее время и в прошлом. Материалы для изготовления обуви и ее частей (кожа, шерсть, лыко). Покупают или изготавливают обувь дома.

1. Описать все виды одежды, современной и старинной (дать выкройки), указав название каждой одежды и ее отдельные части. Когда (в какое время и при каких обстоятельствах) носилась или носят отдельные виды одежды. Описать комплексы одежды, надеваемых одновременно (для мужчин, подростков, женщин, девушек) в различных случаях (рабочая, праздничная и т. п.). Различие в одежде по полу, возрасту, а в прошлом и по социальному положению. С какими украшениями носят отдельные виды одежды. Какие цвета употребляют на одежду в зависимости от возраста сейчас и как было в прошлом. Вышивки на одежде и их расположение. Носят пояс или нет, как относятся к этому. Отражение взглядов на те или иные виды одежды в пословицах, поговорках, песнях. Желание иметь определенный вид одежды у молодежи. Отношение к модницам. Насмешки над новыми или устаревшими видами одежды. Отношение к одежде соседних народов. Процесс изменения одежды в настоящее время и в прошлом (по памяти населения). Новая одежда различных полов и возрастов. Модернизация старой национальной одежды применительно к требованиям социалистического быта.

Изготовление одежды. Кто шьет какие виды одежды, кто шил прежде. Хранение одежды и уход за ней.

Забота о чистоте одежды. Стирка, ее способы, инвентарь, мыло и его заменители, сушка, катание и глажение теперь и в прежнее время. Отношение к неряхам.

2. Прически мужские, женские, девичьи современные и в прошлом. Украшения, надеваемые на волосы (накосники, ленты и т. п.). Ношение бороды и усов и отношение к ним. Окрашивание бороды, усов, бровей, ногтей, зубов, чем это вызывалось (модой или обычаем) и отношение к этому теперь и в прошлом.

3. Современные и старинные головные уборы — мужские, женские, девичьи (дать описание, рисунок, выкройки). Названия головных уборов и их частей. Способ и время ношения. О каких головных уборах, носившихся встарину, помнят. Вышивки и другие украшения на головных уборах. Зимние и летние головные уборы. Ходят ли с непокрытой головой, кто и когда. Куда девают мужчины головной убор, снимая его вне дома: держат в руке, засовывают за пазуху, берут подмышку и т. д.

4. Обувь. Виды современной и старинной обуви по сезонам, полам, возрастам, а в прошлом и по социальным группам крестьян. Ее наименование, описание, способы ношения. Онучи, их цвет, суконные и вязаные чулки, портянки. Праздничная обувь. Ходили ли прежде босиком, особенно женщины. Могла ли прежде женщина, девушка показывать посторонним голые ноги. Отношение к хождению босиком в настоящее время.

5. Украшения. Какие украшения носят теперь и носили прежде. Дать их описание, названия, место и время ношения. Кто носит и носил. Из чего изготавливают украшения теперь и раньше, где приобретают. Употреблялись ли в прежнее время для изго-

товления украшений бисер, монеты, позумент, пуговицы, металлические бляшки и т. д. Носили ли металлические пряжки, застёжки, кто, где, когда. Дать их описания и названия. Украшения самостоятельные и как часть одежды. На какую одежду и что надевали. Для чего носили украшения в старину — «для красоты» или за ними признавались особые свойства: приносить счастье, оберегать здоровье, оберегать от «глаза», «порчи» и т. п. Украшения — талисманы. Ношение в виде украшения памятных вещей.

6. Старинные обрядовые одежды, обувь и т. д. — свадебные, похоронные, связанные с религиозными праздниками и отправлением культа. Специальная одежда невесты, жениха, свахи, друзей и др. Свадебные покрывала, платки, онучи, кушаки и т. п. Пословицы, поговорки, связанные с этими одедами. Одевание невесты, жениха.

7. Детская одежда для различных полов и возрастов теперь и прежде. Украшения амулетного характера, надевавшиеся раньше на детей.

8. Какой запас одежды, белья, обуви имеет каждый член семьи теперь и какой имел в прошлом.

9. Какие одежды, обувь, украшения и т. п. входят в приданое девушки. Делают ли его сейчас. Когда начинают собирать приданое, кто его изготавливает и изготавливал раньше. Где его хранят и хранили раньше.

Питание

1. Продукты питания, их описание, обработка, способы хранения. Продукты излюбленные, терпимые, нелюбимые, запрещенные. Какие продукты население считает более старыми и какие освоенными позднее. Когда.

2. Хлеб и другие печенья из теста в настоящее время и прежде. Виды и способы хлебопечения. Пресный и кислый хлеб. Печенья с начинкой, описать их.

3. Овощи, их набор и роль в питании, способы приготовления теперь и прежде. Употребление картофеля (когда его начали есть), капусты, других овощей. Фрукты и ягоды, какие и как используются. Какие дикие растения употребляются в пищу теперь и, прежде (щавель, крапива и т. д.). Дать их названия, а по возможности и засушить.

4. Молоко и молочные продукты. Молоко каких животных используется и какие продукты из него изготавливаются. Излюбленные молочные продукты в настоящее время и в прошлом.

5. Мясо каких животных поедается и каких запрещается теперь и в прошлом. Каким образом чаще всего готовится и готовилось в прошлом мясо для еды (варка, жаренье).

6. Сладкое (мед, сахар и др.) и лакомства. Описать, какие лакомства употребляются и употреблялись раньше, когда и в каких количествах, сами изготавливают или приобретают (теперь и в прошлом).

7. Кто готовит пищу, особенно в крупных семьях, где имеется несколько женщин, в настоящее время и в прошлом.

8. Описание кушаний, способов их приготовления теперь и в прошлом. Новые блюда, появившиеся в советское время. Излюбленные блюда, обычные, теперь и прежде. Обрядовые кушанья в старину. Дать по возможности полный набор кушаний, употребляемых колхозниками теперь и различными социальными группами крестьян в прошлом. Сезонные кушанья. Наборы кушаний (обычных и праздничных), употребляемые при различных приемах пищи (завтрак, обед, ужин), в настоящее время и в прошлом. Особенности питания детей разного возраста в настоящее время и в прошлом.

9. Напитки (чай, квас, шербет, мед, пиво, вино, водка и др.) самодельные и покупные. Когда употребляются. Обрядовое значение напитков в прошлом. Употребление их в прошлом во время религиозных церемоний, свадеб и т. п.

10. Курение табаку, кто курит, способ курения (трубки). Отношение к курящим. Курение дома, на улице, в общественных местах в настоящее время и в прошлом. Откуда добывают табак — сажают сами или покупают.

11. Старинный кухонный инвентарь: котел, горшки, жаровни, сковороды. Доска для раскатывания теста, квашня, поварешка, лопата для сажания хлебов, кочерга, ухваты и т. д. Посуда, употребляющаяся для приема пищи: блюда, тарелки, ложки и т. д. Указывать, изготавливались дома или покупались отдельные вещи. Полотенца, салфетки для вытирания рук. Мытье рук и полоскание рта до и после еды у различных народностей. Способы оформления кушаний для подачи на место еды: резание мяса, картофеля и т. д. Изменение кухонного инвентаря и набора посуды в советское время. Замена старинной посуды новой, более удобной и гигиеничной. Едят ли члены семьи из общей посуды или каждый пользуется отдельной. Как это практикуется в настоящее время и как было в прошлом.

12. Место и время приема пищи в настоящее время и в прошлом. Где едят — на столе, на нарах, на полу. Застилается ли место еды и чем. В какое время семья принимает пищу (завтракает, обедает, ужинает, пьет чай и т. п.) в различные сезоны года. Ест ли вся семья вместе или отдельные члены ее едят в разное, наиболее удобное для них, время. Не было ли в прошлом обыкновения, что женщины ели отдельно от мужчин. Кто подает при совместной еде и ест ли с другими подающий.

Торжественные обеды. Способы потчевания гостей в настоящее время и в прошлом.

13. Особые праздничные и обрядовые приемы пищи и кушания в прошлом: свадебные, похоронные, в день рождения и т. п. Что из них сохраняется в настоящее время, как переосмысливается. Что появилось нового.

14. Организовано ли общественное питание в колхозе. Имеется ли постоянная столовая или общественное питание осуществляется только во время сельскохозяйственных и иных массовых работ. Кто готовит, кто обслуживает обедающих. Какие кушания готовятся для общественного питания. Пользуются ли колхозники постоянной столовой регулярно и с семьями или только иногда.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Общественные отношения в современной деревне

1. Общественные отношения среди колхозников в производственной жизни и в быту. Социалистическое отношение колхозников к труду. Социалистическое соревнование и ударничество. Отношение колхозной общественности к передовикам, к отстающим, к срывщикам и лодырям. Общественная роль колхозной производственной бригады. Как бригада влияет на общественное воспитание колхозников. Роль в общественном воспитании колхозников советских (сельсовет), партийных и общественных (комсомол и др.), сельских организаций. Роль передовой молодежи и женщин в создании нового, социалистического общества в деревне.

2. Участие колхозников в общественной жизни. Активно ли участвуют колхозники в работе правления колхоза, сельсовета, сельпо и других организаций поселка. Много ли колхозников посещает различного рода заседания и активно ли они участвуют в обсуждении поставленных вопросов. Насколько активно участвует масса колхозников в политической жизни. Насколько общественно и политически активны женщины, старики, молодежь, сельская интеллигенция. Общественная активность подростков. Как они участвуют в работе пионерской организации, посещают ли школьные кружки.

Классовые отношения в дореволюционной деревне

1. Отношения в прошлом между богатыми и бедными. Формы эксплуатации богачами бедноты, среднего крестьянства. Роль в прежнем крестьянском обществе богачей, бедноты — борьба между ними. Отражение классовых отношений и классовой борьбы в деревне в песнях, частушках, пословицах, поговорках.

2. Отношения между хозяевами и работниками. Эксплуатация работников. Протест против нее.

3. Отношение различных социальных слоев населения к лицам, занимавшим административные должности и выполнявшим общественные обязанности. Отношение различных слоев населения к местной и высшей администрации в прошлом.

4. Не было ли в прошлом в данном поселении ярких проявлений классовой борьбы: отказа от повиновения представителям власти, смещения администрации, восстаний. Загнанные воспоминания об этом. Роль отдельных социальных слоев крестьянства в этих событиях. Классовая борьба в поселении в период коллективизации. Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Как она протекала в данном поселении.

5. Отношение к духовенству разных социальных слоев прежнего крестьянства. Роль духовенства в жизни дореволюционного общества и во время крестьянских движений прошлого.

Отношения между людьми (неродственное)

1. Отношение к старшим вообще, к старикам, старухам в настоящее время и в прошлом. Отношение старших к младшим в различных возрастах. Роль стариков в общественной жизни деревни прошлого у различных национальностей. Роль их в современной колхозной деревне.

2. Отношение друг к другу соседей, односельчан, земляков и т. п. в настоящее время и в прошлом.

3. Дружба, соперничество, вражда в различных возрастах и у различных полов. Дружба лиц разного пола. Все это в настоящее время и в прошлом.

Отношения между национальностями

1. Отношения к лицам другой национальности теперь и в прошлом. Межнациональные отношения в прошлом. Отношения в прошлом внутри поселений с различным национальным составом.

2. Культурные влияния национальностей друг на друга при совместной жизни или при соседстве в настоящем и в прошлом (бытовые заимствования, двуязычие и пр.). Личные и семейные отношения (дружба, взаимопомощь, смешанные браки и т. п.) в настоящее время и в прошлом.

3. Дружба народов и ее укрепление в советское время. Межнациональная солидарность трудящихся в прошлом.

Правовые отношения внутри общества

1. Собственность. Социалистическая собственность и борьба за нее в колхозе. Отношение колхозников к личной собственности и сочетание в их сознании понятия об общественной и личной собственности. Отношение колхозников к лицам, ставящим личные интересы выше общественных: осуждение таких лиц, меры к их перевоспитанию.

Отношение к частной и общественной собственности со стороны различных социальных слоев общества в прошлом. Собственность и общественная мораль трудового населения в прошлом. Знаки собственности (тамги), где они ставились, их изменения в родстве и наследование их. Дать рисунки старинных знаков собственности.

2. Община в прошлом. Засилье в ней кулачества. Отношение к решениям общины у различных социальных слоев крестьян. Община и дети-сироты, нетрудоспособные и т. д.

3. Обычное право прошлого, его нормы, хранители и проявление в общественной жизни. Отношение к установлениям обычного права и руководство ими в личной жизни.

Семья, ее хозяйство и имущественные отношения внутри семьи в настоящее время и в прошлом⁷

1. Состав наиболее часто встречающихся современных семей и в каких родственных отношениях находятся их члены. Живут ли с родителями женатые сыновья и замужние дочери или только молодежь. Кто является главой семьи. Состав семей в прошлом. Не сохранилось ли воспоминаний о больших семьях (дать их описание).

2. Все ли взрослые члены семьи работают в колхозе. Как часто встречаются семьи, члены которых работают вне колхоза, и кто работает (старшие, молодежь, юноши, девушки). Как часты случаи, когда члены семьи живут на стороне (работают, учатся), поддерживая связь с домом.

3. Кто в семье занят работой на приусадебном участке и уходом за скотом личного пользования. Кто готовит пищу и обслуживает семью. Как сочетается работа в домашнем хозяйстве с работой в колхозе.

4. Как создается бюджет современной семьи. Какую часть заработка вносят в семейный бюджет члены семьи, работающие не в колхозе. Кто ведет расходы семьи — текущие, связанные с приобретением одежды, обстановки, с семейными праздниками, с ремонтом и постройкой дома и т. п. Как решается вопрос о производстве крупных расходов — тлавоу семьи или на семейном совещании. Все ли взрослые члены семьи участвуют в семейных совещаниях.

Личный бюджет членов семьи и как он составляется (выделение части доходов по трудодням, доходов от индивидуального хозяйства, части заработка на стороне и т. п.). Является ли личный бюджет определенным или нет. Как велик личный бюджет и на что он расходуется. Как приобретаются предметы личного пользования членов семьи — на семейные или личные средства. Личный бюджет женщин, девушек подростков.

Какие имущественные отношения устанавливаются с членами семьи, работающими или учащимися на стороне. Передают ли они часть заработка в бюджет семьи, помогает ли семья учащимся.

Накопления. Накопления семейные и кто ими ведает. Накопления отдельных членов семьи. Как используются накопления семейные и личные.

5. Как производится раздел семейного имущества при выделении взрослых сыновей, дочерей (одинакова ли их доля), при разводе супругов. Как ведется наследование семейного имущества после смерти старших.

Собрать сведения о семейном и личном бюджете членов семьи в прошлом, обратить особое внимание на личный бюджет женщин, девушек, из каких источников он составлялся. Изучить право наследования сыновей, дочерей, вдов и т. д. в прошлом. Не было ли старого обычая дарить детям скот, с тем чтобы приплод от него впослед-

⁷ При сборе данных о современных семьях желательно провести выборочное обследование нескольких конкретных семей различного типа: средних, больших и маленьких (малодетных), семей с малыми и взрослыми детьми, семей, где главой являются матери-вдовы, семей колхозного руководства, сельской интеллигенции и т. д. При собирании данных о семьях прошлого также желательно, если возможно, составить историю конкретных семей в течение нескольких поколений и проследить эволюцию этих семей на фоне экономических и социальных условий прошлого.

ствии стал собственностью сына, дочери. Могла ли сноха распоряжаться своим приданым. Кому переходило имущество после смерти женщины — семье ее родителей или оставалось мужу и детям.

Семейные и родственные отношения в настоящее время и в прошлом

1. Любовь и брак. Отношения между юношами и девушками. Образ любимого или любимой в фольклоре. Требования к физическим и нравственным качествам любимой, любимого. Отношение любящих, мечты о браке и совместной жизни. Взгляд на физическое сближение до брака. Отношение общества к подобным случаям. Ссоры и разрывы между любящими, измена, разлука.

Как часто в прошлом встречались браки по любви и браки по расчету со стороны вступающих в брак, со стороны родственников. Отношение родителей к браку по любви, отношение жениха и невесты к браку, заключавшемуся родственниками.

Экономические отношения в браке. Выплачивался ли калым родителями невесты. Давалось ли приданое. Каковы были размеры калыма и приданого в прошлом. Нет ли скрытых форм калыма в настоящее время. Дается ли приданое девушкам в настоящее время и из чего оно составляется.

Отношения между супругами — молодоженами, в среднем возрасте, стариками; отношения после рождения первого ребенка — взаимное почитание, подчинение, забота друг о друге. Ссоры между супругами, причины их возникновения, ликвидация и последствия. Неверность (с той или другой стороны), кара за нее. Развод. Взгляд в обществе на разведенных. Отношение в семье и обществе к первому и последующим бракам. Смерть жены, мужа, отношение к умершим (оплакивание, сохранение памятных вещей и пр.). Отношение к вдовцам, вдовам со стороны родственников и посторонних. Отношение к бездетным бракам.

Любовь и брак в современном народном творчестве и в дореволюционном.

2. Родители и дети. Отношение к детям: маленьким, подросткам, взрослым (мальчикам и девочкам) со стороны отца и матери. Отношение к рождению ребенка того или иного пола, первенцам, последующим детям. Любимые и нелюбимые дети. Отношение к неродным детям со стороны мачехи, отчима. Отношение к внебрачным детям. Сводные дети (от разных браков). Все это в настоящее время и в прошлом.

Отношение детей к отцу и матери: маленьких, подростков, взрослых обоого пола. Отношение к престарелым и вообще нетрудоспособным родителям. Отношение детей друг к другу внутри семьи в разных возрастах и различных полов. Отношения взрослых детей (братьев, сестер), вышедших из родной семьи. Отношения родителей и детей в народном творчестве.

3. Отношение с другими родственниками. Отношение к дядям и теткам с отцовской и материнской стороны, со стороны племянников и наоборот. Случаи замещения родителей дядями, тетками. Отношение к сиротам со стороны родственников. Отношение к более дальним родственникам и вообще сохранение более далеких родственных (родовых) отношений.

4. Пережитки в прошлом родовых отношений. Стремление родственников селиться вместе, разделение поселка на концы по родственному принципу. Право соседа. Участие отдаленных родственников в праздниках (празднование джиги у татар и других народных праздников). Связь с отдаленными родственниками, живущими в других деревнях, городах. Нет ли сохранившихся родовых прозвищ и вообще сознания родовых связей.

5. Родственные отношения через брак в настоящем и прошлом. Отношение к снохе со стороны свекра, свекрови, деверей, золовок и обратно. Отношение к старшей снохе и последующим. Положение снохи в доме в отношении работы и в правовом отношении. Изменение положения снохи после появления следующей.

Отношение к зятю со стороны тестя, тещи, свояков, своячениц и обратно. Положение зятя, принятого в дом. Отношение к старшему зятю и к последующим. Отношение семьи к зятю после смерти дочери и к снохе после смерти сына. Пословицы, поговорки, песни и т. п., связанные с родственными отношениями.

Отношение родственников в сватовстве — родителей и родственников с обеих сторон. Отношения между собой снх и свояков.

6. Счет родства у населения — кровного и через брак. Наименование родственников. Составьте список родственников по отношению к брачной паре с указанием родственных отношений.

Рождение и воспитание детей в настоящее время и в прошлом

1. Забота о ребенке до его рождения. Гигиена и режим беременности. Работа будущей матери. Меры предохранения, чтоб не повредить ребенку (реальные и магические). Приметы о поле будущего ребенка. «Способы» заранее определить пол ребенка.

Отношение к будущей матери и ребенку со стороны мужа, родственников. Отношение к первому ребенку, к последующим. Пожелания о поле будущего ребенка со сто-

роны матери, отца, родственников. Подготовка к рождению ребенка — забота о приданом и т. п.

2. Роды и их обстановка. Где рожают в настоящее время — в больнице, дома. Как осуществляется помощь акушера при родах на дому. Где рожали в прежнее время, кто помогал, как вела себя родильница. Какие меры принимались при трудных родах в прошлом — реальные и магические (например, развязывание узлов на одежде, отворание дверей и т. п.).

Манипуляции с только что родившимся ребенком — обрезание пуповины, омовение, первое кормление грудью и т. п., как они обставлялись в прошлом. Как в прошлом вел себя муж во время родов жены.

3. Забота о ребенке с грудного возраста до 4—5 лет. Кормление ребенка грудью — режим и гигиена кормления. Пищевой режим матери во время кормления. Как долго кормят грудью ребенка. Отнимание ребенка от груди. Как поступают, когда у матери нет молока. Прикармливание ребенка, чем и когда начинают, пустышки и соски, их содержимое. Кормление ребенка после отнимания от груди сейчас и в прошлом, режим кормления. Поддержание чистоты, купание и т. п. Пеленание и завертывание. Люльки, способы укачивания. Одежда и украшения ребенка. Игрушки (какие и кто их изготавливает). Колыбельные песни. Имеются ли в колхозе ясли, постоянные, временные. Как они используются женщинами.

Предохранение ребенка от болезней и борьба с ними.

Отношение к маленькому ребенку со стороны матери, отца, родственников, посторонних людей.

4. Воспитание ребенка от 4—5 лет до приучения к труду (10—12 лет). Чем кормят ребят и когда. Как поддерживается чистота. Одежда, обувь, головные уборы детей обоего пола: обычные, праздничные (по сезонам). Где спят дети, постели, время сна. Кто занимается с детьми, когда, где. Что рассказывали детям в прошлом и что теперь. Роль бабушек в воспитании ребят. Имеется ли в колхозе детский сад, как он поставлен и как широко используется колхозниками. Игрушки и игры детей обоего пола.

Трудовые процессы в играх. Товарищество у детей, регулирование его со стороны взрослых. Книжка у детей современной деревни.

Забота о здоровье детей, борьба с детским травматизмом (ушибами, порезами и т. п.) со стороны взрослых и самих детей.

Внушение правил поведения, привитие культурных навыков. Обучение грамоте и роль семьи в деле обучения и воспитания.

Отношение к детям — обращение с ними, требование подчинения, наказания. Отношение детей к родителям и вообще к взрослым (откровенное, боязливое, стремление обмануть взрослых). Отношение старших детей к младшим и наоборот.

5. Воспитание подростков. Приучение к труду мальчиков и девочек, когда начинается теперь и начиналось в прошлом, в чем состоит и состояло. Забота о нравственности мальчиков и девочек (кто занимается этим делом). Отношение взрослых к подросткам и последних к взрослым и маленьким детям. Товарищество у подростков. Игры и развлечения подростков. Специальные праздники. Имеется ли пионерская организация и каков охват ею подростков.

6. Образование детей в настоящее время и в прошлом. Роль школы в современном воспитании детей. Отношение к образованию в современном обществе и в прошлом. Обучение детей в школе в прошлом и роль школы прошлого в их воспитании.

Положение женщины

1. Современное положение женщины в семье, на производстве и в обществе. Женщины — специалисты и администраторы. Пережитки былого отношения к женщине и борьба с ними колхозной общественности.

2. Положение женщины в прошлом в семье, в хозяйстве и в обществе. Взгляд на женщину как на низшее существо и угнетение ее. Неполноправность женщины прошлого в вопросах имущественных и общественных. Положение в прошлом вдовы с детьми (лишение земли, назначение опекуна и т. п.). Роль религии и духовенства. В угнетении женщины в прошлое время.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

Церемонии, сопровождающие важные события в жизни человека и семьи

1. Как отмечается в современной колхозной семье рождение ребенка, регистрация его в ЗАГСе и т. п. Что создается нового, что сохранилось в переосмысленном виде от обычаев прошлого, связанных с рождением ребенка. Какое участие в праздновании рождения ребенка принимают члены бригады, вообще колхозная общественность.

Какими обычаями сопровождалось рождение ребенка (первого, последующих, мальчика, девочки) в прошлом, в связи с прежними материальными, социальными и

правовыми нормами. Как обставлялся показ новорожденного отцу, близким родственникам, посторонним. Празднование рождения ребенка. Подарки матери и ребенку. Наречение имени и связанные с этим обычаи. Какие обычаи были связаны с жизнью и воспитанием ребенка. Не было ли обычая фиктивного приобретения своего ребенка у соседей, в том случае если предыдущие дети в семье умирали.

2. Современная свадьба в колхозной семье, ее организация и проведение. Свадебный церемониал, что в нем нового и что вошло в него из старых обычаев, в пересмысленном виде или в виде ненужных, а иногда и вредных пережитков. Какое участие в свадьбе принимает колхозная общественность, колхозная администрация, члены бригады жениха и невесты. Кто является почетным гостем на современной свадьбе. Проявляет ли колхоз заботу об устройстве новой семьи или это возлагается только на родственников. Излюбленное время для устройства свадеб (лето, осень, весна, зима) в настоящее время и в прошлом.

Свадьба в прошлом. Начало сватовства. Роль родителей в выборе невесты и жениха. Семейный совет. Кто начинал сватовство и кто продолжал его. Роль свата или свахи. Обычаи при сватовстве. Какими условными выражениями вели разговор о возможности брака сваты, как отвечали сватам родители невесты. Конец сватовства. Какими обычаями он сопровождался. Кто и как договаривался о приданом, калыме, расходах на свадьбу. Обычаи, сопровождавшие выплату калыма и передачу приданого.

Время от конца сватовства до свадьбы. Особое положение невесты. Ее отношения с женихом. Подруги невесты и их роль в этот период. Поведение жениха и его родителей. Поведение жениха и невесты накануне свадьбы — обрядовые омовения (хождение в баню), оплакивание невестой девичества, прощание с подругами.

Свадьба в доме жениха и невесты. Где происходил главный обряд. Место религиозного обряда бракосочетания в свадебном обряде прошлого. Свадебный поезд, кто в нем участвовал (свахи, дружки, подруги невесты). Участие родителей жениха и невесты в свадебном поезде. Как ехали поезжане и на чем везли невесту (верхом, в телеге и т. д.). Свадебная церемония в доме жениха и невесты. Кто присутствовал. Роль брата невесты и дяди с материнской стороны. Роль свата. Посаженные родители или иные лица, имевшие большое значение в свадьбе и в дальнейшем устройстве молодых. Церемония во время свадебного пира. Специальные кушанья и напитки. Где находились жених и невеста во время свадебного пира, на чем сидели, что ели, как вели себя. Обряд показывания молодой родственникам.

Поларки со стороны невесты и жениха друг другу и родственникам. Свадебная одежда жениха, невесты и других участников свадьбы. Перемена невестой одежды и головного убора с девичьих на женские. Где, когда это происходило и как делалось. Какими способами старались уберечь невесту от «порчи» во время свадьбы. Предметы свадебного ритуала: полотенца, посохи и т. п.

Кто участвовал на свадебном пиру: родственники, соседи, посторонние, их роль и значение. Описать все свадебные пирушки в доме родителей жениха, невесты, родственников, которые сопровождали свадьбу. Отметить, какие являлись обязательными и какие устраивались только у особенно богатых людей.

Первая встреча новобрачных. Где встречались. Какими обычаями сопровождалась эта встреча: невеста должна разуть жениха, развязать ему пояс, жених ударить невесту плеткой и т. п. Кто стелил брачную постель и какими обычаями это сопровождалось. Давали ли знать и кому о невинности новобрачной.

Поведение молодых в первые дни после свадьбы. Если молодая оставалась в доме отца (у татар), то как долго это продолжалось и почему. У каких социальных слоев населения молодая дольше оставалась у отца. Переезд молодой в дом родителей молодого. Ритуальные работы, которые молодая выполняла после переезда в дом мужа (подметание избы, затапливание печи, принос воды и т. п.). Обычаи, которыми все это сопровождалось. Первое посещение молодой своих родителей после переезда. Записать обрядовые песни, слова, приметы, поговорки, касающиеся свадьбы.

Не было ли более упрощенного церемониала свадьбы и почему он применялся. Описать его. Свадебный обряд при втором браке. Сколько раз разрешалось вступать в брак. Развод в прошлом. Допускался ли он и как обставлялся. По чьей инициативе производился развод. Могла ли женщина требовать развод.

3. Похороны в настоящее время и в прошлом. Дать их полное описание. Поминки, как и когда они устраивались. Кто участвовал. Отношение к умершим в прошлом и старинные обряды, связанные с предохранением от «влияния» умерших на живых (родственников, людей вообще).

4. Предотвращение и лечение болезней в прошлом. Обычаи, предохраняющие от заболеваний. Обряды при борьбе с эпидемиями и их распространением. Отношение к больному вообще и к душевнобольным в частности.

Обычаи прошлого, связанные с домом, поселком, хозяйством

1. Обычаи при закладке дома, во время стройки, при окончании строительства, переезде в новый дом. Отъезд из старого дома и слом его. Обычаи, связанные с жизнью в доме, с поддерживанием чистоты (выбрасывание сора), заходом в дом «нечистых» животных, изгнание «нечистой силы» и т. п.

2. Обычаи, связанные с поселком, его основанием, охраной от пожаров, в частности, тушением пожаров, вызванных ударом молнии. Обычаи, связанные с устройством пруда, рытьем колодезев, постройкой общественных зданий и т. п.

3. Обычаи, связанные с хозяйством. Выгон скота в поле весной, загон в хлева осенью. Предохранение скота от волков, болезней, удара молнии, града и т. п.

Обычаи, связанные с началом сева, началом и окончанием жатвы, молотбы. Старинные обычаи, связанные с первым снопом, первым хлебом.

4. Приметы. Насколько в них верят в настоящее время.

Революционные и другие народные и семейные праздники

1. Современные революционные и другие праздники. Как проводят в колхозе 1 Мая, праздник Великой Октябрьской социалистической революции. Приурочивается ли к этим дням премирование колхозников за отличную работу. Как празднуются важные события в жизни коллектива — награждение лучших колхозников правительством и др. Справляют ли колхоз «День урожая» и как. Как справляют теперь некоторые старинные народные праздники, например, сабантуй. Что нового в их проведении, что переосмыслено из старого. Устраиваются ли праздники женщин (8 марта), молодежи (МЮД) и т. п., как они проводятся.

2. Старинные народные праздники, время их проведения, как проводились, кто участвовал, кто руководил и т. д. Собрать сведения о времени возникновения праздников и цели их устройства, по мнению населения. Старинные праздники молодежи, подростков, общие и отдельные для молодежи и подростков обоего пола. Отметить также старинные праздники, связанные с календарем: новый год, праздники солнцеворота, весны, лета, осени, зимы.

3. Семейные праздники современные и справлявшиеся в прошлом. Какие праздники, с чем они связаны и как они проводятся и проводились. Участие родственников в прежних семейных праздниках и общественности в современных.

Пережитки религиозных верований и борьба с ними в настоящее время

1. Какие пережитки сохраняются сейчас от дрезних верований; вера в духов, в гадание, магические действия, ношение амулетов и т. п. Пережитки христианства и ислама. Исполнение обрядов, соблюдение постов и т. п. людьми разных возрастов.

2. Борьба с религиозными пережитками, как и кем ведется. Насколько интенсивно ведется антирелигиозное воспитание населения и успехи в этом деле.

КУЛЬТУРА, ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Просвещение

1. Стремление к знанию теперь и в прошлом. Грамотность и неграмотность. Взгляд на школу, на образование, на образованных людей у колхозников в настоящее время, а в прошлом у различных социальных групп крестьянства. Требования к образованному человеку. Отношение к учителям, к книгам (новым и старым), к старинным рукописям (у татар). Поговорки, пословицы, связанные со школой и учением.

2. Какая школа существует в поселке в настоящее время, как она оборудована. Имеется ли при школе библиотека и кто ею пользуется. Внешкольная культурно-просветительная деятельность учителей. Была ли школа раньше, когда основана, какого типа и на каком языке велось преподавание.

Имеются ли в поселке библиотека, изба-читальня. Кто руководит их комплектованием: секция сельсовета, партийная организация, комсомол и т. д. Как много колхозников пользуется ими и кто (молодежь, взрослые колхозники, старики). Какие книги, газеты и журналы читают колхозники. Устраиваются ли в избе-читальне читки газет или книг, ведется ли обсуждение прочитанного. Какие газеты и журналы выписывают колхозники лично и в каком количестве. Имеются ли у колхозников собственные библиотечки и какой подбор книг.

3. Создан ли в поселке клуб, его размеры и оборудование. Постановка в нем политико-воспитательной работы. Как часто и на какие темы читаются лекции, доклады и кто их читает. Имеются ли в клубе кружки самодеятельности, какие и как они поставлены. Часто ли устраиваются киносеансы. Посещаемость лекций, киносеансов. Кто посещает.

4. Имеется ли радиоузел, а также радиоприемники в общественных местах и лично у колхозников. Какие передачи более интересуют колхозников.

5. Спорт и его виды. Имеются ли спортивная площадка и инвентарь. Устраиваются ли спортивные соревнования и с кем.

6. Показать ведущую роль в поднятии культурного уровня и политической сознательности колхозников советских органов (сельсовета и его секций), партийной организации колхоза, комсомола, добровольных обществ, кружков самодеятельности и т. п.

7. Как поставлено медицинское обслуживание колхозников. Имеются ли больница, медицинский пункт. В каких случаях колхозники обращаются к врачу или фельдшеру, в каких обходятся «домашними средствами». Что представляют собой эти «домашние средства». Имеются ли домашние аптечки у колхозников.

Народные знания

1. Старинные наблюдения над природой вообще и, в частности, над погодой. Предсказания погоды и их обоснования. Длительные предсказания погоды. Народный сельскохозяйственный календарь и его обоснование.

2. Народная медицина в прошлом и теперь. Определение болезней и приемы борьбы с ними. Лекарства, лекарственные растения. Какие лекарственные растения использовались прежде и употребляются теперь, их названия, сбор и способы использования. Лечение болезней кровопусканием, пиявками, растираниями и т. п. Кто лечил прежде и как к этим лекарям относились. Народные способы возмещения жизни угоревших, утонувших, помощь при обмороках, обмороживании и т. п. Каково положение народной медицины в настоящее время (применяют ли народные средства лечения колхозники). Интересуются ли врачи народной медициной.

3. Народная мудрость и философия. Высказывания о морали, об отношении к людям, другим народам, отечеству, в настоящее время и в прошлом. Патриотизм в народных высказываниях. Взгляды на природу, мироздание. Взгляды на жизнь вообще и на счастье, горе, удачу, неудачу и т. д., в частности. Как рисуется моральный облик советского человека в представлении колхозников. Образы хорошего и плохого человека в представлении отдельных социальных слоев крестьянства в прошлом.

Устное и изобразительное народное творчество

1. Устное народное творчество колхозников различных возрастов и специальностей. Какие песни поют колхозники, их тематика и оформление. Бытуют ли сказки, пословицы, поговорки, загадки, исторические сказы и т. п. Как изменилось их содержание. В какой степени творчество колхозников отражает современность и насколько оно злободневно. Рассказывают ли старинные произведения народного творчества: сказки, исторические сказы и т. п. Как к ним относятся население колхозов. Имеются ли сказители и народные певцы. Как к ним относятся колхозники сейчас и различные социальные виды крестьянства в прошлом.

2. Развитие музыкальной культуры в настоящее время. Народная музыка, ее виды и требования к ней народных масс⁸. Отношение к музыкантам и к занятиям музыкой, теперь и в прошлом. Народные музыкальные инструменты, современные и бывшие в употреблении раньше (дать фото и описание их). Воспоминания о древнейших музыкальных инструментах. Имеются ли в поселке музыканты, певцы, оркестр, хор, их репертуар. Где они выступают.

3. Танцы, игры, инсценировки в увеселениях колхозников. Описание их. Какие танцы исполняются чаще. Связь между современными и старинными танцами, играми и т. п. Что появилось нового и что из старого бытует в измененном виде. Хороводы. Отличие современных хороводов от старинных по организации и играм. Взгляд на танцы и игры в настоящее время и в прошлом. Отношение к исполнителям. Отношение к организаторам массовых игр, хороводов и т. п. Пословицы, поговорки и т. п., относящиеся к танцам, играм и их исполнителям. Отношение к танцам и музыке в прошлом господствующих классов и духовенства.

4. Какие отрасли прикладного искусства существуют у колхозников (вышивки, узорное ткачество, плетение и вязание кружев, ювелирное дело, художественная обработка дерева — резная посуда, игрушки и т. п.). Какие отрасли прикладного искусства прошлого исчезли в настоящее время и почему и какие появились вновь. Наиболее распространенные мотивы орнамента, расцветки, техники выполнения в прошлом. Какие изменения в сюжете, орнаментике и технике появились в настоящее время и какие традиционные формы сохраняются и имеют все условия для сохранения в будущем. В какой степени прикладное искусство используется в современном быту и какую роль играло оно в быту прошлого.

5. Архитектурное оформление построек в настоящее время и в прошлом. Что появилось нового и что сохраняется ценного из старого. Кто вел архитектурную отделку зданий прежде и кто ведет в настоящее время. Отношение населения к строителям — архитекторам.

6. Живопись, графика, каллиграфия в современном быту и в прошлом. Как относились к этим видам искусства в прежнее время трудящиеся и господствующие классы того времени. Особенности этих видов искусства в настоящее время и в прошлом.

⁸ Характеристика музыкальных произведений может быть дана только в том случае, если собиратель является специалистом-музыковедом

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. Н. БЕРНШТАМ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ К ЭТНОГЕНЕЗУ ТУРКМЕН

Этногенез туркменского народа представляет собой весьма сложную картину. Туркмены — тюркские племена огузского цикла, несомненно связаны с местным массагето-аланским и, вероятно, с дахо-парнскими этническими элементами Туркменистана и сопредельных территорий (северное Среднеазиатское междуречье, Приаралье), а также и с явно восточными элементами огузского происхождения. Такую точку зрения разделяет немало авторов — Л. В. Ошанин, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов. Разбирая вопрос о восточных инфильтрациях в древнеогузской среде нижней Сыр-Дарьи, С. П. Толстов, основываясь главным образом на археологических данных, склонен отнести их к гунно-эфталитскому периоду¹. В дополнение к этой гипотезе попытаемся несколько уточнить происхождение восточных элементов.

Широкое распространение термина «огуз» среди этнонимов туркмен и наличие у них огузского цикла легенд заставило некоторых исследователей, в частности В. В. Бартольда, искать этногенетическую связь между огузами Сыр-Дарьи (предками туркмен) и создателями орхонских рунических текстов².

Однако, если исходить не только из тюркоязычных рунических текстов Монголии, а обратиться к более раннему периоду, то можно найти достаточно оснований для того, чтобы предположить, что сложение огузов Сыр-Дарьи началось ранее появления огузов на исторической арене в Центральной Азии. Мы считаем, что термин «огуз», очевидно, в древней форме (o)uig появляется в истории еще с гуннами, т. е. в первых веках до н. э. в Монголии и в первых веках н. э. в Средней Азии. Обратимся к фактам, которые послужили нам основанием для такого предположения.

Имя знатного рода гуннов, из которого выбирались ставшие потом наследственными гуннские шаньюи (князья), было Хоянь. Оно состоит из двух иероглифов —

呼衍. Историческая фонетика показывает, что эти иероглифы должны были читаться в древности как [x] ou + ʔag. Инициальное x, заключенное нами в квадратные скобки, есть придыхание. В целом имя рода может читаться *uker*. По-монгольски это означает «бык». Так это слово могло быть переведено в архангских тюркских языках (ср. тюркское *-öküg = ou iz*). О том, что шаньюйский род называется «бык» (очевидно, в честь его тотема), свидетельствуют и бляхи с изображением быка в шестом ноинулинском кургане, принадлежавшем, как мне удалось показать, Улей жоди шаньюю³, прямому потомку основателя гуннского племенного союза Модэ шаньюя, т. е. тоже принадлежащему роду Хоянь-Огуз.

Имя своего рода носили и гуннские князья первых веков н. э., например, Хоянь — князь начала II в. н. э.⁴

Археологические исследования памятников кочевников рубежа нашей эры открыли многочисленные свидетельства проникновения гуннов в Среднюю Азию, что ярче все-

¹ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская Этнография», 1947, № 3.

² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. В сб. «Туркмения», т. 1, Л., 1929.

³ А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение, «Известия Академии Наук СССР», Отделение общественных наук, 1937, № 4.

⁴ «Хоуханьшу» (гл. 78, л. 4а). Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее времена, 1950, т. II, ч. III, стр. 218.

го представлено Кенкольским могильником и сходными с ним памятниками центрального Тянь-Шаня, горной Ферганы и Алая⁵.

Это движение гуннов возникало неоднократно, заключительным этапом его было движение кочевников — гаогуей явно гунно-уйгурского (т. е. тоже огузского) происхождения. Китайское название их — гаогуей — восходит к тем же гуннским «огузам», но в новой фонетической форме. Начальное «у» тут явно придыхание, иероглиф «гюй» может читаться как «гюр», «гур», «гар», подобно тому, как китайское «гюй» в этнониме «кангуей» транскрибирует окончание среднеазиатского сырдарьинского этнонима «кангар».

Движение гуннов первых веков н. э., а затем гаогуей IV—V вв. н. э. — это два этапа одного и того же движения центральноазиатских и приалтайских племен. На почве Средней Азии они вошли в контакт с местным населением и образовали, вероятно, конгломеративное объединение эфталитов, одних из предков туркмен. Любопытно отметить, что гунны первых веков н. э. в Китае именовались «четыре-» и «шестьюрогими» по их характерным головным уборам. Это составляло типичную этнографическую черту и эфталитов. Название «эфталит» среднеазиатского, а не центральноазиатского происхождения. Оно бытовало наряду с названием «гунн», что явствует не только из китайских,⁶ но и из согдийских⁷ источников и на что недавно было правильно обращено внимание⁸.

В Средней Азии, вероятно, слово «гунн» произносили как «хион» (кит. *хуа*), обозначающее имя господствующего рода эфталитов. Идентичность хионитов с эфталитами отметил Маркварт⁹ и убедительно доказал Гиршман¹⁰.

Но если тюркское этническое ядро среди эфталитов восточного происхождения, а на востоке оно в свою очередь восходит к гуннам, то не могу не привести и другую серию фактов, важных для понимания этногенеза туркмен, — факты антропологические.

Туркмены Средней Азии обладают слабо выраженной монголоидностью. В прошлом они характеризовались таким редким и особым этнографическим признаком, как обычай деформировать голову.

Ослабленной монголоидностью среди тюркских народов огузского цикла отличаются и уйгуры. Из палеоантропологических материалов ближайшей аналогией к антропологии туркмен являются серии гуннских черепов Кенкольского и ему подобных могильников. Уйгуры, потомки гуннов, оставшиеся на коренных территориях их обитания, не знают обычного кольцевой деформации. Потомки же центральноазиатских гуннов, которые выселились в Среднюю Азию, приобрели этот обычай, вероятно, для выделения своего племени, неизбежно растворявшегося в массе населения Средней Азии.

Обычай деформации черепа, широко распространенный среди гуннов Средней Азии, затем перешел к эфталито-огузам. Характерно, что в захоронениях в хумах на Сыр-Дарье (Сассык-булак), явно принадлежащих огузам, отмечается, по определению В. В. Гинзбурга, деформация черепа. Это согласуется с известными данными Макдиса о жителях Приаралья. Впоследствии такой обычай перешел к туркменам¹¹.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что в дотюркский период (VI—VIII вв.), т. е. до господства государства огузов, на территории Средней Азии складывались огузские племена, генезис которых связан с экспансией центральноазиатских гуннов на запад. Эти гунно-огузские племена заложили основу тюркского этногенеза среди массагетско-аланских племен далеких предков туркменского народа. Не исключая дополнительной роли государства западных тюрков, закрепившего этот процесс, отметим, что только от гуннов-огузов предки туркмен могли заимствовать обычай дефор-

⁵ А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951, стр. 102 и сл.

⁶ Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. I, стр. 139—141; ср. т. II, стр. 268—269.

⁷ W. B. Henning, The Date of Sogdian Ancient Letters, BSOAS, 1948, XII, в. 3, Гунны транскрибированы по согдийски «xwn».

⁸ Maria Bussagli, Osservazioni sul problema degli Unni, Atti Accademia Nazionale Dei Lincei, Рим, 1950, т. V, в. 3—4, стр. 212—232.

⁹ J. Markwart, Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Herausgeben von Hans Heinrich Schaeder, Leiden, 1938, стр. 38 и сл.

¹⁰ R. Ghirshman, Les Chionites Hephtalites, Mémoires de l'Institut Français d'archéologie Orientale du Caire, LXXX; Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, т. XIII, Le Caire, 1948, стр. 116 и сл. Ср. 69 и сл.

¹¹ Е. В. Жиров, Об искусственной деформации головы, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», VIII, 1940; В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров, Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», X, 1949; В. В. Гинзбург, Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии, «Краткие сообщения Института этнографии», в. XI, 1953; В. Я. Зезенкова, Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская. Труды Музея истории народов Узбекистана, в. I, Ташкент, 1951.

иации головы, являющийся типичной этнографической чертой только туркмен, из всех народов Средней Азии.

Цитаделью среднеазиатских гуннов был Тянь-Шань, и не случайно в преданиях туркмен, посвященных их происхождению, фигурирует «прародина» Иссык-Куль¹².

У туркмен и уйгуров наблюдается не только общая этнонимика, восходящая по регистрации древнейших письменных источников к VIII в. (тохарскому документу), не только общие названия племен толес накануне могущества западнотюркского каганата (VI в.), отмеченные китайскими анналами Суйской династии¹³, но и общий эпический герой — Огуз-каган. Его образ восходит ко времени Модэ — основателя могущества гуннского племенного союза (Модэ, Маотунь, т. е. Багатур) шаньюю из рода Хоянь, имя — титул которого мы переводим как «Князь Богатырь-Бык», впоследствии в силу развития социальных отношений превратившегося в царя Быка, т. е. Огуз-кагана.

Таковы те некоторые новые данные, которые позволяют уточнить ранее выдвинутые гипотезы о происхождении туркмен в том смысле, что тюркизация среднеазиатских племен, от которых произошли огузы-туркмены, ведет свое начало от гуннов Центральной Азии. Центральноазиатские гунны, откочав на запад, положили основание среднеазиатским гуннам, позднее эфталитам.

Эти гунны носили свое тотемное название «гур», «огуз», закономерно изменившиеся на почве Средней Азии в «гуз» — «огуз»; связь же туркмен с огузами никем не оспаривается.

¹² Абульгази. Родословное дерево тюрков. Пер. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.

¹³ «Суйшу», гл. 84. См. F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq, ATIM, Zw. Folge.

С. О. ХАН-МАГОМЕДОВ

ЖИЛИЩЕ ТАБАСАРАН

Введение

Табасараны один из самых многочисленных народов Дагестана. Места, населенные табасаранами, расположены на юге Дагестана, в верхней подзоне предгорий в пределах Табасаранского и частично Хивского районов. Экспедиции научного студенческого общества Московского архитектурного института 1949—1950 гг., изучавшие архитектуру Южного Дагестана, обследовали 30 селений в верхней подзоне предгорий, населенных табасаранами и частично лезгинами.

Единство климата, рельефа, местных строительных материалов способствовало выработке общего типа жилья в верхних предгорьях как у табасаран, так и у лезгин, отличного от жилья нижних предгорий и горной зоны.

Сравнительно пологий рельеф, позволяющий устраивать хорошие дороги и облегчающий сношения между отдельными группами селений, способствовал выработке единой схемы жилища в первой половине XIX в. Это единство схемы поражает своим однообразием и буквально стандартизацией в решении фасадов жилых домов и их планов. На протяжении десятков километров в селениях Табасаранского, Хивского и частично Касумкентского районов встречаются старые дома с одинаковыми фасадами и планами.

Экспедиция 1949 г. обмерила подобные дома в Касумкентском районе, и частично материал по старым домам верхних предгорий был опубликован в № 1 «Советской этнографии» за 1950 г., где было подробно разобрано самое жилище нижних предгорий.

Материал экспедиции 1950 г.¹ по верхним предгорьям дает возможность более подробно разобрать типы старых домов, их декор и конструкции, проследить на конкретных примерах эволюцию от старых домов до современных, описать основные типы современного дома и сделать выводы о возможности использования старых приемов народного зодчества в новых постройках.

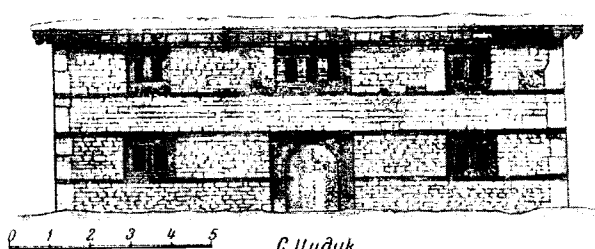
Старые дома

Жилые дома, как старые, так и новые, имеют два этажа: первый — хозяйственный, второй — жилой. Как по плану, так и по фасаду старые дома строго симметричны, их центральная часть в обоих этажах занята коридорами, в которые выходят двери четырех жилых комнат во втором этаже и двух хозяйственных помещений в первом этаже. На главный фасад выходят: дверь, ведущая в нижний коридор, расположенное над ней окно верхнего коридора и окна жилых и хозяйственных помещений по два на каждом этаже. Примером старого дома является дом Курбанова в селении Цудук (рис. 1, 1'). Подобные дома датируются первыми двумя третями XIX в. Их характерные особенности следующие: высота этажей очень низкая, окна из массивных деревянных коробок с одним-четырьмя проемами без стекол, дверь также имеет массивную деревянную коробку с арочным проемом, карниз на семи деревянных консолях, на фасад обычно выводятся деревянные прокладки, зажимающие сверху и снизу оконные коробки, углы кладки фасада делают из крупных отесанных камней, а вся кладка, как правило, из нетесаного камня.

Обычно все окна делают с двумя проемами, но иногда центральное окно второго этажа выделяют, как это сделано в доме Курбанова, где оно трехпроемное (рис. 1, 2). Это был дом богатого человека, поэтому стены его сложены из хорошо отесанных камней, а все деревянные части главного фасада (консоли карниза, коробки окон и дверей) покрыты прекрасной орнаментальной резьбой. Особенно интересно по своей резьбе среднее тройное окно второго этажа.

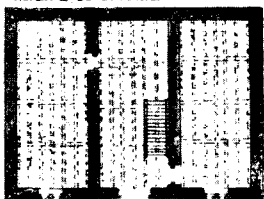
Реже встречаются старые дома с лоджией в центре второго этажа, хотя теплый климат позволяет устраивать лоджии. Старинная вражда селений и отдельных семей

¹ В составе студентов VI курса Московского архитектурного института Г. Н. Лютиковой и автора этой статьи.

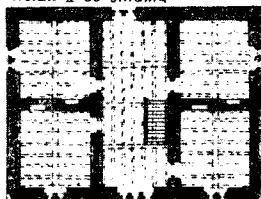

С. Цудук

План I-го этажа

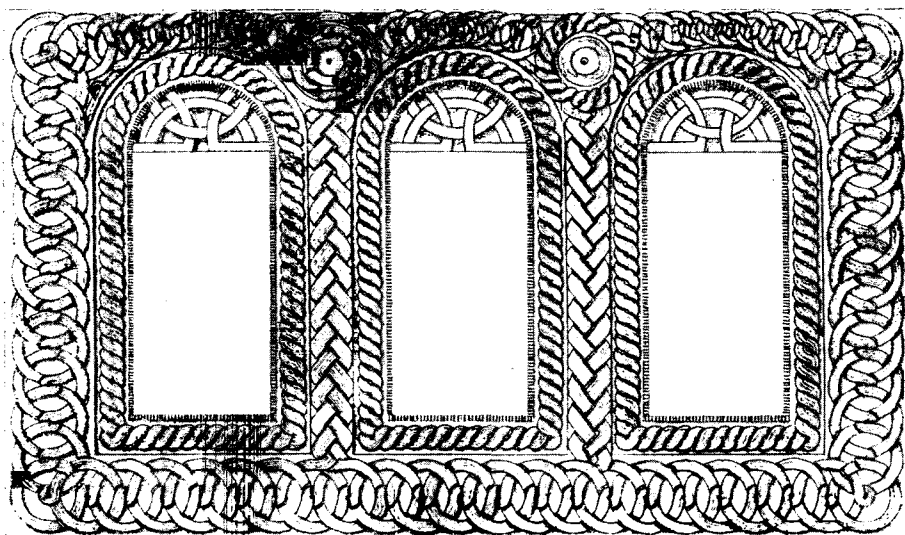
План II-го этажа

1

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

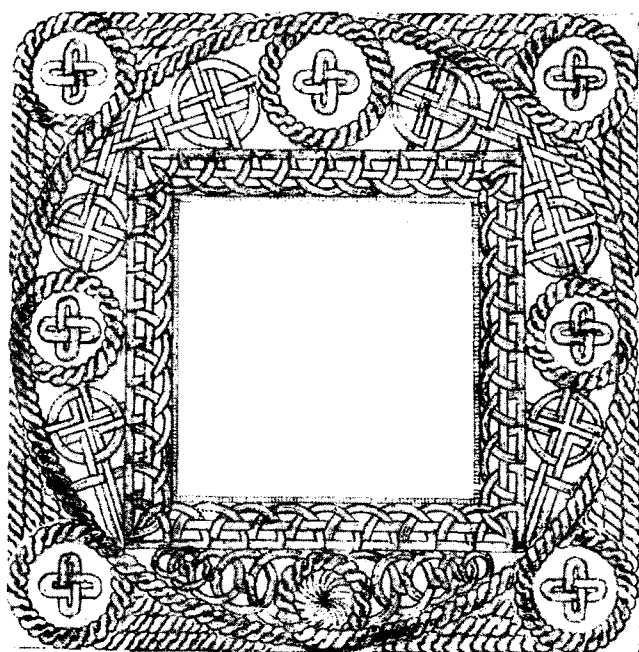
Резное деревянное окно 2-го этажа

0 1 2 3 4 5

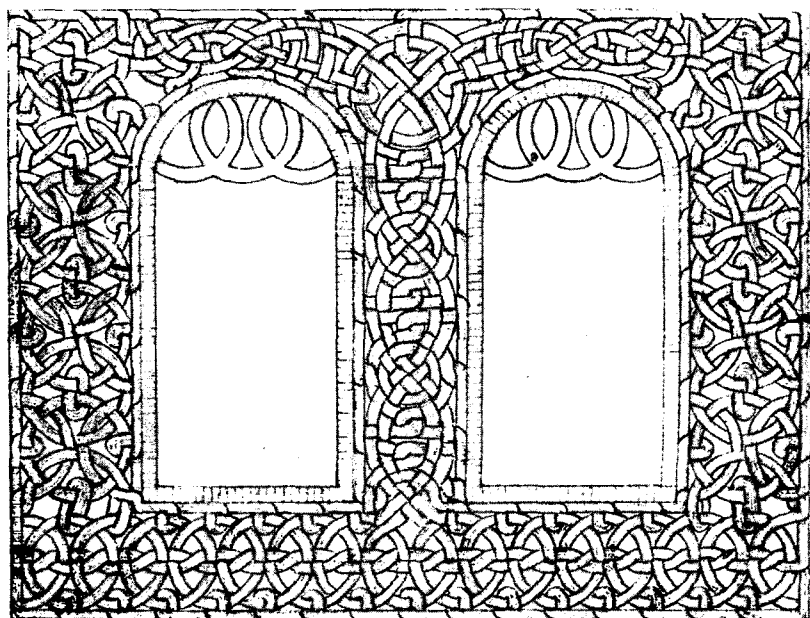
2

Рис. 1. Дом Курбанова (старого типа)

0 1 2 3

С. Демуркиль

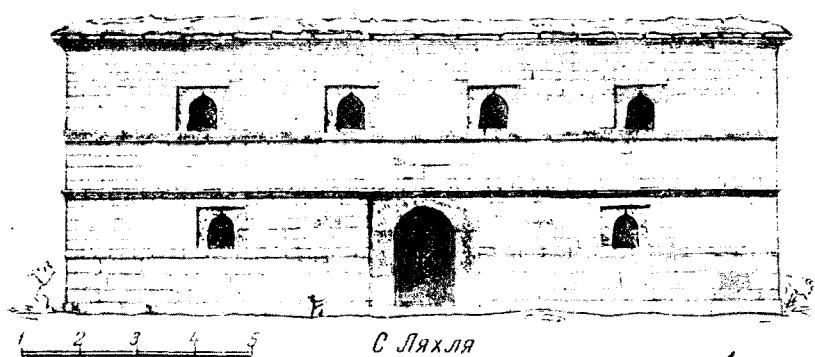

0 1 2 3 4 5

С. Кандик

2

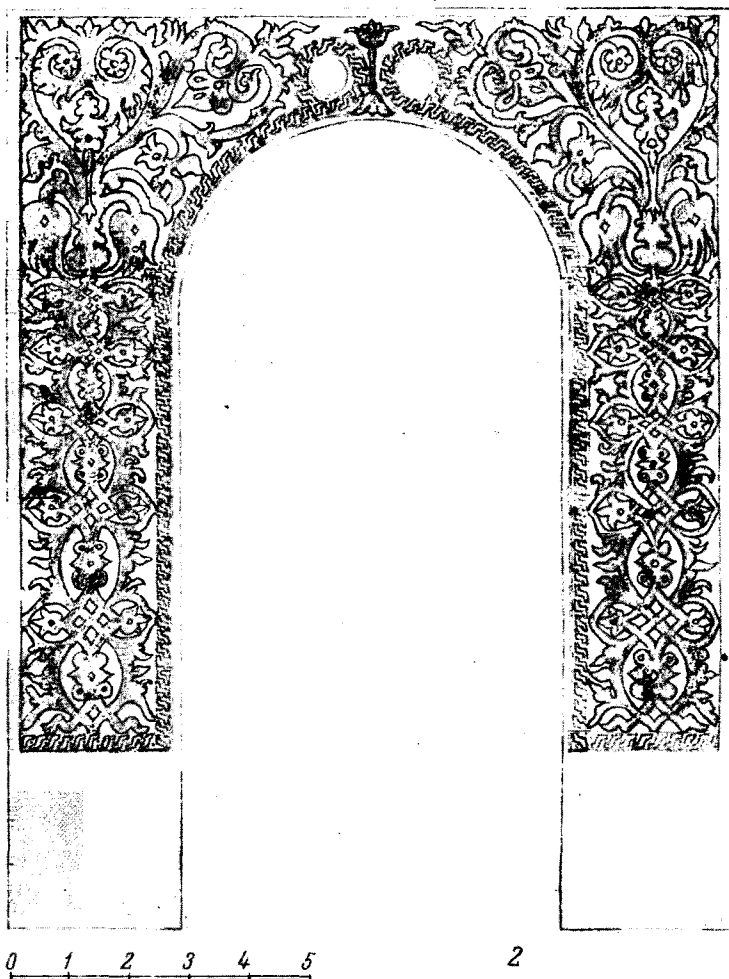
Рис. 2. Резные деревянные окна

С Ляхля
1862г.

1

Резная каменная дверь

2

Рис. 3. Дом Дженгереева

мешала строительству домов, открытых на улицу лоджией, и лишь в советское время такие дома получили большое распространение. Можно сказать, что раньше местные климатические условия и требования социального быта табасаран противоречили друг другу, так как в основном строились дома замкнутые, выходящие на улицу стенами.

Лоджия занимала лишь часть верхнего коридора и соединялась с ним дверью, в ее центре ставился столбик (часто с резной подбалкой), поддерживающий перекрытие.

В доме Исмаилова (с. Чувек), имеющего лоджию, интересны окна второго этажа. Они не обычны для старых табасаранских домов, а сделаны с подъемными ставнями.

Основной тип старого дома являлся общим для всех имущественных слоев. Наличие на месте дешевых строительных материалов (мягкий песчаник и хорошие строительные сорта дерева в лесах — дуб, граб, бук и т. д.), а также обычай помогать всем селением односельчанину при постройке дома делали возможной постройку двухэтажного дома даже несостоятельным горцом.

Однако социальное неравенство сказывается в архитектуре жилого дома в том, что дома богатых имеют резьбу на деревянных частях, стоимость которой подчас в несколько раз выше стоимости постройки самого жилого дома. Резьбой покрываются и деревянные части интерьера (балки потолка, лестница, ведущая на второй этаж, створки окон и т. д.). Народные мастера XIX в. достигли высокого совершенства в резьбе по дереву, и еще сейчас во многих селениях можно видеть хорошо сохранившиеся окна и двери старых домов с богатой резьбой. Широкие поля массивных дверных и оконных коробок покрывались сплошь геометрической резьбой в виде плетенки.

На большой высоте стояло раньше и искусство резьбы по камню, прекрасные образцы которого можно видеть на камнях надгробных памятников. В кладку жилого дома обычно вставлялся камень, — где по-арабски было написано имя хозяина дома и год его постройки, вкомпонованные в орнамент. Иногда в кладке фасада делали несколько резных камней, как в доме Курбанова (с. Цудук) (рис. 1).

Интересным памятником народного искусства резьбы по камню является дом Дженгереева в с. Ляхля, построенный в 1862 г. (рис. 3, 1). Его фасад не имеет ни одной деревянной детали и весь сделан в камне. Деревянные прокладки обычного дома как бы заменены здесь тремя тягами, двумя профилированными и одной в виде выступающего ряда резных камней кладки.

План этого дома обычен для табасаранского жилища, за исключением того, что на фасад второго этажа выходят четыре окна (а не три).

Коробка двери — каменная, покрыта резьбой и по своей конструкции аналогична деревянной (рис. 3, 2). Конструкция окон оригинальна, их коробка составлена из двух резных камней, соприкасающихся в замке арочного проема окна. Карниз дома профилированный в виде выкружки с капельником. Резьба окон и дверей дома Дженгереева, как и вообще резьба по камню, выполнена в виде растительного орнамента. Подобные каменные резные двери чаще, чем в жилых домах, встречаются в мечетях.

Геометрический орнамент резьбы по дереву и растительный орнамент резьбы по камню, несомненно, влияли друг на друга, и иногда можно встретить на надгробиях резьбу в виде «плетенки», а в с. Цудук имеются деревянные окна и двери, покрытые резьбой в виде растительного орнамента, типичного для каменной резьбы.

Развитие искусства орнаментальной резьбы по камню и по дереву способствовало созданию особого стиля старой народной архитектуры табасаран, где большую роль играет декор. Наличие общепринятого типа дома и участие в его выработке многих поколений народных мастеров большой территории привели к созданию жилого дома с очень выразительным фасадом, отдельные примеры которого стоят на высоком уровне и могут соперничать с лучшими произведениями жилой народной архитектуры других народов СССР и всего мира.

Основная схема фасада жилого дома стала каноничной, и большие дома строили за счет увеличения дома в глубину, оставляя фасад типовым по размерам и форме. Более того, если надо было построить дом для небольшой семьи, то строили как бы часть общепринятого фасада — центр с коридором (одну боковую часть с жилыми и хозяйственными комнатами). Такие дома встречаются довольно часто и выглядят недостроенными или полуразрушенными, хотя это совершенно законченные, целые дома.

По остаткам нескольких старых полуразрушенных домов можно предполагать существование раньше трехэтажных домов и домов с навесными балконами в центре второго этажа, хотя ни одного такого целого старого дома обнаружить не удалось.

Как было сказано выше, описанные типы домов были распространены в первые две трети XIX в. В это же время наибольшего расцвета достигает орнаментальная резьба по дереву и камню.

Эволюция жилого дома

Собранный материал по жилищу позволяет проследить эволюцию жилого дома от старого до современного.

Причины эволюции лежат в социальных условиях, в проникновении в горы городской культуры (особенно усилившейся после завоевания Дагестана русскими) и в улучшении техники обработки камня. Повышаются высоты этажей, увеличиваются проемы окон, появляется арка и т. д. Проследим на конкретных примерах развитие жилого дома.

В качестве примера старого дома на таблице приведен дом из с. Зизик (рис. 4, 1). Развитие фасада такого дома без лоджии шло двумя путями. В северной части Та-

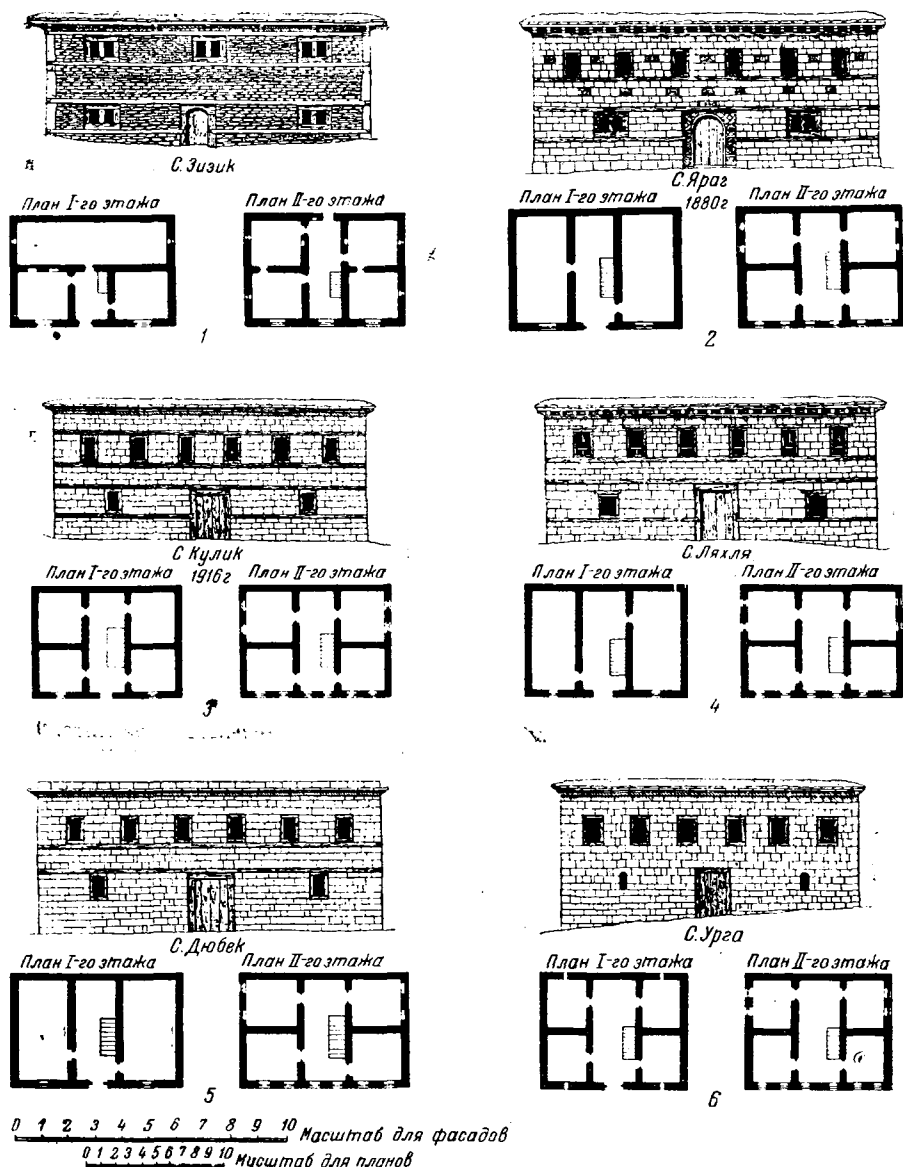

Рис. 4. Эволюция дома без лоджии

басарана развитие шло так: увеличение высоты второго жилого этажа привело на фасаде к отрыву карниза от верха окон и появлению карниза с часто расположенными консолями. Увеличение высоты комнат потребовало и увеличения площади оконных проемов для их освещения, в результате чего три спаренных окна с широкими коробками и маленькими проемами были заменены шестью окнами с узкими коробками и большими проемами. Улучшение способа обработки камня привело к тому, что все дома стали строить из тесаного камня и отпала необходимость в больших камнях по углам.

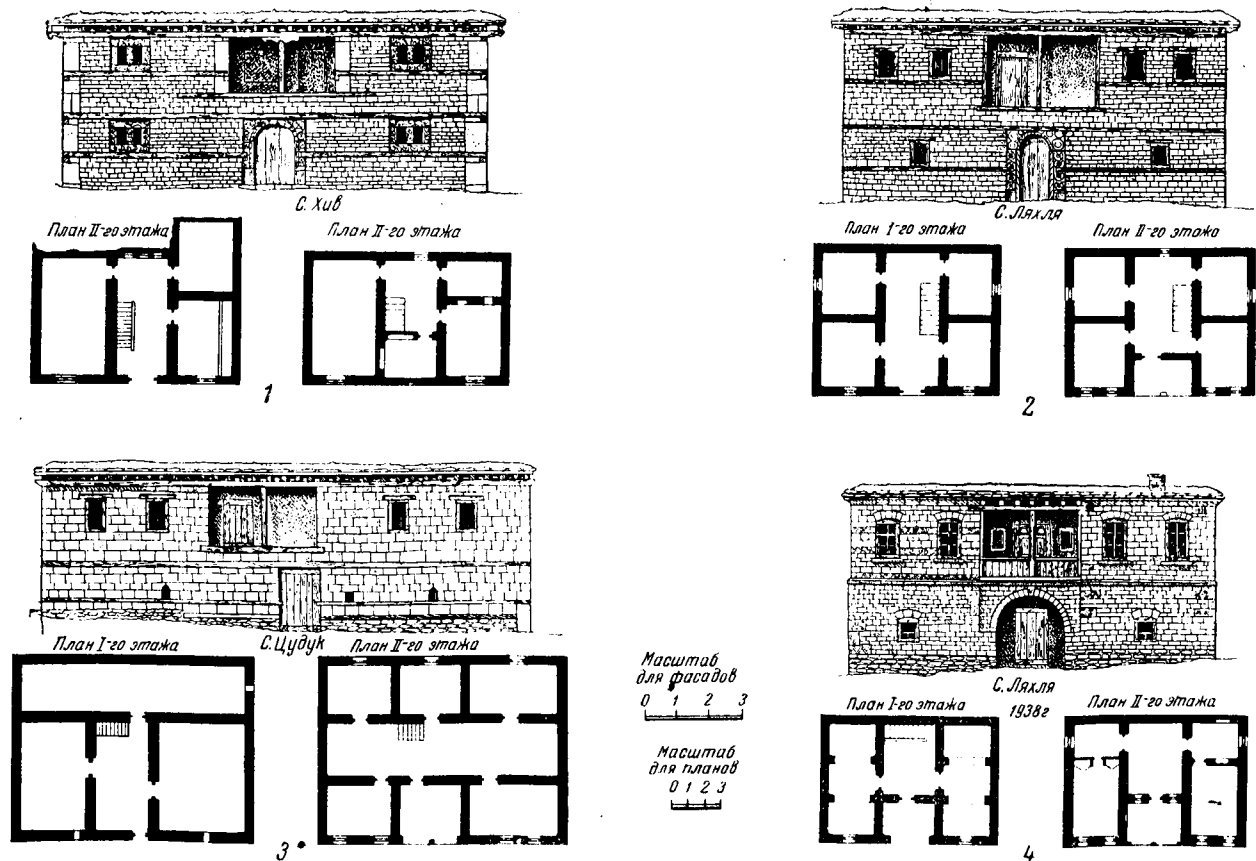

Рис. 5. Эволюция дома с лоджией

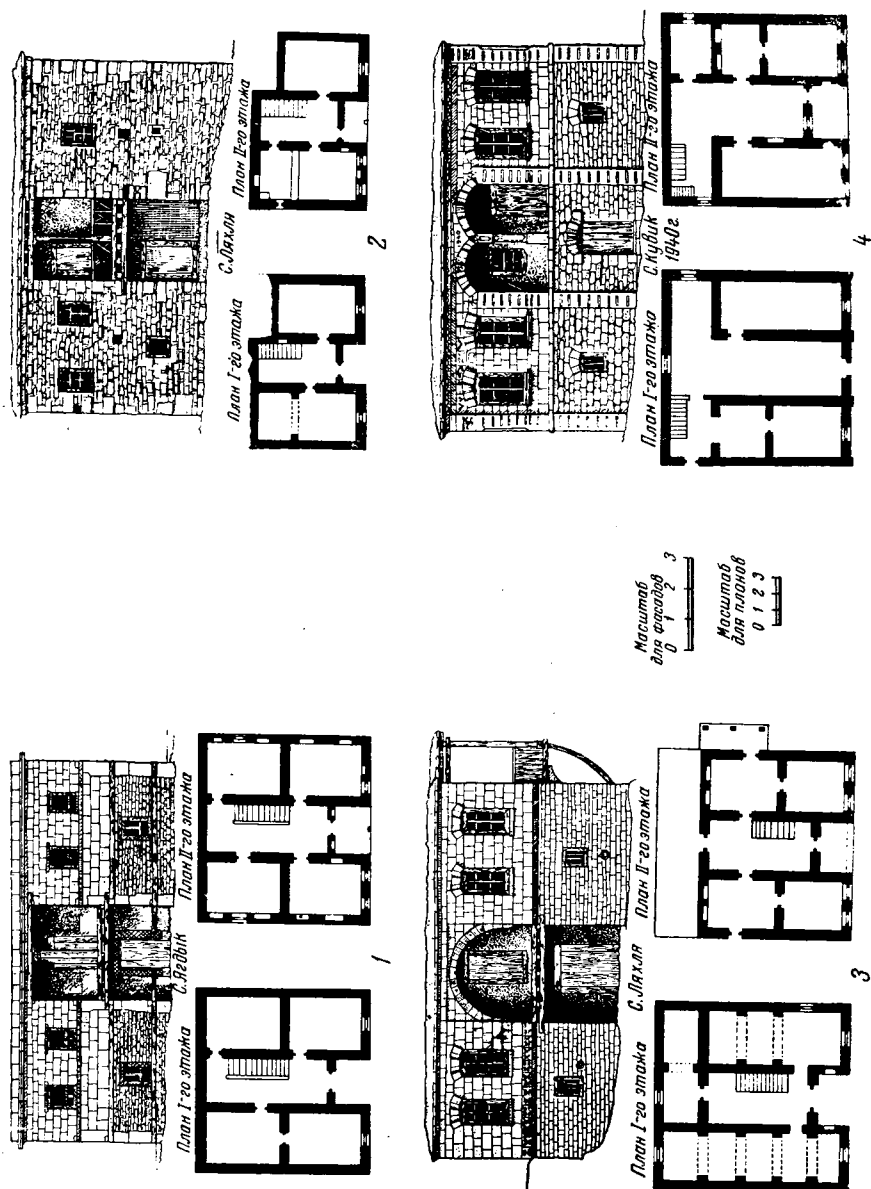

Рис. 6. Эволюция дома с лоджией

Примером такого переходного типа дома является дом в с. Яраг (рис. 4, 2). Его первый этаж еще сохранил резную дверь и двойные окна. Дом в с. Ляхля (рис. 4, 4) иллюстрирует следующий шаг: проем двери становится прямоугольным, ее коробка более узкой, окна первого этажа делаются однопроемными, как и окна второго этажа, отрываясь от деревянной прокладки над ними из-за увеличения высоты первого этажа. Затем пропадают на фасаде деревянные связи, так как отпадает их функция зажимать деревянные коробки при кладке из нетесаного камня (с. Зиник, дом Абдулаева) и быть поддержкой для балок перекрытия. Развитие искусства обработки камня и возможность тщательной кладки с горизонтально выдержанными швами сделали ненужным употребление деревянных связей. Карниз становится профилированным, а окна первого этажа часто делают вообще без деревянной коробки. Таков дом в с. Урга (рис. 4, 6).

Несколько иначе шло развитие жилого дома в южной части Табасарана, где профилированный карниз появился ранее, еще на стадии, когда на фасаде сохранились все деревянные связи, как у дома в с. Кулик (рис. 4, 3). Затем здесь карниз получает парапет из одного ряда тесаных камней, скрывающий земляную крышу. Новые дома здесь сохранили две деревянные связи, а перед фасадом по бокам двери устраивают нечто вроде скамей-заваленок (пример: дом в с. Дюбек (рис. 4, 5)).

Мы проследили развитие наиболее распространенного раньше типа дома до современного, но подобные современные дома не типичны и встречаются редко. Наибольшее распространение в настоящее время получил дом с лоджией, развившийся из старого дома с лоджией, который раньше был редкостью. Особенно широкое распространение дома с лоджиями получили в советское время с уничтожением национальной вражды и обычая кровной мести. Дома из замкнутых стали открытыми, приветливыми.

Проследим на конкретных примерах эволюцию дома с лоджией. Это развитие также шло по двум путям.

Как пример старого дома на таблице представлен дом в с. Хив (рис. 5, 1). Дом в с. Ягдык (рис. 6, 1) является примером переходного дома первого пути развития, когда лоджия прорезает фасад на два этажа и входная зверь делается в глубине ее. В этом доме еще сохранились деревянные связи. Дом в с. Ляхля (рис. 6, 2) дает типичный пример современного дома с двухэтажной лоджией и остекленными окнами.

Второй путь развития, звеньями которого служат дома в с. Ляхля (рис. 5, 2) и Цудук (рис. 5, 3), привел к появлению типа нового дома с лоджией на втором этаже и небольшими сенями на первом этаже с арочным входом в них (дом в с. Ляхля (рис. 5, 4)). Лоджии новых домов обычно имеют ограждения, в то время как лоджии старых домов их не имели.

Интересно проследить, как в связи с эволюцией фасада дома меняется его декор. Одним из движущих факторов эволюции жилого дома было изменение размеров и форм окон и дверей, которые на фасадах старых домов являлись основными объектами декоративной деревянной резьбы. Широкие поля массивных дверных и оконных коробок старых домов давали возможность народным мастерам — резчикам по дереву — покрывать их богатым разнообразным орнаментом из «плетенки». Прекрасные примеры старых окон дают однопроемное окно из с. Демуркиль и двухпроемное окно из с. Кандык (рис. 2, 1, 2).

Появление окон и дверей с узкими коробками и большими прямоугольными проемами, а также появление каменных профилированных карнизов привело во многих местах к отмиранию искусства резьбы по дереву. Деревянный декор на фасаде жилых домов начинает уступать место каменному декору. В кладку фасада симметрично или в виде полос вставляются резные камни с растительным орнаментом (дом в

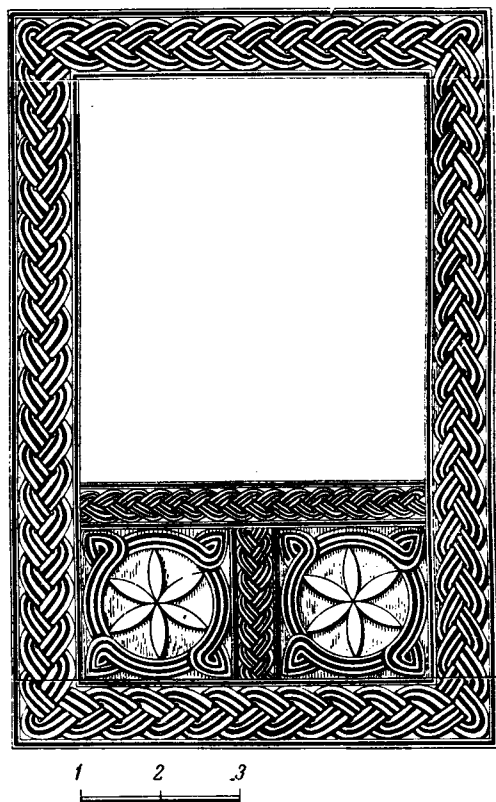

Рис. 7. Резное окно жилого дома

с. Яраг) (рис. 4, 2). Однако в тех селениях, где кадры народных мастеров — резчиков по дереву — были значительны, деревянная резьба находит применение и в новых условиях. Резьбой покрываются деревянные коробки и переплеты окон и дверей. Дом Рашидова в с. Ягдык (рис. 6, 1) имеет орнаментальную резьбу на окнах, дверях, столбике лоджии и даже на деревянных прокладках фасада. В кладку фасада вставлены резные камни. Дом датируется 1880 г.

Подобные дома встречаются повсюду в Табасаране, но лишь в северном Табасаране они имеют резные окна и двери. Резьба окон и дверей таких домов более примитивна, чем резьба старых домов, и состоит обычно из «косы», свитой из 2—

8 лент. Для оживления орнамента в него вкрапливались круги и другие декоративные элементы. Окна не имели стекла и закрывались изнутри деревянными ставнями, часто также резными (рис. 7). Дома с окнами и дверьми подобного типа датируются последней третью XIX в.

Следующий этап в развитии декора жилого дома начинается с появления в горах стекла (конечно, сначала лишь в богатых домах) и филечатых дверей. Орнаментальная резьба по дереву больше не находит себе применения, так как оконные переплеты становятся еще более тонкими, но народные мастера находят применение своему искусству и в новых условиях.

Интересные окна делались в начале XX в. В проем верхней части (фрамуги) обычного двустворчатого окна вставлялась деревянная доска с арочным отверстием, заполненным лучеобразно расходящимися от центра резными деталями (рис. 8). Стекло вставлялось в переплет окна за этой вставкой. Разнообразие мотивов резьбы вставок говорит о большой фантазии народных мастеров. Подобной резьбой украшались внутренние двери и створки стальных шкафов.

В дальнейшем все более развивающееся искусство обработки кам-

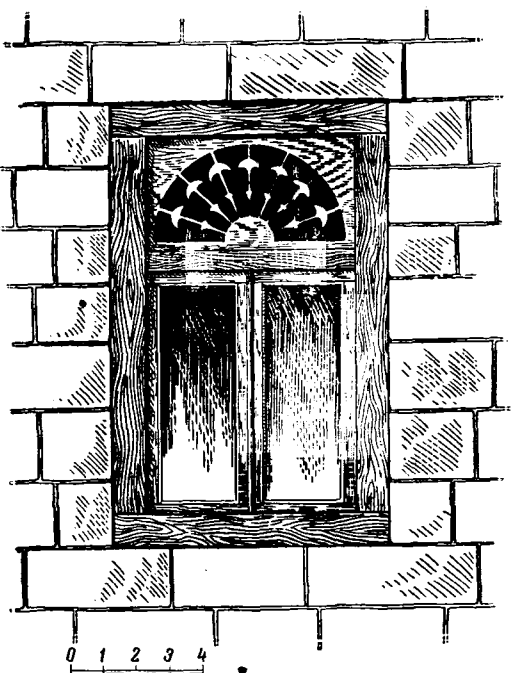

Рис. 8. Окно жилого дома

ня окончательно вытесняет деревянную резьбу, которая сейчас применяется лишь в некоторых селениях в балках потолка.

Современные дома

Как было разобрано выше, в настоящее время получили распространение дома с лоджиями, бывшие раньше в меньшинстве. Не меньшее распространение получили и дома с навесными балконами на каменных консолях в центре второго этажа. Схема планов современных домов не отличается от схемы планов старых домов. Фасады также имеют трехчастное деление: в центре первого этажа — вход и по бокам — по одному окну, ведущему в хозяйственные помещения, в центре второго этажа — лоджия или балкон и по бокам — по два окна, ведущие в жилые комнаты.

Перекрытия старых домов как над первым, так и над вторым этажом были деревянными, на прогонах; в новых домах обычно перекрытия первых этажей покоятся на арках. Эта конструкция перекрытия заимствована из горной зоны, где она возникла из-за резкого дефицита строительного леса. Арка в современных домах начинает играть большую роль и в фасаде дома, где арочными делаются входы, оформления лоджий и т. д. Появление в архитектуре жилища такого выразительного архитектурного элемента, как арка, очень обогатило жилой дом и заменило в какой-то степени утрату на фасаде деревянной резьбы.

Вторым крупным декоративным элементом современных домов являются каменные консоли балконов. Консоли делают из одного, двух или трех выпущенных один над другим камней. Камнями консолей придают разнообразную форму и покрывают резьбой. Большое распространение получили каменные консоли в южном Табасаране (Хивский район). На фасадах домов делают резные каменные вставки, профилированные карнизы, каменные резные столбы лоджий. Рассмотрим конкретные, характерные примеры современных домов.

Дом в с. Кувик (рис. 6, 4) интересен своей лоджией с резным каменным столбом, на который опираются пяты двух пологих арок. Дом в с. Кандик (рис. 9, 2)

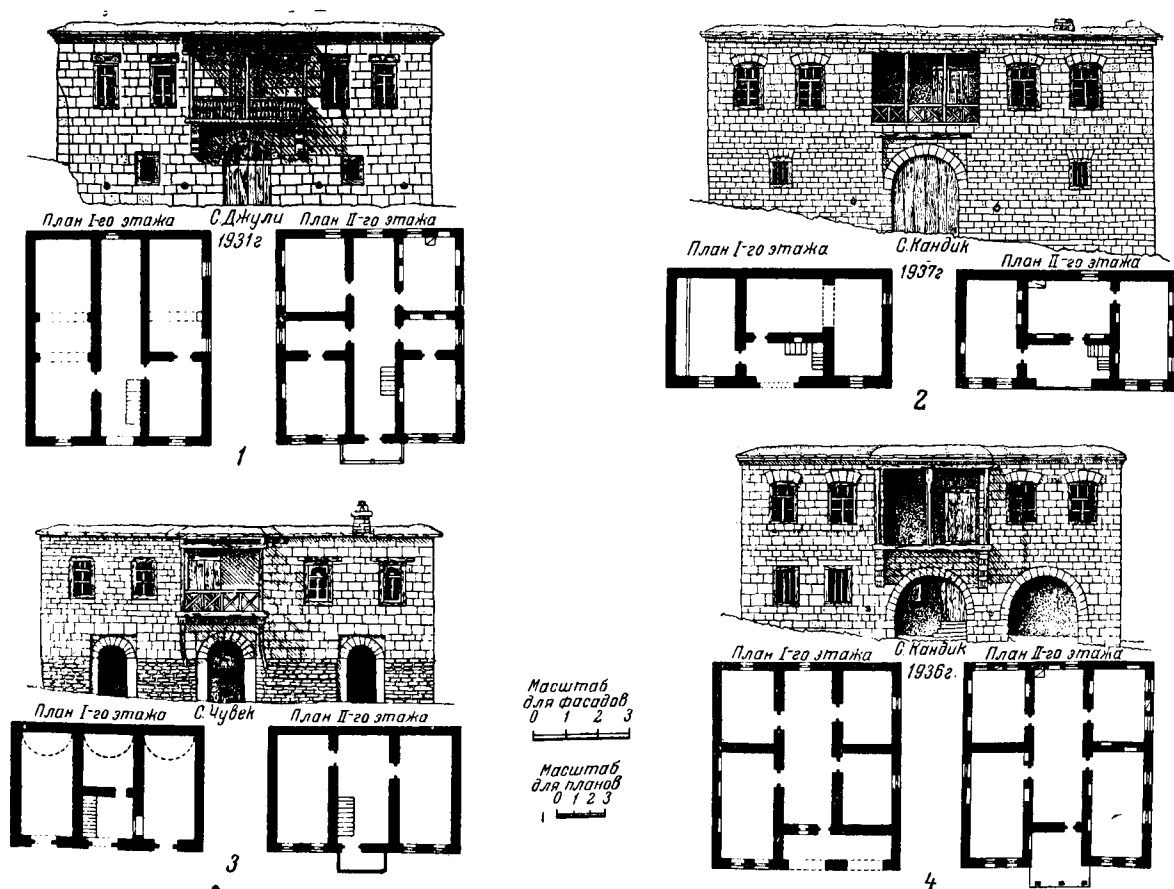

Рис. 9. Современные дома Табасарана

имеет два столбика в лоджии и арочный проем входа. Двухэтажная лоджия в с. Ляхля (рис. 6, 3) перекрыта аркой. Типичен дом с навесным балконом из с. Джули (рис. 9, 1). Ограждение балкона этого дома имеет резные балясины, а навес над балконом крыт черепицей. Первый этаж дома из с. Чувек (рис. 9, 3) состоит из трех помещений, перекрытых коробовыми сводами и выходящих на фасад, каждое дверью с арочным проемом. Дом из с. Кандик (рис. 9, 4) имеет на втором этаже лоджию — балкон и сбоку первого этажа аркаду.

Все эти дома являются типичными примерами современных домов верхних предгорий. На севере Табасаранского района, где верхние предгорья, постепенно поднимаясь, переходят в нижние предгорья и где климат более жаркий, в настоящее время распространен тип дома с двухэтажной галлерея по южному фасаду, аналогичный современным саманным домам нижних предгорий (Касумкентский район). Это еще раз доказывает правильность деления народной архитектуры южного Дагестана в зависимости от климата, рельефа и строительных материалов (по ландшафтным зонам) с учетом национальных особенностей того или иного народа.

Кроме общепринятого типа современных домов, встречаются дома с галлерея на аркаде, как, например, дом Гаджикеримова из с. Цудук. К этому дому, построенному раньше, в 1923 г. была пристроена галлерея с аркадой из семи вытянутых арок, выполненных из тщательно отесанных камней. Аркада очень высокая (до 5 м), так как дом стоит на крутом рельефе и стена за аркадой является до высоты 2 м подпорной стенкой. Не типичен и план дома, состоящий по второму этажу из шести комнат, вытянутых в ряд по фасаду.

Современные дома имеют много преимуществ по сравнению со старыми в смысле удобства: высокие потолки, остекленные окна, стенные шкафы и т. д. Современные дома построены все из хорошо отесанного камня, имеют ряд новых декоративных элементов: арка, резные каменные консоли, профилированные карнизы, резные каменные столбы и т. д. Современные дома построены более основательно и прочно по сравнению с большинством старых, строительство дома доступно каждому колхознику, и в последние годы дома строятся в большом количестве. Однако, несмотря на многие положительные черты современных домов, надо отметить, что в художественном отношении они стоят ниже богатых старых домов. Быстрое распространение в горах городской культуры, появление стекла и т. д. привели к быстрому изменению (в течение двух-трех десятков лет) старого типа дома. Народное искусство декора при столь быстром изменении типа дома, при исчезновении на фасаде больших поверхностей дерева не смогло приспособиться к новым условиям и пошло. Этому способствовало и уничтожение социального неравенства, так как искусство каменной и деревянной орнаментальной резьбы очень трудоемкое и дорогостоящее находило себе потребителей в лице социальной верхушки горцев.

В новых социальных условиях поднимается общая культура быта, поднимается общая строительная культура (теска камня, применение арочных форм и т. д.), но, к сожалению, утрачивается замечательное искусство декора, не находящее заказчиков в лице отдельных колхозников, которые часто в своем стремлении оторваться от старого темного быта отбрасывают вместе с недостатками старых домов и их декор.

Этому отмиранию старого искусства декора способствовало и то, что народная архитектура Дагестана до последнего времени не была изучена, а строительство в городах велось без учета национальной культуры. Наша партия учит, что надо бережно относиться к наследию прошлого, максимально используя его положительные стороны.

Ведущее после войны обследование народной архитектуры Дагестана выявляет прекрасные образцы народного творчества. Задача архитекторов создать современную архитектуру Дагестана, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Творчески перерабатывая наследие народного зодчества, необходимо составить серию типовых проектов школ, клубов, сельсоветов и т. д. для горных селений с учетом местных условий. Для этого в первую очередь нужно продолжить работу над сбором материала по народной архитектуре и графической его обработке.

Многие старые декоративные приемы могут быть использованы в современных домах, как, например, резные ограждения балконов, резные столбы лоджий с резными подбалками, резные балки потолка, резные деревянные вставки, фрамуги, окна и т. д. и т. п., не говоря уже о возможности более широкого применения декора в строительстве новых клубов, школ, сельсоветов.

Х Р О Н И К А

О РАБОТЕ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

9 октября 1951 г. на заседании Ученого совета Института этнографии состоялось обсуждение работы журнала «Советская этнография». Заместитель ответственного редактора И. И. Потехин выступил с обстоятельным докладом, в котором охарактеризовал основное направление журнала, положительные стороны и недостатки его работы за последние годы и наметил пути устранения этих недостатков. Докладчик отметил, что «Советская этнография» является единственным этнографическим журналом в нашей стране и призван служить всесоюзной трибуной и руководящим органом всей этнографической работы в СССР. В журнале принимают участие этнографы из самых различных районов нашей страны, число авторов статей и корреспондентов с мест растет из года в год. В подтверждение этого И. И. Потехин привел ряд конкретных данных. Тем не менее, подчеркнул он, это следует признать еще недостаточным и редакция приняла и продолжает принимать меры к более активному участию местных научных учреждений и отдельных этнографов в работе журнала.

«Советская этнография» находит широкое распространение и в зарубежных странах, особенно в странах народной демократии. Руководящие статьи переводятся и публикуются на иностранных языках. По нашему журналу зарубежные этнографы судят о состоянии и успехах этнографической работы в СССР. Ученые стран народной демократии берут с него пример и начинают по нему равняться.

Все это говорит о той большой роли, которую наш журнал играет в развитии этнографической науки в СССР и странах народной демократии, и о той большой ответственности, которая на нем лежит.

В направлении журнала за последние годы произошли серьезные изменения, отражающие развитие советской этнографической науки. Это в первую очередь — крутой поворот к этнографическому изучению современности. Начиная с 1947 г., журнал опубликовал целый ряд статей и материалов о социалистическом переустройстве культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса народов СССР, в 1950 г. эти статьи составили 70% всех публикаций раздела «Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР». Опубликован также ряд статей о современном положении народов колониальных и зависимых стран (по Африке, Южной Америке, Индии, Австралии и Океании и т. д.), хотя надо сказать, что ряд стран, в частности, Юго-Восточной Азии, остались вне внимания наших авторов. То же наблюдается и в отношении стран народной демократии, по которым мы до сих пор опубликовали лишь обзоры проводимой в них этнографической работы.

Некоторые этнографы и не-этнографы (историки, археологи), сказал докладчик далее, ставят вопрос о том, что наш журнал, а следовательно и Институт этнографии встали на неправильный путь, отошли от настоящих задач этнографической науки. Противники нового направления нашего журнала еще раз пытаются ограничить задачи этнографического исследования вопросами первобытного строя и его пережитками в современности. С этим мы никоим образом согласиться не можем.

Этнография никогда не была историей первобытного общества, она всегда была по преимуществу наукой о современности, а изучение первобытно-общинного строя всегда являлось лишь одним из ее разделов. Так всегда смотрели на нее передовые представители общественной мысли. Ссылаются на то, что классическая этнография XIX в. занималась изучением народов, стоявших на стадии первобытно-общинного строя. Но при этом забывают, что этнография XIX в. занималась не прошлым, а настоящим этих народов: родовой строй в значительной мере был для этих народов современностью. Буржуазная этнография изучением этих народов и ограничивалась, но это объясняется не характером науки, а характером тех задач, которые государственная власть ставила перед этнографами. Русская этнография никогда не ограничивала себя изучением отсталых народов. Она занималась изучением и передовых народов — русского, украинского и других, и притом не прошлым этих народов, а их настоящим. На этом всегда настаивали великие русские революционные демократы.

Противники нового направления в этнографии ссылаются на то, что классический этнографический труд Моргана посвящен родовому обществу, но забывают о том, что Морган занялся изучением древних форм социальной организации для того, чтобы понять социальный строй современных ему ирокезов. Ссылаются, наконец, на гениальный труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», но забывают, что Энгельс занимался не этнографией, а историческим материализмом, исследованием законов исторического процесса, и экскурс в древность был нужен ему для составления полной картины материалистического понимания истории.

Было в истории русской этнографии время, когда она, действительно, занималась только первобытностью. Это конец XIX и начало XX в., до Великой октябрьской социалистической революции. Но это был период не расцвета, а упадка этнографии, характерный для эпохи империализма и всеобщего поворота буржуазии как в политике, так и в науке, в сторону реакции. В первые десятилетия советской власти этнография также занималась по преимуществу родовым обществом и его пережитками в современности. Это было связано с влиянием Марра и его последователей, отрицавших за этнографией право на существование и настойчиво предлагавших ликвидировать ее. На этнографическом совещании 1929 г. и на археолого-этнографическом совещании 1932 г., происходивших под руководством ближайших соратников Марра, настойчиво раздавались голоса о том, что «утверждение о существовании особой «марксистской» этнографии является не только теоретически не состоятельным, но и сугубо вредным». Именно к тому времени, когда этнография испытывала наибольшее влияние марризма, относится определение задач этнографии, данное академиком Струве. Он заявлял, что «этнография в первую очередь изучает те общества, которые не перешли еще в нацию, пребывая еще по существу на стадии первобытно-общинного строя или раннеклассового общества». И дальше: «...этнограф, имеющий объектом изучения нацию, не исследует закономерности развития этого общества как нации. Он исследует те явления культуры, которые коренятся в далеком прошлом, а также те пережитки, которые остаются в среде данного общества от предшествующих докапиталистических периодов его развития» (Сб. «Советская этнография», II, 1939, стр. 5).

Из сказанного видно, что попытки ограничить этнографию исследованием первобытности и ее пережитков не являются новыми. Они были особенно распространены в период деятельности марристов в этнографии. И надо прямо сказать, что противники взятого советской этнографией направления, предлагающие вернуться к старому, являясь вольными или невольными пропагандистами марровского взгляда на этнографию, они тащат этнографию назад к Марру. Но назад, к Марру, советская этнография не пойдет, подчеркнул докладчик.

Теоретическое обоснование поворота этнографии к современности уже не раз давалось в руководящих статьях журнала. «Этнография,— писал проф. С. П. Толстов в статье «Этнография и современность»,— отрасль истории, исследующая культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии» («Советская этнография», 1946, № 1, стр. 3). Это определение этнографии никто никогда не пытался опровергнуть, и оно не может быть опровергнуто, так как оно правильно.

Историческое развитие культурно-бытовых особенностей народов СССР с победой социализма не прекратилось. Товарищ Сталин учит, что период социализма не создает еще условий для слияния наций, что, «наоборот, этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций» (Сочинения т. II, стр. 345). С победой социализма перед этнографией выдвигаются новые задачи — задачи исследования того, как национальные формы культуры и быта развиваются в новых условиях социалистического общества. К решению этой задачи советская этнография и перешла. Совершив этот переход, мы не сделали никакого открытия, мы лишь восстановили прогрессивную историческую традицию нашей науки. Правильность совершенного советской этнографией поворота к новым задачам у нас не вызывает сомнений. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы проанализировать, насколько хорошо мы с этими новыми задачами справляемся.

И надо прямо сказать, что опубликованные нами статьи по современной тематике не могут нас удовлетворить. Мы, например, еще не нашли правильного подхода к этнографическому изучению колхозного крестьянства. В центре внимания этнографа оказался так называемый производственный быт, т. е. колхозное производство и участие в нем колхозников. Этнографы стали заниматься экономикой колхоза.

Понятно, что колхозная экономика является материальной основой социалистической реконструкции быта и что обойти ее этнограф не может. Но у него должен быть свой, специфический подход к изучению экономики. Рост посевных площадей или поголовья скота, взятые сами по себе, ничего не дают этнографии. А вот источники снабжения колхозной семьи молоком, изменения в составе поголовья скота (например, рост удельного веса свиней или птицы) оказывают прямое влияние на быт колхозника. Наличие машин само по себе также ничего не дает этнографии, но рост технических кадров, влияние машин на разделение труда между мужчинами и женщинами представляет определенный интерес для этнографии. В наших же статьях эта техника описывается сама по себе, в порядке показа успехов колхозного производства, без всякой связи с этнографией.

Увлечение колхозной экономикой породило еще один дефект большей части наших статей по этой теме — своеобразный уклон к экономическому материализму, когда все изменения в быту колхозной семьи выводятся прямо и непосредственно из роста

колхозного производства и упускается из виду работа органов советской власти, слабо раскрывается ведущая роль партии. Кроме того, наши статьи по вопросам культуры и быта колхозного крестьянства представляют собой простое описание того, что авторы видели и слышали, простую констатацию фактов, фотографию современной жизни в сравнении с прошлым. В этих статьях еще нет постановки научных проблем. В первые годы, когда мы только что обратились к этой тематике, это было неизбежно: надо было накопить факты и опыт исследования прежде чем приступить к анализу и теоретическому обобщению. Но этот начальный период затянулся, и пока еще нет попыток подняться на новую ступень.

Уже неоднократно приходилось констатировать, что теоретическая разработка собираемого нами материала недопустимо отстает. Это объясняется, во-первых, новизной темы, во-вторых, недопустимым отставанием роста научных работников от роста наших задач, наконец — недостаточным вниманием руководящих работников Института к теоретической разработке основных вопросов этнографии. В разделе «Вопросы общей этнографии» нашего журнала за последние годы опубликован ряд интересных работ, имеющих серьезное значение для нашей науки, но среди них нет ни одной, связанной непосредственно с этнографическим изучением рабочего класса и колхозного крестьянства. В разделе «Вопросы этногенеза и исторической этнографии» опубликовано много статей по разным народам СССР и несколько — по народам зарубежных стран. Однако среди этих статей почти нет посвященных методологическим вопросам. Статьи этого раздела в значительно большей степени, чем другие, несли на себе следы марковского влияния. После выхода в свет работ И. В. Сталина по вопросам языкознания Институтом проделана большая работа с целью вскрыть марровские влияния в прошлом и вывести этногенетические исследования на новую дорогу. Прделана большая работа в связи с подготовкой совещания по методологии этногенетических исследований, но в журнале это пока еще не нашло достаточного отражения, что следует признать существенным пробелом в его работе.

В разделе «Из истории этнографии и антропологии» за последние 5 лет опубликовано свыше 20 статей, большое число которых посвящено высказываниям великих русских революционных демократов по вопросам этнографии, антропологии и фольклористики. Эти статьи представляют большой научный интерес и являются серьезным вкладом в историю науки. Однако систематическая работа над изучением богатого прошлого русской этнографии еще не началась, нет еще ни одной статьи, которая давала бы исчерпывающую характеристику развития этнографии за какой-либо определенный отрезок времени.

С 1951 г. в журнале открыт новый отдел «Дискуссии и обсуждения», целью которого является постановка спорных вопросов нашей науки. Опубликовано несколько статей, подлежащих обсуждению, однако откликов на эти статьи еще очень мало. Здесь также находит свое отражение слабость теоретической работы наших этнографов.

Критико-библиографическая работа журнала страдает рядом существенных недостатков. Очень немногие книги, имеющие отношение к этнографии, антропологии и фольклористике, находят отклик в журнале. Отбор книг для рецензирования происходит самостоиком, поэтому нередко публикуются рецензии на малозначимые издания, а книги, требующие квалифицированной оценки, остаются вне поля нашего зрения. Надо сказать, что значительная часть материалов, публикуемых и в других разделах журнала, поступает самостоиком. Редакция редко заказывает статьи, нет твердого плана работы. Поэтому иногда публикуются статьи на случайные темы, по незначительным вопросам. Конечно, редакция обязана отводить известное место материалам, поступающим с мест по инициативе авторов, но основные статьи, определяющие лицо журнала, должны заранее планироваться. Дирекция Института этнографии и редколлегия журнала при обсуждении его работы наметили ряд конкретных мер, которые помогут изжить отмеченные недостатки и осуществить стоящие перед журналом задачи. Докладчик закончил призывом к собравшимся принять активное участие в обсуждении поставленных им вопросов, вскрыть недостатки, которые остались незамеченными редакцией, и тем помочь улучшить работу журнала.

Доклад И. И. Потехина вызвал оживленные прения. Все выступавшие отметили своевременность постановки вопроса о состоянии журнала на широком обсуждении научного коллектива Института и бесспорную правильность принятого журналом направления, ставящего во главу угла изучение современности. Этнографы, не изучающие современности, лишают себя самого главного, сказал П. И. Кушнер. Ибо этнография — наука о народе, о его быте, и если из жизни народа исключить то, что совершается сейчас, то что же останется от его описания? Но, изучая современность, вскрывая процессы, которые происходят в настоящее время, необходимо правильно ее отражать, и вот в этом отношении публикуемые в журнале материалы страдают рядом существенных недостатков. Не в том дело, что работы эти носят описательный характер. — хорошие описания являются той научной базой, на основании которой делают дальнейшие обобщения и выводы; плохо то, что эти описания не стоят на достаточно высоком уровне. Этому имеется несколько причин. Кратковременность пребывания в изучаемом колхозе, селе не дает возможности изучить жизнь во всех деталях, без чего невозможно подлинно научное описание изучаемого объекта. Слишком большое внимание уделяется вопросам сельскохозяйственного производства, в которых этнографы не являются специалистами и не могут достаточно глубоко разбираться; в результате вместо научного описания получается довольно

поверхностный очерк того или иного колхоза. Изучая жизнь народа, мы должны связывать ее с широким кругом общественных явлений; изменения в быте нельзя считать производным только от чисто экономических причин, здесь сказывается воздействие и со стороны советского государства, со стороны партии, комсомола. Для того чтобы дать правильное отображение жизни колхозного крестьянства, требуется, во-первых, более основательное, действительно научное исследование всех ее сторон, во-вторых, исследование этнографическим методом, в-третьих, установление основного объекта исследования. Таким объектом должен быть не колхоз, а жизнь колхозного крестьянства. Поэтому надо начинать не с колхоза, а с поселения, села, и в этом селе показать и жителей, и факторы, которые на их жизнь влияют, — воздействие колхоза, советской школы, советской системы вообще и т. д., показать, в какой мере эти воздействия проявляются, что находится на переломе, что отстает. Тогда перед нами раскроется воочию тот процесс, который сейчас происходит.

Н. Н. Чебоксаров остановился на оставании теоретической работы в Институте этнографии, что находит свое отражение и в содержании журнала. За последнее время, сказал он, значительно сократилось число статей по вопросам этногенеза, да и те, которые нашли себе место в журнале, построены в основном на археологических или антропологических данных; почти нет статей по этногенезу, в основе которых лежал бы этнографический материал. Более того, хотя уже больше года прошло со времени опубликования трудов И. В. Сталина по языкознанию, в свете которых советские этнографы и антропологи коренным образом пересмотрели многие свои установки по вопросам происхождения народов, — ни одной работы по этим вопросам в журнале не появилось. Не нашли в нем места и доклады на Этнографическом совещании, ряд которых был посвящен важным теоретическим проблемам; при всей их дискуссионности, их следовало опубликовать хотя бы в порядке обсуждения. Пришло уже время, сказал дальше проф. Чебоксаров, от статей, посвященных описанию культуры и быта отдельных колхозов, перейти к работам обобщающего характера. В нашем распоряжении накопились значительный материал, который дает возможность не только чисто описательно характеризовать культуру и быт колхозников отдельных районов нашей страны, но и сравнивать, сопоставлять эту культуру, в первую очередь для того, чтобы выявить ее специфические национальные черты. Национальная форма социалистической по содержанию культуры нашего колхозного крестьянства, складывающаяся и развивающаяся, приобретающая новые черты в условиях строительства коммунизма, в наших статьях показана далеко недостаточно. Не появилось в журнале ни одной статьи, в которой был бы поставлен вопрос о том, в чем именно в культуре колхозников выражается эта национальная форма. В ряде мест нашей страны в ближайшем соседстве живут представители разных национальностей. Экономическая база таких колхозов очень сходна, однако быт колхозников бывает весьма различен, в зависимости от их национальности. Эта сторона до сих пор не привлекала внимания наших этнографов. С другой стороны, у многих народов, живущих по-близости, наблюдается ряд особенностей, не стоящих в связи с их этническими традициями, а характерных для большой историко-географической области, например, для Советского крайнего севера или для хлопководческих районов Средней Азии. Выявление этих зональных особенностей и их соотношения с особенностями национальными — важный теоретический вопрос, который должен стать предметом нашего исследования. Следует также хотя бы в дискуссионном порядке публиковать материалы по вопросам изучения быта рабочих нашей страны. Правильно указал докладчик на необходимость усилить разработку проблем национальной консолидации, формирования социалистических наций в Советском Союзе и буржуазных наций в условиях колониального режима. Необходимо регулярно печатать в журнале статьи, посвященные этнографии стран народной демократии. Желательно было бы также публиковать материалы по методическим вопросам. Все перечисленные темы заслуживают самого пристального внимания наших этнографов. Редакция журнала следует обратить внимание на расширение авторского коллектива. Наконец, важнейшее значение для улучшения журнала имеет повышение идейно-политического уровня всей нашей работы. Многие статьи, публикуемые в журнале и других изданиях Института, носят объективистский характер, не дают оценки описываемых явлений, недостаточно политически заострены. Это является одним из серьезнейших недостатков нашей работы и требует скорейшего изжития.

Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Г. С. Маслова указывали на то, что наряду с дальнейшим накоплением материалов по отдельным колхозам, необходимо переходить к более широким обобщениям, расширять охват изучаемых объектов, ставить тематические исследования. Состоявшееся в начале 1951 г. Этнографическое совещание, сказала Т. А. Жданко, показало, что принятое нами направление, ставящее главной задачей изучение современности, признано во всех наших республиках; везде местные этнографы занимаются изучением современного быта и культуры, но занимаются недостаточно глубоко; многие из прочитанных на совещании докладов носили весьма поверхностный характер и были в значительной степени лишены необходимого историзма и конкретности. Мы должны твердо помнить, что этнография — наука историческая, все наши работы должны быть проникнуты историзмом, описываемые явления должны рассматриваться в их историческом развитии, по отношению к каждому конкретному народу, должны сопоставляться с тем, что имеет место у других, соседних народов. Только тогда наши статьи станут полноценными исследованиями, которых ждет от нас наша научная общественность.

Этнографы, сказал М. Г. Левин, должны уделять большое внимание абсолютной и относительной хронологии каждого явления. Между тем публикуемые нами статьи не дают представления о том, насколько широко распространено то новое, передовое, что фиксирует автор, когда это явление в данном месте возникло, как идет отмирание старого и т. д. Отсутствие датировки, статичность описания есть игнорирование основного нашего тезиса об историчности этнографической науки. Одним из серьезных недостатков нашего журнала, отметил М. Г. Левин далее, является слабое внимание к этнографической и антропологической науке в странах народной демократии. Долг советских ученых помогать этим странам в развитии науки по правильному пути, это мы можем и обязаны делать путем серьезной оценки публикуемых там работ. Еще одна важнейшая задача нашего журнала — беспощадное разоблачение реакционных направлений в зарубежной этнографии и антропологии. За последнее время мы ослабили свое внимание к этим вопросам, и это необходимо немедленно исправить.

Отводя замечание П. И. Кушнера о чрезмерном расширении тематики журнала, Т. А. Трофимова, В. К. Соколова, М. Г. Левин остановились на вопросе о месте, которое должны занимать антропология и фольклор в журнале «Советская этнография». Эти отрасли науки тесно между собой связаны. Тематика, связанная с изучением этнической антропологии и проблемой становления человека, непосредственно входит в круг интересов тех, кто занимается историей первобытного общества и проблемами этногенеза. Точно также и вопросы фольклора входят в круг ведения этнографов. Все наследие русской революционно-демократической науки указывает на огромнейшее значение народного поэтического творчества для понимания жизни народа, его быта, мировоззрения, его социальных чаяний, его психологии. На это указывал и В. И. Ленин. Однако, подчеркнула В. К. Соколова, необходимо проводить более тщательный, принципиальный отбор материала для публикации в журнале, ибо бывали случаи, когда помещались весьма слабые статьи, в частности по фольклору. Редколлегия должна планировать содержание журнала на достаточно длительный срок, заранее заказывать статьи, чтобы ликвидировать самотек, случайный характер публикаций и обеспечить их высокое качество. Необходимо развивать дискуссионный стиль, но с тем, чтобы дискуссии касались не частных вопросов, а важных теоретических проблем, что в свою очередь требует оживления теоретической работы в научном коллективе Института.

На основе прений Ученым советом Института принята резолюция о работе журнала, публикуемая ниже

О. А. Корбе

РЕЗОЛЮЦИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР О РАБОТЕ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Ученый совет Института этнографии АН СССР, обсудив доклад о работе журнала «Советская этнография», признает общее направление журнала правильным. Журнал правильно отражает переход советской этнографической науки к решению новых научных задач, связанных с современным этапом развития культуры и быта народов СССР, стран народной демократии и буржуазного мира. Журнал опубликовал серию статей по вопросам культуры и быта колхозного крестьянства народов СССР и по современному положению народов колониальных и зависимых стран. Опубликовав ряд рецензий и обзоров по современной буржуазной, главным образом американской и английской этнографической литературе, журнал внес свой вклад в дело борьбы с реакционной идеологией поджигателей войны.

Ученый совет отмечает, что в работе журнала имеются следующие недостатки:

1. Журнал не поставил и не развернул обсуждения основных вопросов общей этнографии, связанных с новой тематикой Института (этнографическое изучение рабочего класса и колхозного крестьянства народов СССР, проблемы формирования новых социалистических наций в СССР, формирования буржуазных наций в колониях); вследствие этого опубликованные в журнале статьи по вопросам культуры и быта колхозного крестьянства носят описательный характер без достаточно глубоких теоретических выводов и обобщений.

2. Журнал почти не публикует статей по странам народной демократии, не реферiert этнографическую литературу, выходящую в этих странах, и потому не оказывает необходимой помощи в развитии этнографической науки этих стран.

3. В журнале мало публикуется статей по народам колониальных и зависимых стран. В частности, до сих пор не было опубликовано никакой этнографической информации по Индокитаю, Бирме, Индонезии, Малайе и Филиппинам.

4. Вопросы истории первобытного общества за последнее время не находят на страницах журнала того места, которое они заслуживают. Редакция журнала недооценивает значение дальнейшей разработки проблем родового строя.

5. Критико-библиографическая работа страдает существенными недостатками: далеко не вся литература, освещающая вопросы этнографии, антропологии и фольклористики, находит то или иное отражение в печати, отбор книг для рецензирования

ния предоставлен самотеку, не публикуются обзоры литературы по отдельным вопросам и списки выходящих книг.

6. В важнейшем деле преодоления порочных марровских влияний в этнографии, антропологии и фольклористике на основе новых трудов товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» редакция журнала не проявила должной настойчивости, ограничившись публикацией двух докладов проф. С. П. Толстова и доклада М. Г. Левина, посвященных этому вопросу.

7. Метод научных дискуссий и обсуждений еще не стал главным методом в работе журнала. Редакция поступила правильно, создав специальный отдел «Дискуссии и обсуждения», но не сумела, за исключением откликов на выдвинутую проф. С. П. Толстовым гипотезу первобытной лингвистической непрерывности, поставить на обсуждение большие спорные вопросы этнографической науки.

В целях дальнейшего улучшения работы журнала Ученый совет постановляет:

1. На очередном заседании Ученого совета обсудить доклады о работе теоретических групп и утвердить планы их дальнейшей работы.

2. Просить редакцию представить Ученому совету в месячный срок план основных публикаций по всем разделам журнала на 1952 г.

3. Одобрить решение дирекции Института о мерах по улучшению критико-библиографической работы. Обратит внимание редакции журнала на необходимость усиления борьбы с растленной американо-английской буржуазной этнографией, поставившей себя на службу поджигателям войны.

4. Провести в Институте и на страницах журнала широкую дискуссию о задачах и методах изучения культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса народов СССР.

5. В целях укрепления связи с читателями и учета их критических замечаний рекомендовать редакции журнала провести конференцию читателей.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

27 марта 1951 г. окончившая аспирантуру Института этнографии Л. Ф. Моногарова защитила диссертацию на тему «Язгулемцы. Опыт монографического описания». Выступившие в качестве официальных оппонентов доктор историч. наук М. М. Дьяконов и кандидат историч. наук Н. А. Кисляков отметили большой интерес представленной диссертации, как труда, написанного молодым советским исследователем на основе обширного, лично собранного полевого этнографического материала с привлечением исторических и археологических данных, материалов по антропологии, архивных источников и большого количества литературы. Ценность работы возрастает в связи с тем, что, если в отношении других припамирских народностей (шуганцев, рушанцев, ишканимцев, ваханцев) имеются более или менее детальные описания, то небольшая язгулемская народность, едва насчитывающая две тысячи человек и живущая в узкой горной долине р. Язгулема, до сих пор не была этнографически изучена и описана. Особый интерес, сказал М. М. Дьяконов, представляют главы II—IV, в которых дается подробное описание хозяйства, материальной культуры, быта, общественных отношений и народно-поэтического творчества язгулемцев. Наиболее подробно и обстоятельно глава IV, посвященная общественной и семейной жизни язгулемцев; в ней диссертантка рассматривает следы родового и сословного деления, следы дуальной организации, пережитки патронимии, общественно-политическое устройство в прошлом, сельскую общину и большую семью у язгулемцев, формы брака, а также обрядность, связанную с рождением, браком и смертью. Диссертантка не ограничилась этнографическим описанием язгулемцев в прошлом, но довела исследование до сегодняшнего дня, уделив большое внимание тем изменениям, которые внесли в жизнь этой небольшой народности советская власть, колхозный строй, новая социалистическая культура. Через всю работу, сказал Н. А. Кисляков, красной нитью проходит стремление автора показать культурную общность язгулемцев и других припамирских народностей с соседними горными таджиками; диссертантка подчеркивает, что эта культурная общность явилась необходимой предпосылкой происходящего в настоящее время процесса консолидации таджикской социалистической нации, в котором принимают участие и язгулемцы.

Наряду с положительными сторонами работы оппоненты отметили и ряд имеющихся в ней недочетов и вызывающих возражения мест. В первую очередь это относится к вопросу о заселении долины Язгулема и об этногенезе язгулемцев. Диссертантка, сказал М. М. Дьяконов, не внесла ясности в сложный и запутанный вопрос о происхождении припамирских народностей, ограничившись приведением различных, иногда противоречивых точек зрения по этому вопросу. По мнению самого М. М. Дьяконова, «припамирские народности следует считать потомками весьма древнего восточноиранского населения. Саки, конечно, были восточными или, вернее, северными иранцами по языку, но когда мы говорим о сакских языках, то нужно иметь в виду, что в древности на языках этой группы говорили не только собственные саки — кочевые племена Приаралья, Семиречья и Алтая, но и оседлые земледельческие племена. Если прав С. П. Толстов, что район верхнего и среднего течения Аму-Дарьи был территорией формирования индо-иранских племен, то тогда восточноиран-

ские племена и будут автохтонами этих мест». Что касается вопроса о заселении долины Язгулема, то диссертантка, как указал Н. А. Кисляков, слишком доверчиво отнеслась к рассказам информаторов и преданиям о многочисленных миграциях в Язгулем. Оппонент, как и ряд иранистов, допускает, что переселения с запада в те районы, где теперь господствует таджикская речь, действительно имели место; но рассказы о переселении из горных областей в Язгулем и другие долины, населенные припамиирскими народностями, вызывают у него большие сомнения. Возникает вопрос — на каком языке говорили эти пришельцы? Если эти переселения совершались давно, то возможно, что пришельцы говорили на каком-либо памирском языке, причем вряд ли это мог быть язгулемский; если же переселения произошли недавно, то пришельцы должны были говорить на таджикском. В том и другом случае трудно допустить, чтобы эти переселенцы были ассимилированы язгулемцами, принимая во внимание малочисленность последних. Из изложения диссертантки можно заключить, что якобы пришельцы принесли с собой язгулемский язык; отсюда вытекает, что, поскольку переселения шли из разных мест, то повсеместно в горах, и в Каратегине, и в Афганском Бадахшане, говорили на язгулемском языке, что весьма трудно допустить. Далее автор заявляет, что средняя часть долины была заселена пришельцами-таджиками, впоследствии утратившими свой язык, — факт, совершенно невероятный; в качестве живого свидетельства этому якобы сохраняется различие в языке верхней и нижней части долины Язгулема, в доказательство чему диссертантка приводит неубедительную и содержащую явные ошибки таблицу, состоящую из четырех слов. Все это, сказал Н. А. Кисляков, заставляет рекомендовать диссертантке большую осторожность в суждениях о миграциях на Язгулем. Еще большие возражения со стороны оппонентов вызвал лингвистический экскурс диссертантки — данные ею квалификация и характеристика припамиирских языков ошибочны. По вопросу о происхождении припамиирских языков М. М. Дьяконов высказал мнение, что они восходят не к одному, а к нескольким близким древним восточноиранским языкам. К этой группе, помимо языка предков припамиирских народностей принадлежали и языки древних оседлых земледельцев Средней Азии — согдийцев и хорезмийцев, а также другие языки (завули, сагзи и др.), исчезнувшие в феодальную эпоху. Оппонент предложил следующее деление сохранившихся или до недавнего времени сохранившихся припамиирских языков: шугнанский (с диалектами сарыкольским, бартангским и рушанским); ваханский язык; язгулемский; ишкашимский (с диалектом зебакским и сэнгличским) и мунджанский язык.

Оппоненты сделали также ряд замечаний частного характера, касающихся главным образом этнографических деталей и библиографии. Так, Н. А. Кисляков выразил сомнение в правильности приведенного диссертанткой сообщения о действующем у язгулемцев праве женщины на наследование имущества. Все эти, как и более мелкие погрешности, сказали оппоненты, не умаляют ценности обсуждаемой диссертации, являющейся существенным вкладом в этнографию Средней Азии.

В ответном слове Л. Ф. Моногарова остановилась на вопрос о переселениях. Она не видит ничего невозможного в том, что пришельцы, переселившиеся в несколько приемов небольшими группами (50—60 семей), могли утратить свой язык и усвоить язгулемский, на котором говорило двухтысячное местное население. Соглашаясь в основном с замечаниями Н. А. Кислякова по вопросам этнографии язгулемцев, диссертантка отстаивала свои высказывания относительно права женщин на наследование, приводя в доказательство свои личные наблюдения и сообщения М. С. Андреева.

Ученым советом Института этнографии Л. Ф. Моногаровой присуждена степень кандидата исторических наук.

27 марта защитил диссертацию младший научный сотрудник Института этнографии Б. В. Андрианов. Диссертация, озаглавленная «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)», имеет задачей выявить на конкретном примере этого народа влияние социальных и физико-географических факторов на формирование этнической территории. Диссертант собрал и подверг анализу большой материал, касающийся вопроса о расселении каракалпаков в местах их современного обитания. Он выявил при этом влияние сохранявшей свое значение в XVIII и даже в XIX в. родоплеменной структуры на характер расселения данного народа, установил непосредственное воздействие отдельных исторических событий XVIII—XIX вв. на ход заселения каракалпаками дельты Аму-Дарьи, показал, как режим дельты отражался на увеличении или уменьшении размеров этнической территории и на хозяйстве ее обитателей. Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук С. П. Толстов, доктор историч. наук П. И. Кушнер и доктор географич. наук Ю. Г. Саушкин. Оппоненты отозвались о представленной работе, как о значительном вкладе в изучение истории каракалпакского народа и народов Хорезма в целом. Автор умело сочетал географические и этнографические исследования, причем данные обеих этих наук соединены в диссертации не механически, а тесно связаны в единое целое. Очень ценными считают оппоненты приложенные к диссертации разработанные автором карты и схемы, каждая из которых, как отметил П. И. Кушнер, представляет собой самостоятельное небольшое исследование. Оппоненты указали и на имеющиеся в работе пробелы. По мнению Ю. Г. Саушкина, наиболее существенным из них является недостаточное внимание автора к вопросам экономического характера, в результате чего оказалась слабо освещенной производ-

ственная деятельность населения исследуемой территории, являющаяся важнейшим фактором в изменении географического облика страны. П. И. Кушнер указал на слишком описательный характер отдельных глав работы. С. П. Толстов отметил излишние экскурсы диссертанта в область древней истории, не обусловленные необходимостью развития его исследования и не свободные от некоторых фактических ошибок.

Выступившая в диспуте кандидат историч. наук Т. А. Жданко подчеркнула значение представленной диссертации как серьезного исследования в области этнографии, основанное на новейшей методике, разработанной сектором этнической статистики и картографии Института этнографии. Вместе с тем Б. В. Андрианов не ограничился задачами этногеографическими, но сделал ряд открытий, интересных для истории каракалпакского народа. Весьма важно, что представленная диссертация является результатом не только кабинетных изысканий, но главным образом непосредственно полевых исследований самого автора, дополненных большим количеством привлеченных им архивных источников и литературных данных.

Б. В. Андрианов присуждена степень кандидата исторических наук.

8 мая окончивший аспирантуру Института этнографии П. Г. Тадыев защитил диссертацию на тему: «Процесс национальной консолидации алтайцев в условиях социализма». В своей работе диссертант на примере алтайцев показывает, как в условиях социалистического строя отдельные племена, хотя и родственные, но до Великой Октябрьской революции еще не сложившиеся в народность, постепенно консолидируются в нацию. Процесс этот, подчеркнул диссертант, существенно отличается от путей развития социалистических наций, возникающих на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма. Официальные оппоненты — доктор историч. наук В. В. Мавродин и кандидат историч. наук Б. О. Долгих — подчеркнули актуальность избранной диссертантом темы и правильность ее разработки. Широта постановки проблемы, сказал Б. О. Долгих, правильность основных методологических установок автора, хорошее знание материала, политическая заостренность изложения — делают труд П. Г. Тадыева серьезным вкладом в советскую историческую литературу. Оппоненты отметили горячий советский патриотизм, которым пронизана вся работа; многие ее страницы, сказал Б. О. Долгих, читаются как гимн советской ленинско-сталинской национальной политике и проникнуты глубоким пафосом социалистического строительства. В своей работе диссертант опирается на труды И. В. Сталина по национальному вопросу и по вопросам языкознания и правильно применяет высказывания товарища Сталина к разработке конкретных проблем национальной консолидации алтайцев. Одной из наиболее удачных представляется В. В. Мавродину глава диссертации, посвященная возникновению экономической общности алтайцев. Оппонент считает, что экономическая общность, вырастающая на базе социалистического хозяйства, является основным условием национальной консолидации в эпоху социализма. Очень интересной, по его мнению, является и глава, трактующая об общности языка, построенная на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Диссертант, сказал В. В. Мавродин, справедливо полагает, что отличие языка народности от языка нации заключается в том, что первый сохраняет в себе территориальные диалекты, а второй их утрачивает или они играют в нем незначительную роль. П. Г. Тадыев показал неудачу попыток русских массонеров создать письменность на основе одного из диалектов, далеко не самого распространенного; он разоблачает далее левацкие «упражнения» с алтайским алфавитом (латинизация) в период господства «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Заканчивается работа показом успешного развития алтайского литературного языка и национальной по форме, социалистической по содержанию культуры алтайцев.

Наряду с бесспорно успешным развитием основной темы, сказали оппоненты, диссертация П. Г. Тадыева несвободна и от некоторых недостатков. Слабым ее местом Б. О. Долгих считает недостаточное внимание автора к этническим процессам, а также к вопросам материальной культуры. Особенно существенным пробелом является отсутствие карт, совершенно необходимых в такой работе. Утверждая, что до революции алтайцы состояли из отдельных племен и территориальных групп, диссертант не объясняет, какие же объединения алтайцев он считает племенами, а какие — территориальными группами. Перечисляя племенные группы, формирующие алтайскую социалистическую нацию, автор недостаточно разъясняет роль в этом процессе телеутов и не уточняет их численности. Эти и ряд других, более мелких недочетов, подчеркнули оппоненты, не умаляют ценности всей работы, автор которой вполне заслуживает присуждения ему искомой степени. П. Г. Тадыеву присуждена степень кандидата исторических наук.

8 мая состоялась защита диссертации окончившей аспирантуру Института этнографии Б. Я. Волчок. Диссертация, озаглавленная «Общественный строй санталов», посвящена описанию одной из довольно крупных (около 3 млн. чел.), но весьма слабо изученных народностей, относящейся к числу наиболее угнетаемых и бесправных национальностей колониальной Индии. Положение санталов и в настоящее время не улучшилось, ибо, как указал официальный оппонент кандидат историч. наук Г. Г. Стратанович, «нынешние правители номинально «независимой» Индии, верные слуги британского империализма, ни в малой степени не изменили дискриминационной национальной и расовой политики, проводившейся английскими колонизаторами в отношении всех национальных меньшинств, в особенности так назы-

ваемых аборигенов». Диссертантка, сказал Г. Г. Стратанович, справедливо подчеркивает, что буржуазные этнографы, выполняя заказ колониальной администрации, либо намеренно арханзируют «аборигенов» в своих описаниях, представляя их дикарями, нуждающимися в опеке со стороны «цивилизovaných» колонизаторов, либо пытаются нарисовать картину «процветания» национальных меньшинств под «благодетельным» воздействием англичан. В своей работе Б. Я. Волчок убедительно показывает, что даже такая крупная народность, как санталы, в результате экономического и внеэкономического принуждения, планомерно проводимого колонизаторами, доведена до положения, единственный выход из которого может дать только установление подлинно демократического правления в Индии. Диссертантка с полной убедительностью показывает несостоятельность утверждений о крайней отсталости санталов в доколониальный период. Опираясь обширным фактическим материалом, Б. Я. Волчок на примере санталов доказывает лживость утверждений о «культуртрегерской» роли английских колонизаторов, равно как и утверждений о научной объективности буржуазных исследователей. Собранный и проанализированный диссертанткой материал позволял ей с полным основанием утверждать, что санталы далеки от «примитивности» и представляют собой не племя с развитой системой родовых общин, какими их стремятся показать буржуазные этнографы, а вполне сложившуюся народность. Диссертантка при этом подчеркивает, что национальная консолидация санталов задерживалась не пережитками родового строя, а колониальным гнетом, национальной и расовой дискриминацией, и поныне проводимой по отношению к ним политикой Хиндустана.

Официальный оппонент доктор исторических наук А. М. Дьяков, как и Г. Г. Стратанович, подчеркнул политическую целеустремленность и актуальность обсуждаемой диссертации, а также те трудности, которые стояли перед ее автором. Диссертантке пришлось исходить из зарубежных материалов, в большинстве не только сомнительных, но и в своей основе порочных. Разобраться в сложном этническом составе населения Индии на основании этих источников чрезвычайно трудно. Так, например, в шеститомной «Энциклопедии племен» все они расположены в алфавитном порядке, причем к племенам отнесены и уже сложившиеся народности. Последнее характерно для английских авторов, намеренно стремящихся представить население Индии, как чрезвычайно дробное в этническом отношении, как конгломерат племен, еще не оформившихся в народности, — что толкуется в качестве оправдания колониальной политики империализма. При таком состоянии источников, сказали оппоненты, Б. Я. Волчок пришлось по крохам собирать материал из многочисленных мелких, разбросанных по различным изданиям статей, касающихся других народов Индии, где санталы упоминаются лишь для сравнения. Авторы же имеющихся «капитальных» работ по санталам фактически повторяют сведения, относящиеся к концу прошлого столетия, не давая материала об их современном состоянии. Больше всего помогли диссертантке словари, меньше подвергнувшиеся фальсификации, а также материалы переписей, откуда путем сопоставления данных разных лет можно почерпнуть некоторые фактические сведения.

Диссертантка, по мнению Г. Г. Стратановича, правильно делает, рассматривая санталов в составе группы мунда, которой Б. Я. Волчок уделяет особую главу в своем исследовании. Постановку проблемы происхождения мунда оппонент считает весьма своевременной. Приводя историю этой проблемы, Б. Я. Волчок справедливо указывает, что советские ученые, в частности С. П. Толстов, отвергли выдвинутую патером Шмидтом теорию о принадлежности мунда к так называемой австралонезской семье языков, равно как и фантастические попытки связать мунда с финноугорскими языками (например, у Хавеши). После указаний И. В. Сталина по вопросам происхождения и развития языков совершенно ясно выявилась вся порочность построений буржуазных ученых, оперирующих лингвистическими данными без учета истории самого языка и истории народа — его носителя. Однако, отметил А. М. Дьяков, диссертантка допускает неточность, говоря, что в языках мунда имеются заимствования из языков индоевропейской группы и не указывая конкретно, откуда происходили эти заимствования. Это создает неправильное представление о языках мунда.

Оппоненты указали на переоценку Б. Я. Волчок степени развития капиталистических отношений в сантальской деревне. Бесспорно, что элементы капитализма проникают и туда, но формы эксплуатации в основном остаются феодальными и дофеодальными. Существенным пробелом А. М. Дьяков считает то, что диссертантка не дала четкой картины состояния сантальской общины в доколониальный период, в частности она не выявила положения в общине ремесленников. В индийской общине, сказал А. М. Дьяков, издавна существует резкое разделение между полноправными и неполноправными общинниками, имеется большое число так называемых слуг общины; некоторые из них находятся на положении рабов, хотя номинально рабство в Индии не сохранилось. Напрашивается вопрос — было ли в сантальской общине такое положение? Ответа на это мы в диссертации не находим.

Не всегда диссертантка достаточно критически подошла к источникам: уделяя должное внимание эксплуатации санталов индийскими помещиками и ростовщиками, она недооценила роль английских колонизаторов, которые стояли на страже интересов этих помещиков, так же как сейчас на страже их стоит аппарат так называемого индийского правительства. Г. Г. Стратанович не может согласиться с заявлением дис-

сертантки о преувеличении некоторыми авторами национальной розни между индийскими и инонациональными группами. Фактически и здесь сказывается воздействие колонизаторов, которые сознательно создавали противоречия между различными народами Индии, преследуя при этом двоякую цель: отвести от себя гнев инонациональных меньшинств, направляя его против индийцев, и предоставить помещицкой и буржуазной части индийского общества некоторую возможность для выхода на внешний рынок и для внутренней эксплуатации.

Несмотря на эти и более мелкие погрешности оба оппонента признали большую ценность обсуждаемой диссертации, значительно пополняющей советскую индоведческую литературу, и выразили пожелание о скорейшем опубликовании этой работы. Ученый совет Института присудил Б. Я. Волчок искомую степень.

19 июня защитила диссертацию окончившая аспирантуру Института этнографии Н. Н. Велецкая. В своей работе, названной «Москва в народных песнях и преданиях», диссертантка поставила задачей на основании этих поэтических произведений выявить отношение народа к важнейшим событиям отечественной истории и раскрыть характер и своеобразие народного патриотизма в различные исторические эпохи. Тему патриотизма, сказала официальный оппонент кандидат филолог. наук В. К. Соколова, диссертантка прослеживает на отношении к Москве, ставшей в сознании русского народа со времени образования единого Русского государства сердцем родины, ее символом. Это сознание с особой силой и яркостью проявлялось в периоды, когда враг угрожал целостности и независимости государства и его столица Москва находилась в непосредственной опасности. Этим обусловлен отбор материала для диссертации и ее построение. В ней рассматриваются народные поэтические произведения трех различных, но чрезвычайно важных для истории народа периодов: 1) борьба со шведско-польской интервенцией в начале XVII в., 2) Отечественная война 1812 г. и 3) Великая отечественная война советского народа против фашистских захватчиков в 1941—1945 гг. Анализ народно-поэтического творчества этих различных по своей сущности исторических периодов дал диссертантке возможность проследить, как росло сознание народа, менялось его отношение к исторической действительности, а вместе с тем изменялось и отношение к Москве. В последней главе, анализируя народно-поэтическое творчество не только русского, но и других народов Советского Союза, Н. Н. Велецкая убедительно раскрывает новое значение Москвы, ставшей столицей социалистического Отечества всех народов нашей страны, оплотом мира во всем мире, городом, где живет и работает великий вождь народов товарищ Сталин. Большим достоинством представленной диссертации, сказала В. К. Соколова дальше, является то, что устное поэтическое творчество прошлого рассматривается в ней не в плане «единого потока», а с учетом отражения в нем идеологии различных классов и социальных групп. Диссертантка справедливо считает, что не всякое бытовавшее в народных массах произведение выражает подлинно народные взгляды и устремления, что здесь необходимо учитывать воздействие идеологии господствующих классов. Анализ ряда произведений народного творчества дал диссертантке возможность показать, что народный патриотизм в прошлом, существенно отличавшийся от «патриотизма» господствовавших классов, включал критическое отношение к существовавшим социальным порядкам. Этот чрезвычайно важный момент затушевывался представителями дворянской и буржуазной науки, изображавшими мировоззрение народа в духе официальной народности.

Официальный оппонент доктор филологич. наук И. Н. Розанов, дав весьма положительную оценку диссертации в целом, остановился на двух моментах, вызывающих замечания с его стороны. Одним из слабых мест обсуждаемой работы он считает слишком резкое отторжение устного народного творчества от литературного. Иногда, сказал он, это производит впечатление запоздалого пережитка славянофильских воззрений времен Киреевского и Якушкина, когда влияние литературы на устное творчество считалось тлетворным и распространенные в народе поэтические произведения, шедшие от литературы, полностью игнорировались. В действительности же нередко случалось, что литературные произведения, подвергнувшись некоторой переработке, воспринимались народом как созданные им самим и широко бытовали в народных массах. Вторым недочетом обсуждаемой диссертации, по мнению И. Н. Розанова, является недостаточное внимание ее автора к художественной стороне рассматриваемых произведений народного творчества.

Правильно в большинстве случаев раскрывая идейное содержание этих произведений, отметила В. К. Соколова, диссертантка иногда недостаточно учитывает ограниченность народного сознания в прошлом и ищет в народных произведениях ясного и правильного понимания происходящих событий. Иногда диссертантка недостаточно критически относится к разбираемым текстам и не пытается выяснить, что в анализируемых ею песнях современно описываемым событиям, а что привнесено позднее. В некоторых случаях отдельные тексты используются ею без учета содержания всего произведения. Как недостаток диссертации оппонентка отметила и то, что ряд положений дается слишком декларативно. Так, например, Н. Н. Велецкая, не подтверждая этого фактическим материалом, говорит о коренном отличии образов исторических песен 1812 г. от предшествующих, с чем В. К. Соколова согласиться не может, ибо историческая действительность начала XIX в., по ее мнению, отнюдь не была «совершенно иной» по сравнению с XVIII в. Именно в XVIII в. складываются тот тип

исторической песни и те типические образы, которые получили дальнейшее развитие в период Отечественной войны 1812 г.

Отмеченные недочеты, сказали оппоненты, не могут служить препятствием к признанию представленной диссертации заслуживающей одобрения, а ее автора достойной присуждения степени кандидата исторических наук. Н. Н. Велецкой присуждена исковая степень.

О. Корбе

РУКОПИСНЫЙ ФОНД ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ ЯКУТСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

В рукописном фонде Института истории, языка, литературы и искусств за пятнадцать лет его существования накопился значительный материал по этнографии, фольклору и истории якутского народа. Особенно богаты фольклорные собрания. Ежегодно рукописный фонд пополняется записями фольклора, производимыми экспедициями Института, отдельными сотрудниками и корреспондентами.

В основу рукописного фонда Института легли небольшие литературно-фольклорные архивы научно-исследовательского общества «Саха Кескилэ», Комитета алфавита при Якутском ЦИК советов; значительный вклад составили материалы, собранные Вилюйской фольклорной экспедицией 1938 г., охватившей Кобяйский, Верхне-Вилюйский, Вилюйский, Сунтарский и Нюрбинский районы, и Северо-восточной фольклорно-диалектологической экспедицией 1939—1941 гг., посетившей Оймяконский, Момский, Нижне-Колымский, Аллайховский, Верхоянский, Абыйский и Усть-Янский районы. Участники этих экспедиций С. И. Боло и А. А. Саввин собрали огромный материал по всем жанрам устного народного творчества якутов: героическому эпосу — олонхо, историческим преданиям, обрядовому фольклору. Записи С. И. Боло, хранящиеся в фондах Института, не исчерпываются его экспедиционными сборами. С. И. Боло по собственной инициативе начал сбор фольклорного материала в 1925 г., с этой целью он объехал почти все районы Якутии и продолжал собирательскую работу вплоть до своей смерти (умер в 1949 г.).

Следует отметить небольшой, но ценный фольклорный материал, собранный в 1940 г. сотрудниками Института П. И. Габышевым в Кобяйском и Горном районах, И. И. Барашковым в Олекминском. Свыше двухсот фольклорных текстов собрали участники Русско-Устьинской экспедиции 1946 г. Т. А. Шуб и Н. А. Габышев.

Большой раздел рукописных фондов Института составляют фольклорные произведения, записанные от знатоков устного народного творчества, народного певца Сергея Зверева, Романа Алексеева, И. Бунашева, Екатерины Ивановой, бывшего шамана Яковлева (Крупна), сказителя П. Семенова и других специально приглашавшихся в Институт для ознакомления с их творчеством. Для записи фольклора использовались также слеты сказителей и собирателей, созывавшиеся в 1939, 1940, 1945, 1948 гг.

Видное место среди фольклорных собраний Института занимают записи корреспондентов. Корреспондентская сеть, созданная Институтом в 1935 г., вполне себя оправдала. Следует отметить фольклорные записи корреспондентов А. С. Порядина, П. Т. Романова (Мегино-Кангаласский район), В. Л. Сенькина (Таттинский район), Т. Т. Данилова (Верхоянский район).

Интересный материал был собран в 1944—1946 гг. локальными фольклорно-этнографическими экспедициями корреспондентов, работавшими по заданию Института. В Усть-Алданском районе экспедиция под руководством учителя И. Г. Березкина собрала ценный материал по историческим преданиям якутов, в Мегино-Кангаласском районе экспедицию по сбору фольклора организовал А. С. Порядин. В 1945 г. по сбору материалов о якутском племени нахарцев работала экспедиция корреспондента П. Т. Степанова. Экспедиции корреспондентов Г. М. Васильева и Я. П. Жиркова собирали фольклорный материал в Абыйском районе.

В настоящее время рукописный фонд Института располагает богатейшим собранием материалов по всем жанрам якутского фольклора. В рукописном фонде хранятся 120 записей олонхо об Эр Соготохе, Нюргун Боотуре, Мюлдьо Бөгө, Хаан Джаргыстае, Дуолан Дохсуе и др. Каждое олонхо состоит из 6—10 тысяч строк, некоторые достигают 20 тысяч строк.

В фонде имеется также свыше 400 записей сказок, свыше 600 записей исторических легенд и преданий как о происхождении якутского народа, так и о происхождении отдельных якутских племен и родов. Значительный материал накопился в фондах Института по песням (свыше 400), загадкам, пословицам и т. д.¹

Заслуживает внимания солидный материал по советскому якутскому фольклору. Собрание советского фольклора было начато Институтом в 1937 г. и продолжается

¹ О собирательской работе по фольклору и публикации якутского фольклорного материала см. Г. У. Эргис, Собрание и изучение якутского фольклора, Советская этнография, 1947, № 2, стр. 223—228.

до настоящего времени. В фондах Института имеются: песни-импровизации об Октябрьской революции, установлении советской власти и гражданской войне в Якутии — 29 названий; песни о В. И. Ленине и И. В. Сталине — 17 названий; песни о Родине — 12 названий; о Советской Армии и Отечественной войне — 12; песни о колхозной жизни — 51; песни о новой технике (телеграфе, тракторе и т. д.) — 9; воспевание колхозных поселков, приисков — 7; песни нового бысаха (якутский кумысный праздник) — 6 названий и т. д.

В рукописном фонде Института хранится около восьми тысяч текстов фольклорных произведений. К сожалению, точное число фольклорных произведений по отдельным жанрам установить не удается, так как корреспондентские материалы, поступившие после 1945 г., в значительной части не обработаны (большой рукописный фонд обслуживает один человек). Для облегчения пользования огромным фольклорным материалом сектор языка и фольклора предпринял составление картотеки-указателя записанных произведений (по жанрам и районам). Эта кропотливая работа производится сотрудницей Института В. А. Кривошапкиной и хранительницей фондов А. Л. Новгородовой.

Фольклорные материалы, хранящиеся в фондах Института, в особенности исторические предания, представляющие собой большую ценность для исследования истории Якутии и этногенеза якутского народа, еще не стали достоянием науки. Для того чтобы эти материалы можно было использовать, необходимо систематизировать их и перевести на русский язык наиболее ценные тексты.

В настоящее время Институт истории, языка, литературы и искусств начал публикацию своих материалов по историческому фольклору якутов. Сотрудник Института кандидат филологических наук Г. У. Эргис подготовил к печати сборник «Исторические легенды и предания якутов», собранные С. И. Боло (объем 16 печ. листов). Сборник состоит из параллельных текстов на якутском и русском языках и комментария.

Рукописное хранилище Института располагает также некоторым материалом по истории Якутии. Обращают на себя внимание сборники еще не опубликованных копий архивных документов по истории Якутии. Копии с исторических документов XVII в. снимались в разное время в Центральном государственном архиве древних актов С. В. Бахрушиным (74 листа на машинке), в Центральном Якутском республиканском архиве по истории Якутии XVIII—XIX вв. О. В. Ионовой.

Архивные выписки О. В. Ионовой по делу Манчары (якутский бунтарь середины XIX в.) представляют собой обемистый сборник в 13 печ. листов, архивные выписки по истории Якутии XIX в. — 11 печ. листов. В рукописных фондах хранятся также копии архивных материалов о пребывании Е. Ярославского в Якутии, копии отдельных рукописей из якутских улусных архивов XIX в., родословные таблицы и т. д.

Ценным источником для освещения многих вопросов истории Якутии, в особенности для изучения прошлого быта якутов, являются хранящиеся в рукописных фондах записки, воспоминания, дневники. Среди этого материала выделяются воспоминания участников гражданской войны в Якутии Д. К. Швецова, К. К. Байкалова, Е. В. Попова и других. Рукопись К. К. Байкалова, бывшего главнокомандующего вооруженными силами в Якутии, заслуживает самого тщательного изучения.

Этнографические материалы, имеющиеся в рукописном фонде Института, состоят из отчетов экспедиций, рукописей любителей старины, отдельных записей корреспондентов. Заслуживающий внимания этнографический материал по духовной и материальной культуре вилюйских якутов и северного населения Якутской АССР собрали А. А. Саввин и С. И. Боло во время своих фольклорных экспедиций. Хотя сбор этнографического материала был подчинен общей задаче собирания фольклора, А. А. Саввин и С. И. Боло произвели зарисовки старинной якутской одежды, головных уборов, украшений. В Момском районе А. А. Саввин собрал материал по эвенскому национальному костюму и орнаментике.

Любопытный материал о советском бысахе приведен в рукописи Е. Г. Иоффе (бывшей сотрудницы Якутского краеведческого музея), наблюдавшей проведение этого праздника в колхозах Мегино-Кангаласского района в 1944 г. К рукописи приложено 50 фотографий с подробным разъяснительным текстом.

Этнографические материалы о русско-устинцах — русских старожилах в низовьях р. Индигирки — представлены двумя рукописями: «Русские в низовьях Индигирки» (2,7 печ. листа) члена экономического отдела Индигирской экспедиции НКПС 1931 г. М. А. Кротова и «Предварительный отчет об этнографической работе по досельным русским в низовьях р. Индигирки» (3 печ. листа) — участника Индигирской диалектолого-этнографической экспедиции Института 1945 г. — Н. М. Алексеева. В рукописи М. А. Кротова приводятся подробные сведения о способах охоты, орудиях охоты и рыболовства, подробно описываются лук и стрелы, применявшиеся еще в 1930-х гг., для охоты на хищных зверей. Особый интерес представляют данные М. А. Кротова о первых колхозах в низовьях Индигирки, посемейные списки населения, протоколы общих собраний колхозов с решениями по хозяйственным делам.

Рукопись Н. М. Алексеева содержит подробные данные о современных и исчезнувших промыслах русско-устинцев, их материальной культуре, семейном быте, а также фольклоре и верованиях, ушедших в область прошлого.

Много интересных данных содержится в рукописях ветеринарного врача А. И. Кон-

дакова, долго работавшего в низовьях р. Колымы. Им собран материал для составления словаря оленеводческих терминов на языках населения Нижне-Колымского района (чукчей, ламутов, эвенков, якутов). Во время работы в Нижне-Колымском районе 1932—1935 гг. А. И. Кондаков близко познакомился с бытом чукчей и написал небольшой очерк их жизни. Особого внимания заслуживает рукопись «Некоторые особенности быта и наречия русских, проживающих в низовьях реки Колымы» А. и Т. Кондаковых (119 стр.). Рукопись состоит из двух глав, первая посвящена этнографии колымчан, вторая — особенностям фонетики и морфологии нижне-колымского наречия. К работе приложен словарь местных слов и выражений.

В материалах А. И. Кондакова, относящихся к 1907—1915 гг., имеются записи якутских загадок, сказок и описания шаманской мистерии (поднятие души).

В этнографическом отделе рукописного фонда имеются также переводы с английского еще не изданных на русском языке работ В. И. Иохельсона «Кумысный праздник якутов и орнаментация кумысных сосудов», «Юкагиры и юкагизированные тунгусы», переводы с немецкого рукописей участника Великой Камчатской экспедиции Якова Линденау «Описание коряков их нравов и обычаев», «Описание тунгусов Удского острога», «Описание якутов», «Описание пеших тунгусов или так называемых ламутов в районе Охотска».

Большой материал имеется в рукописном фонде Института для исследования почти забытых якутским народом религиозных верований — шаманства, охотничьих обрядов, примет и поверий. В Мегино-Кангаласском районе записано от бывшего шамана Петра Абрамова (Алаады) четыре мистерии, три мистерии записаны от бывшего шамана Яковлева (Круппа), три мистерии от бывшего шамана Петра Андреева (Каккаа), одну мистирию удалось записать от народного певца Сергея Зверева, интересовавшегося шаманским фольклором. Ряд полных шаманских мистерий, хранящихся в фонде Института, записан С. И. Боло и А. С. Порядиным.

Значительный опросный материал по шаманству собран А. А. Саввиним и доставлен корреспондентами. Всего в фондах имеется около 40 записей по шаманскому фольклору.

Богатство рукописного фонда Института не исчерпывается фольклорными и этнографическими записями. Большой материал хранится в фонде по диалектологии и лексике якутского языка, по говорам северных русских. Из сорока тысяч выписок состоит словарная картотека, составленная сотрудниками Института. Материалы языковедческого отдела фондов отражают деятельность якутских языковедческих конференций, работу по переводу якутской письменности на алфавит, построенный на основе русской графики.

Заслуживают внимания переводы с немецкого на русский редких изданий трудов известных языковедов О. Бетлинга «Якутская грамматика», Радлова «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам».

Несомненную ценность представляет приобретенное Институтом рукописное наследие зачинателей якутской литературы А. И. Кулаковского (фольклорные записи), А. И. Сафронова (неопубликованные законченные работы, наброски, заметки), Н. Д. Неустроева (оригинальные законченные произведения).

В 1950 г. рукописный фонд Института пополнился новыми поступлениями. Приобретен архив Н. Д. Неустроева, поступили материалы по фольклору, собранные корреспондентом Института М. Д. Поповым в Жиганском районе, песни, записанные Республиканским домом народного творчества от сказительницы Е. Ивановой. Обрабатываются и готовятся к сдаче в печать материалы комплексной историко-этнографической и фольклорной экспедиции в Усть-Алданский и Амгинский районы, осуществленной летом 1950 г.

Богатейший рукописный фонд Института истории, языка, литературы и искусств Якутского филиала АН СССР — сокровищница якутской народной культуры. Хочется высказать пожелание, чтобы Институт познакомил широкие круги специалистов не только со своими фольклорными материалами, но и с этнографическими.

И. С. Гурзич

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Предания, бывальщины и сказы Горьковской области. Запись и редакция текстов, вступительная статья и примечания Н. Д. Комовской, Горьковское областное издательство, 1951.

Горьковская область (б. Нижегородская губерния) издавна славится богатством и разнообразием народного искусства: затейливой городецкой росписью, искусной деревянной резьбой, узорчатыми золотыми хохломскими изделиями. Недаром поется в частушке:

Наш Семенов знаменит
Ложками, игрушками,
Пусть о нем гармонь звенит
Звонкими частушками.

Богата Горьковская область и народным устно-поэтическим творчеством: сказками, песнями, частушками.

В советское время в Горьковскую область был организован ряд экспедиций по собиранию устно-поэтических богатств области. Каждый раз собиратели записывали все новые и новые сказки и песни, открывали все новые и новые имена мастеров устного слова. Сказочники Горьковской области орденосеи И. Ф. Ковалев и М. А. Сказкин получили широкую известность и всеобщее признание.

В годы, предшествовавшие Великой отечественной войне, Горьковское областное издательство систематически публиковало фольклорные тексты, издавало отдельные сборники сказок, песен, частушек. Война прервала эту работу. В настоящее время выпуском в свет сборника «Предания, бывальщины и сказки Горьковской области» издательство снова включается в важное и плодотворное дело публикации текстов народного устно-поэтического творчества, дело, за которое постоянно ратовал А. М. Горький.

Богатства народного творчества Горьковской области обязывают местных писателей и литературоведов, историков и краеведов к энергичной собирательской работе, обязывают областное издательство уделять большое внимание этой стороне культурной жизни области.

В рецензируемом сборнике, равно интересном как для широких читательских кругов, так и для историков и литературоведов, представлено два раздела народного устного творчества: предания и сказки. В первом мы находим исторические предания о произволе помещиков-крепостников и бурмистров и цикл рассказов о легендарном разбойнике Козьме Рощине.

Приведенные в сборнике предания и легенды представляют большой интерес как исторический документ, как своеобразная устная летопись и вместе с тем как выражение оценки прошлого с точки зрения советского человека. Предания эти говорят о целом ряде помещиков «фамилии-то разные, а повадка одна — барская». Образ жестоких самодуров, яркие сцены насилия и произвола так же, как и трогательные образы замученных женщин и детей, ставших жертвами помещичьего самодурства, встают на страницах книги, созданной народом, этим, по выражению А. М. Горького, «своеобразным историком».

Интересны собранные Н. Д. Комовской предания о Козьме Рощине, «благородном разбойнике», который, по словам рассказчиков, богатых грабил, а бедным помогал, который «не озорвал, а мстил». Предания о Рощине, рисуящие его как справедливого мстителя, являлись выражением того социального протеста, который назревал в народных массах и приводил к крестьянским восстаниям.

Многие из приведенных в книге преданий перекликаются с рассказами алтайских и уральских горно-заводских рабочих. Это не снижает местной значимости данных преданий, а наоборот, увеличивает их историческое значение. Порожденные в разных местах царской России одинаковыми предпосылками, предания и легенды явились выражением общего всенародного протеста против насилия и эксплуатации.

Во второй части сборника приведены прекрасные тексты традиционных сказок. Тексты эти, записанные в конце тридцатых годов, являются показателем исключительной сохранности сказочной традиции в Горьковской области. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что в старую традиционную сказку властно вторгается современность.

Советский сказочник, рассказывая традиционную сказку, как бы прочитывает ее заново глазами советского человека, оценивает по-новому ее события и героев, выносит им свой приговор, опираясь на свой социалистический опыт. Влияние современности, прежде всего, сказывается на языке сказки, на ее лексическом составе. В сказку приходят такие понятия и слова, как километры, телеграммы, продукты, план; чудесный ковер делается в три метра ширины; Андрей Стрелец, взяв бумагу и карандаш, отправился на собрание; «царь просит немедленно на званятия явиться».

Однако в еще большей степени влияние современности находит выражение в новом отношении сказочника к старому сказочному канону. Если старая традиционная сказка чаще всего кончалась женитьбой героя на царской дочери, в честь чего и устраивался традиционный пир на весь мир, то герой той же сказки, рассказанной советским сказочником, нередко отказывается от этого традиционного «счастья». Так, например, сказочница М. Ф. Болова следующим образом кончает свою сказку: «Ванюшка распростился и поехал домой. А царские дочки остались у царя. Ванюшке-то они не надобны, а больше брать их некому» (стр. 156). В сказке, рассказанной М. А. Сказкиным, герой в ответ на желание царя наградить его говорит: «От тебя я ничего не приму: не умеешь ты править государством, и потому тебе здесь не место. А родине я буду служить верой и правдой всегда» (стр. 253).

Таким образом, традиционная сказка в устах современного сказочника не только является классическим наследием, выражением «чаяний и ожиданий» народа в прошлом, но в то же время раскрывает «психологию народа в наши дни», является громким голосом современности, вскрывает отношение к жизни советского человека, и поэтому неудивительно, что, когда герою этой обновленной сказки говорят: «Смотри, деревенскую не возьми, над тобой смеяться будут», он гордо заявляет: «Пусть смеются, лишь бы хорошая была!»

Сборнику предпослана большая вводная статья собирателя, поднимающая так же, как и комментарий к отдельным сказкам, ряд интересных вопросов, рисующая творческие портреты отдельных сказочников, дающая биографические сведения о рассказчиках и характеристику отдельных сказок.

К сожалению, составитель сборника не уделяет достаточно внимания вопросам бытования традиционной сказки и исторических преданий в современном колхозе. А между тем именно этот момент представляет очень большой интерес. На основании материала рецензируемого сборника можно было бы раскрыть значительность фольклорного наследия в наши дни. Следовало бы показать, что традиционный фольклор отнюдь не является какой-то музейной древностью, своеобразным реликтом, а активно воздействует на действительность, имеет большое агитационное и воспитательное значение. Именно областной сборник, к тому же составленный собирателем, в течение долгих лет работавшим в данной области, мог бы осветить эту проблему, имеющую большое теоретическое и вместе с тем насущное практическое значение.

В сборнике представлен традиционный фольклор, бытующий в области. Надо надеяться, что Горьковское областное издательство не ограничится этим и приступит в ближайшее время к публикации нового, советского фольклора, создаваемого в колхозах, артелях, на заводах и фабриках области.

Э. Померанцева

ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СИБИРИ

Сибирскому писателю А. Л. Коптелову мы обязаны несколькими интересными изданиями о художественном творчестве народов Сибири: новой публикацией сказок, первым сборником литературных произведений и первым же исследованием о литературе этих народов¹.

Сборник сказок содержит около 50 образцов творчества семи народностей (бурятов, алтайцев, хакасов, тувинцев, тофаларов, эвенков и селькупов, сказки которых ошибочно приписаны хантам), причем подавляющая часть материала опубликована

¹ Сказки народов Сибири, составил А. Коптелов. Новосибирск, 1949; Пламенное слово. Стихи, рассказы, повести. Сборник составил А. Коптелов. Новосибирск, 1950; А. Л. Коптелов. Литература народов Сибири. Новосибирск, 1948.

первые. Удачно подобранное собрание хорошо отражает как прежние, дореволюционные идеологические представления упомянутых народов, так и происшедшие в советское время грандиозные сдвиги в их сознании.

Действующими лицами старых сказок являются и обыкновенные люди, охотники, рыбаки, пастухи, и чудесные герои, богатыри и духи, добрые и злые. Герои, борясь за свой род и племя, наделены высокими физическими и моральными качествами: сверхъестественной, необходимой для подвигов силой, мужеством, бескорыстием, честностью, добротой. Сказки завершаются победой героев, выразителей народных чаяний, над носителями зла. Во всех, даже самых фантастических, сказках нетрудно подметить общественно значительные и реалистические мысли народа. Замечательно в этом отношении, что люди, находившиеся в плену архаических анимистических представлений, ярко выражали мысль о мощи и превосходстве человека и питали мечту о победе человека над грозными, непонятными силами природы. Мальчик, герой эвенкийской сказки «Агды гром», получает железные крылья и становится богатырем —громом, побеждающим злого Крылатого. В тофаларской сказке «Хозяин воды» простой рыбак победил страшного хозяина воды, и человек стал и на земле и на воде хозяином» (стр. 103). Прямо перекликается с этим и селькупская сказка «Идэ». Бабушка, отучившая внука от трусости, говорит ему: «Ты — человек. Тебе никто ничего сделать не может. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь» (стр. 184). Мечты народа о покорении стихий природы отражены особенно ярко в богатой поэтическими образами и близкой по своему складу к былинам алтайской сказке «Сартакапай». Народный герой-богатырь дал дорогу великим водам Алтая на север, соорудил, заботясь о людях, переправы через реки, покорила молнию.

Сравнительно много в сборнике сказок о животных, занимавших видное место в творчестве народов Сибири. Соприкасаясь на каждом шагу с этим важнейшим для них элементом природы, охотники проявляли в сказках непревзойденное знание животного мира и неизменный интерес к нему. Сказки эти повествуют о различных эпизодах в жизни животных, их дружбе и вражде, о взаимопомощи между ними и людьми (эвенкийские «Глухарь и лебеди», «Собака и человек», алтайская «Серый воробышек»). Охотники объясняли в художественной сказочной форме происхождение животных, отличительные внешние их приметы (оперение, окраску, очертания тела) и повадки, образ жизни (эвенкийские: «Как журавли стали небесными оленями», «Кукушка», «Лисица и налим»; бурятские: «Заяц», «Снег и заяц»; алтайские: «Страшный гость», «Нарядный бурундук» и прекрасный вводный эпизод с дятлом в сказке «Сартакапай»). Отдельные животные наделялись обычно одинаковыми качествами: лиса — хитростью, ворона — коварством и т. д. (эвенкийские: «Лисица и медведь», «Лисица и женщины», бурятские: «Волк», «Охотник» и др.).

Многие сказки, особенно южных скотоводческих народов, ярко насыщены социальными мотивами. В произведениях коллективного творчества народ выражал свое чувство социальной справедливости и взгляды на отношения между людьми, искал причин своих бед, звал на борьбу с неправдой, вдохновлял на подвиги. Сознание трудового люда проявлялось во всем облике героев. Защитниками угнетенных и нуждающихся являются бедняки, бесстрашные, ловкие и сильные, сообразительные и находчивые, обладающие чувством юмора и оптимизма. Эксплуататоры — богачи и купцы, ханы и бай, шаманы и ламы — изображаются жестокими и жадными, недовольными и глупыми, вызывающими ненависть, презрение и насмешку. Таковы сказки хакасов («Правда», «Серебряная книга» с ее мотивом скатерти-самобранки), тувинцев («Жадный лама», «Лисица и охотник»), алтайцев («Шелковая кисточка», «Серый воробышек», «Коростель-дергач» и др.), тофаларов («Про злого хана Узулуна»), эвенков («Эвенк и змея»). Получившая отражение в сказках мораль трудового народа поддерживала древние обычаи гостеприимства и дружбы (селькупская сказка «Маченкат»), казнила лень, вероломство, бахвальство (хакаские: «Ленивый мальчик» и «Два друга»; эвенкийские: «Кукушка», «Как журавли стали небесными оленями» и др.).

Значительный интерес представляют вошедшие в сборник образцы современных сказок народов Сибири. Словесное творчество, как одно из наиболее ярких проявлений народного сознания, раскрывает новую идеологию народа, появившееся у него совершенно иное восприятие мира. Содержанием новых сказок служат чудесные перемены в судьбах обездоленных и угнетенных в прошлом людей. Изменился весь окружающий мир, исчезла былая тьма. Озарилась небывалым светом угрюмая природа. Стали совсем иными и люди: они духовно прозрели и поняли, что весь мир, все богатства земли призваны служить им. Необъятные просторы открылись с высокой горы, на которую вожди собрали освобожденных людей (эвенкийская сказка «Как два могучих орла к эвенкам прилетели»).

Новая современная тема связана чаще всего с образом животворящего солнца, возвращенного людям великими вождями — устроителями счастливой жизни, Лениным и Сталиным. Ленин и Сталин давно уже стали национальными героями-богатырями, которых народная фантазия перенесла в родную среду. Это они разбудили охотников и пастухов от тяжелого сна, избавили их от зла и горя, дали им солнце — источник вечной радости и счастья (эвенкийские: «Как два могучих орла к эвенкам прилетели», «Кто дал эвенкам солнце», «Человек на красном олене», хакасская «Правда»; бурятская «Ключ счастья»). К этому же современному циклу относится

и замечательная своей простотой, лаконичностью и выразительностью эвенкийская сказка о коллективном труде («Как старый Тока эвенков помирил»).

В заключение надо отметить хорошую литературную обработку переводов, принадлежащую Коптелову, Кунгурову и Гарф и сохранившую национальный колорит сказок. Особенно удачны тексты некоторых близких к былинам алтайских сказок («Сартакпай», «Шелковая кисточка»), передающие художественные красоты народного творчества, высоко поэтические образы, своеобразный, то торжественный, то простой строй речи. В результате скромно предназначенный для детей сборник сохранил в полной мере познавательную и художественную ценность и для взрослого читателя.

* * *

В следующий сборник («Пламенное слово») вошли произведения прозаиков и поэтов десяти народов Сибири (бурят, алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, якутов, хантов, манси, эвенков и эвенов)².

Уже сам по себе факт возникновения национальной культуры у бесписьменных еще два десятка лет назад племен и народов³ служит разительным примером торжества ленинско-сталинской национальной политики коммунистической партии.

Прозаические произведения сборника в большинстве своем автобиографичны. На обширном этнографическом фоне писатели рассказывают о детстве и юности, о безысходной нужде трудового народа, о великих, принесенных революцией переменах в жизни пастухов, рыбаков и охотников. Они вспоминают о первых ростках советской культуры, о таких необыкновенных явлениях, как школа, больница, комсомол, колхоз, совершенно преобразивших прежний быт. Таково содержание произведений алтайца Кучияка «Адыюк» и «Тойчи», якута Аччыгыя «Земля», эвена Семенова «Медведь и капуста» и др. Большое место в таких повествованиях занимает обычно советская школа, этот важнейший этап в становлении нового человека. Писатели — эвенки Савин («Второе рождение») и Ламатканов («Качона»), мансийка Вахрушева («На берегу Малой Юконды») прошли одинаковый путь: окончили национальную школу, педагогический техникум и вернулись учителями на родину. Отдельно заслуживают упоминания отрывки из романа якута Еристина «Молодость Маарыкчана» и главы из повести тувинца Тока (ныне лауреата Сталинской премии) «К большому порогу». Первое произведение посвящено гражданской войне в Якутии, широко освещает быт населения в те годы, ожесточенную классовую борьбу и героизм партизан. Второе, едва ли не лучшее в сборнике, произведение дает чрезвычайно яркую картину жизни кочевников тоджинцев в последнее предреволюционное время. Высоко поэтические пейзажи горной тайги чередуются с богатым этнографическим фоном повествования. Автор рисует потрясающую нужду аратской бедноты и жестокую эксплуатацию ее соплеменниками-богачами, рассказывает о древних обычаях взаимопомощи и дележа добычи, бытовавших у бедняков, о дружбе их с русскими старожилами и пр. Сила художественных образов, замечательная выразительность речи, редкая лаконичность повествования — сделали это первое произведение тувинской прозы выдающимся вкладом в советскую литературу.

Поэзия представлена разнообразными жанрами, начиная сравнительно крупными произведениями типа былин и поэм («Зажглась золотая заря» — алтайцев Кучияка и Юдакова; «Песни Ак-Пурбы» — шорца Чиспиякова; «Сталин-батор» — бурята Торова и др.) и кончая небольшими лирическими стихотворениями и особенно широко распространенными песнями. Алтайские поэты Енчинов («Кырачи») и Кочеев («Яблоня»), тувинский — Кюнзегеш («Утренняя картинка»), бурятский — Галсанов («Черемуха») и др. воспевают красоты родной природы, смену времен года, близкий любимый пейзаж многоводных рек и бескрайних лесов. Исключительной теплотой и задушевностью отличается лирика бурята Тумунова («Молодой бурятке») и хакаса Доможакова («Ласточка»).

В советское время старые песни о бесправной доле исчезли. Радостью и оптимизмом проникнуто современное творчество. Только для сравнения со светлым настоящим вспоминают тяжелое прошлое поэты: алтайцы Кучияк («Алтай») и Улугашев («Играй, играй, мой топшур»), бурят Галсанов («Родной улус»), хакасы Аршанов («Дума чабана») и Доможаков («Уйбатская степь»), якут Тимофеев-Терешкин («Сибирское слово о Ленине»), эвен Вонна («Хозяин земель и рек»). Социалистическая действительность обогатила поэзию народов Сибири новыми темами и мотивами. Современные стихотворения говорят о датах красного календаря и выборах в Верховный Совет («Первое мая» эвенка Платонова, «Праздник на чайлаге» тувинца Тамба, «Утренняя снежная дорога» хакаса Котюшева), о пионерах («Как Кена ездил в Москву» эвенков Сахарова и Трофимова), о Советской Армии

² Из сибирских народов, создавших свою литературу лишь в советское время, не представлены, таким образом, ненцы и четыре дальневосточных (коряки, чукчи, нанай и удэ).

³ Лишь у бурят и якутов появились в XX в. зачатки литературы, не получившие, однако, в то время развития.

(«Армия нашей страны» якута Кулаковского). Особенно часто воспеваются радость освобожденного труда, любовь к обновленной этим трудом земле, слава знатных тружеников (бурятские стихи: «Речка Ульдурга» Номтоева, «Последний день жатвы» Абидуева, «Полевой корабль» Дамдинова; «Обновленная земля» тувинца Тамба. «Дума чабана» хакаса Аршанова). Настойчиво звучат темы богатой привольной жизни колхозников и индустриализации, преобразующей самые глухие в прошлом уголки Сибири в цветущие промышленные районы (тувинские стихотворения: «Поселок Тора-хем» Чадамба, «Родной земле» Сюрюн-Оол, «Мой богатый край» Сувакит; хакаские: «Велкий камень» и «Новое озеро» Котюшева, «Аскиз» Костякова; алтайское «Чемал» Кучияка; бурятское «Чаша» Намсараева).

В поэзии, как и в прозе, ярко отразилось громадное расширение интеллектуального кругозора, новая идеология народов Сибири. Горячими чувствами советского патриотизма и дружбы с другими народами Союза, во главе с передовым русским народом, новыми взглядами на труд и на отношения между людьми проникнуты произведения писателей бурят (Моей Бурятии» Галсанова, «Памятник у реки Халхин-гол» Тумунова), шорцев («Песни Ак-Пурбы» Чиспиякова), эвенков («Качона» Ламатканова, «Второе рождение» Савина), якутов («Родина» Софронова, «Поэма о сабле» Васильева-Борогонского, «Подарок» Бэрняк, «Песня о герое» Чагылган), тувинцев («Я в Москве» Чадамба) и др.

Созданные революцией, писатели народов Сибири вступили в литературу с именами Ленина и Сталина на устах. Открывающее книгу произведение алтайцев Кучияка и Юдакова «Заглась золотая заря» повествует о бедняке-охотнике Анчи, отправившемся на поиски счастья народного. После долгих странствований он встретил солнечного богатыря Ленина, сокрушившего врагов трудового люда и заслужившего вечную его благодарность:

Вечно будет народ наш
Прославлять тебя в песнях.
Все прекрасные птицы Алтая,
И алтайские сочные травы,
И могучие наши леса,
И алтайские бурные реки
Будут петь о тебе эту песню,
Полюбив твое имя навеки,
Ленин!

На другом конце Сибири якутский поэт Тимофеев-Терешкин воспекает вместе с великим Лениным его ближайшего друга Сталина:

Радуйтесь новой жизни,
Славьте того, кто первый
Ленинский друг-соратник,
Славьте надежду мира,
Светлое имя — Сталин.
Вечное солнце с нами —
Ленин бессмертный с нами,
Вечное солнце с нами —
Сталин бессмертный с нами.

(«Сибирское слово о Ленине»).

Имена великих вождей — первые слова, которые учатся читать эвенкийские женщины («Качона» Ламатканова). В образе солнца-счастья и отца народного предстает Сталин в поэзии бурят («Солнце земли» Намсараева), эвенков («Хозяин земли и рек» Вонна, «Привет в Кремль» Беляева), хантов («Песня» Лазарева). Эвенки запомнили навечно, что Ленин «развязал глаза» темному люду, а Сталин «вывел народ в свет» («Красный суглан» Сахарова). В высоко поэтической форме воспевают связанных нерушимой дружбой великих кормчих коммунизма писатели тувинцы («Советская Тува» Сарыг-Оол, «Песня счастья» Эренчин), алтайцы («Дума о вождях» Саруевой, «Великий вождь» Чунижекова), буряты (замечательная былина Тороева «Сталин батор» и поэма Тумунова «Далеко-далеко, в Москве»).

Таково в общих чертах богатое содержание сборника. Что касается чисто литературной стороны, то большинство произведений, особенно поэтических, облечено в хорошую художественную форму, передающую особенности культуры отдельных народов, своеобразие строя речи и творческих приемов. Встречаются, однако, и неудачные в этом отношении произведения или отрывки (преимущественно эвенкийские, мансийские, якутские), страдающие серым, невыразительным языком, сухими описаниями, надуманными образами, в ущерб подлинной художественной образности

и живописности. Трудно сказать, не зная подлинного текста, кто виновник таких неудач — сам ли автор (и, конечно, работавший с ним редактор) или же переводчик на русский язык. Кроме того, в произведениях писателей народов Севера, перепечатанных из сборника «Мы — люди Севера», не устранены имевшие место в первом издании ошибки (географические, этнографические), отмеченные мной в рецензии на этот сборник (журн. «Звезда», 1950, № 3).

* * *

Как бы заключением длительных работ А. Коптелова по собиранию, изучению и изданию фольклорных и литературных произведений сибирских народностей является его опубликованная лекция «Литература народов Сибири». Автор, правда, *бегло, коснулся многих существенных вопросов развития национальных литератур*. После краткой характеристики фольклора (преимущественной южной тюркской группы) приведены такие же краткие сведения о возникновении якутской и бурятской литературы и о жизни и творчестве некоторых писателей (тувинца Тока, алтайца Кучияка и др.), жизненный путь которых показателен для всех вообще представителей молодой сибирской литературы. Далее следует сравнительно подробный обзор тематики национальной литературы. Главными ее темами служат: гражданская война и становление советской власти; колхозное строительство и новая зажиточная жизнь; индустриализация национальных районов и образование рабочего класса из местных народностей; героика социалистического труда; борьба за раскрепощение женщины; братское единство народов Сибири с другим населением Союза; чувство советского патриотизма и ратные подвиги сынов народов Сибири в Великую отечественную войну; роль коммунистической партии и великих вождей Ленина и Сталина в строительстве коммунистического общества. Затем автор останавливается на весьма характерном для многих народностей Сибири развитии драматургии, показывает ее культурную роль и близкую связь национальных писателей с театром. В заключение освещается важнейший вопрос о национальной форме в искусстве. Автор указывает совершенно правильно на необходимость соответствия национальной формы социалистическому содержанию, на недопустимость механического переноса в современную литературу архаических национальных форм. На ряде примеров он показывает, к каким печальным результатам приводили попытки приспособить старые формы для передачи идей и событий советской эпохи. Путь развития и обогащения национально-художественной формы лежит в использовании прогрессивных элементов старого народного творчества и в изучении образцов искусства русского и других народов Союза.

Все эти положения представляются бесспорными. Некоторое недоумение вызывают, однако, соображения об источниках национальной литературы. А. Коптелов относит к ним собственный фольклор данного народа и литературу других народов Союза, прежде всего, русского народа (стр. 18—19). В предисловии к сборнику «Пламенное слово» он прямо указывает: «два родника питают современную художественную литературу народов Сибири: устное народное творчество и русская литература» (стр. 6). Между тем основным, предопределяющим источником — «родником» современной литературы народов Сибири (а иной у них и не было) служит, конечно, социалистическая действительность, новая, советская жизнь и культура, в которую вовлечены все народы Советского Союза. Именно эта действительность, и только она, родила характерное для писателей чувство современности, обогатила творчество их новыми темами и мотивами, вызвала переоценку отношения к прошлому и изменение традиционных художественных форм, внесла — уже с первых шагов — в молодую национальную литературу элементы реализма. Это отнюдь не исключает значения в развитии национальных литератур фольклора, русской (и другой) литературы и — добавим от себя — автобиографического материала. Фольклор играет, конечно, особенно крупную роль в литературе народов, не унаследовавших от прошлого ни письменности, ни литературы. Личная биография писателей вносит в их произведения богатые картины прошлой и настоящей жизни народа, быта, трудовой деятельности и позволяет связать современные темы и мотивы с судьбами героев. Исключительно велико и плодотворно влияние русской литературы. От русской классической литературы писатели народов Сибири восприняли глубокий гуманизм и народность, современная советская литература приобщает их к методу социалистического реализма.

Видимо, размеры работы не позволили автору остановиться на вопросе о первичных формах, рассматриваемой литературы и выяснить роль в этом отношении национальной школы и художественной самостоятельности, раскрыть более конкретно элементы реализма и показать глубоко народный характер этой литературы и пр. По той же причине, вероятно, не дал автор и хорошо ему известной библиографии литературы народов Сибири, совершенно отсутствующей до настоящего времени⁴.

⁴ Изданный в Иркутске библиографический указатель («Сибирские писатели за 30 лет», 1949) содержит несколько случайных записей интересующих нас произведений. Аналогичный хабаровский указатель («Советский Дальний Восток в художественной литературе», 1950) эти произведения совершенно не учел.

Эти замечания не умаляют, конечно, очень ценных работ Коптелова, знакомящих широкого советского читателя с творчеством народов, возрожденных к новой жизни партией Ленина — Сталина.

М. А. Сергеев

Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа, Якутский филиал АН СССР, Якутск, 1950.

Якутский филиал Академии Наук СССР выпустил сборник статей, посвященных теме «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа». Сборник содержит 19 статей по самым различным вопросам взаимоотношений и связей русского и якутского народов.

Советская историческая и этнографическая наука все большее внимание уделяет изучению вопросов прогрессивного влияния великого русского народа на другие народы нашей Родины. Культурные, экономические и политические связи между ними, начиная с самых ранних страниц их истории и кончая сегодняшним днем, глубоко интересуют наших историков и этнографов. Изучение этих вопросов имеет не только теоретический интерес, но и большое политическое значение. В воспитании трудящихся нашей страны в духе советского патриотизма видное место занимает тема дружбы народов Советского Союза. И. В. Сталин неоднократно указывал на дружбу народов нашей страны как на великую творческую силу советского строя. В годы Великой отечественной войны товарищ Сталин писал: «Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания... Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков»¹.

Исторические корни дружбы народов нашей страны уходят в далекое прошлое. Не одну сотню лет насчитывают и взаимоотношения великого русского народа и народностей Севера. Уже в новгородских летописях мы находим свидетельства о связях новгородцев с племенами Европейского Севера. Это общение имело для последних прогрессивное значение. К. Маркс писал: «Новгород в течение более 600 лет был вольным городом... В X веке его торговля распространялась до Константинополя, а в XII в. его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой землей и Онегой были имп несколько цивилизованы и обращены в христианство»².

В XVI—XVII вв. русский народ перешагнул Уральский хребет и вступил в тесное общение с народностями Азиатского Севера, в том числе и с якутами. Влияние русского народа на экономику и культуру народностей Севера имело глубокое прогрессивное значение. История взаимоотношений русского народа с народами Севера резко делится на два периода: 1) до Великой Октябрьской социалистической революции и 2) после Великой Октябрьской социалистической революции. В первый период в условиях царской России народы Севера не имели возможности полностью приобщиться к культуре великого русского народа. Царизм душил всякое проявление национальной культуры, царизм гнал и душил и передовую русскую культуру. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — писал В. И. Ленин. — Есть великорусская культура Пуришкевича, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»³.

Однако и в этих условиях общение народностей Севера с русским крестьянством, с русским трудящимся народом оказывало положительное влияние на всю их культуру. Наконец, проводниками передовой русской культуры в это время выступали русские революционеры, ссылавшиеся царизмом на Север.

После Великой Октябрьской социалистической революции народности Севера получили возможность полностью приобщиться ко всем достижениям культуры русского народа и культуры других народов Советского Союза. Вместе с ними народности Севера под руководством партии Ленина — Сталина успешно строят социалистическое общество. Социалистическое строительство у народов Севера — замечательный пример торжества ленинско-сталинской национальной политики. Только благодаря ей бесписьменные отсталые народности Севера превратились с невиданной быстротой в передовые народности, активно участвующие в жизни нашей Родины.

Рецензируемый сборник содержит статьи, посвященные связям русского народа с якутским народом как в дореволюционный период, так и после Великой Октябрь-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1949, стр. 118.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 156.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

ской социалистической революции. Вводная статья А. И. Новгородова — редактора сборника — посвящена теме «Великий русский народ — старший брат якутского народа». Автор использовал в ней обширный материал и показал на различных исторических этапах основные линии взаимоотношений и связи русского и якутского народов.

Дореволюционное прошлое освещают статьи И. М. Романова «Об истоках дружбы русского и якутского народов», С. В. Бахрушина «Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству», С. А. Токарева «Культурные связи русского и якутского народов до 1917 года», А. А. Избековой «Русские крестьяне — проводники земледельческой культуры среди якутов», А. И. Новгородова «Связи Л. Н. Толстого с Якутией» и Б. М. Белявской «В. Г. Короленко и современная Якутия».

Статья И. М. Романова останавливается на двух вопросах: на значении Якутии как одной из старейших окраин России и на роли политической революционной ссылки в возникновении и укреплении дружбы великого русского и якутского народов. К сожалению, статья носит характер скорее конспекта и не дает развернутого обоснования выдвинутых правильных положений.

Статья покойного члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина, выдающегося знатока истории народов Севера, посвящена XVII в. и содержит материал, дающий освещение непосредственных результатов русской колонизации Якутии в XVII в. Автор показывает, как русское продвижение на Лену и дальше на восток имело исключительное значение в истории ознакомления русской и европейской науки с Азиатским материком. «Если бы не мужество и упорство русских промышленников и служилых людей, громадное пространство земель от Лены до Тихого океана и от Ледовитого океана до Приамурья оставалось бы еще на долгое время так же недоступно для науки, как были закрыты для нее до XIX века истоки Нила в Центральной Африке», — справедливо подчеркивает С. В. Бахрушин (см. 54). Результатом русских географических открытий в Восточной Сибири явилось составление многочисленных карт, завершенных созданием выдающегося труда С. У. Ремезова «Чертежной книги Сибири». Очень любопытны соображения С. В. Бахрушина о времени составления первой карты Сибири, отнесенной А. И. Андреевым к 1628—1629 гг. Исходя из текста «росписи», составленной к карте, С. В. Бахрушин датирует ее временем не ранее 1633 г. Русские открытия в Восточной Сибири в XVII в. имели также выдающееся этнографическое значение. Собраны были многочисленные сведения о народах Северо-Восточной Сибири — якутах, тунгусах, юкагирах, коряках и т. д. В XVII в. русскими людьми начато было и изучение естественных богатств края — открытие соляных источников, поиски железной руды, слюды, драгоценных металлов, ботанических богатств и т. д.

С. В. Бахрушин далее показывает, как в процессе хозяйственного освоения нового края устанавливались культурные и экономические связи русских с якутским народом. Автор правильно подчеркивает в целом мирный характер сожительства «колонистов с коренными хозяевами земли» — русских с якутами, указывая, что «в отличие от западно-европейских колонизаторов русские вообще никогда не истребляли покоренных народов, не порабожали их и не уничтожали их самобытности» (стр. 66). Бесспорно, что первые военные походы сопровождались частичным истреблением коренного населения, однако после покорения правительство становилось на путь защиты ясачного населения. «Какими бы жестокостями порой не сопровождалось царское завоевание, правительство, силой оружия подчинив своей власти якутов, затем само, в какой-то мере, было вынуждено стать на защиту их от произвола своих собственных агентов, из опасения сокращения числа ясачных людей и ущерба ясачному сбору». Что касается самих колонистов, то здесь между ними и якутами устанавливались многообразные хозяйственные и культурные связи. «Характерной чертой русского народа было всегда отсутствие высокомерного презрения и вражды к населению колонизируемых стран, в этом тоже состоит разительная противоположность с западно-европейскими колонизаторами».

Частым явлением были браки между русскими и якутами. В XVII в. якуты делают первые шаги в области земледелия под влиянием русских. Прогрессивное влияние русских на жизнь якутского народа сказалось и в том, что оно содействовало более быстрому искоренению из якутского быта родо-племенных пережитков и ускорило процесс развития феодальных отношений. Начинают складываться в XVII в. и зачатки классовой солидарности между трудящимися массами обоих народов в их борьбе против царизма.

Некоторые положения статьи С. В. Бахрушина более детально развивает статья С. А. Токарева «Культурные связи якутского и русского народов до 1917 года». Автор останавливается на таких вопросах, как упадок рабства, а затем его отмена, ускоренное развитие феодальных отношений и частной земельной собственности, включение Якутии в систему государственных отношений и в систему общероссийских экономических связей, в единый всероссийский рынок. Прогрессивное влияние русского народа сказалось на всей экономике и культуре якутов (проникновение земледелия; введение более усовершенствованной техники в животноводстве, рыболовстве, охоте; изменение форм жилищ и построек; проникновение русской одежды, влияние на народное изобразительное искусство, на якутский язык, литературу

и т. д.). Вместе с тем и Якутия внесла «свой вклад в культурную жизнь народов России» (стр. 84). Якутия играла важную роль в поставке ценного сырья, прежде всего пушнины. Якутия являлась базой для дальнейшего продвижения русских на восток, юго-восток и северо-восток. Крупную роль сыграла Якутия и в научном исследовании всей Северо-Восточной Сибири. Интересная и содержательная статья С. А. Токарева имеет и некоторые недостатки. Следовало бы остановиться и на такой стороне вопроса, как заимствование русскими в Якутии у коренных жителей отдельных явлений в области материального быта (использование якутской одежды, жилища, оружия и т. д.). Это позднее осветило бы тему «Культурные связи якутского и русского народов до 1917 года».

Большой интерес представляет статья А. А. Избековой «Русские крестьяне — проводники земледельческой культуры у якутов». Одновременно с этой статьей в «Ученых записках Якутского государственного педагогического и учительского институтов» (вып. II) появилась другая статья А. А. Избековой на близкую тему — «Русские земледельцы в Якутии во второй половине XIX века». Статьи А. А. Избековой написаны на основе архивного материала и представляют собой первый опыт в советской литературе монографического изучения такой важной темы, как история земледелия в Якутии. В статье в рецензируемом сборнике А. А. Избекова исследует распространение земледелия среди якутов, а также изменения, происходившие в связи с этим в их хозяйстве и быту. Вместе с тем в статье дается и периодизация истории земледелия в Якутии (первая в нашей литературе), заслуживающая большого внимания.

Статья А. И. Новгородова «Связи Л. Н. Толстого с Якутией» сообщает интересный материал по данной теме, но, к сожалению, оставляет совершенно неосвещенным наиболее важный вопрос — влияние творчества Л. Н. Толстого на якутских писателей. «Влияние творчества Л. Н. Толстого на якутских писателей и образ Льва Толстого в якутском фольклоре — это тема специального исследования, поэтому этот вопрос здесь не затрагивается», — оговаривается автор статьи (стр. 204). Мало в этом плане дает и статья Б. М. Белявской «В. Г. Короленко и современная Якутия». Правда, большим достоинством этой статьи является то, что она сообщает интересные данные о неопубликованных рукописях В. Г. Короленко, относящихся к Якутии и хранящихся в архиве В. Г. Короленко в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. К их числу относятся очерк «Изучение края», набросок «Молосым», посвященный тяжелому быту амгинцев, набросок статьи о «Батурусском улусе», неоконченные «Рассказы сибирской сосны», написанные в Амге в 1883 г., «Программа для очерков Якутской области» и очерк без заглавия, начинающийся словами «Тишь, мертвая неподвижность и... давление». Новые материалы свидетельствуют о глубоком интересе В. Г. Короленко к Якутии и якутам и заслуживают специальной публикации.

Значительная группа статей освещает отдельные вопросы темы на всем историческом протяжении связей русского и якутского народов (от XVII в. до наших дней). Таких статей — большинство в сборнике (девять). К сожалению, небольшие размеры статей зачастую не дают авторам возможности детально осветить затронутые вопросы и они сводятся к конспективному изложению. Статья А. Б. Марголина «Ведущая роль русского народа в развитии путей сообщения Якутии» дает историю развития транспортных связей Якутии с другими районами царской России, а затем СССР. Статья В. Н. Чemezова «Роль русских ученых в изучении Якутии» показывает выдающуюся роль, какую сыграла русская наука в изучении Якутии и ее народов начиная с XVII в. Статья М. А. Кротова «Участие местных жителей в географических открытиях и изучении Якутии» как бы дополняет статью В. Н. Чemezова и освещает тот же вопрос (исследование Якутии) с другой стороны. Если ведущую роль в исследовании Якутии имела русская наука, то немалое содействие русским ученым оказали и якуты и русские старожилы Якутии. «На эту роль местных людей в изучении края, кажущуюся второстепенной и незначительной лишь при недостаточно серьезном подходе к вопросу, истории Якутии до сих пор внимания почти не обращали», — справедливо отмечает М. А. Кротов (стр. 145). Автор собрал интересный материал об участии местных жителей в изучении Якутии. Участие это было многообразно — участие в географических открытиях и обследованиях морских островов, находки трупов вымерших животных (мамонтов и носорогов) и открытия месторождений полезных ископаемых, научная работа старожилов и якутской интеллигенции. М. А. Кротов делает правильный вывод о том, что «научные экспедиции по изучению Якутии, которые в разное время снаряжались в Москве и Петербурге, не достигали бы полностью поставленных задач и целей, если бы они не устанавливали тесную связь с местным русским и якутским населением района своей деятельности, не использовали его опыт и знания, не прислушивались к советам стариков и бывалых людей, не привлекали в состав экспедиций местных жителей, которые к концу работ из проводников, переводчиков и подсобных рабочих обычно превращались в верных, преданных друзей, деливших с учеными горе и радости, лишения и невзгоды» (стр. 147). Статья М. А. Кротова касается в основном дореволюционного прошлого. Лишь в конце и очень кратко автор останавливается на советском периоде. И это вполне понятно. В этот период создается многочисленная местная русская и якутская интеллигенция, вырабатываются значительные кадры местных научных работ-

ников, занимающихся серьезными исследованиями в различных областях науки. Показать все это — дело особой, и, может быть, даже не одной статьи.

Статья С. С. Суюлского «Помощь русского народа в развитии народного образования в Якутской АССР» дает материал о братской помощи русского народа в развитии народного образования якутов. Автор показывает развитие школьной сети при царизме (крайне медленное), показывает, как школы в это время служили орудием пропаганды принципов православия и самодержавия. Однако, несмотря на классовую и политическую направленность русской школы в это время, она все же сыграла положительную роль, так как через нее проникали в Якутию и русский язык и русская грамота. Эти положения статьи С. С. Суюлского являются правильными, но, развивая последний тезис, автор допускает некоторые сомнительные утверждения. Так, по мнению С. С. Суюлского, «нельзя за классовым содержанием и направлением работы дореволюционных школ не видеть демократические и прогрессивные идеи русской педагогической науки» (стр. 158). Автор делает этот вывод на том основании, что прогрессивная, демократическая педагогическая мысль (Ушинский, Пирогов, Водовозов, Бунаков и др.) и великие революционные демократы — Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов — своей могучей пропагандой за просвещение народа «будили общественную мысль и добивались того, что царское правительство вынуждено было пойти на некоторое расширение школ», в том числе и на окраинах. Все это так, но ведь сама система преподавания в школах преследовала определенные политические и классовые цели, как отмечает и сам С. С. Суюлский и очень далека была от «демократических и прогрессивных идей русской педагогической науки» и передовой русской общественной мысли. Подлинно народное образование осуществилось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Якутский народ получил право учиться на своем родном языке. Автор статьи справедливо подчеркивает, что «громдное значение коренизации преподавания основ наук в якутских школах выступает особенно выпукло и рельефно, если вспомнить, что в «просвещенной» Америке и «цивилизованной» Европе последовательно и методически проводится политика расовой дискриминации, когда тысячи, сотни тысяч и миллионы детей цветных (негров и других туземцев) остаются вне школы только из-за того, что они не белые» (стр. 159). Громдное значение имело создание якутской письменности. Если до революции в Якутии грамотность едва достигала 2%, то теперь на основе светской системы народного образования развернулось массовое просвещение народа. В 1948 г. работали 603 школы, в которых обучалось около 65 тыс. юношей и девушек. В Якутской АССР осуществлено всеобщее обязательное начальное обучение повсеместно и семилетнее обучение в городах и поселках.

Интересный материал дает статья В. С. Семенова «Русские врачи в Якутии». Царизм не заботился о здоровье «инородцев» Якутии. К 1897 г. в Якутской области насчитывалось всего 9 больниц на 161 койку, 11 врачей и 37 фельдшеров; один врач приходился на 12 822 жителя и 161 тыс. км² территории. В таких условиях немногочисленная группа медицинских работников, естественно, не могла справиться со всеми задачами здравоохранения. Тем не менее эта небольшая горстка самоотверженно трудилась, и большинство русских врачей, работавших в Якутии в дореволюционный период, оставили о себе добрую память. В. С. Семенов сообщает ценный материал о деятельности таких врачей, как Реслейн, Бриллиантов, Г. И. Попов, Мышкин, Н. А. Попов и др. Наконец, большую работу проводили представители «неофициальной медицины» — десятки врачей и фельдшеров из числа политических ссыльных. К числу их принадлежали и С. И. Мицкевич, один из первых марксистов в России, и Серго Орджоникидзе, которого «как чуткого, гуманного врача и друга якутов и трудящихся крестьян до сих пор хорошо помнят жители Орджоникидзевского района» (стр. 172—173). В корне изменилось положение с медицинским обслуживанием после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1948 г. бюджет здравоохранения выражался в цифре — 98 284 тыс. руб., т. е. более чем в 700 раз больше, чем в 1911 г.

Вопросы языка и литературы освещены в статьях Г. М. Васильева «О благотворном влиянии русской литературы на развитие якутской литературы», Г. П. Башарина «Отражение прогрессивной роли русского народа в трудах Л. Е. Кулаковского» и Л. Н. Харитонов «О влиянии русского языка на якутский язык».

Якутский язык и литература испытали могучее благотворное влияние русского языка и русской литературы. В связи с новой культурой (материальной и духовной), принесенной русским народом в Якутию, русские слова стали проникать в якутский язык еще с XVII в. А в конце XIX в. Кулаковский насчитывал в якутском разговорном языке 2400 коренных слов русского происхождения. Большое влияние испытал и якутский фольклор. Наконец, якутская письменная литература «обязана благотворному культурному влиянию русского народа как самым фактом возникновения, так и всем своим дальнейшим развитием» (стр. 181). Первыми создателями письменности на якутском языке были русские миссионеры и русские ученые: Г. Я. Попов, Д. Хитров, акад. О. Бётлингк. Творчество первых якутских писателей — А. Кулаковского, А. Софронова и Н. Неустроева — развивалось под сильнейшим влиянием русской классической литературы. На современную якутскую литературу благотворное влияние оказали М. Горький, В. Маяковский.

Вопросы искусства освещены в статьях М. Н. Жиркова «Прогрессивное влияние русского народа на развитие музыкальной культуры якутского народа» и М. М. Носова «Развитие якутского изобразительного искусства под благотворным воздействием русского классического искусства». Статьи содержат большой и интересный материал как по дореволюционному периоду, так и по советскому времени.

Вопросам советского периода посвящены статьи С. А. Бутаева «Советская Якутия — составная часть Российской Федерации» и Г. М. Чудакова «Помощь русского народа в индустриализации Советской Якутии». В этих статьях дана общая характеристика социалистического строительства в Якутии и показаны глубокие изменения во всем народном хозяйстве, происшедшие в условиях советской власти. Находясь в составе Российской Федерации, Якутская республика достигла выдающихся успехов во всех областях хозяйства и культуры. В статьях показаны рост промышленности, возникновение новых отраслей промышленности, рост городов и городского населения, развитие сельского хозяйства, коллективизация и другие крупнейшие социально-экономические изменения. Следует, однако, отметить, что статей о советском периоде в сборнике недостаточно. Правда, во многих статьях, отмеченных выше, наряду с дореволюционным прошлым в отдельных областях хозяйства и культуры показаны и соответствующие изменения в советских условиях. Однако следовало дать и специальные статьи по отдельным вопросам социалистического строительства в современной Якутии. Такая тема, как коллективизация в Якутии и помощь в этом русского народа, оказалась лишь слегка затронутой в статье С. А. Бутаева. Такая же тема, как быт колхозного крестьянства в Якутии, влияние на этот быт русской культуры, оказалась совершенно не представленной в сборнике. Недостаточное отражение в сборнике получила и современная якутская литература и ее связь с русской литературой.

Возможно, что все эти недочеты будут устранены в последующем выпуске. На титульном листе сборника стоит надпись «выпуск I». Хотелось пожелать, чтобы за выпуском I последовал «выпуск II», в котором многие темы, не нашедшие освещения в первом выпуске или недостаточно в нем освещенные, были бы представлены специальными статьями.

Якутский филиал Академии Наук СССР сделал нужное дело, выпустив книгу на очень важную и актуальную тему. Книга эта с интересом будет прочитана как специалистом, так и массовым читателем.

Н. Н. Степанов

Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков*, Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия, т. IX.

Исследование вопроса о родо-племенной структуре одного из народов, история которых с древнейших времен вплоть до XVIII в. представляла собой непрерывный процесс объединения и распада племенных союзов, возвышавшихся и теряющих свое могущество под влиянием сложных и взаимодействующих экономических и политических факторов, требует не только привлечения огромного фактического материала, но и разработки специальных методов исследования.

В соответствии с основными задачами исследования — описания родо-племенной системы каракалпаков с характеристикой основных данных о численности родов и их расселении в низовьях Аму-Дарьи, историко-этнографического анализа и сравнения структуры каракалпакских родов с родовой структурой других тюркских народов для выяснения основных пластов этногенеза каракалпаков и истории передвижения различных групп каракалпаков до и после их поселения в Хорезме — работа Т. А. Жданко состоит из следующих разделов и глав: введения, затем весьма содержательного и большого по объему обзора литературы и источников, связанных с историей каракалпаков; первой главы «Родо-племенная система каракалпаков Хорезма в конце XIX и в начале XX в.»; второй главы — «Родо-племенная система каракалпаков как источник для изучения их социального строя»; третьей главы — «К истории расселения каракалпаков в дельте Аму-Дарьи» и большого количества приложений, из которых особо следует отметить тщательно выполненные карты, таблицы и планы, прекрасно иллюстрирующие все разделы книги.

Исследование о формировании родовой структуры каракалпаков в конкретный, исторический период значительно шире рамок формирования и консолидации каракалпакской народности, а поэтому является весьма интересным не только для историка Каракалпакии, но и для историков и этнографов других народов Средней Азии. Вместе с тем материалы, привлеченные для данного исследования, определяют в полной мере и историческую перспективу развития каракалпакского народа и являются ключом для понимания процесса формирования хозяйственного уклада, культуры и искусства каракалпаков.

Работа Т. А. Жданко является по существу первым опытом изучения этого вопроса, и выполнение ее, а также все приложения к ней поражают исключительной

трудоспособностью автора и обнаруживают определенную школу, хорошо поставленный метод собирания материала во время полевых работ и умение критически пользоваться разнообразнейшими для историка и этнографа источниками и специальной литературой.

Используя в полной мере труды предыдущих исследователей, автор вместе с тем вносит новые данные, относящиеся к истории каракалпаков. В обстоятельном вступительном обзоре литературы и источников он открывает новые материалы по истории каракалпаков, относящиеся к периоду после 1873 г. и советскому периоду. Тщательно и критически прослеживая все источники и литературу, относящуюся к истории каракалпаков с XVI в. до наших дней, автор отмечает большие успехи русской науки, но вместе с тем учитывает в значительной мере и труды западноевропейских исследователей. Большим достоинством работы является привлечение автором архивных материалов, самостоятельно исследованных ею в архивах Ташкента и Турткуля, а также эффективное использование полевых записей, дающих обширные сведения по истории возникновения, формирования и взаимоотношения родовых подразделений, родов и племен.

В первой главе, в описании родо-племенной системы каракалпаков, сложившейся к концу XIX в., в перечне каракалпакских племен, родов и родовых подразделений, кроме номенклатуры родов, известных по предыдущим исследованиям, автор на основе полевых записей значительно расширяет перечень родов новыми названиями, а главным образом уточняет структуру взаимоотношений отдельных родов между собой и на основании многочисленных наблюдений устанавливает закономерности членения родов и соединения их в более крупные родовые объединения и племена. Таким образом, представленная Т. А. Жданко схема каракалпакской родовой структуры является наиболее полной и совершенной. Большой интерес представляет изложенный в первой главе материал по экзогамии и связи ее с родо-племенной системой, представляющей собой объективный критерий для установления родовых связей и взаимоотношений родов между собой.

Наиболее интересной и содержательной является вторая глава работы, где дается теоретическое обоснование системы каракалпакских родов и ее историко-этнографический анализ в сравнительно-историческом сопоставлении с системой родов других тюркских народов, этнически и исторически близких к каракалпакам. Весьма убедительной и вероятной является гипотеза автора о двудольном (дуальном) членении каракалпакских родов, удачно аргументированная параллелями из материалов по родовому строю других народов. Впервые разработана и приведена в систему номенклатура родственных и свойственных отношений между представителями различных родов, вступающих в брачные отношения. Правильно поставлен вопрос об общем происхождении некоторых каракалпакских родов с аналогичными монгольскими родами и привлечен соответствующий материал по родовому строю монголов. На верном пути стоит автор также и в разрешении вопросов этимологии названий некоторых родов, в частности, правильно соотнесены названия родов «Конграт» и монг. «Онгирад», весьма вероятно также и этимология названия «Он-тёрт-уру», которое анализируется не как «14 родов», а как «Правые 4 рода».

С большим умением и критически использованы в этой главе всевозможные материалы по родовому строю, представляющие собой сочетание исторических сведений с различными легендами и сообщениями информаторов, в котором первые, занимая ведущую роль, удачно иллюстрируются и подтверждаются этнографическими материалами. Это критическое отношение к историческим источникам и правильное использование этнографического материала, собранного автором в современную нам эпоху, но примененного к фактам и событиям, относящимся к прошлому, позволяют нам видеть в авторе внимательного исследователя, историка-этнографа новой, советской школы.

Излагая в III главе своей работы краткий очерк истории каракалпаков и их расселения в дельте Аму-Дарьи с XVI в. до русского завоевания 1873 г., автор заново перерабатывает на основе собранных ею лично материалов в архивах Ташкента и Турткуля последний раздел главы «Расселение каракалпаков в Аму-Дарьинском отделе в колониальный период». Он является совершенно самостоятельной работой автора, по-новому и на основании новых, впервые привлеченных исторических документов и сведений освещает этот последний период истории каракалпаков, предшествующий Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей народы царской России от гнета и колониальной зависимости. Ограниченный задачами основной темы, этот очерк последнего предреволюционного периода в истории каракалпаков носит конспективный характер, хотя по материалу видно, что автор мог бы развернуть эту часть работы в самостоятельное исследование.

Избрав предметом своего изучения другую, более широкую тему, Т. А. Жданко использовала собранный ею исторический материал только в качестве вспомогательного, соединив, таким образом, по существу хотя и весьма близкие друг к другу, но две темы, а именно: «Родо-племенную структуру каракалпаков», с одной стороны, и «Исторический очерк каракалпаков», — с другой, из которых каждая требует своей специфики и различного по своему объему и диапазону охвата соответствующего материала. В этом, как нам представляется, заключается и некоторый недостаток работы. Огромный материал, собранный автором и по каракалпакским родам

и по истории каракалпаков, явился причиной некоторой разбросанности в рассмотрении различных по методике исследования и источникам вопросов исторического процесса в то время, как основной вопрос данного исследования требовал большей сосредоточенности вокруг проблемы родовой структуры каракалпаков и других тюркских народов, близких к каракалпакам по своему происхождению.

Исходя из системы родов, сложившейся к концу XIX в., было бы необходимо дать не только анализ их в плане синхронии, но также и диахронии их образования, т. е. проследить, по возможности, весь исторический процесс сложения и формирования этой структуры, а следовательно, вовлечь в сферу своего исследования не только историю каракалпаков, но и материалы по родовой системе всех восточных и западных тюркских народов, прямо или косвенно участвовавших в исторической жизни каракалпаков. В исследовании же дана собственно только родо-племенная структура каракалпаков, сложившаяся к концу XIX в., что же касается исторического процесса ее формирования, то последний представлен в ином методологическом плане и в суженном диапазоне изложения только политической истории каракалпаков.

Впрочем, если можно было согласиться с автором и дать только статическое описание системы каракалпакских родов конца XIX в., как это и выполнено в данном исследовании, то и в этом случае возникают некоторые возражения в отношении содержания некоторых ее разделов. Так, на наш взгляд, было бы необходимо несколько расширить сведения, относящиеся к изучению экономики, социальных отношений и хозяйственного уклада в связи с пережитками общинно-родового строя. В работе слабо освещены вопросы землеустройства и землепользования, а в связи с этим экономические функции биев, аталыков и пр. Исключительно важное значение в экономике каракалпаков имели и имеют в настоящее время вопросы водопользования и сооружения ирригационной сети, которые также в должной степени не освещены в работе, в то время как институт мирабов безусловно играл не последнюю роль в системе социально-экономических отношений и в родовой классовой борьбе каракалпаков XIX и начала XX в. Отсутствуют в работе сведения об институте родовых судей, о межродовых общинах «кауим», представляющих собой религиозно-мусульманские приходы, т. е. группы населения, относящиеся к одной мечети, об отношениях между родовой верхушкой и мусульманским духовенством и пр.

За счет сокращения исторического очерка, который в данном исследовании можно было бы дать в более схематическом виде, тем более, что он составляет особую тему, объединяющую и синтезирующую все исторические исследования, связанные с каракалпаками, необходимо бы расширить материал, относящийся к родовой структуре других народов, исторически связанных в той или иной мере с каракалпаками. В первую очередь должны быть привлечены материалы по западным тюркским народам, сведения о родо-племенном составе которых в той или иной мере отражены в исторических источниках, а для более поздних народов — в этнографических исследованиях. Начиная с западных хунну, хазаров, печенегов и кончая ногайцами, узбеками, туркменами и пр., а также монголами, сыгравшими большую роль в формировании некоторых родов и племен, все эти народы в той или иной степени оставили в исторических памятниках, а современные народы и в живом быту, следы о составе родов и сведения о родовой структуре, которые должны быть учтены при изучении каждого из народов, а в особенности в исследованиях по родо-племенному их составу. Сведения о составе родов должны быть привлечены и по восточным тюркам: восточным хунну и другим народам Центральной Азии древнего периода, ту-кю, якутам, хакасам, шорцам, алтайцам, киргизам и прочим племенам.

В исследовании Т. А. Жданко имеются сопоставления отдельных родовых названий с родовыми названиями других народов, например, на стр. 122 «Ашамайлы-саху» сопоставляются с племенным названием якутов; на стр. 171, род Тели (племя мюйтен) сопоставляется с Теле (древних тюрков), на стр. 112 проводится сопоставление названий половешских и каракалпакских родов; на стр. 105 сопоставление родового названия каракалпаков «Ябы» с племенным названием «ябгу», которое упоминается Махмудом Кашгарским в связи с другими племенами тюркских народов, но эти сравнения и сопоставления проведены не в полном объеме и не подкреплены достаточной аргументацией, так как привлечены изолированно от общей системы родов. Таким образом, эта задача анализа названий каракалпакских родов и сопоставления их с аналогичными названиями народов древности и средних веков хотя и была поставлена и сформулирована автором, но не выполнена по конца в данной работе. Не использован в работе также и героический эпос каракалпаков и смежных народов: узбеков, казахов, ногайцев и пр., который, уступая в достоверности историческим сведениям и описаниям путешественников-очевидцев, имеет не меньшее, а может быть и большее значение, чем рассказы современных информаторов о делах давно минувших дней.

Сделан несколько поспешный вывод на стр. 42 о возникновении родов «Казаяк-лы» и «Кайшылы» только 275 лет назад. Названия этих родов существуют также у ногайцев и являются, повидимому, более древними.

Все отмеченные выше возражения и замечания по отдельным пунктам работы, конечно, ни в какой степени не снижают общего, безусловно положительного впечатления об этом прекрасном исследовании, которое следует признать весьма ценным, актуальным и необходимым не только для историков и этнографов, но и для

филологов. Еще раз хочется отметить ту огромную полевую и кабинетную работу, которую провела Т. А. Жданко, и те прекрасные результаты, которых она достигла в данной, весьма интересной книге.

Н. А. Баскаков

Азербайджанские сказки. Составитель Алихман Ахундов, редактор Олег Эрберг, художественное оформление М. Власова. Издание Академии Наук Азербайджанской ССР, Баку, 1950.

СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА по фольклору в Азербайджанской ССР достигла в советское время большого подъема. Одних только сказок собрано 1200 и издано 11 сборников их на азербайджанском и русском языках, общим объемом в 200 печатных листов. Роскошное издание сказок, выпущенное Институтом литературы имени Низами к декаде азербайджанской литературы в 1950 г., представляет в основном тексты, отобранные из прежде изданных сборников.

Из 32 сказок рецензируемого издания большинство записано в советское время; из них 13 сказок записаны самим составителем А. Ахундовым (1939—1947 гг.), 11 сказок — местными собирателями, для трех текстов собиратели не указаны. Кроме того, в сборник включены шесть сказок в записях дореволюционного времени, перепечатанных из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1886, 1899 и 1909 гг.). Сборник «Азербайджанские сказки» снабжен предисловием Ахундова, довольно содержательным, но чрезмерно сжатым и несколько декларативным.

Подбор сказок в сборнике удачен: он дает представление о демократических тенденциях азербайджанского фольклора, о патриотизме, о мечте, о будущем трудового народа (о чем говорится и в предисловии). Можно лишь возразить против непропорционального соотношения в сборнике волшебных сказок и «реально-бытовых», по терминологии составителя. Волшебные сказки составляют основную часть книги; сказки бытовые, обычно небольшие по размеру, занимают сравнительно незначительное место. Это не соответствует действительной картине бытования обеих групп сказок в народе, о которой говорит и автор предисловия: «В азербайджанском фольклоре особенно много реально-бытовых сказок... Эти сказки отражают общественно-бытовые отношения и классовые противоречия; борьба эксплуатируемых против эксплуататоров занимает тут основное место» (стр. 6).

А. Ахундов высказывает мысль о том, что только «реально-бытовые сказки» отображают «общественно-исторические события» и «общественно-бытовые отношения» (стр. 7). Эта мысль неверна. Видимо, сам Ахундов чувствует ее ложность, потому что на следующей же странице пишет: «За фантастическими событиями в волшебных сказках нетрудно видеть насыщенную борьбой реальную жизнь далекого прошлого азербайджанского народа» (стр. 8). А на стр. 5 автор, говоря об азербайджанских сказках вообще, отмечает, что в них отражена «его (народа) борьба против своих феодалов, всевозможных эксплуататоров и иноземных завоевателей». Возможно, противоречие обусловлено неточностью формулировки в первом случае.

Несомненно, фантастические сказки (кстати, что значит деление их Ахундовым на просто «волшебные» и «мифологические»?) так же демократичны, как и все народное творчество Азербайджана. Герои их, на что указывает и автор, — батраки, пастухи; любимые сказочные богатыри — также выходцы из народа. Герой сказки борется за народные интересы против жестоких и глупых шахов и их приближенных и всегда выходит победителем. Отношение к знати в сказках не только резко враждебное, но пренебрежительно-насмешливое. «И с таким умом ты царствуешь?», — спрашивает шаха бедняк Мамед. Позвавший во дворец носильщик Ахмед не хочет идти туда: «Я и падишах — что общего между нами?» Мастер Абдулла, строитель дворца, заставляет падишаха, везира и казначея, пожелавших в его отсутствие завладеть его красавицей-женой, заняться различными мастерством в подвале его дома, куда они попали один за другим: падишах бьет шерсть, везир шьет папахи, казначей — крестьянские башмаки. Абдулла насмешливо говорит им в ответ на предложение выкупа: «Я вознагражден тем, что приучил вас к работе» (стр. 374). Богатырь Кел-Гасан является во дворец к шаху нарочно в «лучшей одежде» — запла- танном крестьянском платье, а, победив на войне угрожавших стране врагов, отказывается стать шахом сам. В другой сказке сын бедняка, затем раб Мамед становится падишахом, но он ставит на государственные должности своих товарищей, а предводителя их делает везиром. Наиболее яркая сказка сборника (идущая первой) о Нушадери-Ханум говорит о борьбе дочери шаха, узнавшей о страданиях народа, против сборщика податей и своего жестокого отца (это, возможно, отзыв воспоминаний о введенной в XIII в. откупной системе взимания податей, особенно тяжело ложившейся на население). Не менее определенно и отрицательное отношение в сказках к духовенству и чиновничеству.

Автор утверждает, что господствующие классы в своих целях и интересах перерабатывали сказки. «На протяжении веков господствующие классы старались использовать народные сказки и сделать их своим идейным оружием. В определенные периоды представители этих классов, приспособлявая ту или иную сказку к своим классовым интересам, искажали ее первоначальное идейное содержание» (стр. 13). В сборнике, разумеется, таких сказок нет. Следы воздействия идеологии господствовавших классов можно предполагать только в отношении нескольких сказок: о верном приказчике («Сказка про Салеха и Валеха»), о верном слуге или рабе («Мелик-Мамед и Мелик-Ахмед», «Ильяс»), в эпизодах, положительно оценивающих многоженство, покорность женщины в семье мужа и т. п. Но, во-первых, подобные мотивы и в этих сказках не составляют сути содержания, а во-вторых, таких сказок в народном творчестве очень мало; большинство же — диаметрально противоположно по установке.

В предисловии приведена чрезвычайно плодотворная мысль А. М. Горького о том, что в фантастических образах фольклора сказалась мечта народа о творческом преодолении в труде сил природы, о техническом прогрессе, причем во многом эти образы предвосхищают последующие достижения техники. А. Ахундов дает известную цитату из А. М. Горького о чудесах и диковинках волшебной сказки и говорит несколько общих слов по этому поводу. Конкретного материала сказок данного сборника он не привлекает; между тем такого материала, подтверждающего мысль Горького, в текстах сборника достаточно: такова, например, в сказке «Мелик-Мамед» птица Зумруд — воплощение мечты о покорении человеком воздуха; в сказке о Хамеде героя переносит див, «ежедневно они пролетали месячный путь» (стр. 217); в другой сказке герой также «полетел как птица» при помощи духа, освобожденного из плода граната; в одной из сказок фигурирует «золотой сундук — самоход» (стр. 347) и т. д.

Сказки Азербайджана принадлежат народу с высокой древней культурой, прошедшему длинный и сложный путь исторического развития. Историческое прошлое Азербайджана отражено в сказках: в них есть и прямые упоминания об исторических личностях и воспоминания о караванной и морской торговле с Индией, Китаем и «франтами» (общее название европейцев); о старинном вооружении — мечах, луках и арканах; о «шахской облавной охоте» и о многом другом.

В сказках на первом плане встает богатый торгово-ремесленный город средневековья, окруженный крепостными стенами, с пригородными замками феодалов (нередко феодалов замещают чудовища-дивы), с чудесно изукрашенными величественными дворцами, архитектурой которых славился Азербайджан еще в XII в. В сказках эти дворцы отделаны яшмой, «со стенами, выложенными золотыми и серебряными кирпичами» (стр. 222); их залы украшены прекрасными изделиями искусных мастеров-ремесленников — коврами, ювелирными диковинками, напоены благоуханиями; сады с прохладными водоемами полны роз. В эту обстановку помещены в сказках жестокая феодальная знать, волшебные персонажи: пери и дивы, вонзитель — выходец из народа, девушка-пленница. Как в калейдоскопе, проходят в сказках также городские базары с торговыми рядами, караван-сарай, мастерские ремесленников, бани. Здесь действуют другие люди: жадный базарный староста, избивающий пришедшего в город бедняка-пастуха, который мстит ему; затем; вдова, продающая на базаре спряженные ею нити из хлопкового волокна, — в день она зарабатывает «грош» и на это покупает себе и сыну хлеба и луку; бесчинная шахская стража, купцы и погонщики караванов — чужеземцы, рабы и т. д. Большое место в сказках отведено караванной торговле. Подробности в сказках, касающиеся организации караванов и способов перевозки товаров, отличаются конкретностью: мы видим здесь старшину каравана и купцов-«компаньонов», едущих из года в год «в одном караване», их приказчиков, погонщиков, отряд всадников, высланный шахом навстречу каравану для его охраны; выюки с товарами и выючных животных — мулов и верблюдов, на которых продельывают «спеша... месячный путь за две недели»; привалы у родника в пустыне и ночлеги в караван-сараях. Все это дает яркую картину из прошлого Азербайджана, еще в VIII—X вв. связанного оживленными торговыми путями со странами Переднего Востока и Восточной Европы. Реже встречается в сказках упоминание о морской торговле: о «купческом корабле», о сундуке с товарами, носящемся по морю, о похищении героя в подводном царстве у «дочери повелителя морей».

В сказках дается жизнь оседлого населения в городах и сельскохозяйственных селениях (еще сохраняющего многие пережитки прежнего кочевого быта), а также жизнь скотоводов и кочевых в прошлом племен Азербайджана. Так, в сказке о Хатэме одно из действующих лиц женится на «дочери кочевника»; к кочевникам же он попадает для сбора масла, сыра и шерсти, когда те отправляются на летние пастбища (стр. 254); в сказке о пастухе Бахтияре он продает свой «сон» за стадо овец, палатку, сторожевую собаку и осла, — т. е. за все, что нужно скотоводу, и шах «в той стране» — также владелец стад рогатого скота, верблюдов, коней и овец. Описаны в сказках и дорожная еда скотоводов: сухой сыр, масло, овечье молоко в палатке пастуха, который угостит им гостя-пришельца, обмакивающего в это молоко принесенный с собой «просяной хлеб» (стр. 171).

С жарким сухим климатом некоторых местностей Азербайджана связана тема

страданий людей от недостатка воды и от палящего солнца в пустыне («Носильщик Ахмед», «Мамед»), а может быть, и сохранение древнего мотива о драконе, превратившем реку, почему население города «умирает от жажды» (стр. 79 и др.). В других же сказках описывается жизнь земледельцев плодородных районов, пашущих на быках сохой; огородников, выращивающих такие чудесные плоды, что им завидует даже хан («Желтая дыня»).

«Сказки», помещенные в сборнике, отличаются, как и вообще фольклор Азербайджана, композиционной сложностью и совершенством стиля. Для сказок сборника характерны искусное сплетение нескольких нитей фабулы и непрерывность действия. Сказочник начинает со старинной присказки, нередко социально заостренной, например: «Так потихоньку сказку начнем... богатому опротивел плов, а бедняк не находит себе и похлебки» (стр. 89); и дальше о мулле, который «ехал покушать даром на поминках» и увяз со своим ослом в овраге, где он оказывается и в концовке сказки. Затем сказочник ведет рассказ об одном из своих героев, прерывает его в устойчивых формулах: «Теперь послушай...», «Пусть пока (герой делает то-то и то-то)...», переходит к другому герою, к третьему, вновь возвращается к прерванному рассказу, соединяет их всех вместе. В сказке о Нушапери-Ханум длинный рассказ, введенный в повествование, прерывается на ночь и возобновляется на следующий день.

Устойчивая поэтическая традиция жанра сказок видна в обилии поэтических приемов и образов, повторяемых в разных текстах. Таково число «сорок» при всевозможных численных определениях (караван — из сорока купцов, у чудесной кобылицы — сорок жеребят, на крыльях птицы Зумруд в полете — сорок бурдюков воды и сорок воловьих туш и т. п.); красота девушки так ослепительна, что она как бы говорит: «О, солнце, ты не восходи,—я сегодня взойшла!» (стр. 423); любовь героев такой силы, точно у них в груди «не одно, а тысяча сердец» и т. п.

Азербайджанский народ с глубокой древности был приобщен к письменной культуре. А. Ахундов справедливо указывает на тесную связь устного народного творчества с литературой на протяжении ряда веков: «Между азербайджанским фольклором и письменной литературой всегда существовали взаимосвязь и взаимное воздействие» (стр. 13). А. Ахундов приводит примеры использования образов фольклора рядом поэтов.

Перевод сказок сделан художественно. При сравнении записей советских собирателей, в особенности записей самого А. Ахундова, с дореволюционными записями, обращает внимание несравненно лучшее качество перевода первых и отсутствие в них литературной обработки, довольно сильно сказывающейся в старых записях (например, в сказке «Шах Исмаил» и еще более явно в сказке «Хаджи Али», этот текст, подвергнутый собирателем искажению и с идейной и со стилистической стороны, не следовало бы помещать в книге, в остальном полноценной).

Отдельные шероховатости перевода текстов и языка примечаний могли бы быть легко устранены редактором издания. В тексте иногда встречаются отдельные неправомерности в отношении литературного языка: «он сильно раздосадовал» в смысле «был раздосадован» (стр. 452). Непонятно, что означает определение «ученые и литературоведы», — почему нужно исключать «литературоведов» из более общего понятия «ученых»? Впрочем, таких стилистических погрешностей немного.

Примечания к текстам сказок, помещенные в конце книги, составлены довольно полно и с соблюдением общепринятых правил паспортизации текстов; однако имеются некоторые пробелы: для четырех сказок, записанных Ахундовым, не указана дата записи; в трех сказках не указан собиратель; нигде не отмечен возраст сказочника. Только для отдельных текстов указаны варианты, опубликованные в других изданиях или хранящиеся в научных архивах; лучше бы поэтому не давать и на них ссылки, так как это дезориентирует в отношении подлинного бытования той или иной сказки. Пользование примечаниями и вообще книгой с научной целью затрудняется отсутствием сквозной нумерации текстов сказок.

Словарные пояснения к сборнику касаются в основном мифологических образов, героев литературных произведений или исторических деятелей; этнографических терминов почти нет.

Сборник художественно оформлен. Издание стилизовано под старинные азербайджанские книги. Книга большого формата, в тисненном под кожу переплете, с суперобложкой, полихромными форзацами и титулом, подвешенными золотом. Каждая сказка снабжена фигурной заставной буквой и концовкой, наверху страницы — узорная линейка; для всего этого использован национальный орнамент. Содержание тиснения на переплете и рисунков на форзацах связано с богатыми традициями азербайджанского изобразительного искусства: бой витязя с драконом, охота на газелей, прекрасные девушки, райские птицы, цветы — розы и тюльпаны. Четыре иллюстрации-вклейки относятся уже непосредственно к сказкам сборника. Две из них изображают поединки витязей: Нушапери-Ханум со своим отцом и богатыря Кел-Гасана, бросающего на землю противника вместе с конем; третья — полет Бахтияра на крылатой кобылице над горными хребтами, четвертая — посещение героем дворца нери. Иллюстрации воспроизводят в манере старинной живописи традиционное вооружение (кольчуги, шлемы, мечи), национальные костюмы: на мужчинах — высокие бараньи шапки, украшенные пером и аграфом, широкий пояс, стягивающий одежду с длинными прорезными рукавами; на женщине — одежды из легкой посто-

сатой ткани, серьги-подвески, соединяющиеся под подбородком, и пр.; в обстановке опочивальни — тахта, курильница, кувшин с узким горлом. Иллюстрации оживляют образы сказок, воссоздают национальный колорит. Оформление книги как бы вводит в красочный сказочный мир. Жаль только, что нет ни одной иллюстрации, рисующей быт крестьян и ремесленников.

В целом новая книга азербайджанских сказок на русском языке должна быть оценена положительно. Эту хорошо оформленную книгу, содержащую образцы богатого азербайджанского народного искусства, читатель прочтает с большим интересом.

Р. С. Линец

НАРОДЫ АФРИКИ

Gunter Wagner, *The Bantu of North Kavirondo*, vol. 1, London, 1949.

Рецензируемая книга является итогом полевых исследований, проведенных автором в 1934—1938 гг. по заданию Международного Африканского института. Это — первый том монографии о племенах банту северного Кавирондо.

Северное Кавирондо представляет для этнографа большой интерес со многих точек зрения. Это небольшой район в 6700 км² с населением — 354 000 человек — по данным 1937 г., обладающий богатыми почвами и хорошими пастбищами. Средняя плотность населения — 56 человек на 1 км², наибольшая плотность — 455 человек. Территории с подобной плотностью населения в Африке встречаются редко.

Основную массу населения — 312 000 человек — составляют племена банту. В литературе их называют банту Кавирондо, по названию области, в которой они живут. Сами себя они так не называют, общее имя еще не выработалось. Они живут в окружении нилотских племен джалуо, нанди и масаи. Часть нилотов (11 000 джалуо, 3475 нанди и 1200 масаи) живут в Северном Кавирондо среди банту, с которыми они, как сообщает автор книги, пережились и постепенно ассимилируются.

До установления английской колониальной администрации банту Кавирондо, как утверждает автор, были «политически слабо организованы» (стр. 20), каждый род был более или менее «суверенным». Английские власти образовали 22 «племени» численностью (по данным 1937 г.) от 4859 человек (какалелва) до 30 787 человек (буньоре), поставив во главе каждого племенного вождя. Племя ванга оказалось наиболее лояльным по отношению к английским властям. Его вождя они объявили верховным вождем всех банту Кавирондо, а его приближенных поставили во главе некоторых, очевидно менее покорных, племен.

Образованные таким образом племена были названы по занимаемой ими местности. Поэтому существующие наименования племен банту Кавирондо не являются собственными названиями племен. И больше того, эти искусственные образования вообще являются не племенами, а только лишь частями племен. Например, вугусу оказались поделенными на три «племени» с разными названиями; какамега, исуха и мараголи также оказываются лишь частями племени логоли. Так была создана множественность племен банту Кавирондо.

Большая плотность населения при отсталой сельскохозяйственной технике и примитивной системе земледелия вызвали аграрное перенаселение района. Добрая половина взрослых мужчин всегда находится на заработках. Часть их работает в этом же районе на золотых копях Какамега, другая, большая, часть уходит на заработки за пределы района. Классовая дифференциация достигла уже значительных размеров. Имеются крупные мансовые фермы, обрабатываемые наемным трудом. Выделилась прослойка мелких торговцев. Автор сообщает, что в 1937 г. их имелось около 200; некоторая часть их являлась комиссионерами крупных индийских купцов.

Все это несовместимо с существованием племенной организации, и она искусственно поддерживается английскими властями как вспомогательный административный аппарат. Автор, в отличие от других подобных монографий, обошел вопрос о структуре племени, о вождях племен, их статусе и прерогативах. Он описывает семью и род. Племя в его описании исчезло, лишь во вводной части он сообщает изложенные выше факты искусственного образования племен английскими властями. Очевидно, то, что продолжают называть племенем, уже не укладывается в традиционное этнографическое представление о племени.

Автор обошел и все вопросы материальной культуры, из предисловия не видно, что они будут освещены во втором томе монографии. Книга состоит из четырех частей. Первая, вводная, часть дает общую и крайне сжатую характеристику природных условий Северного Кавирондо и этнического состава его населения. Вторая, также очень маленькая, часть (50 страниц) посвящена описанию семьи и рода. Третья часть (200 страниц) излагает старые, уже уходящие в прошлое религиозно-магические воззрения банту. И, наконец, четвертая, самая большая часть (210 страниц) дает описание обычаев, связанных с рождением, инициациями, свадьбой и погребением. Все это описано очень подробно с массой деталей, которые при описании брачных обычаев принимают порнографический характер.

Общей картины жизни банту Кавирондо книга, следовательно, не дает. Жизнь банту Кавирондо по ней изучать нельзя. Для этнографа, интересующегося народными обычаями и суевериями, она может представить известный интерес.

И. Потехин

АМЕРИКАНСКАЯ КНИГА О ЛИБЕРИИ

(*Tribes of the Liberian hinterland*. By George Schwab. Cambridge, 1947)

В соответствии с бредовой доктриной мирового господства американского империализма, выдвинутой президентом Трумэном, американские этнографы стали заниматься народами всего мира и, в частности, всеми народами колоний. Они уделяют теперь большое внимание Африке. Они прибрали к своим рукам и превратили в оружие американской политики Международный Африканский институт, в котором до сих пор и формально и фактически руководящая роль принадлежала Англии. Он координирует теперь свою деятельность с Социально-Экономическим Советом ООН, где действует американская машина голосования. Директор Института в 1949 г. ездил за «консультациями» в Соединенные Штаты. Университеты и научные институты США отпускают большие средства для «научной» работы в Африке.

Рецензируемая работа является отчетом экспедиции, посланной в Либерию музеем американской археологии и этнологии (Peabody museum) при старейшем и самом крупном в США Гарвардском университете. Это — плод многолетней работы, начатой еще в 1928 г. Книга содержит 526 страниц большого формата текста, 30 иллюстраций в тексте и 81 таблицу в приложениях.

Автор посвятил свой капитальный труд памяти Г. Файерстона, злейшего эксплуататора и душителя свободы народов Либерии. В 1925 г. «Файерстон Раббер корпорейшн» — крупнейшая американская каучуковая компания, связанная с Фордом, — заставила правительство Либерии подписать договор о предоставлении ей 400 тыс. га земельной площади для организации каучуковых плантаций. К концу второй мировой войны площадь каучуковых плантаций составляла около 40 тыс. га. Экспорт каучука к началу второй мировой войны составлял около 3 тыс. т, к 1944 г. увеличился до 17 тыс. и к 1949 г. до 28 тыс. т. Экспорт каучука составляет больше 90% всего экспорта Либерии.

До последних лет Либерия являлась по существу вотчиной компании Файерстона, она держала в своих руках всю экономику страны и диктовала законы марionетному правительству президента американо-либерийца Тамбена. Сейчас там появились новые американские компании, приступившие, в частности, к разработке железорудных месторождений в Бомихилле, на паях с которыми компания Файерстона высасывает теперь жизненные соки страны.

На плантациях Файерстона работает 25—30 тыс. рабочих. Это его рабы, так как правительству, если бы оно и пожелало, не смеет выступить в защиту рабочих. В феврале прошлого года рабочие объявили забастовку, требуя повышения заработной платы и улучшения условий труда. Правительство Либерии немедленно объявило чрезвычайное положение и послало на плантации войска, а президент Тамбен по совету компаний обратился к США с просьбой прислать оружие и военных советников.

Такова Либерия — вотчина американских монополий. В книге обо всем этом, естественно, нет ни звука. Народ описывается так, как будто там нет плантаций Файерстона и их влияния на его повседневную жизнь, быт и культуру. Большой фактический материал, собранный экспедицией о расселении племен, формах поселений и жилищ, об одежде, пище, суевериях, обычном праве и многом другом обесценивается тенденциозной подачей и освещением. На эти материалы без перекрестной и тщательной проверки нельзя положиться, делать на основании этих материалов какие-либо выводы рискованно.

Республика Либерия существует больше 100 лет. Она была создана американцами как своя опорная база в Африке. Они переселили сюда небольшое количество освобожденных рабов. Их потомки — американо-либерийцы — насчитывают сейчас около 15 тыс. из 2 млн. всего населения страны. Они занимают господствующее положение и осуществляют под контролем американских компаний непосредственное управление поработившим коренным населением.

Имеются все основания рассматривать эту книгу как подведение итогов американской деятельности в Либерии. Печальные итоги. Племена Либерии — манде-фугбанде, кпелле, мано и др. — являются и сейчас самыми отсталыми среди всех отсталых народов Африки. Потрясающая бедность, абсолютная неграмотность, господство суеверий, эпидемические заболевания, дикий произвол властей — характерные черты жизни этих племен. Весьма убедительны приложенные к книге фотографии. Вот двое мужчин, закованных в тяжелые цепи, — это заключенные в тюрьму члены тайного общества «Леопард»; женщина с ребенком и тяжелой колодой (бревно длиной в ее рост) на ноге, десятки фотографий уродов, обезображенных различными болезнями.

Американские империалисты претендуют на роль носителей «высшей» культуры, особого «американского» образа жизни. Рецензируемая книга, вопреки желанию автора, показывает, что по отношению к поработившему народу, утратившему свою независимость, американские монополии выступают как хищники, которые заботятся только и исключительно о своих барышах.

И. Потехин

НАРОДЫ АМЕРИКИ

А. Волков. *Уругвай*; его же. *Чили*. Под редакцией доктора исторических наук А. А. Губера. Государственное издательство географической литературы, М., 1950.

В издаваемой Географизмом серии «У карты мира» в 1950 г. вышел в свет ряд брошюр по отдельным государствам земного шара. Две из брошюр этой серии посвящены республикам Латинской Америки — Уругваю и Чили. Несмотря на небольшой объем и лаконичность изложения материала, они содержат значительное количество сведений по географии, истории, экономике и современному политическому положению этих государств.

Наибольшее внимание автор уделяет описанию специфических особенностей хозяйства Уругвая и Чили, подчиненного интересам империалистических стран. Кратко и выразительно рассказывает А. В. Волков о том, как, начиная с колониального периода и до наших дней, развивалось в Уругвае животноводство и как изменялся его характер в условиях господства крупного помещичьего землевладения и зависимости от Испании, а затем от иностранного капитала, главным образом Англии и США. Так же четко описывается экономика Чили, страны, богатой различными полезными ископаемыми, которая, несмотря на развитие горнодобывающей промышленности, захваченной иностранным капиталом, остается аграрной страной, где также господствует крупное помещичье землевладение. Статистические данные и ряд примеров дают представление о тяжелом положении сельского населения этих республик, в особенности батраков, в условиях полукрепостного строя, а также промышленного пролетариата — рабочих мясоконсервной промышленности в Уругвае и горняков Чили.

Обе брошюры заканчиваются описанием внутрисполитического положения в этих республиках. Автор рассказывает об ожесточенной классовой борьбе, об антинародной политике правящих классов, об англо-американской экспансии, о деятельности реакционных политических партий и католической церкви, о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на развитие национально-освободительного движения, о деятельности коммунистических партий и профсоюзных объединений, о борьбе за мир, о росте симпатий к Советскому Союзу.

Приходится пожалеть об излишней лаконичности глав «Население» (в особенности в брошюре о Чили). «Современное население Чили, — пишет А. В. Волков, — образовалось в результате многовекового процесса смешения коренного индейского населения с испанцами» (стр. 15). Процесс смешения индейцев с испанцами происходил в большинстве латино-американских стран. В каждой из них, в зависимости от ряда причин, он имел свои характерные особенности. С развитием капитализма в этих странах происходил (а в некоторых из них не закончен и поныне) процесс формирования наций. Автор совершенно не касается этих вопросов, которые, как нам кажется, должны бы быть освещены в главе «Население».

Не вполне ясно, что конкретно имеет в виду автор, говоря о национальном неравенстве, ибо он ограничивается лишь следующими сведениями: «Основная масса метисов и индейцы являются наиболее бесправной частью населения, эксплуатируемой как представителями империалистических стран — американцами, англичанами, так и чилийской буржуазией и помещиками. Национальное и социальное неравенство в Чили выступает в крайне обнаженной форме» (стр. 16). Автор дает ряд примеров «социальных контрастов», но не приводит ни одного факта, иллюстрирующего национальное неравенство. А таких фактов можно было бы привести немало. Почти ничего не говорится о национальной культуре Уругвая и Чили (литература, музыка, театр, архитектура и т. д.).

Не следовало бы также безоговорочно доверять статистическим данным, в особенности в отношении индейского населения, численность которого в Чили, как и в ряде других латино-американских стран, значительно больше, чем об этом говорят данные официальной статистики. Говоря об арауканах, надо было упомянуть и о других индейских племенах Чили. Ту же ошибку делает автор и в отношении уничтожения испанцами и португальцами индейцев Уругвая, называя только чаруа.

В заключение надо сказать, что издание этих брошюр, а также публикация ряда статей в наших журналах и газетах как нельзя более своевременны в связи с интересом, который проявляет в последнее время советская общественность к странам Латинской Америки. Надо надеяться, что Географиз не ограничится изданием двух брошюр и познакомит советского читателя также с другими латино-американскими странами. Это тем более необходимо, что книги, изданные в течение последних лет и, в частности, работы А. В. Волкова были быстро распроданы и имеются они далеко не во всех массовых библиотеках.

Н. Шпринцин

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1951 г.

Акад. С. И. Вавилов. (1), 3.

К новым успехам советской этнографии. (2), 3.

С. П. Толстов (Москва). Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». (3), 3.

М. Г. Левин (Москва). Развитие советской антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». (3), 15.

Совещание по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке. (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

М. О. Косвен (Москва). Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. (1), 7.

Л. П. Потапов (Ленинград). Основные вопросы этнографической экспозиции в советских музеях. (2), 7.

И. И. Потехин (Москва). Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран. (3), 26.

В. В. Бунак (Ленинград). Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии (3), 41.

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

А. З. Розенфельд (Ленинград). qal'a (kala) — тип укрепленного иранского поселения. (1), 22.

О. Н. Бадер (Молотов). Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. (2), 15.

С. Г. Кляшторный (Ленинград). Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах. (3), 54.

С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров (Москва). Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания (4), 7.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР *

Г. С. Маслова (Москва). Культура и быт одного колхоза Подмосковья (Колхоз имени Сталина Луховицкого района Московской области). (1), 39.

Г. М. Василевич (Ленинград) и М. Г. Левин (Москва). Типы оленеводства и их происхождение. (1), 63.

П. Е. Терлецкий (Москва). Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР. (1), 88.

М. Г. Воскобойников (Ленинград). Об эвенкийской народной песне. (1), 100.

В. Л. Воронина (Москва). Об узбекских банях. (1), 114.

Г. С. Маслова (Москва). Селения и постройки колхозов Московской области. (2), 42.

Н. Ф. Николаев (Кишинев). Рост социалистической культуры молдаван села Журы. (2), 73.

Л. Н. Терентьева (Москва). На пути к зажиточной и культурной жизни (Колхоз «Селия» Екабпилского района Латвийской ССР). (2), 85.

Я. С. Смирнова (Москва). Аталычество и усыновление у абхазов в XIX—XX вв. (2), 105.

В. Ю. Крупянская (Москва). Народное песенное творчество послевоенного периода. (3), 64.

Г. Г. Фролова (Ставрополь). «Река Счастья» (Строительство Невинномысского канала в народном творчестве). (4), 27.

Л. И. Лавров (Ленинград). Формы жилища у народов северо-западного Кавказа до середины XVIII века. (4), 42.

В. И. Дулов (Иркутск). Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX века (до 1917 г.). (4), 57.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- М. В. Райт (Москва). Племя бамангват и его вождь Серетсе Кама. (1), 138.
 Е. Э. Бломквист (Ленинград). Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки. (2), 115.
 М. К. Кудрявцев (Ленинград). Неприкасаемые (О некоторых особенностях кастовой организации в Индии). (2), 140.
 Б. А. Александров (Москва). Тибет и тибетцы. (3), 86.
 А. Д. Новичев (Ленинград). Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции. (3), 108.
 Н. И. Кравцов (Тамбов). Песни жнецов в болгарском народном творчестве XIX века. (4), 77.
 И. И. Потехин (Москва). Этнический состав населения Южно-Африканского Союза. (4), 101.

Из истории этнографии и антропологии

- Н. Н. Степанов (Ленинград). В. Н. Татищев и русская этнография. (1), 149.
 С. А. Токарев (Москва). Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. (2), 160.
 В. Е. Гусев (Челябинск). Герцы и народная поэзия. (3), 130.
 М. О. Косвен (Москва). М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. (4), 116.
 Ю. С. Дашевский (Ленинград). В. В. Стасов об искусстве Средней Азии. (4), 136.
 А. И. Першиц (Бийск). Этнографические сведения об арабах в русских «Хождениях» XII—XVII вв. (4), 143.
 Б. В. Андрианов (Москва). Архив А. Л. Куна. (4), 149.

Дискуссии и обсуждения

- Н. А. Бутинов (Ленинград). О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии. (2), 179.
 М. О. Косвен (Москва). Об историческом соотношении рода и племени. (2), 182.
 В. В. Гудкова-Сенкевич (Сыктывкар). К проблеме происхождения родственных групп и семей языков. (2), 187.
 В. С. Сорокин (Ленинград). Некоторые вопросы истории первобытного общества. (3), 147.
 С. А. Семенов (Ленинград). О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа. (4), 156.

Программы и методические материалы

- Н. И. Воробьев (Казань). Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народностей Среднего Поволжья. (4), 180.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- С. О. Хан-Магомедов (Москва). Народное жилище Южного Дагестана. (1), 166.
 А. И. Першиц (Бийск). Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX веке. (1), 177.
 Ю. М. Лихтенберг (Ленинград). Две вновь найденные рукописи Н. Н. Миклухо-Маклая. (2), 195.
 В. Л. Ченакал (Ленинград). С. И. Вавилов и Музей М. В. Ломоносова. (2), 198.
 Л. И. Лавров (Ленинград). О причинах многоязычия в Дагестане. (2), 202.
 Н. Б. Салько (Москва). Ковры Южного Дагестана. (2), 204.
 Н. Ясько (Ужгород). Социалистический Донбасс в народном поэтическом творчестве советского Закарпатья. (3), 153.
 И. С. Гурвич (Якутск). Современное творчество якутских костерезов. (3), 158.
 И. М. Бабаханов (Ташкент). К вопросу о происхождении группы евреев-мусульман в Бухаре. (3), 162.
 А. П. Колпаков. (Сталинабад). Курдское племя джелалаванд. (3), 164.
 А. Н. Бернштам (Ленинград). Некоторые данные к этногенезу туркмен. (4), 199.
 С. О. Хан-Магомедов (Москва). Жилище табасаран. (4), 202.

Хроника

- П. И. Кушнер (Кнышев) (Москва). Новая учебная этнографическая карта СССР. (1), 181.
 О. А. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии АН СССР. (1), 182.
 Г. Стратанович (Ленинград). Выставка Института этнографии АН СССР в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова. (1), 187.

- Л. П. Потапов (Ленинград). Научная сессия в Хакасии. (1), 192.
- И. С. Гурвич (Якутск). Экспедиционная работа Института языка, литературы, истории и искусств Якутского филиала Академии Наук СССР. (1), 194.
- И. А. Калоева (Москва). Этнографическая работа в демократической Чехословакии. (1), 194.
- С. Токарев (Москва). **Лев Семенович Берг** (Некролог). (1), 200.
- Т. А. Жданко (Москва). Работа Института этнографии Академии Наук СССР в 1950 г. (2), 214.
- М. Левин (Москва). Полевые исследования Института этнографии в 1950 г. (2), 219.
- Т. А. Жданко (Москва). Этнографическое совещание 1951 года. (2), 221.
- Резолюция этнографического совещания при Институте этнографии АН СССР. (2), 231.
- О. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии. (2), 234.
- О. Корбе (Москва), Е. Прокофьева (Ленинград). Заседания в Институте этнографии АН СССР, посвященные годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. (3), 167.
- Е. А. Мильштейн (Ленинград). Экспозиция Государственного музея этнографии народов СССР. (3), 169.
- Л. Н. Терентьева (Москва). Дружба русского и эстонского народов по данным этнографии и истории (Выставка в Музее народного быта Эстонской ССР). (3), 174.
- Я. С. Смирнова (Москва). СобираТЕЛЬСКАЯ работа Дома народного творчества Абхазской АССР. (3), 178.
- М. К. Гегешидзе (Тбилиси). Защита диссертаций по этнографии в Институте истории им. И. А. Джавахишвили Академии Наук Грузинской ССР. (3), 180.
- И. А. Калоева (Москва). Этнографическая работа в народно-демократической Польше в 1945—1950 годах. (3), 185.
- О. А. Корбе (Москва). О работе журнала «Советская этнография». (4), 211.
- Резолюция Ученого совета Института этнографии АН СССР о работе журнала «Советская этнография». (4), 215.
- О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии. (4), 216.
- И. С. Гурвич (Якутск). Рукописный фонд Института истории, языка, литературы и искусств Якутского филиала Академии Наук СССР. (4), 221.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Я. Смирнова (Москва). Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей. (1), 203.
- И. Гурвич (Якутск). Художественная литература, посвященная народам Крайнего Севера. (1), 208.
- И. Дмитриков (Ленинград). Американская фальсификация биографии Горького. (1), 215.
- А. Першиц (Бийск). Этнография в I—III томах второго издания Большой советской энциклопедии. (3), 192.
- И. Потехин (Москва). «African studies» (Обзор за 1950 г.). (3), 194.

Народы СССР

- Э. Померанцева (Москва). Сказки и легенды пушкинских мест. (1), 217.
- Л. Н. Пушкирев (Москва). Сказки Смоленщины. (1), 218.
- И. Гурвич (Якутск). Г. Д. Меновщиков. Чукотские, эскимосские, корякские сказки. (1), 220.
- А. З. Розенфельд (Ленинград). Сборники таджикского народного творчества. (1), 221.
- А. П. Окладников (Ленинград). С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. (2), 239.
- Л. Н. Пушкирев (Москва). Волшебное кольцо. Русские сказки. (2), 246.
- К. В. Чистов (Петрозаводск). Карельские эпические песни. (2), 248.
- М. К. Азадовский (Ленинград). М. Китаяник. Библиография уральского фольклора. (3), 196.
- Э. Померанцева (Москва). Рыбачьи песни и сказы. (3), 199.
- Г. Маслова и К. Филонов (Москва). Е. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. (3), 201.
- Л. Землянова (Москва). В. Базанов. Павел Иванович Якушкин. (3), 204.
- Е. Клебанова-Попович (Москва). В. В. Комаров. Художественные промыслы великоустюгских мастеров. (3), 207.
- Р. Липец (Москва). Казахские и уйгурские сказки. (3), 210.
- А. А. Формозов (Москва). Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане. (3), 213.

- Э. Померанцева (Москва). Предания, бывальщины и сказы Горьковской области (4), 224.
 М. А. Сергеев (Ленинград). Творчество народов Сибири. (4), 225.
 Н. Н. Степанов (Ленинград). Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа. (4), 230.
 Н. А. Баскаков (Москва). Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. (4), 234.
 Р. С. Липец (Москва). Азербайджанские сказки. (4), 237.

Народы Африки

- А. Першиц (Бийск). С. Р. Смирнов. Восстание махдистов в Судане. (2), 251.
 И. Потехин (Москва). Gunter Wagner, The Bantu of North Kavirondo. (4), 240.
 И. Потехин. Американская книга о Либерии (Tribes of the Liberian hinterland. By George Schwab). (4), 241.

Народы Америки

- Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Дж. Вайян. История ацтеков. (1), 223.
 Р. Кинжалов (Ленинград). Frances Toor. A. Treasury of Mexican Folkways. (1), 226.
 Р. Кинжалов. John H. Rowe. An introduction to the archaeology of Cuzco. (1), 228.
 Н. Шпринцин (Ленинград). Антонио Пигафетта. Путешествие Магеллана. (1), 228.
 Н. Шпринцин. Жозуэ де Кастро. География голода. (3), 216.
 Р. Кинжалов. Rafael Karsten. Das Altperuanische Inkareich und seine Kultur. (3), 219.
 Н. Шпринцин. А. Волков, Уругвай. Чили. (4), 242

Народы Океании

- Н. Бутинов (Ленинград). Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. (2), 253.

Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1951 г. (4), 243.

СОДЕРЖАНИЕ

Совещание по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке	3
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров (Москва). Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания	7
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Г. Г. Фролова (Ставрополь). «Река Счастья» (Строительство Невинномысского канала в народном творчестве)	27
Л. И. Лавров (Ленинград). Формы жилища у народов северо-западного Кавказа до середины XVIII века	42
В. И. Дулов (Иркутск). Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.)	57
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Н. И. Кравцов (Тамбов). Песни жнецов в болгарском народном творчестве XIX века	77
И. И. Потехин (Москва). Этнический состав населения Южно-Африканского Союза	101
Из истории этнографии и антропологии	
М. О. Косвен (Москва). М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед	116
Ю. С. Дашевский (Ленинград). В. В. Стасов об искусстве Средней Азии	136
А. И. Першиц (Бийск). Этнографические сведения об арабах в русских «Хожdenиях» XII—XVII вв.	143
Б. В. Андрианов (Москва). Архив А. Л. Куна	149
Дискуссии и обсуждения	
С. А. Семенов (Ленинград). О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа	156
Программы и методические материалы	
Н. И. Воробьев (Казань). Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народов Среднего Поволжья	180
Заметки. Сообщения. Рефераты	
А. Н. Бернштам (Ленинград). Некоторые данные к этногенезу туркмен	199
С. О. Хан-Магомедов (Москва). Жилище табасаран	202
Хроника	
С. А. Корбе (Москва). О работе журнала «Советская этнография»	211
Резолюция Ученого совета Института этнографии АН СССР о работе журнала «Советская этнография»	215
О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	216
И. С. Гурвич (Якутск). Рукописный фонд Института истории, языка, литературы и искусств Якутского филиала Академии Наук СССР	221

Критика и библиография

Народы СССР

Э. Померанцева (Москва). Предания, бывальщины и сказы Горьковской области	224
М. А. Сергеев (Ленинград). Творчество народов Сибири	225
Н. Н. Степанов (Ленинград). Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа	230
Н. А. Баскаков (Москва). Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпакв	234
Р. С. Липец (Москва). Азербайджанские сказки	237

Народы Африки

И. Потехин (Москва). <i>Gunter Wagner, The Bantu of North Kavirondo</i>	240
И. Потехин. Американская книга о Либерии (Tribes of the Liberian hinterland. By George Schwab)	241

Народы Америки

Н. Шпринцин (Ленинград). А. Волков. Уругвай. Чили	242
Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1951 г.	243

